

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

(12+)

№1 (27) МАРТ 2018

*Елабуга. Собор Покрова Пресвятой Богородицы.
Фото Виктора Гладкова*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 1(27) • МАРТ • 2018

***Надо помнить: кто помогает таланту -
помогает и Богу, давшему этот талант,
помогает пролиться на людей тому свету,
которым Бог одарил талантливого человека.***

Диана Кан, стр. 145

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Зарипов Айрат Ринатович — руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Руденко Гульзада Ракиповна — генеральный директор Елабужского
государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника;

Суворов Виктор Семёнович — ректор Набережночелнинского государственного
торгово-технологического института, доктор педагогических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. Н. Бабаев — председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Н. М. Валеев — доктор филологических наук,
член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская — кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Елабуга);

Р. Б. Гайнетдинов — заведующий отделом Департамента Президента
Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);

В. Н. Гофман — протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);

В. А. Ермаков — заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России (Орёл);

И. В. Лимонова — член Союза писателей СССР (Москва);

Д. Е. Кан — член Союза писателей России (Оренбург);

С. Д. Кузнецихин — член Союза российских писателей (Красноярск);

О. В. Кузьмичева-Дробышевская — член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Г. С. Морозов — член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);

Н. В. Переяслов — секретарь правления Союза писателей России (Москва);

Н. Б. Рачков — секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин — доктор филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);

М. А. Чванов — президент Международного Аксаковского фонда,
член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора — Александр Воронин

Технический редактор — Сергей Алешков

Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов

Художник — Ольга Белова-Недовизий

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Человек сугубо беспартийный,
я живу в загадочной стране,
где партийность — вексель гарантийный
первым быть, шагая по струне
к цели светлой, к цели благородной,
к радости всеобщей, всенародной,
что мелькает в дымке голубой,
словно горизонт, перед тобой...
Первому у нас — почёт и слава,
и с начинкой сладкою пирог.
А уткнётся в пропасть вдруг держава —
что ж, бывает... Извлечём урок,
вскинем новый лозунг. Где мессия?
Тут как тут: «За мною, цель ясна!»

Ты о чём задумалась, Россия,
В прошлом беспартийная страна?

1986

* * *

Пусть небогато, но красиво
могли бы жить из года в год.
Богата матушка-Россия,
но почему-то нищ народ.
И ныне вновь Россию грабят
и олигарх, и казнокрад.
И наступаем мы на грабли,
увы, который век подряд.
Всю эту алчную породу,
похоже, ждёт лишь Божий суд.
— Отдайте лишнее народу!
Нет, ни за что не отдадут...
Не совладать со сворой жадной!
Но, коль восстанет вдруг народ, —
бунт «беспольный, беспощадный»
и всех бунтующих сметёт!
Поэт предчувствовал и это.
Читатель мой, отсеяв ложь,
спроси у Пушкина совета,
когда на выборы пойдёшь!

2017

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Когда «Аргамак» выходил ежеквартально, в традиционной рубрике «События минувшей зимы» (весны, лета или осени) мы освещали наиболее значимые литературные и общественно-культурные мероприятия, случившиеся в Казани и Татарстане за последние три месяца. Но — с усечением наполовину (периодичности выхода и тиража) журнала — эта рубрика сама собой усохла, поскольку полугодовые обзоры становились неактуальны... Отказываясь объять необъятное, тем не менее, мы хотим предложить читателям вспомнить всего один день из минувшей зимы.

Четверг 25 января, известный в народе как Татьянин день, выдался в Казани исключительно насыщенным на события, поэтому мы хотим попробовать охватить их вкратце, чтобы составила некая мозаичная праздничная картинка. Столице Татарстана в последние годы не привыкать к гостям со всех концов страны, но в этот день к нам в гости съехались пять тысяч молодых и креативных, творчески активных и социально неравнодушных студентов — за пять лет (со времён Универсиады-2013) древняя Казань, кажется, соскучилась по такому драйву. День российского студенчества стал кульминацией Всероссийского форума неформальных студенческих клубов «Вместе вперёд!» (он проводится в нашей стране впервые). Неформальные молодёжные объединения из 38 регионов России на шести тематических площадках (творчество, наука, медиа, IT, патриотизм и спорт) определяли победителей в своих номинациях.

Ожидаемым гвоздём программы стало появление на сцене Президента России Владимира Путина: «Заехал для того, чтобы поздравить вас с праздником — с Днём студенчества, с Татьяниным днём — и делаю это с удовольствием... Благодаря студенчеству, благодаря молодёжи Россия всегда остаётся молодой, юной, дерзкой, устремлённой в будущее. Успехов вам! Хочу пожелать, чтобы вы воспользовались всеми преимуществами нашей огромной-огромной страны. Вы люди, которые выросли в новое время, поверьте, что у вас большие преимущества по сравнению с теми, кто рос в предыдущие годы. Вы сейчас сможете создавать свободно, не думая ни о чем: новые смыслы, новую моду, новую музыку, новое искусство, новые технологии. Не бойтесь ошибок! Всегда ищите возможность преодолеть их и выйти на решения, которые вам нужны, и тогда вы, безусловно, будете счастливым, успешным поколением. Я искренне вам этого желаю!»

ДЕСЯТЫЙ ВИЗИТ В КАЗАНЬ

Накануне Президента России ожидали в гости и студенты Болгарской исламской академии. Но Владимир Путин решил ознакомиться с академией не в Болгаре, в натуре, а на макете, что показали ему Президент РТ Рустам Минниханов и Президент БИА Камиль Исхаков — перед встречей с муфтиями централизованных религиозных организаций мусульман России. Во встрече, состоявшейся в районе полуночи, в правительственной резиденции возле Деревни Универсиады, также принимали участие полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе Михаил Бабич, учредители Болгарской исламской академии — лидер Центрального Духовного управления мусульман Талгат Таджуддин, председатель Совета мусульман России Равиль Гайнутдин и глава ДУМ РТ Камиль Самигуллин, руководитель Совета по исламскому образованию в России и ректор Болгарской исламской академии Рафик Мухаметшин, а также председатель духовного собрания мусульман России Альбир Крганов и руководитель координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев.

Владимир Путин напомнил, что с присутствующими здесь он уже встречался в 2013 году, в Уфе — по случаю 225-летия образования первого российского муфтията: «Я хочу это ещё раз подчеркнуть: без всяких сомнений, традиционный ислам является важнейшей частью российского культурного кода, а мусульманская умма — без всякого сомнения, важная часть российского многонационального народа. Мы тогда говорили о необходимости возрождения богословского исламского образования в России. Это образование всегда было очень глубоким, имело большую историю. До революции 1917 года российские мусульманские богословы были признаны во всем мире в качестве очень уважаемых людей, их мнение высоко ценилось. И конечно, за годы советской власти многое было утрачено..., и нам надо создавать свою школу. С созданием Болгарской исламской академии у нас вся триада создана — и медресе, и вузы, и академия, — сказал Владимир Путин. — Хочу поблагодарить всех, кто занимался этим проектом. Без вашей активной позиции и без спонсоров, которые тоже хорошо известны, этот проект бы не состоялся... Годы идут, и возраст действующих муфтиев заставляет нас задуматься о том, что нужно готовить смену, но готовить на собственной национальной базе, на основе нашего традиционного ислама».

Выступавшие на встрече отмечали, что исламская академия построена всего за год, и появилась она именно там, где впервые на территории нынешней России ислам

был принят добровольно и официально. Первый набор студентов из разных стран в БИА получает высшее исламское образование — после медресе и институтов, при академии созданы докторантура и магистратура. Студенты обучаются бесплатно по специальностям «Исламское право» и «Исламская мысль и вероучение», а базовая стипендия составляет 3 тысячи рублей в месяц.

По поводу отсутствия на встрече государственного советника РТ, председателя попечительского совета фонда «Возрождение» Минтимера Шаймиева — одного из вдохновителей данного проекта, Владимир Путин заметил: «С самого начала я поддерживал идею создания Болгарской исламской академии, которую выдвинуло руководство Татарстана, и Минтимер Шарипович активно занялся этим. Пожелаем ему здоровья, он немножко приболел, надеюсь, что все будет хорошо».

Встреча с муфтиями завершилась около часа ночи. А наутро (кстати, Президент России впервые заночевал в Казани), по пути на авиазавод, Владимир Путин неожиданно внёс коррективы в рабочий план поездки — и заехал навестить первого президента Татарстана в больнице. Наверное, эта незапланированная остановка стала самым живым моментом визита главы государства в столице Татарстана.

Судя по картинке на телеэкранах, Минтимер Шаймиев выглядел вполне бодрым. Владимир Путин вкратце пересказал ему беседу с муфтиями, поблагодарил за всё, что сделал и делает Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры РТ, который создавался по инициативе Шаймиева в 2010 году.

Напомним, тогда Минтимер Шарипович, встречаясь с Президентом РФ Дмитрием Медведевым, просил не выдвигать его кандидатуру на новый срок. Первый президент Татарстана высказал своё желание заняться сохранением духовных святынь — древнего города Болгар и острова-града Свияжска. И выдвинул своим преемником премьер-министра Рустама Минниханова. Руководство страны его поддержало, председатель правительства РФ Владимир Путин выделил созданному фонду «Возрождение» федеральные средства. Через четыре года он же (уже в должности Президента России) согласился продлить действие федеральной программы ещё на четыре года.

И вот, в 2018 году программа завершается. Это, разумеется, не означает, что в Болгаре и Свияжске уже всё сделано, хотя основная часть исторических объектов (по 43 в каждом из городов) восстановлена и реконструирована. И всё же главным достижением стало включение древнего города Болгар и Успенского собора в Свияжске в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (об этом «Аргамак» писал не раз), что сразу изменило отношение к ним иностранных туристов.

Раньше зарубежных гостей в республике интересовал лишь Казанский Кремль, давно (с 2000 года) означенный в том заветном списке. Европейцы верят только своим рейтингам, ничего тут не попишешь. И стоило эмблеме ЮНЕСКО (квадрату в круге) появиться в Болгаре и Свияжске — как там только за прошлый год побывали туристы почти из 50 стран мира.

Да, наш Бабай «Без булдырабыз» зря не скажет! До Универсиады-2013 мало кто верил, что количество туристов, побывавших в Казани за год, когда-нибудь может сравняться с численностью её населения, а планы Шаймиева сделать посещаемыми другие объекты Татарстана многие вообще считали фантастикой. Действительно, Свияжск в 2010-м посетили всего семь тысяч человек. А в прошлом году на острове-граде побывала 491 тысяча туристов из 62 городов России и 46 стран мира! В Болгаре этот показатель впервые перевалил за полмиллиона. Что же до Казани (1,2 миллиона жителей), то турпоток в прошедшем году составил 2,7 миллиона человек, из них 185 тысяч иностранных туристов — главным образом из Китая, Германии, Турции.

Таким образом, итоги работы фонда «Возрождения» более чем впечатляющи, на этом фоне оправданы слова Минтимера Шаймиева о том, что федеральную программу «Культурное наследие Татарстана — остров-град Свияжск и древний Болгар» в этом году «хорошо бы завершить красиво». Разумеется, с прекращением бюджетного финансирования (по 400 миллионов рублей из федерального и республиканского бюджетов ежегодно) фонд возрождения памятников истории и культуры свою работу не закончит — останутся частные инвесторы. Это они достраивают в Болгаре гостиничный комплекс «Кул Гали» и набережную, оба объекта в этом году собираются сдать в эксплуатацию. Казанский Богородицкий Собор восстанавливают на месте чудесного обретения иконы Божией Матери — на народные средства, но также под патронажем фонда «Возрождение». Планируется, что 4 ноября, в день Казанской Иконы Божией Матери, строительство храма будет завершено, и он предстанет во всём своём былом величии... Внутренние же работы, роспись и иконостас, понятно, будут продолжаться дальше.

В Болгаре в этом году откроют сразу восемь небольших музеев — в старых жилых домах по улице Назаровых, примыкающих непосредственно к территории исторического городища (жильцам предоставили дома в посёлке Приволжском), разместятся музей дворянства Спасского уезда и музей воинской славы, музей Волжской Атлантиды и музей болгарского чаепития, музей Абдуллы Алиша и художественная галерея. Ожидается, что в Свияжске летом появится единственный в своём роде (у нас в стране, по крайней мере) Музей по реставрации дерева, в котором учёные представят останки строений и целых улиц, попавших в зону затопления Куйбышевского водохранилища. А до конца года планируется открыть и музей старинных свияжских икон, что ныне хранятся в запасниках Музея изобразительных искусств РТ.

Владимир Путин поблагодарил Шаймиева за его благотворную деятельность по возрождению исторического наследия. В свою очередь, Минтимер Шарипович благодарил главу государства за всемерную поддержку данных проектов, он вручил Президенту РФ Благодарственное письмо фонда «Возрождение» и VIII том Книги благотворителей, в который также внесено имя Владимира Путина.

«ПЕРВЫМ ДЕЛОМ — САМОЛЁТЫ...»

Из больницы президент проследовал на Казанский авиационный завод, где всё уже было готово к знаковому событию — первому испытательному полёту нового сверхзвукового стратегического бомбардировщика-ракетоносца Ту-160М «Пётр Дейнекин» (Герой России, первый главнокомандующий ВВС РФ, заслуженный военный лётчик, генерал армии, кавалер 20 советских, российских и иностранных орденов умер в августе прошлого года, на 80-м году жизни). Там Владимира Путина ждали заместитель председателя Правительства РФ Дмитрий Rogozin, министр обороны РФ, Герой России Сергей Шойгу, министр промышленности и торговли Денис Мантуров и другие официальные лица. За полётом также наблюдали президент Объединённой авиастроительной корпорации Юрий Слюсарь, генеральный директор «Туполева» Александр Конюхов, директор Казанского авиационного завода Александр Савицких.

Демонстрационный полёт проходил на высоте 300 метров и длился около семи минут. Лётчики выполнили манёвры, позволяющие проверить устойчивость и управляемость самолёта в воздухе. Позже в присутствии Президентов России и Татарстана на заводе состоялась церемония подписания государственного контракта между Министерством обороны РФ и ПАО «Туполев» о поставках модернизированных стратегических ракетносцев «Ту-160М» («Белых лебедей») для нужд МО России.

Глава государства отметил, что контракт предполагает поставку ВКС десяти самолётов Ту-160М, что обеспечит полную загрузку завода до 2027 года.

Впрочем, в советские годы КАПО имени С. Горбунова в год поднимало на крыло до 50 самолётов. Как подчеркнул Владимир Путин в беседе с пилотами, выполнявшими первый полёт, фактически это совершенно новый современный самолёт. И на базе этой модели неплохо было бы создать гражданский аналог сверхзвукового лайнера. «Уверен, что при такой огромной территории как у нас это будет востребовано, — сказал глава государства. — Конечно, здесь потребуется большая работа, но это абсолютно реально».

Вряд ли эту фразу высокий гость обронил случайно, увидев сверхзвуковой пассажирский Ту-144 на постаменте у нового здания КАИ (единственный сохранившийся в стране экземпляр легендарного лайнера!) — по пути следования президентского кортежа. За эту фразу, разумеется, сразу ухватились эксперты, тем более, что на КАЗе уже сегодня готовы к выпуску среднемагистрального самолёта Ту-324, который так необходим российским авиакомпаниям...

А ПОТОМ — И АВТОПРОМ!

Последним пунктом визита Путина стал Казанский федеральный университет. В Институте фундаментальной медицины и биологии КФУ ему показали центр симуляционного и имитационного обучения, где будущие врачи практикуются на роботах. Там же Владимир Путин встретился легендарной командой «КАМАЗ-мастер» — победителем ралли-марафона «Дакар-2018». Руководитель команды Владимир Чагин рассказал президенту, как проходила гонка, которую челнинцы выиграли в пятнадцатый раз. Президент РФ поздравил челнинцев с победой и сфотографировался с гонщиками на память.

Там же в режиме видеоконференцсвязи Владимир Путин дал старт двум новым установкам на ТАНЕКО. Генеральный директор ПАО «Татнефть» Наиль Маганов (кстати, его в те дни минфин США внёс в «чёрный список»!) доложил президенту,

что в Нижнекамске построен комплекс абсолютно нового технологического уровня с максимальной глубиной переработки, где будут выпускать только светлые нефтяные продукты. Компания вложила в проект 307 миллиардов рублей, создано 3500 рабочих мест. Только на строительстве было занято свыше 10 тысяч рабочих, не считая тех, кто занимался проектированием, машиностроением, обеспечением проекта. Владимир Путин поздравил весь коллектив нижекамцев с очередной победой.

Можно с тем же поздравить и всех нас, ведь две технологически связанных между собой установки — для гидроочистки нефти (мощностью более 1 миллиона тонн в год) и изомеризации лёгкой нефти (до 420 тысяч тонн в год), в переводе на общепонятный для автолюбителей язык — это высокооктановый компонент для производства бензина АИ-92 и АИ-95 экологического класса Евро-5, который появится на автозаправках уже в этом году. Победа в ралли «Дакар», конечно, почётно, но ездить на хорошем бензине, согласитесь, тоже приятно! А если добавить, что ровно через неделю после визита в Татарстан Путин выступил с инициативой снижения цен на бензин по стране (предложения президента по борьбе с картельным сговором выгодны для экономики в целом, не только для автомобилистов), то это приятно вдвойне.

В завершение программы рабочей поездки в Казань — Президент России провёл телемост со всеми федеральными университетами страны — это Сибирский (Красноярск), Южный (Ростов-на-Дону), Северный, или Арктический (Архангельск), Казанский (Приволжский), Уральский (Екатеринбург), Дальневосточный (Владивосток), Северо-Восточный (Якутск), Балтийский (Калининград), Северо-Кавказский (Ставрополь) и Крымский (Симферополь) федеральные университеты, создание сети которых началось в 2006 году. В беседе онлайн приняли участие ректоры Казанского, Петербургского и Московского университета, день рождения которого и положило начало празднику российского студенчества в Татьянин день (1755). Так что начал и завершил прямой эфир Владимир Путин с поздравления студентам — главного лейтмотива десятого казанского визита.

ТРИ ЮБИЛЕЯ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

В двух казанских театрах параллельно 25 января состоялись юбилейные вечера, о которых хотелось упомянуть особо. В Казанском академическом Большом драматическом театре имени В. И. Качалова зрители чествовали народного артиста России и Татарстана, лауреата Государственной премии РТ имени Г. Тукая Геннадия Прыткова, которому в тот день исполнилось 70 лет. Одновременно артист отмечал и полувековой юбилей на казанской сцене — редкий случай преданности не просто своему делу! Казанские зрители помнят его Глумова в спектакле Владимира Портнова «На всякого мудреца довольно простоты» по А. Н. Островскому (в 70-е годы), Базарова в тургеневских «Отцах и детях» (инсценировка Э. Асланова), булгаковского Воланда из «Мастера и Маргариты» в постановке Станислава Таюшева (в конце 80-х), а также Городничего в гоголевском «Ревизоре», Гаева в чеховском «Вишнёвом саде», Князя в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского...

А ещё он ставил спектакли в театре «99» (именно столько мест было в Учебном театре Казанского театрального училища). Первый частный театр в Казани просуществовал недолго, но зрители до сих пор помнят, как Прытков сыграл Гумбольта Гумбольта в набоковской «Лолите» (пьеса Эдварда Олби).

А ещё Геннадий Николаевич пишет прозу, миниатюры, воспоминания. Участвует в литературно-музыкальных вечерах. Год назад судьба свела нас на одной сцене, в кремлёвской галерее «Хазинэ», где Прытков сыграл Рустема Кутуя в спектакле казанской поэтессы Ольги Левадной «Белое пламя лунного тополя».

В малом зале театра кукол «Экият» состоялся литературно-музыкальный вечер «Летим со мной!», посвящённый 70-летию известного казанского поэта, барда, юмориста и драматурга Бориса Вайнера — заслуженного деятеля искусств РТ, лауреата международной премии «Золотое перо Руси», литературных премий имени А. М. Горького и С. Сулеймановой, руководителя литературного объединения имени М. Зарецкого (Марку Давидовичу, кстати, 24 января исполнилось бы 80 лет). Борис Вайнер переводит с английского и татарского, в основном детскую поэзию. В театре кукол «Экият» поставлен целый ряд его сказок, отрывки из спектаклей разных лет и украсили юбилейный вечер.

Наконец, как не вспомнить о главном имениннике того дня! О 80-лети Владимир Высоцкого 25 января говорили все телеканалы, его фотографиями заполнились все социальные сети. О поэте, певце и актёре написано и сказано столько, что мы не станем повторяться. Лишь отметим, что к юбилею поэта и певца в Татарстане вышла книга Владимира Урецкого, Гергия Цыпцына и Владимира Гаранина «Владимир Высоцкий в Казани». А с утра возле Молодёжного центра, в гостинице которого Владимир Семёнович жил шесть дней и выступал в киноконцертном зале (всего Высоцкий в 1977 году дал в Казани свыше 30 концертов!), была торжественно установлена памятная доска на трёх языках. В церемонии открытия приняли участие первый заместитель главы муниципального образования Казани Евгений Лодвигова и помощник Президента РТ Олеся Балтусова.

В эфире Бард-радио прошёл марафон, которому предшествовала передача «Владимир Высоцкий. Вспоминает и поёт Казань», в которой выступили казанские поэты и барды Рустем Сабиров, Владимир Гаранин, Валерий Боков и другие.

Нашу Казанскую писательскую организацию Татарстанского отделения Союза российских писателей пригласили выступить на «торжественной линейке» в школе-интернате для интеллектуально-увлечённых детей РТ и РФ «СОЛНЦе» (Специализированном Олимпиадном научном центре). Юные вундеркинды, победители республиканских олимпиад по физике и математике, с интересом восприняли рассказ о гастролях Театра на Таганке в Набережных Челнах, о концертных выступлениях Высоцкого в Казани, слушали стихи и песни Владимира Семёновича, после встречи подходили, задавали вопросы. Юбилейные торжества памяти выдающегося поэта, актёра и музыканта прошли также в Нижнекамске, Набережных Челнах и Елабуге.

А на Первом канале показали церемонию награждения лауреатов премии «Своя колея», учреждённой фондом Владимира Высоцкого и Министерством культуры России. Вместе со знаменитым учёным и телеведущим Николаем Дроздовым на сцену Государственного Кремлёвского дворца поднялся и Дмитрий Бикчентаев, известный казанский бард, объездивший весь мир, от Америки до Австралии, — золотую медаль Владимира Высоцкого ему вручал президент Национальной медицинской палаты, «Детский доктор мира» Леонид Рошаль.

Знай наших!

(Использованы материалы сайтов kremlin.ru, tatarstan.ru и др.)

СКАЧКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

ОТВЕТЫ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «АРГАМАК. ТАТАРСТАН» НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА НА ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО АГЕНТСТВА «САРОВ» ДЛЯ ПРОЕКТА «ЖУРНАЛЬНАЯ РОССИЯ»

1. Как и когда возник Ваш журнал? Кто стоял у его истоков?

— Литературный журнал с названием «Аргамак» начал издаваться в Набережных Челнах во второй половине восьмидесятых, на заре горбачёвской перестройки. Каждый номер выходил на двух языках: татарском и русском. Эти два раздела были автономны друг от друга по содержанию. Журнал финансировался из городского бюджета. В ельцинскую эпоху — эпоху татарстанского суверенитета — журнал был закрыт якобы из-за нехватки бюджетных средств, но вместо него начал функционировать другой литературный журнал с названием «Майдан», который стал выходить только на одном — татарском языке.

С той поры в нашей республике по особому договору о разделении полномочий между федеральным центром и национальным регионом закреплены два государственных языка: татарский и русский. Этот особый договор в минувшем году не был подписан федеральным центром, несмотря на обращение к нему третьего съезда народов Татарстана, прошедшего в Казани весной. Тем не менее, двуязычие в нашей республике никто не отменял, но произошло сокращение в школах обязательного преподавания уроков татарского языка, ибо они проводились, как выяснилось, с ущербом для уроков русского. Я как русский человек, родившийся и выросший в Татарстане, считаю, что было бы более справедливо по-другому решить проблему, сократить, может быть, в программах другие необязательные уроки, сохранив государственный язык и родной язык. Логика тут простая и очевидная: есть язык — есть народ. Этот вопрос — один из самых болезненных в современной России, он касается не только Татарстана, но и всех других национальных республик. Сохраняя национальные языки и национальные литературы, мы сохраняем межнациональное согласие. На этом веками стояло российское государство. Другого решения просто не может быть, это обязаны учесть все государственные мужи и дамы как в Московском Кремле, так и в Казанском, властные структуры в других республиках и областях, а также парламентарии, являющиеся народными избранниками.

Необходим, прежде всего, разумный баланс между российской государственностью и национальными приоритетами. Укоренённого русского и татарского населения в нашей республике проживает примерно поровну (татар согласно статистики 47%, русских — 42%). Впрочем, не все с этой статистикой согласны. На территории нынешнего Татарстана с древних времён проживают кряшены, чувашы, марийцы, мордва, удмурты и башкиры. Не думаю, что их процент столь минимален. Но думаю, что строчка Есенина: «Затерялась Русь в мордве и чуди» — это про нас. Между собой эта разногласица общается, между прочим, на русском языке, языке межнационального общения аж на всём постсоветском пространстве, называя его иногда имперским. И по этой причине русский язык в Татарстане не может не быть государственным, а русский литературный журнал не может быть забыт.

Тем не менее, забыли. А русские восприняли это как должное. То ли мы действительно теряем пассионарность, то ли становимся более инертными. По сути дела, о несогласии с произошедшим на литературных «толковищах» разного рода и уровня стали говорить только двое: поэт Пётр Прихожан (ныне покойный) и автор этих строк. Считаю, что развитию и углублению национального самосознания ныне, в начале XXI века, русским не грех поучиться у татар. Для меня примерами верности родному языку и родному народу в последние десятилетия стало гражданское поведение и творчество писателей-аксакалов Туфана Миннуллина (царствия ему небесного!) и Разиля Валеева (доброе ему здоровья и творческого долголетия!).

При активной поддержке последнего в мае 2007 года в составе группы писателей я попал на приём к первому Президенту Республики Татарстан Минтимеру Шариповичу Шаймиеву. Коллегам было позволено высказаться о наболевшем. Я сказал о случившемся с «Аргамак» и «Майданом». По обеим сторонам от Минтимера Шариповича сидели министры. Шаймиев посмотрел на одного из них, потом на другого и произнёс скупую, но твёрдую фразу: «Помогите Николаю Петровичу в издании русского журнала!». Вскоре эта фраза была подтверждена соответствующим постановлением. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Одна из самых, может быть, серьёзных российских проблем — это дистанция от властного распоряжения (поручения) до его исполнения. Мне и моим единомышленникам пришлось ждать ещё два года. Но в августе 2009 года русский журнал «Аргамак. Татарстан» увидел свет. Учредителем издания стало недавно созданное агентство по печати и массовым коммуникациям Республики Татарстан «Татмедиа», получившее в своё распоряжение бюджетные деньги на финансирование всех СМИ, издательских, теле-, радио и медиапрограмм, а также прекрасную полиграфическую базу в лице издательства «Идел-Пресс». Издателем журнала заявило себя Татарстанское отделение Союза российских писателей, в котором я являюсь председателем. Между учредителем и издателем заключаются договоры на каждый номер журнала. Но филиалом АО «Татмедиа» редакция журнала, почему-то не стала. В будущем это сыграло негативную роль. Оказалось, что учредительство, как ни странно, не гарантирует обязательств в финансировании, хотя учредители помогли редакции получить государственную регистрацию и вместе с редакцией определили его периодичность: один раз в три месяца. Было принято и другое, не менее важное решение: журнал должен стать не местечковым (челнинским или татарстанским), а общероссийским изданием. Из налогового поля России Татарстан уходит не собирается, а налоги платят все жители многонациональной республики. При этом остаются неизблемыми и республиканские приоритеты: постоянная публикация материалов о реализации выдающегося проекта по возрождению национальных святынь: древнего Болгара (родины ислама на нашей земле) и острова-града Свияжск, как оплота

православия, а в последние годы ещё и открытие исламской академии в Болгаре и восстановление в столице Татарстана собора Казанской иконы Божьей Матери. Кроме того, в каждом номере печатаются произведения татарских писателей в качественном переводе на русский язык, а на двух цветных вклейках (по восемь страниц каждая) публикуются вернисажи татарстанских фотомастеров и татарстанских же художников.

2. Писатели, публицисты, сделавшие имя журналу?

— Я считаю, что имя журналу делают качественные, высокохудожественные тексты. Конечно, мы всегда рады появлению на страницах «Аргамака» сложившихся, утвердившихся в современной словесности имён, не забывая при этом об открытии новых подлинных талантов. А к укоренившейся в столицах эпатажной «звёздности» относимся, как к чему-то чуждому, искусственно навязываемому, не присущему ни русским, ни татарам. Наиболее точно о наших пристрастиях написал в первом номере «Аргамака» Леонид Агибалов: «Нынешние соловьи все при императорах. Иные кормятся русской идеей и жертвенно сдают в аренду старинные особняки. Иные, граждане мира, освоили чтение лекций о лирической поэзии для заморских умников. Только сам предмет этих забот шатается где-то по медвежьим углам, вечно неустроен, нищ при любом раскладе вещей». Так литературовед из города Орла отзывался, размышляя о стихах подлинного поэта, своего земляка Николая Перовского, которого мы, татарстанцы, публиковали аж трижды, и я, редактор, думаю, что не в последний раз. Жаль только, что Николая Михайловича уже нет в живых...

Разумеется, у журнала есть свои постоянные авторы. Четверым из них в июле 2014 года на Международных Цветаевских чтениях, регулярно проводимых в соседней Елабуге, удалось вручить (спасибо набережночелнинским благотворителям и меценатам) литературные премии и аргамакские сувенирные подковы на удачу. Лауреатами оказались Михаил Чванов (Уфа) за повесть-реквием «Серебристые облака», Диана Кан (Оренбург) за несколько подборок стихов, а также критики Вячеслав Лютый (Воронеж) и Рамиль Сарчин (Казань) за постоянное сотрудничество с журналом и публикуемые в нём статьи. Не случайны на наших страницах произведения тех, о ком забывать нельзя, писателей-фронтовиков Евгения Носова и Амирхана Еники, классиков татарской литературы Мухаммата Магдеева, Аяза Гилязова, безвременно ушедших поэтов Ивана Данилова, Николая Беляева, Мудариса Аглямова и Зульфата, чему способствует постоянная рубрика «Поэты уходят, стихи остаются». Немало откликов получила опубликованная переписка выдающихся стилистов Виктора Астафьева, Евгения Носова и начинающего прозаика Виктора Политова. Считают за честь опубликоваться у нас такие современные авторы, как казанцы Разиль Валеев, Ркаиль Зайдулла, Лев Кожевников, Филипп Пираев, Эдуард Учаров, Галина Булатова, Наиль Ишмухаметов, Рамис Айметов, Ленар Шаех, челнинцы и челнинки Олег Лоншаков, Ольга Кузьмичева-Дробышевская, Вера Хамидуллина, Светлана Летяга, званые гости из других регионов России: поэты Николай Рачков, Владимир Скиф, Юрий Перминов, Евгений Семичев, Геннадий Морозов, Сергей Кузнечихин, прозаики Гульсара Туктарова, Сергей Михеенков, Светлана Василенко, Камиль Зиганшин, Амир Макоев, Яша Удин, Анатолий Байборodin, Александр Матвейчев, публицисты Владимир Бондаренко, Пётр Ткаченко, Марина Саввиных. Для молодых и начинающих существуют рубрики «Дебют в «Аргамак»», «Поэзия двадцатилетних». Имена Анастасии Устиновой, Светланы Поповой, Сергея Бударина, семнадцатилетней Лизы Тихоновой стали известны благодаря, в том числе, и публикациям в «Аргамак». При этом мы стараемся не расставаться с ними. Челнинка Ксения Ларина, например, опубликовавшись и успев поработать в нашем

журнале, поступила на Высшие Литературные курсы при Литинституте, успешно закончила их и осталась работать в Москве, не забывая о нас.

3.Творческое кредо главного редактора?

— Журнал «Аргамак» публикует художественную литературу. Так называемую «другую» литературу пусть публикуют другие издания.

4.Главные проблемы русской публицистики и литературы сегодня?

— Литература всегда была в России делом государственной важности, а самые известные литераторы объектом пристального внимания первых лиц государства. Император Александр I «наказывал» Пушкина, отправляя его в «южную ссылку» (Кишинёв, Одесса, Крым) с оплатой жалованья, как служащего МИД. Сталин постоянно читал произведения Шолохова, Михаила Булгакова, делая на них карандашные пометки, общался по телефону с Пастернаком, а в 1934 году, опираясь на Горького, создал Союз писателей СССР. Разные люди по-разному относятся к такому вниманию власти, некоторые, называя его чрезмерным, видят негатив в идеологическом диктате. Скажу о другом. Вступив в Союз писателей СССР в 1984 году, я чувствовал себя социально защищённым: сразу же получил творческую командировку на Дальний Восток, чтобы собрать материал для очерка о земляках-переселенцах, покинувших родные места во время столыпинских реформ, получал неплохие гонорары за изданные книги и за публикации (даже газетные), получал вознаграждения за выступления перед читателями и трудовыми коллективами по линии бюро пропаганды художественной литературы,

Нынешняя власть всё это обрушила и похерила. Московский Кремль проигрывающих футболистов ценит больше, чем поэтов. Футболисты зарабатывают миллиарды, поэты нищенствуют. Московский Кремль словно забыл о том, что нравственный и духовный климат в стране всегда поддерживался отечественной классикой, а впоследствии — советской литературой. Подобное забвение чревато непредсказуемыми последствиями. Именно в этом я вижу главную проблему русской литературы сегодня.

5.Три лучших (на Ваш взгляд) прозаика, поэта, публициста, напечатавшихся в вашем журнале в последнее время?

— Трудно выбрать лучших. Мы ориентируемся на хороших и разных. Но, поскольку вопрос задан, я повторю имена наших лауреатов: Михаил Чванов (проза), Диана Кан (поэзия), Вячеслав Лютый (критика, она же публицистика).

6.По каким признакам отдаётся предпочтение авторам, публикуемым у Вас?

— Стараемся не делить писателей на белых и красных, на демократов и патриотов, на своих и чужих. Во главу угла ставим качественный литературный текст, оздоровление литературного пространства, искусственно разорванного на куски, верность России и традициям отечественной классики.

7. В каких регионах России читатели знают Ваш журнал?

— В список обязательной рассылки входят 100 конкретных адресов наших бескорыстных друзей-популяризаторов от Калининграда до Владивостока. Половина тиража (до 2017 года было 2000 экземпляров, ныне осталась 1000) распространяется по всем библиотекам Татарстана. Эту бесплатную рассылку осуществляет Национальная библиотека нашей республики, которой мы благодарны за сотрудничество.

7. 8. Источники финансирования (степень экономической самостоятельности)? Каково отношение к журналу (и к авторам и публицистике-литературе вообще) властей? Оказывается ли какая-либо поддержка?

— Без бюджетного финансирования журнал «Аргамак», как и прочие республиканские издания, не выходил бы вообще. Это говорит о том, что отношение

Казанского Кремля к современной литературе (по сравнению с Московским) отличается вниманием и заботой. Повторюсь — наше существование началось с благословения первого президента республики Минтимера Шариповича Шаймиева. Дважды, после того как нас в третий раз хотели закрыть, за нас вступился нынешний президент Татарстана Рустам Нургалиевич Минниханов. Наиболее подробно об этом мною написано в статье «Возвращение к читателям», опубликованной в № 1 (24) нашего журнала. Там же я поразмышлял о причинах некоторого межнационального дисбаланса в нашей республике.

Чисто литературных журналов в республике издаётся не менее десяти. Аксакал среди них — «Казан утлары» («Огни Казани»), отметивший своё 95-летие. Журнал «Идель», считающийся молодёжным, выходит в двух версиях — татарской и русской. На русском языке издаётся и «Казанский альманах», поддерживаемый Татарским ПЕН-центром. Высоким полиграфическим, дизайнерским исполнением и журналистским мастерством отличается культурологический журнал «Казань», публикующий и художественную литературу. «Аргамак» же остаётся пока единственным литературным журналом общероссийского значения, издаваемым в Татарстане.

9. Только ли финансовые проблемы мешают «журнальной литературе», проблемы подписки и распространения? Ощущается ли падение интереса к чтению? Или наоборот — есть ощущение возрождения интереса к чтению?

— Возможность организации подписки для редакции журнала «Аргамак» пока закрыта. Учредители держат нас на поводке. Мы не состоим в штате АО «Татмедиа». Причины я объяснил выше. Заключая договор на очередной номер, я не знаю, выйдет ли следующий. В этих условиях обязательства перед подписчиками не могут быть выполненными. Продавать в розницу журнал, издающийся на бюджетные деньги, мы юридически не имеем права, о чём строго предупреждены. Мечтать о самостоятельности тут не приходится. Охотников содержать журнал четвёртого формата объёмом в 256 страниц с двумя цветными вклейками тоже не находится. А чиновники АО «Татмедиа» (у них свои резоны) делают всё возможное, чтобы сэкономить полтора миллиона рублей, которые они вынуждены ежегодно выкраивать для «Аргамака». В каждом очередном бюджете на следующий год расходы на наш журнал оказываются не учтены и не предусмотрены, несмотря на все напоминания. Почему так происходит — вопрос не ко мне. И скорее всего, не к верховной власти, а к тем исполнителям, стремящимся, вероятно, оставить без внимания те бюджетные позиции, за которые с них не спросят. И тут — хочешь, не хочешь — вопрос вновь упирается в некоторые особенности межнациональных отношений в Татарстане.

Ради полноты картины скажу, что для прочих журналов, выпускаемых татарстанским медиахолдингом, подписка осуществляется при активном участии самого АО «Татмедиа». А покрывает она, насколько мне известно, самую незначительную часть издательских расходов. Журналы между тем выходят регулярно, их редакции в отличие от нас обеспечены помещениями, оргтехникой, соответствующим штатом сотрудников, а некоторые (мечта поэта!) даже служебными автомобилями. Аргамковцы вшестером делают журнал на собственной оргтехнике, в арендуемом помещении. Каждый из нас работает где-то ещё.

О падении интереса к чтению профессионально может судить статистика. Мы можем лишь предполагать — если этот интерес не падает, то, наверное, перемещается из сферы бумажных изданий в интернет-издания. И если это так, то очень жаль, потому что ничего лучше книги человечество в сфере коммуникаций не придумало. Вы можете себе представить, что со временем книг и журналов не будет, что их заменят планшеты и прочие виртуальные носители? Я вот представил, и стало не по

себе. Случись хакерская атака, сбой во всемирной сети, и что тогда? Я уж не говорю о всеобщей тревоге возможного виртуального зомбирования всех и каждого. Тем не менее, в современных условиях возможностями всемирной сети грех не пользоваться и литературным журналам, обеспечивая себе место в интернет-пространстве. Это в значительной степени может восполнить потери читательского внимания при снижении тиражей печатных изданий. В частности, журнал «Аргамак» сердечно признателен библиособранию esseekclub@mail.ru и его руководителю Олегу Александровичу Никитину за предложение о сотрудничестве.

Кстати, как практикующий редактор я смею утверждать о возрастании интереса не столько к чтению, сколько к самому литературному творчеству на безграничных просторах от Калининграда до Владивостока. Эта тенденция замечена не сегодня. Наиболее афористично ей выразил поэт Станислав Золотцев: «Россия пишет стихи и прозу, как никогда ещё не писала...» Если власть и общественность заметят это, то у нас всё ещё впереди.

10. Есть ли у журнала интернет версия; если есть, каково процентное соотношение читателей (бумажную или электронную) читает большее количество читателей?

— Каждый номер журнала «Аргамак» выкладывается на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей — www.srgkzn.ru и в библиособрании Олега Никитина, о чём я сказал выше, а также на других сайтах и в «Журнальном зале». Сказать, где его читают больше, затрудняюсь.

11. Что, на Ваш взгляд, может вернуть (и может ли) всенародный интерес к журналам? Что в этом плане могла бы сделать центральная власть? Каким Вам видится будущее «бумажных» журналов?

— Центральная власть могла бы повернуться лицом к литературному процессу вообще и к судьбе литературных журналов, в частности. Представьте на миг, что Владимир Владимирович Путин пропагандирует не только спорт и защиту редких животных, а не менее рьяно свою любовь к отечественной классике и современной литературе. Это ведь патриотично! Вмиг бы все министры и губернаторы озаботились изданием хороших книг и журналов! Без оглядки на Европу! Вот это было бы по-нашему... Подписка на литературные журналы может возобновиться в российских библиотеках, если государство опять-таки позаботится об этом и выделит средства. В Татарстане это, к счастью, делается, «Аргамак», как я уже писал выше, отдаёт республиканским библиотекам половину тиража каждого номера. Считаю, что и это оправдывает нашу деятельность. В нынешнем году гарантирован выпуск ещё одного номера — в сентябре. Что будет дальше — трудно сказать. Обращаться за помощью к президенту Татарстан в третий раз будет, наверное, неприлично.

Честно — не знаю, на что ещё можно уповать. Развитием словесности должно заниматься государство.

Беседовал Александр ЛОМТЕВ

УСТРЕМЛЯЯ ГЛАЗА В ГОРИЗОНТ

ЭЛЬС ГАДЕЛЕВ

ЗАТЯЖНОЙ ДОЖДЬ

За чёрными очками дремлет мир.
«Шебыр-шебыр...»
Поднявшись, кто-то зажигает свет
И ставит чай, но пробужденье нет.
«Шебыр-шебыр...» — весь мир сошёл с ума,
Бормочет тьма.

Дождь гонит с тротуаров, площадей
Домой людей.
Пути промокли, и трамвай опять
Из рельсов будет воду выжимать.
Забыто напрочь время ясных дней –
Сезон дождей.

Просвета нет, и воздух сер и сыр.
«Шебыр-шебыр...»
Такого не припомню я давно,
Когда-то это кончиться должно!
Щелчок замка — захлопнулась теперь
Напротив двери.

Шебыр-шебыр и вдоль, и поперёк,
И между строк.
Недаром затяжным зовут его,
Но я б желал другое торжество:
Прольётся шумный пусть один, а вслед
Пусть грянет свет!

ИЮньСКИЙ СОЛОВЕЙ

В канун июньского тепла
Стихами дышит вся природа –
И вот ко мне, забыв дела,
Явился Пушкин, как свобода.
Взбежал легонько на крыльцо
И распахнул он в доме двери,
А я не смел поднять лицо,
А я глазам своим не верил.
О, золотое божество,
Кто я ему, скажите, други?
И звон бубенчика его
Был, верно, слышен всей округе.
А он сказал:

– Ну, здравствуй, брат,
Веди же в красный угол дома,
Стакану пунша очень рад –
Отныне будем мы знакомы!
Я тру в волнении свой лоб –
Кажусь для этих гонок старым,
А мой забавный эфиоп
Шумит весёлым самоваром.
Вольно же дерзкому играть!
Вот, говорит, подав тетрадь,
Читай написанное смело:
Царём татарина я сделал.
«Татарин» написал и «царь»
Я про Бориса Годунова.

Быть может, я такой бунтарь,
Что и моё бунтует слово.
Да, мы бунтуем и поём –
А ты проснись, уж светел дом,

Приподыми главу с подушки,
И помни, как во сне твоём
С июньским спорил соловьём
Сегодня Пушкин.

ЛЯБИБ ЛЕРОН

ЗАРОЖДЕНИЕ

Быть у жизни в хвосте не резон,
По дорогам шагая.
Устремляя глаза в горизонт,
О своём размышляю...

Я, наверно, рождён от огня, –
Тело пламенем пышет:
Прикоснусь и пронзает меня
Лучезарная вспышка...

Я, наверно, рождён от воды, –
Так душа закипает.
Плещут чувства, на сердце следы,
Как рубцы, оставляя...

Может быть, я от ветра рождён
И на крылья подхвачен, –
Потому что, душа, как и он,
Завывает и плачет.

Я, наверно, от мысли рождён,
Ибо – миг – и не здесь я...
Всей душою своей утремлён
В высоту поднебесья...

Я от музыки грустной рождён, –
Потому и печален...
Так по волнам рыдающим чёлн
Неизбежно качает.

Может быть, родила меня песнь,
Что плывёт над долиной...
Я землёю рождён, ибо есть –
Первородная глина!

БУДУЧИ ВЛЮБЛЁННЫМ...

Влюбиться и... не вымолвить ни слова...
Возможна ли такая немота?
Который день с упорством птицелова
Я ставлю сети чистого листа.

Таким, как я, молчание не ново,
Задело многих белое крыло?
Проклятое одно лишь только слово,
Ты посмотри, всю душу извело!

Влюбись, как я – о, так заворожённо
За светом по пятам шагает тень.
С улыбкою немного отстранённой,
Как дурачок, хожу-брожу весь день!

А ОНА ВСЕГО ЛИШЬ НАВСЕГО ТРАВИНКА...

Посмотри с большой любовью на дорогу –
На луга и на бегущую тропинку...
Тыщи солнц одну травинку обнимали...
А она всего лишь навсего травинка.

Тяжелее муравья его поклажа –
Может статься, в десять раз и даже с лишком.
Как же силе не дивиться богатырской! –
А ведь он всего какой-то муравьишка.

Обгоняя быстрый ветер, мчится странник –
До каких земных краёв добраться хочет? –
Вот уже до самой тучи он поднялся,
А ведь это всего-навсего листочек.

Вот родник струёй студёною клокочет,
Он готов свернуть не абы что, а гору,
И ещё чуть-чуть – взметнётся он до солнца! –
А всего-то родничок бежит задорный...

С кулачок младенца пташка пролетает –
Рассыпая чудо-трели по привычке.
Как божественна мелодия природы –
А поёт всего-то птичка-невеличка!

Бороздит моря и ветры приручает,
Рассекает небеса и рвётся к солнцу,
Век за веком распечатывает время –
А всего-то человеком он зовётся.

РУЗАЛЬ МУХАМЕТШИН

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

Темь за окошком — светлого ни следа,
Купол небес чернильным пятном отмечен...
На полумесяц робко глядит звезда —
Хрупкое
Одиночество.
Здравствуй, вечер...

Лишь заиграет ветер на проводах,
И от столба рассыплются звёзды-искры.
Как не мечтать о светлых счастливых днях,
Как не поверить, что будущее так близко...

Кажется, мы парим над землёй вдвоём,
Будто шагнули в небо с клубами дыма
За ледяной полуночный окоём,
Где навсегда останемся мы любимы.
Ты не волнуйся, будет светло: прошу
Луч полумесяца путь обозначить Млечный.
Веришь, пока я есть — я тобой дышу,
И до тех пор пребудет он —

Добрый вечер.

Ты мне поведай, если я не чужой,
Всё — от секретов звёзд
И до тайн сердечных!
Хочешь, к моей душе припади душой,
Плачь!
И ни слова больше,

И — добрый вечер!

ЯНВАРЬ

Заиндевелое стекло.
Весь мир, похоже, занесло.
Под полы рвётся ветер прытко.

От этих злых истошных вьюг
Не чуешь ног, не чуешь рук,
И нет конца студёным пыткам...

То синь январская, то мгла,
И пешеход щеками розов, —
А я, представьте, жду тепла
От этих яростных морозов...

Несносен холод, ветер груб! —
Слетит с окоченевших губ
И отзовётся в окнах треском.

А впереди — такая даль:
Пройти заснеженный февраль
И продолжать мечтать о дерзком.

Маячит снулая фигурка,
От стужи челюсти свело,
И только кожаная куртка
Хранит душевное тепло.

Январь — погода набекрень —
Зачёркивает каждый день,
А я на оттепель надеюсь.

Так индевелое окно
Одной мечтой озарено,
Весенним поцелуем греясь.

ГАРАЙ РАХИМ

ИЩУ ЧЕГО-ТО

Ищу чего-то, стал я сам не свой,
Не понимаю:
Душа вчера смеялась над собой —
Теперь страдает.

И всё заметнее неровность строк,
И ночь длиннее.

Своих стихов разматывать клубок
Мне всё труднее.

А дни, дождями бурными звеня,
Проходят мимо.
Сбивая с толку, смотрят на меня
Глаза любимой.

РАНА

Прошедшим душу грея,
Страданием дорожу:
Чем старше, тем мудрее
О ранах я сужу.

Душа болит и плачет,
Но знает всё равно,
Что, раненой, богаче
Ей чувствовать дано.

Смирная крик гортанный,
Переживаю вновь,
И кажется: из раны
Течёт не кровь — любовь.

И остаётся то мне,
Что взять и не унять:
Тебя — простить и помнить
И целый мир — обнять.

ЛЕНАР ШАЕХ

БОЛДИНО ЖДЁТ ПУШКИНА

Убрано в доме и чай согрет,
Ужином дышит дом.
Баня готова... Его всё нет.
Сумерки за окном.

На горизонте не разглядишь
Скачущих лошадей.
Скрип половиц не нарушит тишь
Жалобой своей.

Он обещал, что приедет вновь.
Дождик примял цветы.
Осень, наряды свои готовь
И обряжай кусты.

Вот облетает уже листва,
Тише и в сердце стук.
Радость когда-то была жива,
Ныне — шуршащий звук.

Ивушка плачет, и дуб грустит,
Лиственница хмура,
Капля чернил, как слеза блестит,
Катится вдоль пера.

Холод разбойничает в леске,
Ранней грозит зимой,
Стонет земля в вековой тоске:
Где же хозяин мой?

Вверят страдалицу всем ветрам,
Снегом укроют грудь...
Кто от душевных излечит ран —
Скажет ли кто-нибудь?..

Убрано в доме и чай согрет,
Ужином дышит дом.
Баня готова... Его всё нет.
Сумерки за окном.

Теплится свечка, и будто стон
Слышится: «Бог спаси...»
Разве лишь Болдино нужен он? —
Нужен он всей Руси!..

Может, замешкался средь хлопот
И городских шумов...
Только всё так же усадьба ждёт
Шорох его шагов...

Деревце помнит его слова,
Смех и касанье рук...
Радость когда-то была жива,
Ныне — шуршащий звук.

Ивушка плачет, и дуб грустит,
Лиственница хмура.
Разве никто нам не возвратит
Прожитое вчера?!

Осень идёт по своим следам.
Боже, его всё нет!..
Знаю одно: вопреки годам,
Болдинских окон мерцает нам
Неугасимый свет!

* * *

С чуждадных сторон
Ветер злой налетел,
На берёзоньку он
Будто вожжи надел

И, вонзая в бока
Резвых шпор остриё,
Клонит вправо её,
Клонит влево её.
Против ветра одна,
Оставаясь собой,
Понимает она:
Не поспоришь с судьбой, —
То направо склонись,
То налево склонись...
Облетает листва,
Продолжается жизнь...

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН

ИННА ЛИМОНОВА

МОЙ БЕШЕНЫЙ СКОРОХОД

*Памяти моих умерших от рака друзей:
Руслана Галимова, Светланы Алешковой,
Леонида Остапенко, Валерия Сурова,
Олега Маленко, Юрия Колесникова,
учителей Ефима Григорьевича Ховива
и Алевтины Павловны Александровой*

Дорогие читатели из Набережных Челнов — города моей молодости! Для того, чтобы поблагодарить за оказанную помощь и поддержку, в самом начале нынешнего года я приезжала к вам из Москвы, где сейчас живу. Мои друзья: Ольга Кузьмичева-Дробышевская, Николай Алешков, Александр Василенко, Николай Фёдоров 10 января устроили мой творческий вечер в родном с давних пор ДК «КАМАЗ». Пришли люди, много людей, которые помнят меня, которые приходили в этот же зал полугодом раньше, 19 июля, на благотворительный вечер-концерт, устроенный для сбора средств на моё лечение.

Довольно давно мне был поставлен неутешительный онкологический диагноз. После третьей по счёту операции было ещё пять сеансов химиотерапии. Перед новогодней поездкой к вам компьютерная томография показала отсутствие опухолей и метастаз в моём организме.

С чувством глубокой благодарности ко всем, кто принимал участие в благотворительном вечере и присутствовал на нём, я пишу эти строки. Особая благодарность организаторам благотворительного концерта Ольге Кузьмичевой-Дробышевской и Ларисе Василенко. Ещё одна особая благодарность Гульзаде Рзаевой, директору другого челнинского ДК — ДК «Энергетик». Гульзада Мухаметовна собирала пожертвования для моего лечения на нескольких концертах.

Мне хочется поскорей вернуться к своей прежней деятельности, мне хочется быть полезной всем, кому нужны моя помощь или совет. Мой электронный адрес и номер телефона есть в редакции журнала «Аргатак. Татарстан».

Моя конкретная история, мои размышления о жизни и судьбе изложены в предлагаемой вниманию читателей публикации «Мой бешеный скороход». Повесть (или роман?) не закончены. Мне остаётся дописывать. А всем вам и вашим семьям я желаю здоровья, счастья и взаимопонимания. Никогда не опускайте рук перед невзгодами! Боритесь, сопротивляйтесь, побеждайте!

Ваша Инна Лимонова.

СНАЧАЛА БЫЛО СТРАШНО

Как и все, я не была готова к этой болезни. В 2000 году мне было 45 лет, пять лет назад я переехала из Татарстана в Подмосковье, в судьбе моей было много неясного, в планах на будущее царили хаос и неразбериха.

Нужно ли упоминать, что работала я в то время ответственным секретарём журнала «Дорожный патруль» (вы знаете одноимённую телепрограмму — в 2000 году это была одна редакция с нашим журналом). Вопросы жизни и смерти, единственные, интересовавшие телепрограмму и наш журнал, словно бы приелись и стали привычными и обыденными, мы, конечно, планировали из номера в номер на страницах журнала заняться разбором причин человеческих несчастий, но так всерьёз и не занялись — за неимением средств на издание весной 2000 года журнал закрыли.

Необходимость искать другую работу в очередной раз не совмещалась с необходимостью лежать в больнице. Уже давно я чувствовала себя неважно, но не хватало времени показаться врачам. Безработность обеспечивает нам преимущество перед работающими: свободного времени — целая куча.

Я не люблю больницы и поликлиники. Не знаю почему, может быть, оттого, что в этой жизни у меня было много знакомых врачей, я не слишком верю, что в их силах предотвратить неотвратимое. Я заметила, что врачи зачастую пугливее своих пациентов, они просто замирают от ужаса, узнав что-либо, на их взгляд, непоправимое о состоянии вашего организма. Замирают не только от сочувствия к вам, чаще они подсознательно переносят ваше состояние на себя. И очень страдают, бедные.

Внезапно появившееся свободное время привело меня в поликлинику. Я плохо себя чувствовала — это точно. Под левой подмышечной впадиной любой желающий смог бы нащупать шишку.

После полубессмысленной толкотни у кабинетов мытищинской районной больницы судьба направила меня к хирургу московской онкологической больницы № 1 на улице Волочаевской Андрею Юрьевичу Фомину. Он осмотрел место, которое я ему указала, погрузился, предложил взять пункцию и, возможно, прооперироваться. Я не спорила, особенно с того момента, как узнала результаты пункции. Операций понадобилось две, мы их с Фоминым выдержали — анализ дал малоутешительный результат: в удалённом лимфоузле обнаружили меланому. Это злокачественная опухоль. Фомин, страдая от необходимости сообщить мне об этом, сообщил.

— Да не расстраивайтесь вы так, — попыталась я утешить его, пережив первые минуты невыразимого отчаяния. — Вы лучше скажите, сколько мне жить осталось. У меня ведь семья на руках.

Он посмотрел на меня участливо и удивлённо.

— Не знаю. Честное слово, не знаю...

Горевать было некогда. Срочно нужно было что-то предпринимать. В смысле семьи, разумеется. В смысле моей опухоли всё уже было предпринято. Её удалили, и другому лечению я не подлежала. Лимфосистема — это ведь весь организм. Облучать его весь — нет смысла. Где опухоль вырастет в следующий раз и когда — знать не может никто. Кроме Бога, наверное. Оставалось укреплять иммунную систему. Потому что от этого хотя бы нет вреда. А от облучения — есть. На том и порешили.

Мне назначили уколы реаферона. Сколько выдержу, столько и колоть эти уколы. Ну и сколько потяну материально. Меня утешили, сообщив, что я не всю жизнь буду колотиться за свой счёт. Месяцев через пять-шесть у меня будет возможность получить инвалидность, не ниже второй группы, и тогда государство возьмёт на себя

обязательство обеспечивать меня лекарствами бесплатно. Оставалось всего ничего — протянуть эти пять месяцев.

Давайте условимся, всё, что я расскажу про онкологическую больницу № 1 на улице Волочаевской дальше — ни в коей мере не характеризует её с отрицательной стороны. Там для меня сделали очень много хорошего и заведующий отделением, и врач-анестезиолог, и медсёстры. А Фомину я буду благодарна, даже если завтра меня повезут в неизвестном направлении с головой покрытую белой простыней — я искренне благодарна ему, что прожила после умело проведённой операции уже шесть лет и эти годы были во многом счастливее предыдущих сорока пяти.

Но пока вернёмся к последовавшему вслед за днём, когда я осознала, что не в силах ничего изменить в своей жизни, утру.

С вечера, вернувшись после беседы с Фоминым в палату и послушав жалобные разговоры соседок, я поняла, что в больнице мне долго не пролежать — от одного вида неизлечимо больных людей можно помереть. По крайней мере, мне такая жизнь точно не подходила.

Я переобулась и вышла на улицу. Идти в больничной одежде, мало скрывающей бесконечно мокнущие подмышкой бинты, мне было некуда. Дома меня никто не ждал — имевшийся к тому времени номинальный муж по всякому мельчайшему поводу впадал в боязливость и непосредственно за этим — в состояние амнезии, другими словами — запивал. Пугать его своим видом мне не хотелось. Тогда я пошла в магазин и купила водки. Вернувшись в палату, предложила соседкам составить мне компанию, но они отчаянно замахали на меня прооперированными конечностями. Пришлось пить одной. Тоска немного отодвинулась, в голове роились мысли о том, что будет с матерью, которая и без того находилась в психиатрической больнице по причине постоянных, казавшихся окружающим беспричинными, страхов и позывов к суициду, что будет с сыном, который с трудом пытался выбраться из депрессии после убийства в 1995 году своего брата-близнеца, моего второго сына. Хотелось ещё выпить и заплакать, кажется, потом мне это удалось. Плакала я молча, чтобы не разбудить уснувших соседей.

Утром на лестнице меня остановил солидный мужчина в белом халате. Я знала, что это профессор Демидов, но мы с ним знакомы не были и я удивилась, когда он со мной заговорил.

— Ну и что вы теперь собираетесь делать? — он сразу начал с вопроса.

— В каком смысле? — не поняла я.

— А в прямом... Я был у вас на операции. У вас всё очень серьёзно. Медлить нельзя.

— А что надо делать? — продолжала недоумевать я.

— Нужно доставать лекарства. Они дефицитные и дорогие. Но я берусь их вам достать. Если у вас есть деньги, конечно.

— А сколько нужно денег?

— А сколько у вас есть?

Такая деловитость меня вывела из себя. Деньги у меня были, но этого человека волновало единственное — чтобы они поскорее все без остатка перекочевали в его карман.

— Я должна подумать над вашим предложением, посоветоваться с лечащим врачом...

Демидов вовсе не затем за мной охотился, чтобы я советовалась с лечащим врачом. Я была его добычей, добычей профессора, а не какого-то там оперирующего хирурга. Это у Демидова на кабинете золотая табличка, а не у Фомина. Он взглянул на меня разочарованно, чуть ли не сердито: «Смотрите, здесь промедление смерти подобно...». И удалился с достоинством, пошёл, видимо, искать ещё какого-нибудь денежного и безнадёжного больного.

Всё бы ничего, ну остался неприятный осадок, ну не оправдала я профессорских надежд, не выложила всю наличность за его золотую табличку одномоментно... Только через пару дней он снова поджидал меня на лестнице. Я буквально за час до этого узнала, что необходимые мне лекарства продаются в аптеке без рецепта. Цены серьёзные, но главное — всё можно купить. А тут снова Демидов: «Ну что, надумали?»

— Прекратите ходить за мной, как смерть с косой! Всё, что мне необходимо, продаётся в аптеках. А вам должно быть стыдно, профессор.

— Тогда пеняйте на себя, — он с досадой махнул рукой и двинулся по лестнице подыскивать новую жертву. Он её в этот же день нашёл. Она лежала в нашей палате. Её щедрые, перепуганные родственники притащили Демидову денег. Он взял, а помог ли — не знаю — результат в этой области медицины, как правило, печальный. Чудесные излечения — скорее исключения, чем правило.

Заклинания Демидова меня разозлили — спасибо ему и на этом. Когда, дожидаясь на больничной койке неизвестно чего и размышляя о причинах человеческих несчастий и человеческого жлобства одновременно, я вдруг поняла, что **РАКА НЕ НУЖНО БОЯТЬСЯ, ХОТЯ БЫ ПОТОМУ, ЧТО ЭТО НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА**, мне стало ясно, что нужно делать.

В тот же день я попросила Фомина выписать меня домой. Он поинтересовался причиной такого решения — мой послеоперационный период должен был длиться предположительно месяц. А потом ещё четыре месяца — лечение дома по больничному листу. Зачем только нужен больничный, если я — безработная?

— Я не хочу здесь лежать с больными... — ответила я на вопрос Фомина.

Тот удивлённо поднял брови. Потом я узнала причину его удивления. Я в этой палате была самой безнадёжной. Из семи человек. Пока мои документы готовили к выписке, заведующий отделением привёл в палату студентов. Они проходили практику — изучали на нас особенности злокачественных опухолей.

— Разденьтесь, — предложил он мне. — Повернитесь спиной.

Я поспешно раздевалась и переворачивалась, а он будничным тоном объяснял:

— Здесь мы имеем дело с метастазами...

— Как с метастазами? — я искренне изумилась.

— Не спорьте, я лучше знаю...

Я и не спорила. Я опять переживала страшные минуты. Срок моего пребывания на этой земле сокращался, как шагреновая кожа. Хорошо, если эти студенты хотя бы успеют что-нибудь изучить. Студенты по очереди меня шупали. Сначала спину, там тринадцать лет назад, ещё в бытность мою в Набережных Челнах, мне удалили внезапно появившуюся родинку. Оперировал тоже онколог, но про рак он мне ничего не сказал. Потом студенты по очереди шупали меланому. Вернее то место, где она недавно была.

— Это и есть метастазы... — подытожил врач.

Компания, удовлетворённая, направилась к выходу. Кое-кто со мной сочувственно попрощался.

Что мне оставалось после таких сообщений? Я приняла решение уносить ноги. Пока они меня несли...

Ещё раз уточню: за всё, что со мной сделали в больнице на Волочаевской, я искренне благодарна всем её обитателям. И в первую очередь — врачам. Я получила очень сильную психологическую встряску, мне ничего не оставалось, кроме как серьёзно задуматься: **ПОЧЕМУ ИМЕННО СО МНОЙ, ИМЕННО ЭТО ПРОИСХОДИТ?**

У меня теперь даже испугаться как следует не оставалось времени — нужно было позаботиться о семье.

С так называемым мужем я решила немедленно разъехаться — он своим отношением к жизни действовал на меня удручающе. Он всю жизнь паниковал и по менее серьёзным поводам, например из-за того, что кто-нибудь из гостей может в ванной тайно вытереть руки его полотенцем. Моя забота о нём, то есть наш с ним по моей инициативе разъезд, его глубоко тронула — он от всего сердца помогал мне переезжать на снятую мной квартиру. По возможности ни за что в этой жизни не отвечать — было для него главнейшим принципом. Отвечать за что-либо ему казалось опасным. Мало ли как у нас всё складывалось до моей болезни — он уверял, что любил меня. Но теперь же я безнадежно больна... Короче, он всю душу вложил в мой переезд.

Я смотрела на него, как он суетится, боясь откровенно продемонстрировать своё облегчение, и презирала. Всё-таки мне в детстве внушили, что замуж выходят для того, чтобы иметь на случай невзгод рядом сильное плечо. Сейчас я видела как он отчаянно трусил, мельтешил. Я с облегчением закрыла за ним дверь своего нового, незнакомого жилища. Я спросила себя, глядя в тёмное зеркало: «Если ты всё равно когда-нибудь станешь такой же пугливой и такой же в своей пугливости отвратительной, стоит ли тебе сопротивляться и цепляться за эту жизнь?»

С матерью и сыном было много сложнее. И в чём-то проще. Всё же мы были родные, я могла рассчитывать на их понимание, даже если была преступно неправа, как и они могли рассчитывать на моё. Мой переезд в отдельную квартиру означал, что я ограничиваю их право вмешиваться в мою жизнь. А главное: моё право вмешиваться в их жизнь. Посмотрев на наши отношения со стороны, я поняла, что мы не просто существовали в одном пространстве, мы отравляли друг другу жизнь. Каждый доказывал каждому своё право подчинять своим представлениям поведение остальных. Наша семейная жизнь протекала в борьбе. На борьбу у меня сейчас не было сил. И я перестала бороться. Мама на неопределённое время осталась в больнице, сын остался в нашей квартире со своей подругой, с которой они вечно ссорились, но жизни друг без друга пока не представляли. Я определилась с маминим врачом, она сама предложила о ней позаботиться, если со мной что-нибудь случится. Финансовые моменты мы тоже с ней обсудили. Вот вы сейчас подумали обо мне: «Заплатила и отвязалась от матери...». Возможно вы и правы, только что бы вы сами, интересно, сделали, если просто никто не знает, сколько вам дней, недель или месяцев осталось жить? А мама, когда я в одно из посещений всё же поддержала без конца заводимый ею разговор о моём здоровье (слухи о моей болезни до неё очень быстро добрались) задала мне вопрос в лоб: «Ты умрёшь, а как же буду я?»

Ну и довольно об этом. Короче, я дала волю здоровому эгоизму, возможно, впервые в жизни решила прекратить назойливо заботиться о близких. И не позволять докучать мне своими заботами. Впрочем, никто сильно и не домогался. О том, что на самом деле здоровье человека — это его личная проблема, я отчётливо поняла на сорок шестом году жизни. Пролетарский писатель Максим Горький, на мой взгляд, очень точно подметил: **«ЧЕЛОВЕК СВОБОДЕН, ИБО ОН ЗА ВСЁ ПЛАТИТ САМ».**

Теперь вы понимаете, для чего я пишу эту книгу? Нет? Я и сама не совсем это понимаю. Возможно, ещё раз хочу убедиться, что всё делала по наитию, но, как оказалось, так было и нужно.

А скорее всего потому, что в тот тяжёлый для меня период я практически осталась наедине с книгами. И они мне многое подсказали. Ведь, хотя Фомин, который год назад осматривал меня, и сказал, что пять лет жизни после второй операции — это ещё не результат, я с ним впервые принципиально не согласна. Ещё какой результат! *Оглядываясь сейчас на прожитые мной после второй операции годы, я уверена в том, что они отличались от всех предыдущих по качеству.*

У меня в эти годы появилась новая, любимая работа, успех в которой зависит только от меня самой. Она приносит мне чувство уважения к себе и деньги. Она забирает всё моё свободное время и на тяжёлые мысли его почти не остаётся.

Ко мне в эти годы пришла новая любовь — теперь я постоянно чувствую, что в моём доме есть сильное плечо. Теперь я уверена, что мой муж не сбежит впопыхах, узнав о том, что я могу слечь, потому что он женился на мне, зная обо всём, что его может ждать.

Теперь у меня есть свой дом. Он, хотя и потихоньку, становится именно таким домом, какой мне был нужен.

Теперь мне есть, что терять, и потому я буду беречь эту жизнь, вкушать её, как изысканное вино и благодарить Бога, врачей и книги, которые научили меня этой великой премудрости — просто жить.

Но давайте не будем забывать, что я ни в коей мере не врач. Я писатель и журналист, и ещё — я тот самый человек, который находится внутри темы, по которому студентов учат распознавать эту загадочную болезнь. У меня нет рецептов, как её излечить. У меня есть только опыт — как с нею жить. И как при этом радоваться жизни. Эта книга — рассказ о том, как все последние шесть лет я шла к пониманию, что же такое нормальная счастливая жизнь с неизлечимым заболеванием. Всё, что мне казалось приемлемым из советов авторов множества прочитанных мною в то время книг, я сразу проверяла на себе. Это отнимало у меня много времени: и само чтение, и применение советов, вычитанных в книгах. Очень хорошо, что отнимало, потому что я уверена, что **БОЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО КАК МОЖНО МЕНЬШЕ ЛЕЖАТЬ В ПОСТЕЛИ.**

Всё не так плохо в твоей жизни, пока ты можешь сам себя обслуживать. Когда мне после многочасовой операции и сна под наркозом принесли утку — я искренне изумилась — зачем? Я почему-то считаю, что пока тебе стыдно в присутствии посторонних людей пользоваться уткой — у тебя есть все шансы надолго остаться ходячей. И даже когда уже всем, и тебе в том числе, понятно, что шансов нет, нужно постараться встать, сходить в туалет и почистить зубы. Так сделала моя подруга Светлана, тяжело умиравшая от рака. Я дежурила у неё в больнице в последнюю ночь перед её кончиной. Ночью мы каждые три часа кололи наркотики, чтобы облегчить её нестерпимые боли. А утром она сказала, что хочет умыться и почистить зубы. И позволила только слегка себя страховать по пути к умывальнику.

Так сделала моя любимая школьная учительница Алевтина Павловна: она попросила принести в палату фен и бигуди, и умерла мужественно, с хорошо уложенной головой, как будто в ближайшее время ей предстоит спешить в класс на урок.

А тем более, если у вас, как у меня — ещё куча нерешённых вопросов и незавершённых дел — в постели нужно постараться проводить как можно меньше времени. Это не значит, что не нужно отдыхать. Стоит прилечь на полчаса, если чувствуете усталость. Я, как правило, завожу будильник перед тем как лечь, и через сорок пять минут он звонит. Даже если не удалось сразу заснуть, пятнадцати минут бывает достаточно, чтобы почувствовать себя бодрой. Нужно понять, чего мы при этом добиваемся. Во-первых, мы бережём драгоценное дневное время, чтобы успеть что-то важное для своего здоровья сделать. Во-вторых, мы не хотим ночью, когда все спят, ворочаться в постели и думать о грустном. Ночью нужно спать, человек так устроен, иначе днём он будет вялым и ничего полезного не совершит. Даже если ночью не спится, нужно любыми подходящими способами заставить организм расслабиться: кому-то подходит лёгкое снотворное, кому-то алкоголь (я, бывает, принимаю его, но тут есть большой минус: после того, как с вечера выпил, просыпаешься под утро, когда организм ещё не отдохнул, начинаешь функционировать раньше обычного и к тому времени, как все встают, уже снова чувствуешь себя не выспавшимся).

О своём отношении к алкоголю я расскажу ниже, а сейчас закончим с борьбой с бессонницей. Нет, не с борьбой, в том-то и дело, что с ней не нужно бороться, борьба предполагает усилия, а нам ведь нужно расслабиться. Нужно так жить, чтобы ближе к ночи хотелось спать и засыпалось. Я, например, заметила, что когда регулярно посещаю бассейн (хотя бы два раза в неделю по утрам), с засыпанием у меня проблем нет. Но, когда получалось ходить в бассейн вечером после работы, уснуть потом удавалось с трудом. Вообще — вода мне просто необходима в жизни — бывали моменты, когда два-три ведра холодной воды, вылитые на голову, выводили меня из очень серьёзных депрессий. Правда ненадолго, на день-два. Ну и что? Через два дня — опять три ведра холодной воды на голову — заметьте, не на плечи, а на голову, желательно на самое темечко.

Ещё необходимо много пить воды, ещё нужно временами чистить водой кишечник, ещё нужно, находясь на отдыхе, вечерами сидеть на берегу и смотреть на воду — об этом подробнее я расскажу позднее. Сейчас мы о том, что по ночам необходимо спать. А если заснуть не удаётся, нужно как учит моя очень мудрая подруга, молиться. Не знаете молитв, молитесь своими словами. А утром, проснувшись, найдите и вычитайте хотя бы «Отче наш» или «Богородицу».

Говорят, хорошо засыпать под спокойную музыку, желательно классику, я сама пока не пробовала, но попробую обязательно. Привычки нужно время от времени менять. На то они и привычки, что к ним привыкаешь и они начинают слабо действовать. Я убеждена, что **ЧЕЛОВЕК, ЕГО ПРИВЫЧКИ И ХАРАКТЕР ДОЛЖНЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЖИЗНИ НЕОДНОКРАТНО МЕНЯТЬСЯ.**

Я не воспринимаю осуждающего тона, когда, знаете, долго кого-нибудь не видишь, а потом встречаешь, разговариваешь, и он тебе разочарованным голосом вдруг заявляет: «А ты изменилась». Будто бы ты дебил или кретин, и должен навечно застрять в детстве...

Ну так вот, заканчивая с бессонницей: нужно научиться так спать, как спят люди с чистой совестью. В нашем с вами случае совесть тем чище, чем больше за предстоящий день мы успеем сделать для того, чтобы нашим близким было легко и счастливо жить рядом с нами. А чтобы много успеть — нужно рано вставать. Да, это вам заявляю я, творческий человек (как известно, большинство творческих людей — совы. Заметили, редакции и издательства очень редко начинают работать в десять часов утра, я уж не говорю про девять. Просто таким «ранним утром» на работу творческих людей не соберёшь). Так вот, существуют исследования учёных, подтверждённые экспериментами, доказывающими, что утренние часы — самые плодотворные в творческих профессиях. Я и без исследований учёных знаю — у меня утренние часы — наиболее эффективные по работоспособности. Всё, на что с вечера требуется час, утром я сделаю за полчаса. Я и решения все судьбоносные привыкла принимать утром, и книги свои писала в утренние часы.

Условимся в очередной раз: высказываемые мной здесь соображения не являются догмой. Мне, как и всем, известно, что люди делятся на сов и жаворонков. Но вдруг вам просто кажется, что вы сова? Попробуйте перестроиться. Мы же только что говорили о том, что привычки должны меняться. Вдруг вашему организму как раз не хватало такого графика: раннее пробуждение (было время, когда идеальным для себя я считала подъём в 5 часов утра, тогда до пробуждения домашних я успевала два часа поработать за пишущей машинкой в тишине и выполнить свою утреннюю норму) и довольно раннее засыпание — в 10 часов вечера. Это тоже не я придумала, что самый продуктивный, здоровый отрезок сна — до полуночи.

ТОЛЬКО НЕ НУЖНО СЕБЯ НАСИЛОВАТЬ, СТОИТ СРАЗУ ДОГОВОРИТЬСЯ О ТОМ, ЧТО ВСЕ РЕКОМЕНДАЦИИ МЫ ПРИМЕНЯЕМ ПО УБЕЖДЕНИЮ, А НЕ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ.

Вы спросите меня, чем вам нужно заниматься, пробудившись в столь раннее время?

Хороший вопрос — не все же пишут книги. Действительно не все, но во многих прочитанных мною книгах о восстановлении здоровья сообщается о том, что 5 часов утра — самое подходящее время для клизмы. Впервые о необходимости чистить кишечник я вычитала у Алексея Толстого. По-моему, это была статья, к сожалению не помню её точного названия, ну что-то из советов начинающим литераторам. Меня тогда поразило, что классик считает необходимым об этом написать, а позднее, когда я на себе почувствовала всю тяжесть чрезмерно заполненного кишечника и лёгкость своего состояния с промытым, освобождённым кишечником, я поняла, что Толстой и в практических советах своих был гениален. Он не был чужд простых человеческих радостей, любил поесть и выпить, но для того, чтобы работать, и перед тем, как сесть за работу, предпочитал освободить свой кишечник от всего лишнего, мешающего, представьте себе, сосредоточиться на более существенном, чем последствия вчерашнего переедания. Клизмы нужно делать по схеме.

Схема первой ступени очищения организма:

1 неделя — клизма каждое утро,

2 неделя — клизма через утро,

3 неделя — клизма через два утра на третье, т. е. 2 раза в неделю, а затем — клизма раз в неделю на всю оставшуюся жизнь. Рекомендуют делать клизму с помощью полулитровой спринцовки в позе «Берёзка», именно в период с пяти до шести часов утра. В этот период кишечник наиболее восприимчив к подобным процедурам. Врачи не советуют увлекаться клизмами, потому что человек, почувствовавший облегчение от таких промываний, как правило, пытается ещё существенней улучшить своё состояние и злоупотребляет. Нужно помнить, что цель этой процедуры не в том, чтобы вымыть из кишечника всю так необходимую ему естественную флору, а просто помочь ему освободиться от того лишнего, что он вчера себе за обедом и ужином позволил.

Для того, чтобы не усложнять себе жизнь бесконечными постановками своего организма в позу «Берёзка» в столь раннее утреннее время существует ещё масса способов очищения желудочно-кишечного тракта. Своим изобретением я считаю следующий способ, который по моему личному убеждению дал основной эффект по восстановлению иммунитета в тот послеоперационный период 2000 года, о котором я рассказала в начале книги. В сущности, моё изобретение состояло в том, что я смешала древний рецепт из системы Ниши (восточная медицина) и народный способ, которым широко пользовались медики у нас на Урале, борясь с последствиями утечки радиации после её выброса на предприятии «Маяк» в речку Теча, когда, ещё не зная о возможных последствиях утечки радиоактивных веществ, люди стали тяжело болеть и умирать.

Ниши считает, что могучим средством борьбы с раком является принимаемый натощак свежевыжатый сок пяти овощей и фруктов, произрастающих именно в той местности, где родился или живёт больной. Обратите внимание: именно пяти, и именно родной местности. «Значит, в моём случае — это не грейфруты и не киви», — легко догадалась я. И тут же вспомнила, как в 1961 году, нас, челябинских первоклашек, буквально закармливали в школьной столовой свёклой. Чуть ли не насильно и абсолютно бесплатно. На наше оздоровление были выделены деньги из бюджета и на них закуплены тонны свёклы. Родители обсуждали этот бесплатный свекольный завтрак между собой, и тогда я впервые услышала, что свёкла в народе считается сильным противораковым средством. Потом был Чернобыль, и семьёй моей, живущей тогда в Киеве подруги, тоже настойчиво кормили свёклой за счёт городского бюджета. Правда, там ещё добавляли красное виноградное вино. Но о вине разговор особый, в школе первоклассников им вряд ли бы стали поить, даже при такой смертельной опасности.

Перенеся рецепт из системы Ниши на нашу русскую почву, я изобрела свой рецепт:
ОДНА НЕБОЛЬШАЯ СВЕЖАЯ СВЕКЛА, ОДНА НЕБОЛЬШАЯ СВЕЖАЯ МОРКОВЬ, СРЕДНИХ РАЗМЕРОВ ЯБЛОКО, БЕЛОКОЧАННАЯ КАПУСТА (сколько поместится на ладони) **И ОДИН ЛИМОН БЕЗ КОЖУРЫ, НО С БЕЛОЙ ОБОЛОЧКОЙ.** Всё это пропускается через отечественную соковыжималку (импортная соковыжималка свёклу как нужно не отожмёт), перемешивается и выпивается натошак. Можно запить этот сок водой, так как получается он довольно густой, и с водой лучше переваривается.

Сырая свёкла вообще имеет вкус специфический, мне не сразу удалось почувствовать удовольствие от напитка. Точнее — я его едва выпила. Экзотический фрукт лимон потому и попал в этот букет, что, помимо того, что он содержит массу витамина С, всегда необходимого организму, он ещё имеет свойство отбивать вкус других продуктов. К примеру, на мой взгляд, чай с лимоном, вовсе даже и не чай, а нечто с лимоном.

Так или иначе, сразу после выписки из больницы я начала принимать этот сок. Время, возможно, было не совсем удачное, овощи только появились, ранние и привозные, никто не считал, больше в них вредного или полезного в связи с их скороспелостью (дело было в мае), но мне казалось, что важнее не упустить время. Людям, которые собираются начинать пить сок из профилактических соображений, я всегда советую дожидаться хотя бы середины июля, когда появление молодой свёклы, моркови, капусты и яблок на рынке выглядит более естественно. Но я дожидаться июля не стала. Другое дело, что в июле я сок выжимать и пить продолжала, но, кажется, к тому времени уже начала ощущать пользу от его употребления. Сначала очистились склеры глаз. Белки глаз, которые я уже начинала называть «желтками глаз» (видимо от лекарств у меня были перенапряжёнными печень и жёлчный пузырь), так вот эти самые «желтки-белки» очистились и стали даже голубоватыми. Я читала ни один раз о том, что цвет склер свидетельствует о состоянии слизистой оболочки всего организма. То есть, если они чистые, то и слизистая в порядке. Свёкла делала своё дело — она чистила кишечник, лимфу и кровь, об этом свидетельствовал повысившийся гемоглобин. Нужно добавить, что питаться я стала по преимуществу без мяса. Благо я его и так не слишком много ела, мне просто не требуется много мяса, хотя вегетарианкой я тоже никогда не была. Вспомним, что у меня, находящейся на больничном листе безработной, оказалось достаточно свободного времени, чтобы сделать себе салат и сварить овощной суп, вместо того, чтобы хватать бутерброды на ходу, как это было в прошлые времена в редакции. Овощи и зелень я всегда любила, любила до такой степени, что весной могла отщипнуть листок стоящего на подоконнике комнатного растения и съесть. Теперь появилось время и на морковные котлеты, и на капустные шницели, которые у меня в семье никогда никто не ел, а для себя я готовить раньше просто не умела. Преимущественно вегетарианское питание и сок пяти овощей и фруктов натошак помогли мне похудеть без труда. Не то чтобы я стала моделью (я всегда была полной, с детства), но явно построилась и окружающие стали это замечать. Сок сырой капусты отлично лечит воспаление в кишечнике и желудке, я перестала чувствовать свой, нажитый в студенчестве, гастрит. Кожа лица заметно посвежела, приобрела здоровый цвет, я думаю, это поработали яблочный и морковный соки. Ну а про лимон я уже упоминала. Кстати, всё время собираюсь заменить его соком чёрной смородины или красного болгарского перца, но у них уж очень короткий сезон. Так что приходится мириться с заморским лимоном в составе чисто русского средства, они (лимоны) есть в продаже круглогодично. Так я и лечилась до Нового года, а после Нового года я временно прекратила выжимать соки, мне показалось, что запас питательных веществ в них исчерпан. К тому же, в начале сентября

я вышла на новую работу и времени опять стало мало. К осени я чувствовала себя здоровым человеком и инвалидность оформляла только потому, что все с моим диагнозом её оформляют. Нерабочая вторая группа ещё и врать меня на работе вынуждала, скрывая её, ну что поделаешь, если по другому у нас подходящей работы не найти.

Заканчивая рассказ про свёклу, я хочу добавить, что не считаю её чудодейственным средством, панацеей от злокачественных опухолей. Хотя вот сейчас открыла довольно старый лечебник и прочла: «Издавна свежую свекольную кашичу прикладывают к язвам и опухолям». Ещё не так давно я слышала рекомендации диетологов — свекольный сок должен постоять часа два в холодильнике и только потом может быть смешан с другими соками и выпит. Я сама видела, как меняется моя внешность и внутреннее состояние, когда принимала этот сок регулярно. Увидела я изменения в худшую сторону и вскоре после того, как перестала его пить. Всё это время за мной не слишком тщательно вели наблюдение онкологи, я жила на съёмной квартире и для врачей местной поликлиники была чужой. В свою поликлинику ездить было далеко и постоянного врача там на участке не было. Так что я положила на Бога и свою интуицию.

Реаферон (отечественный заменитель интрона) я колола себе ежедневно сама ровно восемь месяцев.

Заинтересовавшись моим способом лечения, подруги тоже принялись готовить соки: в результате у одной из них неожиданно прошёл псориаз, у другой улучшилось общее состояние организма, и сама собой отпала бородавка на лице, которая очень портила её внешность. Мы поздравляли друг друга и передавали этот рецепт по цепочке. Не у каждого находилось столько времени, чтобы заниматься выжиманием сока регулярно. Но те, кто терпеливо делал это хотя бы месяц, обязательно отмечали улучшение своего здоровья, не говоря уже о внешности.

Каждое лето я возобновляю свою сокотерапию и продолжаю до глубокой осени. Как правило, запаса прочности хватает на всю зиму, весной я не так остро, как многие, чувствую авитаминоз. Врачи, проводящие мне ежегодные обследования в связи с переосвидетельствованием на группу инвалидности не отмечают ухудшения моего здоровья, два года назад вторую группу инвалидности мне заменили на третью.

Есть ещё одно табу, которое я стараюсь не нарушать. Профессор Несветов, исследовавший мою опухоль, передал мне через друзей буквально следующее: «Она может не соблюдать никакой диеты, она может пить или не пить спиртные напитки, есть всё, что нравится, на своё усмотрение, но солнце ей не просто вредно, оно для неё очень опасно». Сначала я расстроилась, потому что на протяжении многих лет привыкла каждый год отдыхать на море, очень люблю плавать и нравлюсь себе и окружающим загорелая. Я погоревала и смирилась, спросив у себя: **ТАК ЛИ УЖ Я ЛЮБЛЮ СОЛНЦЕ, ЧТО ГОТОВА УМЕРЕТЬ ОТ НЕГО?**

Кстати, учёные с недавних пор настойчиво рекомендуют блондинам и рыжим как можно реже бывать на солнце — рак кожи (а меланома — один из видов этого злобного заболевания), поражает, как правило, светлокожих и светловолосых.

Если с физическим состоянием оказалось разобраться не так уж и сложно, то с психологическим дела у меня обстояли намного сложнее. В книгах я вычитала, что суть ракового заболевания — нарушение действия формообразующих сил на физическое тело человека. Но некоторые исследователи этой загадочной болезни утверждают, что **смерть — это ненормальный конец такой болезни, как рак. Рак — болезнь не смертельная, это всего лишь поворотный момент в жизни и возможность осуществить то, о чём вы всегда, совсем не подозревая об этом, мечтали.**

Жизнь человека — это своего рода творчество — сначала появляется мысль о каком-либо предмете (прообраз предмета), а затем человек творит этот предмет.

Энергия прообраза (дух) побуждает клетки порождать формы, подобные себе в ситуациях, когда эти клетки не контролируются духовными силами. Клетки начинают делиться стихийно, без какой-либо программы; возникает рак. Защитная система организма достаточно сильна, чтобы отторгнуть чужеродные клетки, но существует опасность блокировки защитной системы. Это происходит при душевных перенапряжениях, стрессах, депрессиях, под воздействием алкоголя, наркотиков, ненависти, одиночества, чрезмерных эмоций, при неправильном питании, при наличии гепатогенных зон и других онкофакторов, которые всегда базируются на неверных духовных установках. Люди с такими установками склонны жалеть себя или сосредоточиваться на прошлых неприятностях. Они страдают от неспособности прощать, заботиться о поддержании хороших человеческих отношений, их мучает низкая самооценка или боязнь быть отвергнутыми и непризнанными.

Рак возникает вследствие нарушения гармонии формообразующих сил, гармонии энергии духа и материи, нарушения глубинных духовных и нравственных принципов. Это, главным образом, непреодолимые личностные трудности, пониженная сопротивляемость, внутреннее одиночество, бурный рост отрицательных эмоций.

Одна из главных причин — глубокая накопленная обида, которая вносит в жизнь человека хаос и буквально начинает поедать тело. Мы, как устрицы, берём старую обиду и носимся с ней, пока она не перейдёт в опухоль. Это так называемое «проигрывание старой плёнки». Так, опухоли у женщин в матке, яичниках и т. п. происходят оттого, что они берут эмоциональную боль, происшедшую в результате удара по их женственности, и пестуют её всю жизнь до возникновения опухоли.

Или, скажем, в детстве происходит нечто, подрывающее нашу веру в жизнь. Этот случай никогда не забывается, и человек живёт с чувством огромной жалости к себе. Ему трудно порой строить долгие серьёзные взаимоотношения. Жизнь такого человека состоит из бесконечных разочарований. Чувства безысходности и безнадёжности преобладают в его сознании, ему легко винить других в своих проблемах. Ведь и вам, наверное, часто приходится слышать слова: «Он меня сильно обидел». Надо понять, что если ваши взаимоотношения с кем-то заканчиваются, это совсем не значит, что с вами не всё в порядке, и это вовсе не доказывает, чего мы действительно стоим.

Дело не в том, что с нами происходит, а в том, как мы на это реагируем.

Специалист по исследованию рака доктор Хамер разработал критерии возникновения рака:

- рак возникает при непереносимой личной трагедии, происходящей во внутренней изоляции и при ослабленных защитных силах организма;
- вид личной трагедии определяет локализацию рака:
 - а) рак груди — при разрушении духовно-душевного партнёрства. Партнёром может быть супруг или друг, но могут быть и дети, начальник или учитель;
 - б) рак гортани (чаще мужчины) — причины те же, что и в предыдущем случае;
 - в) рак шейки матки — сексуальные конфликты и конфликты в широком смысле;
 - г) рак лёгких — страх смерти у женщин и мужчин;
 - д) рак желудка или кишечника — что-то, с чем постоянно сталкиваешься, но это невозможно переварить;

Течение болезни строго соответствует процессу переработки содержания конфликта, послужившего толчком для ракового процесса. Это одинаково относится как к интенсивности, развитию, улучшениям в состоянии, так и вообще ко всему ходу болезни.

Болезнь, а рак в особенности, — всегда сигнал о необходимости оставить путь, по которому идёшь.

Обнаруживший у себя рак должен серьёзно пересмотреть и переориентировать всю свою жизнь. Прежде всего, необходимо осознать проблему, послужившую толчком к болезни, в мыслях и чувствах, переработать, решить её и отпустить. Очень важно при этом изменить свою жизненную философию.

Полезно всеми способами повышать защитные силы организма, но поскольку мы не можем совершенно уклониться от отравления окружающей среды, необходимо всячески поддерживать защитную и обезвреживающую функцию тела (особенно полезны пивные дрожжи). Необходимо оптимизировать питание и исключить все пищевые яды, прежде всего никотин, алкоголь и кофеин в больших количествах. Употребление мяса следует ограничить, равно как и употребление денатурированных пищевых средств. Очаги инфекции в миндалинах, придаточных пазухах, зубах и прочие должны быть выявлены и обезврежены.

Но — прежде всего, необходимо изменить образ жизни, чтобы в будущем никогда не возникало неразрешимых проблем.

Когда человек начинает работать над собой, он обязательно доходит до стадии, которую можно назвать всепрощением. Это очень непросто. Нужно искренно и осознанно простить всех обидчиков как учителей жизни, простить себя за то, что опустил до чувства обиды и за злопамятство. Можно ежедневно писать себе самому записки о прощении всех и себя. Верующему нужно чаще ходить в храм молиться, исповедоваться и причащаться. Следует также работать самостоятельно, просить Природу, Высший разум, Бога простить обижающих и себя. После такой истовой, а не формальной подготовки человек приступает к лечению.

Излечение возможно при содружестве трёх следующих сил: первая символизирует священника, принимающего покаяние у больного; вторая — доктора, практикующего нетрадиционные методы лечения (работа в Причине, голодание, гомеопатия, народные средства и др.); третья — себя в образе волевого, старательного, не сомневающегося в успехе человека.

Тот, кто не смог заставить себя бороться и мобилизовать свою волю, — был обречён, тот, кто смог — выжил!

В основе любого исцеления всегда лежит глубокая нравственность.

У больных раком, как правило, обнаруживаются серьёзные психологические проблемы.

Тридцатипятилетняя практика Лоренса Ле Шана — американского психотерапевта, работающего с онкологическими больными, убедила его в том, что **рак — это поворотный момент в жизни человека, когда нужно сделать выбор: умереть или стать счастливым.**

Первые упоминания об этой болезни относятся к IV веку. В исторических документах, сохранившихся до наших дней, сказано, что рак чаще всего встречается среди вдов и вдовцов, а также в семьях, переживших смерть любимого ребёнка. Общим для всех этих случаев было то, что человек, который умер, являлся для остальных членов семьи целью существования, смыслом их жизни. Рак напрямую связан с тем внутренним состоянием, в котором пребывает человек. И если человек не видит в своей жизни смысла и ему незачем ложиться спать вечером и просыпаться утром, то реакцией на это отрицание жизни может стать рак.

Особенно часто рак бывает у тех людей, которые вели очень активный образ жизни, а затем почему-либо «сложили крылья». Если же у этих людей возобновляется интерес к жизни, рак, как правило, перестаёт их беспокоить.

Но бывает так, что интерес к жизни уходит постепенно, незаметно для самого человека, и очень трудно обнаружить, что явилось первоначальной причиной этого.

У каждого человека есть собственное предназначение на Земле. Когда он выполняет его, то его способности используются максимально, и человек получает огромное удовлетворение от жизни. Если же он находится не на своём пути, то жизнь не приносит ему радости. В этом случае, даже если его жизнь внешне абсолютно благополучна, реакцией на неё может стать рак.

Многочисленные примеры доказывают справедливость старой истины: «Никогда не поздно начинать всё сначала». Иногда заставить человека вспомнить об этом может только рак. **Рак — это последнее предупреждение, сильнейший сигнал, который заставляет человека вспомнить о своём предназначении на Земле.** У каждого из нас есть в жизни своя песня, мотив которой звучит в нас с рождения. Порой мы сознательно заглушаем этот мотив, стесняясь его простоты или, напротив, необычности звучания, пытаюсь подстроиться под общий лад. Но любой инструмент ломается, если слишком долго из него выжимать несвойственные ему звуки. Когда обнаружена злокачественная опухоль, больному не важно, чем вызвано заболевание: потерей ли близкого человека или тем, что он долгие годы преодолевал себя ради общества. Выслушать подобный приговор одинаково трудно и в двадцать, и в сорок, и в шестьдесят лет... Единственно значимым в этот момент становится возможность выжить. Но рак ставит условие: жить дальше можно только счастливо. Даже после осознания этого у многих людей возникает проблема, так как они не знают, в чём заключается их предназначение, не знают, что может принести им счастье.

А что если представить себе, что, распрощавшись с этой жизнью, вы вновь родились на Земле? Попытаться вспомнить самый счастливый и самый несчастный день в своей жизни. Вряд ли кто-то, оглядываясь назад, может утверждать, что он никогда не был счастлив.

Ну что же, похоже, настала пора оглянуться назад и заняться разбором полётов...

ЮНОСТЬ. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

*Куда вспорхнула песенка с катка?
За синей птицей? В синий-синий иней?
Она жива, слыхала я, и ныне
Но — легковесна. А была — легка.*

*Куда взлетела музыка с катка,
Что в юности беспечной волновала?
Я с той поры другие песни знала,
Но эта не забудется никак...*

*Куда вспорхнула песенка с катка?
Я и сама давно ушла. Не глядя,
Закинув за плечо две светлых пряди
Да два моих блистательных конька.*

*А, может, стоит всё-таки рискнуть?
Вернуться на каток предновогодний,
Назло природе и плохой погоде
На свежий лёд решительно шагнуть?*

*А вдруг вернутся праздники в меня?
Покажется зима сквозной и светлой,
Сиятельной, а не беспросветной –
И важно! Можно! Нужно догонять*

*И песенки стремительный полёт,
И девочку – наивную, смешную,
Что запыхалась... И сейчас в иную,
Иную пору за каток шагнёт.*

Выход оставался один — прославиться. Многократное и разностороннее разглядывание себя в зеркале ничего хорошего не сулило, а лишь доказывало — других шансов у меня нет. Совершенно круглое лицо. На кончике большого, вздёрнутого носа даже имелась красная точка, словно след от ножки циркуля, чертившего этот круг. И глаза круглые. Большие и влажные, как у коровы. Всё остальное — тоже большое: и губы, и уши, и руки, и ноги... О брюках нечего было и помышлять — приличествующие шестнадцатилетнему возрасту размеры едва добирались до бёдер, а дальше — туго, невозможно. Словом — та ещё лозина...

— Ничего, что некрасивая, — утешал папа. — Главное, старайся — учись. Выучишься, всё это не будет иметь значения... А нет — будешь вот как эти... — он кивал на грудастых штукатурш, которые вечно что-то скребли и мазали у нашего подъезда. — Носилки с раствором таскать и в заляпанной спецовке ходить...

Папе возражать было бесполезно. А возразить было что. Как-то уже и тогда не слишком верилось, что вождённым аттестатом или дипломом можно разрешить проблемы, меня терзавшие. Хотелось любви... А учиться? Я училась. И даже получше многих, кого уже любили. Мальчишке легче. Для него влюбиться — означало настичь свою избранницу где-нибудь по пути из школы и садануть что есть мочи портфелем по спине. Пусть не воображает. А потом, позднее — отчаянно — развесёлые взгляды из-за плеча, передача записок через верных товарищей, приглашения на свидания... Портфелем-то меня ещё поколачивали, так, за компанию. Но вот остального не было. Казалось, что уже со всеми было, кроме меня. Напрасно я делала вид, что меня не волнуют, а утомляют бесконечные разговоры «об этом», секреты, которыми со мной особенно охотно делились уже полюбленные подружки...

Я уныло выражала своё презрительное отношение ко всей этой дребедени, нарочито рьяно участвовала в выпуске школьной газеты «День за днём», дотемна пропадая в комнатёшке как бы настоящей редакции. Наш редактор мне нравился, но он разговаривал исключительно о методах комсомольской работы, а я глядела через его плечо в сумеречное окно, ненавидела своё нечёткое отражение и горевала. Выход оставался один — прославиться.

С газетных полос жизнеутверждающе улыбались симпатичные девичьи лица. Спецовки сидели на этих маляршах по-иному, нежели на наших, грудастых, которыми пугал меня папа. «КамАЗ — моя судьба» или ещё «Строим мы город на Каме — будущее своё».

Про самый лучший город на земле писали каждый день. Я особо не вчитывалась и так ясно — девчонки эти были счастливыми... Ещё бы! Вся страна ими любитесь! Вот оно! Нужно ехать.

Кончался десятый класс. Комсомольские путёвки в райкоме раздавали налево и направо. Досталась и мне путёвка на КамАЗ. Мама плакала от собственного бесилия, а папа уныло её уговаривал...

— Руки бы поотрывать всем, кто несовершеннолетних сюда присылает, — сердито сообщила мне очкастая женщина за стойкой отдела кадров Камгэсэнергостроя, возвращая паспорт и путёвку, и надолго умолкла, уткнувшись в бумаги. Я ждала, что будет дальше. Она молчала. Я спросила, как мне быть.

— Домой ехать, — был ответ.

— Но я совершеннолетняя, — слабо завозмущалась я. — Мне через месяц будет уже семнадцать... Мне в школе присвоили первый разряд токаря!

— Совершеннолетней ты будешь через год и месяц, а первого разряда токаря вообще не бывает! — парировала «очкастая». — Следующий!

Следующей была моя подруга Ольга, и ей тоже не хватило двух месяцев до восемнадцати, а её «жениха» Серёгу забраковали из-за отсутствия специальности.

Мы вышли на улицу. Там уже смеркалось, и наступал нелюбимый в моей жизни предвечерний сумеречный час. Час тоски и несуществующих пока, но как бы предвкушаемых утрат. Захотелось домой. Мы брели по единственной в этом городе улице, и та уже кончалась, а идти дальше было некуда. Мы старательно скрывали друг от друга мысли о доме, шутили, что американские безработные спят прямо на скамейках. Только и скамеек что-то не было видно. Люди сидели где попало: на бордюрах, оградах, прямо на земле.

Улица кончилась. Дальше начиналось вообще что-то невообразимое: по виду скопление вагончиков напоминало раскуроченную железнодорожную станцию, они стояли так и сяк, в окошках многих горел свет, кое-где сушилось бельё, между всем этим носились чумазные ребятишки и ругались, как грузчики.

«Сиюю на Каме — волком вою, но всё равно КамАЗ построю!» — было выведено мелом на торце одного вагона. Нас это ненадолго развеселило.

— Цыгане, — высказал предположение Серёга.

— Посёлок «Надежда», — разглядела Ольга фанерный указатель.

Мы ещё поглазели на «Надежду» и повернули обратно. Без надежды. Очень хотелось спать. Чуть меньше — есть. Но главное — хотелось, чтоб кто-нибудь обрадовался нам. Мы разыскали гостиницу, разместившуюся в такой же пятиэтажке по соседству с отделом кадров, и убедились, что «местов нет». Завернув за угол, здорово напугали троих, судя по специальным поясам с цепями, монтажников — один из них только что отхлебнул из бутылки и передавал следующему.

— Эстеты, — хмыкнула Ольга. И впрямь, монтажники пили из горлышка импортное шампанское. Откуда нам было знать, что в городе введён сухой закон и выбирать особенно не из чего. Мы у них на всякий случай спросили, где вокзал, и узнали, что его намечают построить в двенадцатой пятилетке. Так долго мы ждать не могли и решили ехать ночевать на пристань. Это был хоть и мизерный, но шаг к отступлению.

В темноте мы не сразу отыскивали место, где нас утром выгрузил автобус. Обессиленные, притулились на бетонном постаменте, поддерживающем огромную фанеру с изображением рукастого парня, вздымающего к небесам большегрузный автомобиль и как бы приговаривающего: «Отцы Магнитку строили, а мы — КамАЗ!» Интересно, где бы он ночевал, если бы сошёл с фанеры? К Серёге приблизился какой-то человек и попросил закурить. Прикурив, слегка расставил ноги и, раскачиваясь с пятки на носок, принялся нас разглядывать. Глаза из-под отросшей чёлки глядели шельмовато, нельзя было понять из-за бороды и усов, улыбается он или нет. Серёга встрепенулся: «Ну, чего тебе?». Он слишком хорошо понимал свою функцию при нас — защищать, если начнут приставать.

— Отъезжаете с вечерним парходом? — опросил парень насмешливо.

— А куда идёт вечерний пароход? — неожиданно заинтересовалась я. И тут же смутилась: вдруг его глаза догадываются, что мне хочется домой. — Нет, мы только утром приехали...

Узнав, что нам негде ночевать, парень приказал идти за ним, и мы долго шли, пробираясь опять среди каких-то вагонов, спотыкаясь на каждом шагу о собственные чемоданы и натываясь на разгневанных родителей, с фонариками отыскивающих своих забегавшихся чад. Потом тропинка повела вниз, мы увидели реку, что-то гремело и урчало у воды, светились какие-то окна, шуршал пересыпаемый гравий... У самой воды, когда я уже подумывала — не выбросить ли чемодан, Руслан — так нам представился парень — забрал его у меня и утешил, что идти осталось совсем недолго.

— Куда мы идём? — поинтересовалась я.

— На дебаркадер, — сообщил наш новый друг. Бог его знает, что это такое, но там, наверное, есть где уснуть. Мы пробирались уже по каким-то доскам, перекинутым над водой... Руслан отомкнул дверь и велел входить. Почиркав спичками, он зажёл свечу и стало понятно, что мы находимся в изрядно захламлённом помещении: когда свеча разгорелась, мы разглядели лежанку, покрытую спальным мешком, и ящик в её изголовье, который, по всей видимости, служил столом. Больше ничего в помещении не оказалось. Только в углу стояли большие болотные сапоги.

Мы присели на чемоданы, а Руслан сходил куда-то и принёс охапку ватников, а потом ещё одну. Мы вскоре уснули, не раздеваясь. Ночью по полу кто-то бегал, стуча когтями — наверное, мыши, но даже испугаться не было сил, и я, едва проснувшись от шума, засыпала опять. Зато, когда рассвело и мышинный визг прекратился, я смело проснулась и в одну секунду, не успев раскрыть глаза, вспомнила весь вчерашний день... Почему я сплю на каком-то дебаркадере? Мама просила даже не заговаривать с незнакомыми мужчинами, а я вот, пожалуйста. Чуть приоткрыв глаза, осмотрелась. Все спали. Руслан закинул руку на лицо и видна была только часть очень белой щеки, красиво оттеняемой бородой, и краешек закрытого глаза. У него в изголовье, на ящике, в беспорядке лежали исписанные невнятным почерком листки, поверх них — раскрытая книга. Я осторожно взяла её. Александр Грин. «Вперёд и назад». Феерический рассказ. **«Бешеный скороход, — читала я с середины страницы, — континентальный ветер степей. Он несёт тучи степной пыли, бабочек, лепестки цветов, прохладные, краткие, как поцелуи, дожди, холод далёких водопадов, зной каменистых почв, дикие ароматы девственного леса и тоску о неведомом. Его власть делает жителей города рассеянными и тревожными, их сны беспокойны, их мысли странны, их желания туманны и обаятельны, как видения анахорета или мечты юности. Самое большое количество неожиданных отъездов, горьких разлук, внезапных паломничеств и решительных путешествий падает на беспокойные дни „бешеного скорохода“...**

— Тоску о неведомом... — повторила я, закрывая книгу. — Внезапных паломничеств...

Я тихонько вышла наружу и изумлённо огляделась. Солнце уже встало, небо и Кама были одинакового прозрачно-голубого цвета и слились бы, наверно, если бы не полоска леса на противоположном берегу.

— Воля! — подумалось мне, и ещё раз протяжно — во-ля!

К пристани подходил теплоход и вопил от счастья: «Во-о-ля-аа!». Я показала ему язык. Самое синее небо, самая яркая зелень, самое жаркое солнце были в моей жизни в это утро. Звуки проснувшегося неподалёку грузового порта стали ясны и понятны, как человеческая речь. Я спустилась на берег умыться, но потом передумала и искупалась. Когда на берегу отжимала волосы, Руслан прыгнул в воду с дебаркадера. Чуть позднее в реке уже бултыхались Ольга с Сергеем. Это, видимо, и было счастьем, и, кажется, я первая закричала: «Я бу-ду жить на реке!», а они подхватили...

— Вам в институт нужно с такими отметками... — директор ГПТУ-47 Георгий Лакеев намеревался вернуть нам наши документы. Почему-то все знали раньше и лучше нас, куда нам надо, а куда не надо.

Так мы ему и ответили. Он не обиделся. Ольга предъявила ему номер «Комсомольской правды», где на первой полосе провозглашался призыв: «Молодые — на КамАЗ!», а я на всякий случай нащупала в кармане свой комсомольский билет. Кое-как мы уговорили этого усталого человека. Он вызвал комендантшу и та отвела нас в синий барак — общежитие. До начала учебного года оставалось ещё полмесяца — понятное дело — там никого не было. Мы выбрали себе комнату, где стояло семь коек, и поселились. Гора с плеч свалилась — как легко всё устроилось! Опять пришла комендантша, принесла постельное бельё, показала, в какую сторону должны торчать углы подушек, на какую спинку вешать полотенце.

— Меня зовут Вера Демьяновна. Я буду ваша вторая мать, — сообщила она, и мы почувствовали в её голосе угрозу...

Новенький журнал пах арбузной коркой. Я его свернула в трубочку, шла по улице и нюхала. Почему весной всё начинает пахнуть зеленью? Даже заборы. Неужели они вспоминают, что когда-то были деревьями? На меня оглядывались прохожие. Пусть глядят! Это мой триумфальный проход по главной улице города, который я приехала строить. И строю. По зову сердца. Меня сюда позвала страна. Я ей нужна. Об этом написано в журнале. Это подтверждают мои стихи, напечатанные здесь же. Окна, как души, распахнуты настежь в весну. Оголтело орут магнитофоны, отчётливей и чище каждый звук: и рокот бульдозеров, и теньканье капли, и скрип стрелы башенного крана.

Сейчас приду и помою окно! Это так же увлекательно, как сочинять стихи. Только нужно успеть промыть окно до заката, чтобы драгоценные весенние лучи успели искупаться в чистых стёклах. Именно сегодня.

То, что за стихи ещё и платят, было для меня новостью. Я разглядывала почтовое извещение с солидной трёхзначной суммой. Приглашали получить. Хоть сегодня. Слегка покорило. Стихи — не хлеб. Другое дело — зарплата. Уже полгода мне платят деньги за то, что я облицовываю стены плиткой. Голубой или розовой. Делаю я это уже неплохо. Хотя ещё и не очень хорошо. Но каждый день раным-рано ухожу на работу, к вечеру здорово устаю. Зимой мёрзну. Летом глотаю пыль. За это мне дают деньги. Зарплату. А здесь — за что? Стихи не пишутся — случаются...

Да, совсем забыла. Я давно собиралась: папе — электронные часы, маме — серёжки с фионитом.

Я их бросила. Села в белый теплоход и уплыла. Сразу после того, как кончились, прошли и забылись мои ночные страхи.

Когда я стала просыпаться по ночам с мучительной мыслью о смерти? Лет восемь мне было? Или раньше, до школы? Помню, ещё и глаз не открыла, а внутри уже всё готово к плачу. Такое безутешное, крошечное горе — все умрут. А за что?

Обида, наносимая неизвестно кем... Бога нет! Кого винить в такой несправедливости? Все умрут! Я плакала и дрожала от обиды и страха. И, протянув руку, на ощупь искала папино плечо. Он тут спит. В нашей тесной квартире моя и его кровати стоят голова к голове — углом. А мама — в другом конце комнаты — на диване. Они спят и не слышат, что я плачу... Я уже нащупала папину руку, а он всё равно спит!

А вдруг они уже?..

И я начинаю реветь в голос от этой внезапно пронизавшей страшной мысли!

Вспыхивает свет — папа и мама проснулись. Что с тобой, дочь?

Все живы! Только это одно и не даёт мне захлебнуться слезами. Но и им я не могу теперь, когда все проснулись, и все живы, и горит свет, объяснить — как это страшно, что все умрут!

— Ты не умрёшь, — недовольным голосом внушает мама. — Спи... И мы умрём не скоро. Нам нужно ночью спокойно спать, тогда мы будем здоровы и долго проживём.

А отец сквозь прутья прикроватной сетки протягивает мне свою сухую тёплую руку. Пальцы легонько поглаживают мокрую щёку и лоб. Я ухватываю эту добрую спасительную руку за запястье и вся подаюсь на её тепло, на её доброту...

И они струятся, переливаясь в меня. Снова засыпая, слышу, как он, стараясь не шевелиться, другой рукой выключает ночник. Так мы и спим. Ночь. Месяц. Год... Почему я до сих пор не спросила его, каково ему было так спать, не меняя положения тела, не выкрадывая у меня до рассвета свою затёкшую руку?

*Во сне душа обнажена...
Клубком свернувшись в ночь ненастья
Не то любви, не то несчастья
Всё мается, всё ждёт она.*

*Вот так прощание вошло
В былую жизнь, все даты скомкав,
В крошечных, сумрачных потёмках
Запутал сети птицелов.*

*Ни зги... Ни звука, ни огня —
Лишь рыщет лихо в чистом поле.
Не о такой ли вольной воле
Мечтал ты на исходе дня?*

*Дыханьем опалит беда
Всю жизнь твою в больном изломе,
Но вдруг — светить — на небосклоне
Взойдёт высокая звезда!..*

Я их бросила. Села в белый теплоход и уплыла... Сразу после того, как кончился, куда-то испарился тот ночной, детский ужас перед смертью. Пришло другое. Хотелось любви. И не только родительской. Хотя с родительской — там тоже сложно. Всё перепуталось: мамина раздражительность, папина мелочная опека. Я хотела, чтобы они любили друг друга. И видела, что не любят. Их, кроме меня, ничего не связывало. Но и разделяла — тоже я. Я — причина их ссор, молчаливой вечерней разобщённости. Я в своей первой детской жизни ошибалась на каждом шагу. Мной редко бывали довольны.

— Смотри — твоё воспитание, — пенял маме отец, когда я вечерами задерживалась у подруг.

— А по-моему, она — вылитая ты...

Этого отцу нельзя было говорить. Я догадывалась смутно, подсознанием подростка, что легче, уютнее, проще ничего не знать. И уже столько лет ночами не выпускала из своего полномочного плена отцовскую чуткую руку.

Я купила ему квадратные никелированные часы — самые большие и самые дорогие. Они показывали и число, и день, и год.

Денег хватило ещё и на то, чтобы слетать на самолёте в выходные домой — туда и обратно. Меня не ждали. Мерцал телевизор, и они в него смотрели из разных углов. Теперь я знаю — отчуждение такого же цвета, как вечерний воздух вблизи экрана. И он имеет свойство глушить интонации голоса. Отцеживать.

Когда я взяла папину руку и надела часы, он огорчился. Поспешил улыбнуться, но запоздал. Не может быть, чтобы ему не понравился подарок. Но он уже тогда стал бояться времени. Ему было шестьдесят лет, а эти часы свободно показывали и год, и месяц, и день.

Мама улыбнулась серёжкам и сказала, что серебро особенно идёт поседевшим женщинам. Об этом писали в журнале «Работница».

Считается, что мама поседела рано оттого, что я была никудышная дочь.

«Учительница первая моя» с первого сентября меня невзлюбила. Так я у неё четыре года из угла и не выходила. Потому что я ей в рот не смотрю. А по сторонам смотрю. И взгляд у меня пустой, она говорит. Так зачем на неё смотреть таким взглядом? Вот я и не смотрю. Но ей опять не нравится.

— Хоть тычь в глаза лубошные — ничего не понимает, — жалуется она, бывало, моей маме.

— Да... вы знаете... вот так, — с готовностью подхватывает мама.

Мама давно от меня устала. Я вечно куда-то убегала, терялась, нужно было искать, отмывать, ругать... Мама и «учительница первая моя» одного возраста. Я их раздражаю. Они мне об этом говорят. И потом берут с меня последнее обещание, что я больше не буду... Чего не буду? Раздражать?

Я догадываюсь, что дело тут не во мне. Их раздражает жизнь. У нас, например, тесная квартира — полуторка. И много мебели. Старой или старинной — я ещё не различаю. Есть даже бильярд. За ним я делаю уроки. Мама полнеет и ей мешает мебель. Она говорит, что надо всё выбросить и купить сервант, торшер и софу. А папа выбрасывать не разрешает, он говорит, что это память о бабусе.

— Не хочу я её помнить! — неизменно отвечает мама и они надолго замолкают.

«Учительницу первую мою» раздражает муж. Я слыхала, как она жаловалась маме, что он пропивает всю получку. Один раз зимой она целую неделю не приходила в школу — болела. Мы на уроках играли с вожатой в КВН или разучивали одну и ту же песню про барабанщика. В субботу уроков не было вообще, и мы с подругой (это, конечно, она придумала, её всегда хвалили за отзывчивость и чуткость) решили навестить больную учительницу. Долго блуждали в соседнем микрорайоне. Стоял трескучий мороз. Нужный дом, наконец, отыскался, и мы, перемерзшие и замотанные, не чая согреться, вскарабкались на пятый этаж в поисках нужной квартиры. На звонок вышла удивлённая учительница в халате без пуговиц и с подозрительно зелёным подглазьем. Не заметно было, чтобы она обрадовалась. Мы долго топтались в тёмной прихожей. Потом она вышла в другом, не менее замызганном халате, но с пуговицами и с полотенцем, повязанным вокруг головы. Усадив нас прямо в шубках на диван, она рассеянно спросила про школьные дела, но ответы не слушала. Мы и так чувствовали, что явились некстати, только уж очень промёрзли. Согреться бы, да и с богом... Она поискала что-то в буфете, в карманах, взяла мою руку и высыпала горсть меди в ничего не подозревавшую покорно подставленную ладонь.

— Купите себе чего-нибудь в магазине, он за углом...

Одновременно это означало, что нам пора идти. И мы ушли. И было стыдно, что мы взяли эти деньги. И ещё стыднее было бы ей их вернуть... Это были первые в моей жизни чаевые. Или гонорар. За проявленную чуткость.

Я от них от всех уехала, потому что мне тяжело было их огорчать. Как бы они, к примеру, отнеслись к тому, что после публикации моих стихов и фотографии в центральном журнале с многотысячным тиражом, мне стали приходить письма. Я сроду не получала столько! Когда впервые мне их подал редактор многотиражной газеты, я изумилась даже не количеству... Там, на конвертах, где должен быть адрес, стояли только два слова: КамАЗ Лимоновой. Я бы сама себе не осмелилась так написать. Казалось бы, самое время обрадоваться своей, невесть откуда взявшейся популярности. Если бы не обратный адрес. Всего две буквы и ряд цифр. Реже встречались сокращения в/ч, чаще п/я. Тут же в редакции мне объяснили: в/ч — это полевая почта, а вот п/я — места не столь отдалённые... Тюрьма. Я оторопела. Вскрывая конверты, обязательно встречала самое тёплое к себе отношение.

«Дорогая Инночка! Прочёл твои стихи и влюбился в твою фотографию. Я вообще-то лётчик. Виноградники в Перми опыляю, но меня скоро выпустят. Если ты не против — я к тебе приеду...».

Что за чушь? Нет в Перми виноградников!

«Милая Инна! Твоё поэтическое сердце не может не откликнуться на исповедь столь же горячего и, может быть, не менее поэтичного сердца, совершившего в юности непоправимую ошибку, за которую уже столько лет расплачиваюсь свободой... Пиши подробнее свой адрес, хочу с тобой рука об руку идти в новую жизнь...». Господи, почему именно со мной?

«Незнакомка! Во-первых, здравствуй! Во-вторых — извени меня! Просто хочется чувствовать ласку голубого цветущего дня... Я в молодости совершил необдуманный поступок и вот уже восемь лет...».

Грозно надвигалась слава.

Письма выдавали на главпочтамте до востребования, однажды целую охапку привезли прямо в бригаду из горкома комсомола. Там было много писем из воинских частей, таких, например: «Милая Инночка! Пишем тебе всем экипажем нашего боевого орудия — сейчас у нас контрольный бросок — мы загадали — если справимся с заданием — ты нам ответишь. Обнимаем крепко...». Дальше шли подписи.

Из многих конвертов выпадали фотографии краснощёких бравых солдатиков — и полная грудь начищенных армейских значков!

Адреса солдатиков я раздала подругам. Пусть переписываются — какая, в сущности, разница? Подруги мне ответили сюрпризом. Однажды, припозднившись, я обнаружила в общежитии, над своей кроватью целую портретную галерею. Экспозиция, как в деревенской избе, сверху веером — самые красивые, а снизу ещё несколько рядов — так себе, неказистые...

Женихи... Ну, что ж, тебе ведь хотелось любви? Получай! А вот ещё как выпустят остальных из мест не столь отдалённых...

Этот город потихоньку становился мне родным. Он возникал у меня на глазах из ничего, из небытия. В первое здешнее лето мы недоверчиво поглядывали на поле, где предполагалось разместить новую часть города — там колосилась пшеница, неподалёку текла речушка, сгрудились по её берегам деревенские домики, и весь этот вполне сельский вид венчала полуразрушенная церковь.

Поле простиралось и к фундаментам будущего комплекса заводов. Осенью ещё стрекотали комбайны — убирали урожай, но рядом, по соседству, уже ревели скреперы — снимали плодородный слой, куда-то его вывозили самосвалы. Потом возникли бульдозеры и рыли, рыли котлованы под новые фундаменты. Зимой на эти фундаменты пришёл стальной монтаж — к весне материализовался металлический скелет будущего завода.

Мы всем этим гордились вместе со страной. Тогда так было принято — гордиться, бесконечно задаваться, выполнять и перевыполнять, ежесекундно ощущать своё непререкаемое первенство. Советское, значит, отличное. За примерами далеко ходить не будем — взять хотя бы КамАЗ! Следующим летом в поле ничего не посеяли. После каждого дождичка там возникал дом. Недавно здесь торчал один сиротливый каркас, а сегодня вечером тут и там мерцают огоньки — неужели новосёлы? Значительность происходящего отбрасывала отблеск и на нас. Вот меня везёт на работу автобус, но не просто автобус, а вахтовка! И я строю самый большой в стране завод, и здесь абсолютно не имеет значения то обстоятельство, что пока нам доверяют в подвале будущего автогиганта выкладывать плиткой душевые. Это называется — «ударными темпами идут облицовочные работы на нулевом цикле первенца КамАЗа — ремонтно-инструментальном заводе». Мы облицовываем (а у нас говорят «облицоцываем» — зубы в этом подвале вечно стучат от холода) пока из рук вон плохо, но это не важно. Во-первых, нужно, как можно скорей, а во-вторых, это же подвал, а когда дело дойдёт до фасада — мы уже кое-чему научимся.

До сих пор не знаю, куда тогда вывезли чернозёмный слой с нашего поля? Гордились мы этим обстоятельством невероятно — мы землю уважаем. Скреперами снимаем и увозим! Земли, если верить сводкам и сообщениям в газетах, снято было в несколько раз больше, чем её вообще тут могло быть.

На тощих почвах вырастал город будущего! Только самые неприхотливые цветы способны выжить на обескровленной земле. Должно пройти немало лет, чтобы вырос новый слой гумуса, перегноя.

Поэты — всегда первопоселенцы, это они — неприхотливые цветы на тощих почвах молодых городов. Город наш быстро прославился своими поэтами.

*Эгей, комсомольцы,
молодо-зелено!
Вам эта стройка
доверена!
Самая крупная,
самая важная.
Вперёд,
неотступная
братва отважная!
Гудеть КамАЗу –
городу быть!
Давайте разом
мечту творить!*

Эти строчки, говорят, очень понравились пожилому комсомольцу из ЦК, приехавшему вручать переходящее знамя нашему доблестному комсомолу. Он долго тряс руку их автору, сухопарому и лысоватому поэту с горящими глазами. Стихи напечатал центральный журнал, оттуда их переписали на огромный фанерный щит и вывесили на первом доме Нового города. Потом они перекочевали в другой журнал, и автору за каждое «Эгей!» причиталось по три рубля.

Старались не отстать и мы, прославляя город будущего, но наши вдохновенные голоса уступали по силе звука. Над стройкой, над нашими неокрепшими душами витствовал будоражащий дух соревнования. Я, помнится, поднатужившись, написала демонические стихи о том, как «мы обрекли себя на вечные спецовки». В другом

стихотворении у меня откуда-то возникла третья рука — мастерок, которая в конце концов превратилась в крыло.

Нас тогда охватил какой-то общий психоз — прославлять, просветлять, воспевать. Я помню сонет одного слесаря, начинавшийся строкой «О, как он был, начальник мой, неправ», а дальше в рифму излагались два противоположных мнения о способе крепления конструкций. Озадаченные рабочей тематикой газеты это охотно печатали. Не участвовал в соревновании на скорость писания злободневных виршей, пожалуй, один Руслан. Его и не печатали. Он не огорчился, а может быть, скрывал огорчение. Мы с ним виделись всё реже. С дебаркадера ему пришлось съехать, потом куда-то исчезла его беременная жена, и он уезжал её разыскивать. Потом она отыскалась, но без ребёнка. Первоапрельским светлым утром мы встретились с ним там же, где и впервые, — он сосредоточенно разглядывал очередь у отдела кадров. Я присела рядышком на бордюр, пожала влажную русланову руку.

— Как дела?

— Во! — он выставил большой палец левой руки — известный знак.

— Пишется?

— Угу...

Поискал за пазухой, протянул листок. «Однажды думал я о смерти... Бродил по лужам, шурился на солнце... Однажды встретил я 38 беременных женщин и решил, что не страшно умереть...». Я понимала, что так у нас может только Руслан. Я ему завидовала. Его свободе. Я ему сказала об этом.

— Что? Свобода? Если я не знаю, в каком детдоме живёт теперь мой сын? Если я не имею права наводить о нём справки, потому что вовремя не поставил в паспорте штамп?

— Хочешь, вместе поищем?

— Нет.

Руслан снял шапку: солнце отразилось в его новенькой лысине — заметно было, что только сегодня по его темени гуляла опасная бритва. Но от ушей до плеч спускались длинные чёрные локоны. Обычные руслановы локоны.

— Ты это зачем?

— Первый апрель... Никому не верю...

Он ушёл от меня. Наверное, я слишком много задавала вопросов. Мне хотелось его любить. Он мне этого не позволял.

Вслед ему оборачивались изумлённые лица — причёска, что и говорить, была экзотическая. Люди смеялись, крутили пальцем у виска, пожимали плечами и отворачивались. И тут же забывали о его существовании. Мало ли в те годы сюда наехало чудиков? Три основные категории населения города будущего: рвачи, неблагополучные и чудики...

Я смотрела в русланову спину. Куртка на нём была всё та же: слово «Зурбаган» едва просвечивало между лопаток. Он уже презирал всякие вывески. Отмывал. Но до конца не отмылось.

Я смотрела в эту спину и твердила: «Не исчезай! Будь! Будь! Живи!»...

Прошлое браконьерствует. Привычная бессонница насылает морок — он ловит голубя в Останкино, валясь в весеннюю землю, набухшую влагой и семенами. Сизое крыло проскальзывает меж пальцев. Прошлогодний жёлудь срысывается с дуба и с нарастающим свистом фугасной бомбы приближается к натюрморту на пне — бутылка портвейна, стакан с бледной помадой на ободке, бутерброд с полукружьем надкуса...

— Вот ваши билетки! — кричит билетёрша у входа в парк и ликующе подьёмлет обе руки, рассыпая обрывки розовой бумаги в густом воздухе!

Что за билеты она порвала? Что было написано там? — Бог весть...

*Болит и болит в нас прошедшее, не утихая.
И, не торопясь становится услугой стиха,
Никак не забудется эта, давно прожитая
Аллея прозрачная в майскую ВДНХа.*

*Как лопались почки — пронзительно, звонко и дерзко!
Спеша по округе разнести долгожданную весть,
Что юные яблоньки, словно отряд пионерский,
Всем взмахом ветвей обещали торжественно: «Цвесьте!»*

*Ещё не пугала разлуки грядущая близость.
Неделя любви — бесконечной казалась она!
Но чёрные галки, по мокрым рассевишись карнизам,
Вещали о том, что закончится эта весна.*

*...С тех пор, бесконечную осень свою провожая,
Я жду обжигающих душу мою холодов.
Несут и несут мне навстречу того урожая
Корзины роскошные ярких, запретных плодов.*

Прокатился тихий слух о внезапном приезде в город поэта Евтушенко. Евтушенко в нашем литобъединении считали официальным поэтом и встретили довольно холодно. Так, нам казалось, достойно должны вести себя люди в присутствии столичной знаменитости. Мы даже старались подчеркнуть отсутствие бурной радости по поводу его появления. Возможно, мы так поступали потому, что организаторы нашей встречи — комсомольские вожаки — слишком уж выпренье призывали нас поддержать затеянный ими лицемерный приём с рукоплесканиями и подношениями татарского национального кушанья чак-чак. Евтушенко терпеливо выслушал всё, о чём мы говорили в этот вечер, а говорили мы вовсе не о нём, заступился за девушку, чьи стихи мы ругали, как далёкие от совершенства, вежливо отказался читать свои.

Мы ждали, когда он примется за привычное дело всех заезжающих к нам столичных журналистов и писателей: обычно нам предлагалось предъявить, как доказательство преданности здешним местам, стихи и песни о КамАЗе. Но в тот вечер до этого так и не дошло. Хотя стихи, презрительно называемые нами тематическими, то есть в них было обозначено место и время, у многих были припасены.

Независимые безымянные поэты и официальный поэт в изгнании заговорили так, будто не требовалось ничего доказывать друг другу после того как выяснилось, что для Евтушенко приезд в наш город был неожиданным. Что меньше всего он ждал в те дни аплодисментов и национальных подношений. Он написал письмо-протест против исключения Солженицына из Союза писателей и ждал реакции. Он выглядел несчастным и жил в единственной гостинице на окраине города довольно замкнуто. Его уединение продолжалось всего несколько дней, потому что едва лишь слухи о его пребывании у нас дошли до столицы Татарстана, к нам в срочном порядке вылетел полный самолёт девиц, каждая из которых уверяла остальных в том, что именно ей посвящены небезызвестные строки поэта: «Спасибо, девушка из города Казани, за то, что вы мне доброе сказали...»

Я очень удивилась, когда однажды мне передали от него предложение зайти. Но всё же ушла с работы пораньше, тщательно промыла руки, вычищая щёткой раствор

из-под ногтей, приделась. Гостиничные зеркала отразили мою неуверенную фигуру и так, и сяк, дежурная сообщила, что он просил спуститься к нему в ресторан. В сумеречном обеденном зале неприветливые официанты готовились к вечеру. Он сидел в углу за столом, уставленным пустыми бутылками из-под шампанского, тут же поместилось несколько «девушек из города Казани». Я, приблизившись, поздоровалась и встретила его недоумевающий, неузнающий взгляд. Девушки рассматривали меня подробно, по частям и мне было жутко неуютно стоять перед ними. Нужно было уйти, но тогда бы они стали смотреть мне так же уничтожающе в спину. Я опустилась на край стула. Он назвал меня по имени. Вспомнил? Хорошо бы ещё узнать, зачем меня сюда позвали. Позвали меня сюда, оказывается, чтобы накормить. Принесли цыплёнка, и я принялась его есть, иначе нужно было бы что-то говорить. От шампанского я только ещё больше замёрзла и сжалась. Не поднимая глаз от тарелки, я ела, почти не чувствуя вкуса, и злилась на полупьяную беседу за столом. К нам подошёл представиться пианист из Казанской консерватории. Он обнялся с поэтом, выпил, отошёл к фортепиано и заиграл «Хотят ли русские войны». Я недоуменно уставилась на поэта.

- Ну, спроси? — неожиданно трезвым взглядом он смотрел прямо на меня.
- А что просить?
- Ты зачем сюда приехала?
- А Вы?

Он дёрнул головой и высоко поднял острые плечи. Подбородок нырнул и уткнулся в сцепленные пальцы. На мгновение он стал похож на любительницу абсента. Смотрел туда же, куда и она.

— Я прочёл твои стихи. Никогда и никому так про себя не рассказывай, как ты пишешь в стихах, — шёпотом посоветовал он.

Я не могла разобрать — шутит он или говорит серьёзно. Но всё же стало любопытно — почему?

- Потому что искренность смешна... Ты готова быть осмеянной каждым?

Я не знала, готова ли я. Мне нужно было узнать у него об этом подробнее, но присутствие за столом посторонних очень мешало. Я вдруг увидела всю себя их глазами: не к лицу одетую, в тупоносых, давно нечищенных, немодных сапогах с металлическими замками. Руки срочно потребовалось спрятать под стол. А вдруг ещё размазалась тушь на ресницах? Ни зеркала, ни сумочки.

— Ах, я сама, наверно, виновата, что нет любви хорошей у меня! — под аккомпанемент артиста из консерватории исполняли «девушки из города Казани».

Я, стараясь не мельтешить, направилась к выходу. Пусть, если хотят, думают, что я скоро вернусь. Дверь ресторана натужно закрипела и выпустила меня наружу. Без сожаления.

Воля... Липкий ноябрьский снег мешал смотреть. И мне, и на меня.

*Как вздохнётся, лишь дверь простуженной хлопнешь!
И повалят пушистые, мокрые хлопья,
Остужая, мешая и память будя —
Так давно и тревожно я помню себя...*

Просыпаться с мыслью, что этой ночью я, наконец, всё поняла о том, для чего мы совпали именно здесь, именно в это время, пробуждаться и с огорчением осознавать, как постепенно исчезает ясность, как растворяется в предутренней дымке понимающий, подтверждающий эту ясность взгляд...

*В час предутренний трону рукою
Опалённый бессонницей лоб...
Не спасу тебя, не успокою,
Никаких тебе тайн не открою –
Беспощадно твоё ремесло.*

*Что ты знаешь о людях такое,
Чтобы так их безмерно любить?
Ни житья у тебя, ни покоя,
Только бешеный пульс под рукою –
Сумасшедшая, дерзкая нить.*

Подниматься, стараясь не думать о грустном, проталкивать неразмятые руки в рукава отсыревшего ватника, наматывать платок вокруг шеи, недовольно взглянув мимоходом в большой осколок настенного зеркала — убедиться, что красоты со вчерашнего дня, увы, не прибавилось, пересчитывать ступеньки лестничных пролётов в подъезде и хлопать протуженной дверью...

Утро! Обычное здешнее утро. Пропитанный выхлопными газами воздух, изрытый колёсами серый, утрамбованный сотнями ног снег! Не думать о грустном. Не думать о том, что не скоро увижу любимого. Не позволять себе сознаваться, что всё, не касающееся его, — надоело. И, кажется, потеряло смысл. Ну и что же, что мы строим целый город и завод? Сейчас придётся натягивать на руки слипшиеся резиновые перчатки, брать мастерок и отколачивать заиндевший вчерашний раствор на носилках. Потом нужно будет встать лицом к стенке и ряд за рядом подымать глазурированную, мутную от холода плитку вверх, к потолку, который лишь на сегодняшний день потолок, а завтра опять станет полом, следующим этажом, этажами... Будет скрипеть лебёдка, ругаться со стропальщиками бригадир, будет с хрустом ломаться под черенком мастера непокорная плитка, будет витать в пролётах муторно пропахших извёсткой лестниц кислотный утренний сигаретный дым. Никто меня сюда насильно не посылал. Было наоборот — меня не брали, а я требовала, чтобы приняли! Теперь я давно совершеннолетняя, теперь я специалист, хотя и не слишком высокого разряда. И это моя профессия — стучать мастерком о жестяное дно носилок, громохатать ведром, устанавливать рейку.

К вечеру руки покраснеют, а лицо покроется мелкой цементной пылью. Она будет скрипеть на зубах, осядет на волосах под косынкой. В таком виде ещё нужно добираться домой. Никакой гордости по поводу своего рабочего происхождения я уже не испытываю. Весь этот камуфляж: ватник, валенки, подшлемник — давно раздражает. Мой портрет в рабочей спецовке напечатала «Комсомолка», где-то я мелькнула ещё... Не нужно. Я, кажется, поспешила. Я хотела быть счастливой? Я что-то очень важное ещё не поняла, но знаю точно — этот мой ватник не украсит никого, даже великолепную от природы женщину. Как всё это теперь мне в себе помирить? Как решиться и бросить эту однообразную, вовсе не праздничную работу — если она была — цель. Не подозревать же саму себя в том, что всё это — заранее продуманный ход, желание выделиться, «обречь себя на вечные спецовки».

*Но если жизнь и впрямь — игра,
Театр — а мы его актёры,
Не все ль равно тогда,
Который
Сегодня будет свят и прав.*

*Благослови беспечный нрав
Столикой бабы — Мельпомены —
Сумей оставить эту сцену,
Достоинства не потеряв.*

*Надеждой сердца не неволь —
Круши мосты — ломать — не строить.
Забрали роль — и эта боль
Должна достойной стать игрою.*

*...Но если завтра умирать
Другой поднимется на сцену,
Страшась рассудок потерять,
Припомни истинную цену*

*Игры.
И сердца не губя
Утешься выдумкой двоякой —
Он просто научился плакать —
Увы — естественней тебя.*

*Не нам во всём искать резона,
Терзаться — Бог не приведи —
Вон спит живая Дездемона
У режиссёра на груди.*

— А хочешь, я увезу тебя отсюда? — спросил меня на третий день нашего полудевого знакомства некий Курт из Франкфурта на Майне. Он был фотожурналистом, приехал в наш город по заданию своей прогрессивной редакции, а мне в моей редакции поручили его сопровождать по строительным объектам. Я и согласилась-то поначалу лишь потому, что мой немецкий был гораздо хуже, чем следовало ему быть у студентки-заочницы журфака университета. Я думала — пусть попробует разберёт, что я там ему наговорю, но он меня с первого слова очень хорошо понял. Он неплохо говорил по-русски, гораздо способнее оказался, чем я в немецком.

Мы целыми днями мотались с ним по стройке, а однажды вечером отъехали подалее за реку, чтобы можно было ему отснять роскошные огни возобновившегося строительства Нижнекамской ГЭС.

Мы припозднились, едва успели на последний паром, и его машина подвезла меня, усталую и сонную, к общежитию уже под утро. Я принялась барабанить в дверь, но никто и не собирался мне отпирать. Правилами социалистического общежития это было предусмотрено: не впускать жильцов, если они где-то задержались за полночь. Некий Курт сидел в своём газике и наблюдал за моими усилиями. Я ему уже в который раз показывала, чтобы он уезжал, но не мог же он бросить даму, которая вот уже полчаса безрезультатно колотила в глухо запёртую дверь. Обессиленная, я присела на скамейку, подождать мне оставалось часа два-три, пока не поднимутся в первую смену отделочники, заселявшие в основном наше общежитие. Некий Курт вышел из «газика» и примостился рядом со мной. Он был так воспитан, что не мог уехать, не убедившись, что я у себя дома, а не на улице, которая в эту пору была совершенно безлюдной. Он намеревался коротать эти два-три часа со мной. Он только не понимал,

почему мне не открывают? Если я действительно здесь живу... Курт уже хорошо говорил по-русски, но таких простых вещей всё ещё не понимал. Мне было очень неловко перед ним за всю эту историю и нечего было ему отвечать, и вообще — я ужасно устала. От всего, что творилось вокруг, некуда было спрятаться; в общежитии совершенно невозможно было хотя бы на минуту остаться одной, на работе в редакции постоянно напротив меня кто-нибудь сидел и жаловался на свою незадавшуюся жизнь.

Некий Курт неожиданно поднялся и властно потянул меня за руку.

— Пошли! — сердито приказал он мне и кивнул в сторону машины.

— Не пойду... — заупрямилась я.

— Ты поедешь ко мне. И будешь спать. Отдыхать. Как положено человеку, который умеет работать. И которому завтра предстоит это снова доказывать.

Я отрицательно покачала головой и откинулась на спинку скамейки, которая тут же, скрипнув, отвалилась.

— Разве ты не понимаешь, что ты не должна позволять себе здесь сидеть? Под этой закрытой дверью...

Я понимала. Слабо, но всё же понимала, что он прав. А если так, то что же я сижу?

— Хочешь, я вообще тебя отсюда увезу? — утром он вошёл в ванную комнату, где я принимала душ. Мы глядели друг на друга через тонкую, полиэтиленовую занавеску для ванн.

— Опять ехать? — усмехнулась я. — Очередное неожиданное паломничество?

— Ты напрасно смеёшься. Ты посмотришь, какие на самом деле бывают города. Моя бывшая жена очень похожа на тебя. Ты вообще здорово напоминаешь немку.

— Но я русская. А это — моя Родина.

— Это? — он усмехнулся. — Насколько мне известно — здесь Татарстан.

— Всё равно. В этой стране я родилась. У меня здесь родители...

— Но ведь ты же с ними всё равно не живёшь! А летать к ним на самолёте можно и от нас.

Он, в который уж раз, был совершенно прав. Он глядел на меня с надеждой, и совершенно не подлежало сомнению, что он желал мне добра. Он так вовремя откуда-то взялся, будто бы специально за тем и приехал, чтобы одним махом взять и перечеркнуть весь этот паноптикум, весь этот полдневный бред и полуночную явь: пьяных отделочниц и карабкающихся к ним в гости по балконам кавалеров, карабкающихся и срывающихся, летящих вниз и разбивающихся об асфальт, матерящихся зачуханных начальников и пустоглазых комсомольских вожakov, начитанных майоров и не трезвых комендантш... Видя это не так уж часто, лишь проезжая с заданием редакции по нашей стране, он просто радовался теперь случаю помочь мне отряхнуться от всей этой чуши, бездарного балагана. Он только не мог понять, что всё это с самого детства стало частью меня, перемешалось, сопряглось. Произошло взаимопроникновение и отторгнуть это уже невозможно, можно лишь разорвать на неравные части всю смятенную сущность мою и никому не нужную, в сущности, душу.

*В этом городе огромном —
Тыщи окон — в каждом свет.
Нет голодных, нет бездомных —
Даже пьяных нынче нет.*

*В этом городе ненастном
Всё же всякий по себе —
Неудобно быть несчастной
И с неясностью в судьбе.*

На дворе крошечный вечер,
Бесконечный мелкий дождь –
Совершенно незамечен
В одиночестве бредёшь...

В самом деле – не идти же
В дом, где чай вечерний пьют.
В самом деле – не нести же
Бесприютность к ним в уют.

У друзей моих – не часты
Безмятежные деньки –
Может нынче в доме счастье,
Может, пишутся стихи,

Может быть моя мороза
И сама собой пройдёт –
Пусть минует их до срока
Череда моих невзгод.

Гаснут окна в нашем доме,
Сыплет мокрый снег с небес –
А в дежурном гастрономе –
Чай и пряники вразвес.

Торопливо – вдруг не впустят,
Покупатели снуют...
– Отчего, – вздыхает Люся –
Люди на ночь соки пьют?

– Что с тобою? – спросит Люся,
упаковывая чай.
Можно глупо улыбнуться –
Ничего не отвечать.

Но пока я вынимаю
Деньги... Сдача. Взад-вперёд
Всё, что я не понимаю,
Люся вдруг во мне поймёт.

Одинаково устало
Потолкуем про дела –
Люся смену отстояла –
У меня любовь прошла...

В этом городе огромном
Для того, кто одинок,
В нашем с Люсей гастрономе
Продают томатный сок.

МОЛОДОСТЬ. ЕЛАБУГА

Шёл 1990 год. О приходе нового времени, о том, что в городе появились коммерческие банки, я узнала вовсе не первая. Просто я слишком далека была от этой темы. Пока однажды знакомый из бывших комсомольских вожakov меня не позвал на встречу с президентом коммерческого банка «Континент». Приглашение заинтриговало и вскоре я уже сидела на мягком диване в кабинете банкира — Леонида Григорьевича Онушко. Так запросто мы сидели и беседовали с банкиром. О литературе.

Онушко посетила внезапная идея — силами банка выкупить дом в Елабуге, где провела свои последние дни поэт Марина Ивановна Цветаева с сыном. Там же она и повесилась...

Дом этот предполагалось перестроить под музей, у музея должен быть директор... В директоры прочили меня. Надо сознаться, что я была не сильна в своих представлениях о музейной деятельности. К поэту Цветаевой относилась с уважением. Но без фанатизма. Над её предполагаемой могилой там же, в Елабуге, никогда не рыдала. Стихов её, как тогда было принято, в день её смерти и в день рождения на елабужском кладбище не декламировала, рук в исступлении не заламывала и городскую администрацию за отсутствие мемориальной доски на домике, где она окончила свой жизненный путь, не проклинала. В этом, на мой взгляд, и была странность — почему Онушко со товарищи выбрали именно меня. Позднее, когда выяснилось, что работа директора несуществующего музея довольно-таки грязная и пыльная, мне хоть что-то стало понятно... А в тот день я согласилась скорее от неожиданности самого предложения.

Наутро мы с Онушко и его заместителями на праворулевой «Ауди» двинулись в Елабугу. Нужно было выкупить этот самый дом. Меня такая история необычайно интриговала — домов, тем более под музей, я отродясь не покупала.

Хозяйка дома проявила необычайную расторопность и сметливость. Мы, оказывается, были здесь не первые. За деревянный двухкомнатный домик, небольшой огородик и пару сараюшек она просила несколько квартир и коттеджей на всю родню до третьего колена. Я возможностей банка не знала и в торгах не участвовала. Я уныло озиралась по сторонам — обе комнатки были настолько мелкие, что вот только мы там вчетвером и поместились. А где должна находиться экспозиция, было совершенно неясно. Да и экспозиции, собственно, не было — одна идея.

Мы пообещали подумать и уехали, уже в дороге мне стало ясно, что свободных средств на такое количество квартир и коттеджей у банка нет. Мы слегка приуныли, но ненадолго — Онушко твёрдым голосом приказал мне: «Давай, ищи дом поблизости. Подешевле и попросторней». Возражать я не стала — в этот день я уже была на работе.

Через месяц мы купили двухэтажный дом в двухстах метрах от первого. Я облегчённо вздохнула — всё же постоянно находиться под воображаемой петлёй, которая полвека назад помогла Цветаевой перестать дышать, было бы тяжело.

Онушко сказал мне напутственное слово, что-то типа «Щи — в котле, каравай — на столе, вода — в ключах, а голова на плечах...». и погрузился в банковскую деятельность. Я осталась один на один с чужим, полуразрушенным, захлавленным домом. Счастливые бывшие хозяева, переезжая в новое, более комфортабельное жилище, весь свой вековой хлам оставили мне. Одних дырявых валенок мы вынесли на помойку пар сто, а весь остальной мусор из дома и огорода вывезли на пятнадцати КамАЗах-грузовиках. Вот где потрудились мои подростковые дети — они

исправно исполняли роль мусорщиков и даже получали за это какую-то условную зарплату.

Наконец дом опустел, потревоженные крысы насиженное место покинули. Теперь предстояло его отремонтировать и наполнить содержанием. Хотелось бы ещё знать каким...

Марина Цветаева в Елабуге не жила. Марина Цветаева в Елабуге самоубилась. Ни её вещей, ни, разумеется, рукописей.

Лично я воспринимала трагедию Цветаевой как возрастную утрату невестребованной женственности. Любая женщина, мне представлялось, обязательно подумает, прежде чем повеситься, как это будет выглядеть — коричневые полуспустившиеся чулки, характерное для всех висельников лицо... Только не Цветаева.

Я уже и рада была бы отказаться от этой, казавшейся теперь бессмысленной, затеи. Но Онушко и мысли такой не допускал. И мне не позволял сомневаться. Думай, командир, шевели мозгами.

Я поехала в Москву. Тогда все в Москву ездили, если не знали, какое принять решение. Я побывала во всех музеях Цветаевой: в Борисоглебском переулке, в Болшево, Александрове и Тарусе. Даже в музее Ивана Цветаева под городом Гусь-Хрустальный. Я привезла из Москвы несколько книг исследователей жизни и творчества Цветаевой с автографами и заверения «цветаеведов» во всём мне способствовать. Заверения на стены не повесишь. Но время у меня ещё было — ремонт продвигался не быстро. Нанятые рабочие отчаянно воровали стройматериалы, пришлось в этом неотремонтированном доме на время поселиться, вспомнить, как это прекрасно, когда в доме нет воды, все удобства во дворе, а на улице — трескучий мороз. Очень кстати Министерство культуры ещё неразвалившегося тогда СССР купило у меня пьесу и я, опять же очень кстати, купила на эти деньги автомобиль. Автомобилем «Ока» в наше время может называться с большой натяжкой, а тогда, в девяностом году, она меня просто спасала. Хоть и поздно вечером, но я всё же стала добираться на ней до дома — это 40 километров пути в оба конца — всё же нужно было заботиться и о своих сыновьях, которые ни примерной учёбой, ни примерным поведением меня не радовали. Пришлось пойти ещё и в автошколу, но ездить за рулём я начала значительно раньше, чем получила права. Женщин за рулём тогда на наших дорогах было не много и гаишникам единственного встречающегося на моём пути поста и в голову не могло прийти, что ежедневно курсирующая из Елабуги в Набережные Челны и обратно женщина может ещё до такой степени обнаглеть, что посмеет ездить без прав. Впрочем, правил дорожного движения я не нарушала, скорости не превышала, и вообще — через три месяца у меня уже были права.

Моя «окушка» стала для меня в то время палочкой-выручалочкой, даже номер её до сих пор помню — 1968... А ведь у меня потом были и другие машины, получше, но я не помню их номеров. Вот, к примеру, мне нужен кран, чтобы спилить дерево, закрывавшее все окна второго этажа будущего музея. Я прыгаю за руль и мчусь за город, на трассу, по которой как раз и ездят эти самые краны и большегрузы. Дальше — дело техники. Голосуешь проезжающим машинам, останавливаешь, договариваешься, сопровождаешь к музею. Они пилят, ты — платишь. Дело сделано. Да будет свет!

Потом, когда решили, что мебель в музее будет стоять никакая ни цветаевская — таковой просто неоткуда было взяться, а просто елабужская, того времени — сколько же моя «окушка» исколесила дворов и задворков (мы с ней и помойками не брезговали) — если не удавалось чего-то найти в домах у елабужан — искали на свалках — подбিরали, отмывали, отдавали в ремонт или в реставрацию... К очередной годовщине

смерти Марины Ивановны в 1991 году открыли музей. Музеем назвать его можно было с большой натяжкой — личных вещей Цветаевой у нас не было вовсе, но в фондах казанского краеведческого музея нам удалось получить вещи из дома Бродельщиковых. Самым впечатляющим было большое настенное зеркало. Думается, хотя бы разок, но она в него всё же взглянула...

Получили благословение патриарха Алексия, владыка Казанский и Татарстанский Анастасий отслужил литию на предполагаемом месте захоронения Марины Ивановны.

Потом принялись записывать на киноплёнку беседы с людьми, встречавшими Цветаеву в Елабуге. Через несколько лет этими нашими записями заинтересовался фонд Сороса, согласился частично профинансировать проект. К тому времени я уже жила в Москве — там и смонтировала документальный фильм «Марина Цветаева. История гибели и последних дней жизни».

— Всё... — сказал мне Онушко через год после открытия музея, который мы чаще стали называть Домом памяти Марины Цветаевой. — Учись зарабатывать сама. Время сейчас такое — переходи на самоокупаемость.

Легко сказать — переходи... Вход в музей у нас был бесплатным, а хоть бы мы его и сделали платным, на зарплату сотрудникам вряд ли бы насобирали. К тому времени у меня работало уже семь человек, был даже садовник.

Открыли художественный салон, продавали картины местных художников, стали водить экскурсии по Елабуге, Онушко нам гостей привозил, коллег по бизнесу. Расстроганные банкиры перечисляли деньги на благотворительный счёт фонда Цветаевой. Мы, по-моему, стали единственным в стране музеем, существовавшим на деньги, которые нам самим удавалось заработать. Мы не только сами жили на то, что зарабатывали, мы ещё и гостей со всех концов страны у себя принимали. Любой человек, приехавший в Елабугу навестить места, где трагически оборвалась жизнь Цветаевой, мог рассчитывать на то, что у нас его встретят, накормят и спать уложат, если ему не по карману гостиница.

Музей стали навещать артисты из Москвы: Валентин Гафт, Инна Чурикова, Клара Лучко, Татьяна Васильева, Клара Новикова и другие. Приезжали цветаеведы, писатели, но я учила людей, с которыми тогда работала, не делить наших посетителей на известных и неизвестных, относиться ко всем одинаково гостеприимно. Не раз бывало, что мы открывали музей и в восемь, и в девять часов вечера, чтобы дать возможность людям, не располагающим достаточным временем, осмотреть экспозицию в то время суток, когда уже все подобные заведения закрыты.

Но случилось несчастье. И я приняла решение — уехать. В Москву. И не было сил ни поискать достойного преемника, ни толком передать дела. Бывают такие моменты в жизни, когда буквально всё в этом мире становится безразлично.

Мы с сыном уехали, и лишь через пару лет я смогла поинтересоваться, что же стало с музеем. Как будто бы ничего страшного, преемница быстро нашлась сама, только вот музей её мало интересовал и стоял этот дом какое-то время закрытый на замок. Упорно функционировал только благотворительный фонд, вернее его расчётный счёт, который мы с Онушко оставили не пустым. Пятизначная солидная сумма, если пересчитать на доллары, на этом счёте была. Была, была, а потом разнёсся слух, что фонд Цветаевой бедствует. До такой степени, что продаёт музей. Городу. Потому что нужны ему деньги. Идея оригинальная — торговать музеем, в который ты ничего не вложила — не каждому это придёт в голову...

Город музей купил. Но благотворительный фонд богаче не стал, видать судьба у него такая — быть бедным. Авось пожалеет кто-нибудь, да ещё подаст. А банк «Континент»

к тому времени прекратил своё существование, пошло тогда по республике такое поветрие — не всякий банк, дескать, имеет право быть банком. Мне жаль, что так случилось, я в своей жизни больше не встречала банкиров, которым не безразлична судьба российской провинции. Другие финансовые структуры ни благотворительным фондом Цветаевой, ни музеем не заинтересовались — не тот уровень, видать...

Впрочем, не всё так печально — город Елабуга вложил в этот скромный домик деньги, капитально отремонтировал его. Выкупил и тот домишко, который нам с Онушко оказалось выкупить не по зубам. Город Елабуга привёл в порядок свою пристань, а также всю улицу Казанскую с её купеческой архитектурой и принимает ныне туристические теплоходы. Говорят, что за это надо особо поблагодарить бывшего елабужского мэра Ильшата Гафурова и Гульзаду Руденко, ставшую генеральным директором музея-заповедника и взявшую музей на свой баланс, что я и делаю.

С поздней весны до поздней осени плывут теплоходы — сначала по Волге, потом по Каме, везут россиян поклониться местам, где кончилось терпение слабой женщины Марины Ивановны и не стало на земле поэта Марины Цветаевой. Где стоял на ветру ошарашенный шестнадцатилетний мальчик Мур, родившийся под Парижем, брошенный судьбой в предвоенную Россию, выброшенный той же судьбой в Елабугу и в одночасье оставшийся один на всём белом свете...

*Отыщись, круглолистный боярышник, вдруг уколи
В чаще леса, у края оврага, у лета на склоне,
Когда шествует к западу день в золотистой короне
И вечерние росы под ноги мои пролились.*

*Я не знаю, что вспомнить должна я, чего я ищу,
Что постигнуть пытаюсь, сквозь чащу к тебе пробираясь.
Не могла не прийти — так спешат исцелиться к врачу
И находят покой, всей душою ему доверяясь.*

*Отыщись, мой боярышник, знаю, и это не суть
Наших помыслов детских и грустной сердечной мороки.
Ты стоял у дороги, когда я отправилась в путь.
Ты мне должен, хоть редко. но всё же встречаться в дороге.*

ЗРЕЛОСТЬ. МОСКВА. ЛИМОНОВ ЭНД ЛИМОНОВА

Через полгода после второй операции стало отчётливо ясно — на тот свет в ближайшее время меня не заберут, пора кончать горевать — нужно идти на работу. Сидеть круглосуточно дома, заниматься только собой я не умею, для этого нужно как-то по особенному себя любить — причины для такой всепоглощающей любви к себе мне и теперь не известны.

Как только я это поняла — раздался телефонный звонок, подруга сообщала, что ей необходимо срочно уволиться, а её не отпускают, пока она не подберёт себе замену.

Так в одночасье я стала управляющим московского представительства питерского издательства «Лимбус-Пресс».

Издатель «Лимбуса» Константин Тублин оказался славным малым лет сорока, вполне, на мой взгляд, успешным — несколько лет назад он подписал договор с наследниками

Сергея Довлатова на издание его трёхтомника и с тех пор жил неплохо — доходы от продаж Довлатова позволяли Константину и себе ни в чём не отказывать, и маленькому издательству безбедно существовать... Но только до поры, до времени — срок договора кончался, у родственников Довлатова появились другие, более выгодные для них предложения, и Константину предстояло найти новое имя, которое бы кормило, пило и не позволяло думать о грустном. Вот на этом переломе я к нему и попала.

У Тублина была масса достоинств — он был начитан, пригож, энергичен. Немаловажным обстоятельством, послужившим тому, что мы с ним проработали вместе аж полгода, было то, что он жил в Питере, а в Москву наезжал только в четверг, и ночью в пятницу возвращался в Питер. Это сводило наше общение к одному разговору в неделю, то есть даже выяснять отношения у нас не находилось времени, а это, сами понимаете, много значит. Питерские тогда двинулись вслед за Путиным в Москву занимать ключевые посты, Тублин многих из этих «ключевых» знал и предпочитал тратить время на общение с ними, а не со мной.

Но всё же он нашёл время сообщить мне, что наша новая кандидатура для раскрутки и дальнейшего получения дивидендов от его произведений — это Эдуард Лимонов. Ну и дал несколько ценных указаний — нужно было, чтобы я организовала Лимонову выступления в центральных книжных магазинах Москвы — в «Библио-Глобусе» «Москве», «Молодой гвардии», «Прогрессе» и т. д. Я пообещала организовать эти встречи и принялась звонить директорам магазинов. Потом сообразила, что неплохо было бы поставить в известность самого Лимонова, и позвонила ему. Он сказал мне вместо «Здравствуйте», что и сам собирался звонить в наше издательство, потому что ему срочно нужен аванс за книгу, которую он для нас сейчас пишет. Пять тысяч долларов. А уж потом мы обязательно поговорим о встречах с читателями в книжных магазинах. Я пообещала всё организовать и принялась звонить Тублину. Через неделю деньги были у меня в кармане и я стояла перед дверью квартиры, которую снимал тогда Лимонов. На мой звонок вышел некто молодой, симпатичный, суровый, весь в чёрном, и кивком головы предложил войти.

Я вошла и сразу увидела Лимонова, он сидел за столом в большой комнате прямо напротив входной двери и что-то писал шариковой ручкой. Справа и слева от него, вытянувшись, замерли два молодых человека в чёрном — не то почётный караул, не то охрана. Осведомившись, в чём дело, и узнав, что я привезла аванс, Лимонов предложил мне пройти в комнату, а сам всё это время водил ручкой по бумаге, не отрываясь, но, когда он заметил у меня в руках пачку долларов, его рука стала двигаться в два раза быстрее.

О получении денег ему предложено было написать расписку, вот тогда-то он и узнал, что я тоже Лимонова, его однофамилица. Лицо его выразило недовольство, я его ещё к тому времени совсем мало знала, позднее, когда мы стали видеться чаще, я замечала, что он и при упоминании Пушкина в своём присутствии невольно морщится.

Мы условились, что я согласую с директорами магазинов дни его встреч с читателями, и я ушла.

Первое выступление с Лимоновым — это был смертельный номер. Хорошо, что нас для начала позвали не в самый большой книжный магазин Москвы, в «Библио-Глобус», например. Не имея представления, как Лимонов предпочитает общаться с потенциальными покупателями своих произведений, я привезла его в магазин «Прогресс». Он агрессивно молчал, на мои вопросы отвечал односложно. Я потом поняла — он все слова и силы берёт для партии. А два молодых человека в чёрном, неотступно следующие за ним, его самого берегли для партии, и всякий раз, когда я к нему приближалась, осматривали меня всю — с ног до головы, будто видели впервые.

Я сообщила в микрофон, что здесь и сейчас состоится встреча с писателем Лимоновым, и народ стал потихоньку подтягиваться к столику, за которым уселся Лимонов, а охранники встали по обе стороны от него. Когда народу собралось уже человек сто, я представила Лимонова и передала ему слово. Я наивно полагала (из своего предыдущего опыта подобных литературных встреч) что сейчас он, как водится у наших писателей, начнёт делиться творческими планами, пересказывать свои книги и травить всевозможные байки, так, что через час придётся его вежливо останавливать.

Лимонов молчал. Он даже не встал из-за стола.

Над всеми нами повисла выразительная тишина... Я подождала минуту-другую. Энергично на него взглянула... Он смотрел прямо перед собой и молчал. Вообще-то мы так с ним не договаривались. Мы вообще с ним никак не договаривались. У него на меня не было времени — оно всё без остатка принадлежало партии. Как-то я ему пыталась звонить, чтобы немного поговорить о сценарии, но он подошёл к моему звонку по деловому и сразу перевёл разговор на то, что у него нет денег заплатить наборщице (с компьютером он тогда не дружил и все свои вещи писал от руки). Я удивилась такому повороту событий — неделю назад я ему привезла довольно крупную сумму денег, на мой взгляд.

— Как же нет денег, Эдуард Вениаминович, я ведь Вам привозила?

— Я их отдал на автоматы... — был ответ.

Я так растерялась, что про сценарий забыла поговорить. Побежала искать деньги на наборщицу — его новую книгу в нашем издательстве с нетерпением ждали, и деньги на наборщицу нашлись.

И вот теперь он сидел перед окружившей его толпой потенциальных читателей и молчал. А они, между прочим, стояли...

— Эдуард Вениаминович, ну скажите что-нибудь. Люди ведь ждут!

— А чего они ждут? Пусть спрашивают!

Я заплетающимся языком начала предлагать собравшимся задавать вопросы. Собравшиеся переминались с ноги на ногу и молчали. Потом потихоньку начали расходиться...

— Эдуард Вениаминович! — не своим голосом закричала я. — Расскажите, пожалуйста, над какой книгой для нашего издательства Вы сейчас работаете!

Он ещё пару минут помолчал и сквозь зубы произнёс рабочее название книги.

Книга, быть может, и впрямь не стоила подробного разговора. Я её потом, когда он закончил, одной из первых прочла. На мой взгляд, она напоминала этакую пацанскую пастораль про то, как у крупного российского скандального предпринимателя Быкова было трудное детство и мама — уборщица. И какой он, когда вырос, стал добрый и отзывчивый, и как помогал всем бедным людям, кто бы к нему не обратился.

Реальный Быков в то время находился под следствием или сидел в тюрьме — сейчас уже не помню. Поэтому книжка, когда мы её издали, пользовалась необыкновенным спросом, особенно в Сибири, оттуда Быков был родом. Как только интерес к книге начал угасать — в тюрьму загребел сам Лимонов и опять российский народ стал зачитываться его книгой. Ничего не поделаешь, так мы устроены, читательский интерес стихийно переносится на сторону «обиженного». Не зря же сам Ленин любил подолгу сидеть в тюрьме и жить в ссылке.

Эта наша первая встреча с читателями свелась к тому, что сохранившая душевное равновесие небольшая горстка почитателей лимоновского таланта подошла к столику, за которым он сидел, и выстроилась за автографами. Слава Богу, книжки подписывать он не отказывался, а кое с кем даже поговорил. Мы с директором магазина попили водички с валерьянкой и успокоились. На то писатели и творческие натуры,

чтобы обставлять встречи с собою на своё усмотрение. А уж на встречах в других книжных магазинах я сразу предупреждала любознательную публику, что Эдуард Вениаминович о себе много говорить не любит и предпочитает отвечать на вопросы.

Вообще, за время работы в «Лимбусе» с книгами Лимонова, я прочла их все и пришла к убеждению, что он, человек и писатель, безусловно талантливый. Особенно, на мой взгляд, талантливость его заметна в «Книге мёртвых», которая тоже, кстати, впервые была напечатана в издательстве «Лимбус-Пресс». А «Охота на Быкова» явилась как раз тем исключением, которое существует для того, чтобы подтвердить правило. У Лимонова — эпатажный стиль письма. Как и поведения, впрочем. Я ни грамма не удивлюсь, если вдруг узнаю, что этого негра, с которым он совокуплялся где-то в песочнице под скамейкой на страницах романа «Это я, Эдичка», Лимонов благополучно выдумал. Не каждому в голову может прийти идея таким способом помогать читателям себя раз и навсегда запомнить. А Лимонову вполне могла прийти.

Впрочем, это его личное партийное дело. Честно сказать, я ничего не понимаю в партийных принципах, потому что за всю свою длинную жизнь ни одного дня ни в какой партии не состояла...

Однажды мне позвонил недовольный Тублин и, виртуозно матерясь (он всегда это делал красиво), стал допрашивать меня, почему в Москве так трудно расходитесь «Книга мёртвых» Лимонова. Ответов моих он не слушал, ему требовалось выпустить пар, вот он его и выпускал. К концу нашей беседы мне стала ясна моя дальнейшая задача — нужно выпустить газету «Лимонка», которая сплошь будет состоять из отрывков из «Книги мёртвых». Засим трубка была издателем брошена, а я принялась звонить в штаб лимоновской партии. Там мой звонок принял какой-то есаул (боюсь ошибиться, всё время путаюсь в воинских званиях). Он идею Тублина, особенно ту часть, где сообщалось, что издание этого номера будет осуществляться за счёт издательства, воспринял с энтузиазмом, обещал поговорить с руководством и перезвонить. Перезвонили они быстро, пообещали завтра приехать для обсуждения деталей.

Наутро меня встречал в офисе душераздирающе-затхлый запах. И офис-то у нас был не из тех, какие по телевизору показывают, хотя и в центре, но чтоб так пахло! Офис-менеджер, зажимая нос всей пятернёй, сообщила, что меня в закутке дожидаются «лимоновцы». И правда, они сидели прямо на полу и улыбались. Я, человек на язык несдержанный, сразу спросила — почему так пахнет? Оказывается, всё просто, один из них работает в морге. Между прочим — в мытищинском. И явился ко мне прямо с ночного дежурства. Фамилию его я запомнила на всю жизнь — Тишин. Потом я и лицо его вспомнила — в Мытищах только что прошли выборы в местные органы власти — так вот Тишин был кандидатом от партии Лимонова. Листовками с его изображением «а-ля Че Гевара» были обклеены все заборы.

Чем бы от Тишина не пахло — пришлось с ним говорить об издании «Лимонки» с отрывками из книги Лимонова. Я чувствовала себя кем-то вроде Троцкого или Бухарина, когда на полном серьёзе разносила по распашке макета газеты куски романа... Слава Богу, я это умею делать быстро. Не прошло и часа, как они с макетом и деньгами на печать откланялись. Тишин меня, как коренную мытищинку, пригласил бывать у него. Он, оказывается, и жил в морге.

Этот нервно-паралитический запах стоял в нашем офисе до четверга и явившийся из Питера Тублин опять матерился, кричал, что в приличных офисах так пахнуть не должно.

— В приличных офисах не выпускают газету «Лимонка», — не преминула съехидничать я. Ехидничать и ругаться в нашем издательстве можно было только Тублину. Через неделю я снова искала работу.

*Второе дыхание — глубже
Вливайся в измученный бег
Непередаваемо нужен
Рывок через новый рубеж!*

*Второе дыхание, где ты?
Да есть ли ты в этой груди?
Немыслимо жить без победы –
Пусть маленькой – впереди.*

*Завидные были кумиры
У братьев по смуте в крови
Беспомощного клавира
Надсадные ноты взорви!*

*Второе дыхание — вижу!
Желтеющий финишный шнур!
Предательски он неподвижен.
Второе дыхание. Ну...*

МОЛОДОСТЬ. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

*Глянь — весна пролетела неведомо как –
Вся в заботах о праздниках близких.
Распустились у бабок в шершавых руках
Несравненные гроздья редиски!*

*Где же праздник обещанный, спросите вы,
Городской прокалённые скукой,
Эту пыльную книгу усталой листвы
Пролиставши на скорую руку.*

*– Ждите августа, – вам намекнёт помидор,
Отвернувшись белесым затылком –
Подождём, в самом деле – какой разговор –
Его зрелости огненно-пылкой.*

*Рынки ломаются. Яблоку негде упасть,
Георгины в лоснящемся глянце.
Вон сентябрь у ворот — и пора покупать
Моим школьникам новые ранцы...*

*В этом небе — зеркальном от голубизны,
Отражусь мимоходом, куда-то спеша.
Ощущения праздника и новизны
Так желает душа. Так боится душа...*

Отчего это дети так торопятся повзрослеть? Отчего родители так торопят своих чад: «Хочешь скорее вырасти — доедай эту кашу!»

«Вот вырастешь, — говорит мне мама, — будешь ходить, куда захочешь, и возвращаться, когда вздумается!» «Вот вырасту, — говорит мне мой сын, — ни за что не буду своего ребёнка заставлять учить сольфеджио!» «Вот вырасту, — говорю я отцу — никогда не стану спать по ночам, если не хочется...».

Вот выросли... Я гляжу на ребят, совсем ещё мальчиков, в солдатской форме цвета хаки. Куда их везут? Какие их ждут великие дела? Отчего непременно требуется увести их теперь — когда они ещё так нуждаются в близких, родных, в любимых, подальше от привычного дома, его знакомых стен... Как через треснувшее стекло, я слежу за движением их неприкрытых, беспомощно оголённых затылков, за тем, как трогательно двигаются лопатки под гимнастёрками, торопятся ноги в непривычно тяжёлых солдатских сапогах. Куда на сей раз посылает их страна, откуда прискачут теперь за подмогой запылённые всадники, чтобы протрубить по-гайдаровски: «Эй, вставайте, кто ещё остался!» и увести за собой моих подросших сыновей от родимого дома в такие дали, где само понятие отчего края сотрётся, размоется, отдавится и канет за горизонт.

— Не отпускай! — твержу я упрямо, всматриваясь в такие родные, такие единственные лица взрослых мальчиков и остро чувствую всю тщету, всю беспомощность мою перед временем, которое отнимет... Обязательно отнимет... Господи, но за что? Теперь, когда, наконец, так понятна вся никчёмность этих внезапных паломничеств и неожиданных путешествий, когда ясно и высоко возшла над домом моим счастливая звезда союза, единения, сознательной сопричастности, неужели кто-нибудь посмеет отнять у меня моих сыновей?

Но ведь уводят же! Вон опять старшина повернул на вокзал свою роту, вон ещё повели, повезли, увлекли, и конца этим проводам нет. А мама, помнится, тоже просила меня не уезжать. Тщетно, бессмысленно, как я потом, через много лет, плакала и просила не умирать отца.

Ничего нет бессмысленней, жесточе этой, такой несвоевременной, такой неминуемой разлуки и ничто не способно ей помешать. И в который раз беспомощно опускаешь руки, как опускала их перед смертью Руслана, беспричинной, внезапной, невесть откуда взявшейся лейкемией, за несколько дней сломившей его и увлёкший за тот непреодолимый горизонт, откуда нет возврата.

На уроке труда в первом классе мой сын проглотил иголку. Натуральную швейную. Они там что-то мастерили, прикрепляли тряпочки к картонкам, игла не шла, он попытался её протолкнуть, помогая себе зубами. Иголка исчезла. Дома за ужином он нам об этом сообщил.

Кинулись в больницу. Его сразу увели на рентген, а меня оставили ждать внизу. Было поздно, страшно и одиноко в пустынном приёмном покое. Я приткнулась к краю дерматиновой кушетки и пыталась унять дрожь. Зубы стучали, мысли путались, воображение рисовало кошмар с летальным исходом. Хорошо, что в эту ночь в отделении дежурил муж подруги, детский доктор с обширным жизненным опытом. Позднее, когда рентген обнаружил иглу в кишечнике, меня по его звонку пропустили наверх, в ординаторскую, где не слишком трезвый врач дал мне валерьянки и показал снимок. «Перестань стучать зубами, вот она — игла — идёт по кишечнику. К утру должна выйти с калом. Всё будет отлично».

— А если не выйдет?

— Тогда воткнётся в стенку кишечника. Я сделаю малюсенький надрез, — он показал мне краешек мизинца, — и выну её оттуда.

Ночевала (точнее — пролежала ночь без сна) я по его разрешению на койке рядом с сыном. Утром перерыла кал в горшке и убедилась, что иголка вышла. Сколько потом ещё было таких бессонных ночей — ведь у меня одновременно подрастали сыновья-двойняшки.

Когда они появились на свет, мне было 22 года, грудных детей я, кажется, и на руках-то до этого ни разу не держала, и помню, что из роддома было выходить страшно. Страшнее, чем рожать. Перед выпиской я всё косилась на соседку по палате — она родила тройню: двух девочек и мальчика — год в этом смысле выдался урожайным. Я лежала тихо, прикидываясь бесстрашной, и думала: «Ну, хорошо, у меня две руки и два сына. И две груди — как-нибудь я их накормлю. А вот что будет делать эта, не в зубах же она третьего будет носить на прогулку. Каждый из её детей весил чуть больше килограмма (при норме 3,5 кг), а значит, требовал особого ухода. Лет ей было ещё меньше, чем мне, и её родители, как и мои, жили в другом городе. Её муж — очумевший от неожиданности щенок — ушёл в загул. Мой — ещё не возвратился из командировки. Тишина в нашей палате звучала очень выразительно. Между кормлениями мы обе, если не спали, то стояли у окна и смотрели на волю. Воля казалась опасной. Не для нас — чёрт с нами — для наших маленьких. Как сохранить их всех, таких беспомощных и хрупких, когда у каждой только две руки, только одно испуганно бьющееся сердце и только одна, молодая и не совсем ещё разумная голова.

Меня выписали на 21-й день — накануне вес младшего сына достиг двухкилограммовой отметки, это только немногим известно, что недоношенный ребёнок должен находиться в роддоме до тех пор, пока не наберёт свои два килограмма. Мой младший именовался в медицинской карте «недоношенным» (1800 г), а старший — «доношенным» (2700 г).

— Как же так? — слабо сопротивлялась я. — Они же двойняшки? Родились одновременно. Они оба — доношенные (согласитесь, «недоношенный» похоже на ругательство).

— Мамаша, не задавайте глупых вопросов. Врачам лучше знать, — отвечали санитарки, вручая мне для кормления два крошечных свёртка.

На размышления у меня практически не оставалось времени, и доношенного, и недоношенного нужно было кормить каждые два часа, и это значит, что в промежутках оставалось буквально полчаса, чтобы что-нибудь проглотить съестное, обильно попить (а то молока не будет), пописать и мельком взглянуть на волю.

Я ушла из роддома на месяц раньше моей соседки. Потом мы с ней, серые от бессонницы, ещё несколько раз встречались в детской поликлинике. Она жаловалась, что муж от неё сбежал, а нянечка, присланная из собеса, без остановки на неё кричит, потому что собес ей платит мало денег. У меня дела были получше — муж как будто бы наличествовал, только он круглые сутки пропадал в театре, где был режиссёром, и мои материнские подвиги режиссировал по телефону. Он точно знал, как нужно растить детей, но не имел на это времени. Он удивлялся, почему я этого не понимаю. Он режиссировал мои действия и поздно ночью, когда я едва успевала забыться сном на несколько часов. Часа в два он возвращался из театра, будил меня и громко (режиссёрам положено говорить громко) воспитывал. Нянечка от собеса мне не полагалась, нанять приходящую — не было денег, мама приехала навестить нас только через полгода. Легко поссорила меня с мужем, обиделась и уехала. Я осталась опять один на один с детьми: зелёная от недосыпания. Приближалась сессия — перед беременностью я успела поступить в Литинститут, а это в Москве. Бросить учёбу — значит окончательно расписаться в собственном бессилии.

Спасибо — приехал отец. Он был в ту пору уже немолодым человеком, я — поздний ребёнок, ему было 47 лет, когда я родилась, а теперь уже за шестьдесят. Не самое подходящее время возиться с младенцами. У него — хронические болезни, недомогания, вынужденная диета, режим. А у меня — дети болеют по очереди, спят — тоже по очереди (один — спит, другой — просит есть, потом наоборот). Отец оставался с моими детьми всякий раз, когда мне нужно было уезжать на сессию. Благодаря ему я не бросила, а закончила институт. Вечно занятый отец двойняшек пытался режиссировать и поведение бабушки, только с моим отцом не поспоришь.

— Ты чего здесь кричишь? — невозмутимо спрашивал отец. — Ах, у тебя неприятности на работе? Вот ты там и кричи. Но коли идёшь в дом, в семью, и чувствуешь раздражение — ты пробеги несколько кругов вокруг дома, а не поможет — постучи головой об стену. И не приходи в семью, пока не успокоишься.

Короче успокоиться режиссёр так и не сумел, и в семье появлялся всё реже. Дети подросли и пошли в детский сад. Я устроилась сразу на две работы — диспетчером на завод (там сутки через трое) и литературным консультантом в местное отделение Союза писателей. Суровый молодой человек принёс мне полную тетрадку стихов. Я прочла:

*«Весна, распутица, роддом,
Из «скорой» девочку выводят.
С таким огромным животом,
С какими девочки не ходят!
Лицо немного наклоня,
Она прошла, минуя лужи,
И так взглянула на меня,
Что мне подумалось: «Без мужа...».
Стою один в сиянье дня
И что-то трудно понимаю...
Простите, девочка, меня,
Хоть я вины своей не знаю».*

«Это стихи!» — подумала я, и мы подружились. Поэт скучал, страдал, женился, родил сына, развёлся, уехал в деревню, поближе к корням, а сын его тем временем вырос с другим отцом. А теперь и вовсе уж взрослый живёт зачем-то в Израиле. С другим отцом. Не подумайте, что я осуждаю поэта, ничуть. Кто сказал, что я знаю, как правильно жить? «Человек свободен, потому что он за всё платит сам», — сочинил великий пролетарский писатель. И уехал на Капри. Детей, между прочим, тоже с собой не взял.

Город, где родились и выросли мои дети, переполнен безотцовщиной при живых отцах. Пока их папаши оттягиваются во вторых, третьих и четвёртых семьях, безотцовщина курит «Мальборо», коротко стрижется, носит спортивную одежду и обувь и принимает «заказы». За тысячу рублей можно сделать «заказ» — заказанного принудят подняться на крышу четырнадцатизэтажного дома и прыгнуть.

Эти ушастые мальчики по очереди ходят в зону: старшие братья вернулись, а младшие — ещё только сели. Эти мальчики до слёз любят своих мам, крепко целуют их перед уходом туда и после возвращения оттуда. Если кто-нибудь маму обидит — они его закажут. Мамы курят «L&M», стоят на базаре, торгуя турецкими шмотками, и каждый месяц возят на свиданку в зону тёплые вещи и снедь. Папы советуют мамам прикупить где-нибудь травки — в зоне это уважают. Папы живут в других семьях и в зону ездят редко.

Когда я встречаю на улице девушку с коляской для двойняшек, я, которая редко плачет, едва удерживаю слёзы. Мне тогда кажется, что только я одна знаю, как это не просто — растить сразу двоих мальчиков. И лишь я так отчётливо помню растерянное личико той, родившей тройню.

Господи, прошу я Того, к Которому в последние годы обращаюсь всё чаще, дай мне сил понимать эту нелепую жизнь до конца и не черстветь сердцем. Боже, скажи мне зачем я вообще размышляю об этом?

Я, вырастившая двоих и уже потерявшая одного? Господи, я понимаю, что каждый пришедший на эту землю имеет такое же право жить, как и я. Как и мой сын, которого убили. Как и его убийца. Боже, отчего же мне кажется что в заповеди «Не убий» есть ещё один смысл.

Но всё же я спрошу у Тебя — где заповедь «не рожай»? Не рожай, пока ты не готов перед Богом ответить за того, которого произведёшь на свет. Пока не поклянёшься Ему, что за руку проведёшь по жизни создание своё и будешь отвечать вместе с ним за каждый его неразумный шаг, и трупом ляжешь на пути своего сына к преступленью.

Я слушаю своё сердце и понимаю, что в крамоле моей есть доля разумного смысла. Не имея иной возможности, я говорю светским текстом, очень практичным и, если хотите, кондовым. Я говорю любовникам и супругам, молодым и не очень, я понимаю, что расчётливым разумом в этом мире жить тошно и неталантливо, а всё, что касается рождения детей, свято и богоугодно.

И всё же я настаиваю: пусть мы наконец поймём, что родить ребёнка (успешно пройти через роды) — не самое важное в жизни. Самое важное — чтобы родители были готовы отвечать за его поступки постоянно, на протяжении всей его жизни, **и ОБА**. Я представляю себе даже специальный юридический документ, карающий отцовскую безответственность. Скука, не правда ли? А я утверждаю — если ты к этой скуке не готов — не рожай. Или не зачинай, чтобы не убивать.

И совсем уже мелкое и неуместное. В месячном цикле супружеской жизни есть всего восемь дней, когда ребёнок может быть зачат. Вы только подумайте — их всего восемь. Именно в этот период супруги, оставив привычки и порывы (а это необходимо воспитывать в национальных масштабах), обязаны блюсти своеобразный пост. Семь раз подумать, прежде чем решиться. Это должно стать понятнее правила не ездить на красный свет, не рубить под собой сук, не плевать в колодец. Необходимо, чтобы это стало религией, или больше чем религией, потому что если ты его породил, то ты же — и гарант того, что он тебя не убьёт. И никого не убьёт.

*И когда жесточайший прошёл гололёд,
И дорога свободной казалась —
Оглянулась — а следом никто не идёт...
Вот тогда я всерьёз напугалась.*

*Эй вы, братья и сестры по смуте в крови,
Кто вы, где вы, когда же по коням?
Донеслось издалёка — ты нас не зови —
Мы догоним. Мы позже догоним...*

*А другие молчат, потому что мертвы —
Ты-то где, мой единственный милый?
И доносится рокот стоустой молвы:
«Ты же первой ему изменила...»*

*Вот и всё. Но мерцает шальная звезда
В горемычном плену небосвода.
Я счастливой уже отбыла навсегда
В жесточайшие дни гололёда.*

С ТЕХ ПОР Я НЕ БОЮСЬ СМЕРТИ И НЕ СЧИТАЮ ЕЁ НАКАЗАНИЕМ

Двадцать восемь лет назад его появления никто не ожидал, томографов и УЗИ тогда в провинции не было, врач прогнозировал одного, крупного, младенца, а оказалось — их двое. Когда крошечное существо — 1800 г., через десять минут после первого, появилось на свет и закричало, акушерка озабоченно проговорила: «Этот жить не будет...».

Он прожил 17 с половиной лет. И жил бы долго. Если бы я не научила его, что людей убивать нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Артём был сильным парнем и драться умел. И дрался. Но нож он никогда бы не посмел вонзить в человека. Поэтому хилый, тщедушный тип в одноразовом смокинге и с бабочкой (это сокамерники в следственном изоляторе так нарядили его на суд, а я его на суде только и увидела впервые) нанёс моему сыну тринадцать ударов ножом. Убийце дали 15 лет, так что мне не надо вам объяснять, какое это было убийство. Убийца, впрочем, несмотря на наличие свидетелей, вину свою отрицал. Он твердил одно и то же — это сделал не я...

Артём встретился с этим человеком случайно, товарищ попросил постоять рядом, пока он будет разговаривать со своим обидчиком. Жена товарища была замечена в слишком близких отношениях с человеком, которому, как оказалось, ничего не стоило вынуть нож. Товарищ выжил благодаря усилиям реанимации. А Артёма больше нет. Товарищ, кстати, продолжает мириться и расходиться со своей женой — даже в гости к нам в Москву приезжал. Я не захотела встречаться. А с братом Артёма они говорили. Жизнь продолжается...

В тот страшный день похорон — 21 апреля 1995 года — у нашего подъезда собрались все музыканты города. Артём был саксофонистом. Полгорода провожало его до кладбища.

Было время, Артём учился в Москве у известной саксофонистки Шапошниковой, но потом так случилось — не стало хватать денег, чтобы закончить образование, и мы с ним вернулись в Набережные Челны, где тогда был наш дом. Не родина, заметьте, а дом, меня туда занесло в шестнадцать с половиной лет на комсомольскую стройку. Отец Артёма был режиссёром театра, я — журналистом, а мальчики Тима и Тёма — обыкновенными подростками рабочего города. Получали двойки, дрались и были биты, курили тайком, влюблялись. Артём писал стихи и музыку. Тимур рисовал... В пионерском лагере, куда мои сыновья отправлялись каждое лето, Артём неизменно был самым маленьким в отряде. Зато он был горнистом и потому — шёл впереди.

Когда это случилось, я лежала в больнице с язвой. На ночь, впрочем, всегда приезжала домой навестить сыновей. Садилась в свою машину, ждавшую меня под окнами, и уезжала, чтобы утром вернуться на процедуры. И в реанимацию к сыну поехала сама. За рулём. Только он уже умер. Язвы у меня с тех пор нет — видно, и эту мою хворь он забрал с собой, он меня очень любил. И я его — больше всего на свете. «Заряди меня», — просила я по утрам, собираясь на работу. И обнявшись, мы стояли несколько минут в коридоре, между его и моей комнатой. Он заряжал. Он был очень добрым и стеснялся этого. Мужчина должен быть суровым... Когда я по дороге на

работу завозила его в училище, он меня целовал на глазах у всей группы, не думая, как при этом выглядит. Мы и сейчас бы были счастливы, но я ведь не научила его, выходя на улицу, иметь при себе нож...

На суде меня спросили — какого я хочу наказания убийце. Я сказала — убивать не нужно, только пусть сидит где-нибудь долго. Как можно дольше. Понятия нашего города гласили — брат должен отомстить за брата. Брат Артёма был мучительно болен. Он сам хотел разобраться с убийцей. Они были двойняшками, он осиротел ещё больше, чем я. Это обстоятельство и не дало мне осуществить единственное моё тогдашнее желание — не быть.

Я увезла своего старшего сына в Москву. За один день продали квартиру и вышли оттуда, ничего, кроме одежды, не захватив. Курили в поезде. Кто-то из провожавших заботливо принёс туго набитую папиросу. Анаша. Я попробовала. Но это... это так ничтожно, даже странно, что кого-то это спасает. От боли, от того состояния, когда вместо души, вместо сердца в тебе зияет пустая чёрная дыра.

Я вспомнила. В Литературном институте у меня был друг. Олег. Он, писатель-фантаст и реаниматолог по профессии, ещё тогда, в 70-х годах говорил мне: «Ты знаешь, когда я их возвращаю на землю (это его смертельно больных пациентов), они выражают недоумение и даже недовольство. Они говорят — там музыка, яркий свет и настоящая жизнь». Я стала верить в это. Что мне ещё оставалось? Я плакала по нему каждый день, но делала это только тогда, когда меня точно никто не видел! Москва слезам не верит... Каждый день я встречала кого-то на улице, отдалённо напоминавшего сына: походка, поворот головы, взмах руки... Конечно, я плакала.

Через год у старшего появилась подруга, она такая же невысокая, весёлая, добрая, как Артём. Когда они спали, я думала, что вот у меня их опять двое, а иногда и вовсе казалось, что ничего страшного не происходило. Просто приснилось.

Мы редко говорим со старшим сыном о брате. Тогда ещё, после похорон, Тимур сказал мне: «Мама, ему не было больно — я точно знаю». И мы вместе плакали.

Когда я научилась снова жить, я почувствовала, что живу не одна. Откуда-то брались силы начинать дела, непосильные для меня раньше. Я стала работать больше, а уставать меньше. Как-то так вышло, что нужно было всё время крутиться, чтобы не пропасть. По-прежнему не хватало денег, теперь уже на самое необходимое: купить квартиру в Москве, что-то в неё, дать сыну образование. Я работала по 20 часов в сутки — это было моим спасением, на мысли о страшном не оставалось времени. Когда кончались силы, я только просила: «Ну, Артём, заряди!», и силы откуда-то брались.

Есть в моём окружении люди, которые понятия не имеют, что с нами стряслось. И они считают меня сильной женщиной и тем человеком, к которому всегда можно обратиться за помощью. Я им помогаю. Как это, оказывается, просто, сказать кому-то, расстроенному из-за ерунды: «Это — не горе. Это всё пройдёт»...

Раньше, а всякое было в жизни, я боялась поздно вечером ходить по улицам одна. И не зря боялась — были для этого причины. Теперь я не боюсь ничего и никого. В конце концов — мы все боимся одного и того же: кто-то явится и посмеет лишить тебя жизни. Так вот, я точно знаю, что со мной этого не случится. Именно потому, что мне стало всё равно. Я не верю, что здесь лучше, чем там. Жизнь — это, оказывается, черед суетных занятий: работой, любовью, литературой, торговлей или рыбной ловлей.

И уж во всяком случае — это не повод, чтобы ежесекундно унижать себя страхом расставания с этой жизнью. Не может быть, что дальше ничего не будет!

Теперь, когда я ночью добираюсь домой пешком, я, бывает, слышу угрожающие шаги за спиной, и, если бы это было до смерти Артёма, сжималась бы в страхе от неминуемой встречи.

Но я никого не боюсь. Я готова принять всё. Какая разница, когда один сын здесь, а другой — уже там. Я нужна обоим. И если так угодно Богу, я буду там, где нужнее. Остальное — детали. За эти годы было всякое. Горела моя машина — я подъехала на бензозаправку, а из-под капота вырвалось пламя — проводка электрическая замкнула. Подскочили водители, стоявшие в очереди за мной, — пламя потушили, как говорится, шапками. Бензоколонка не взорвалась. Потом грабили мою, более чем скромную квартиру в Мытищах, потом калечились в автокатастрофах друзья.

Я говорила — это всё не горе. Я говорила — это всё пройдёт.

Отец Владимир, мой бывший сокурсник — теперь настоятель церкви в Нижнем Новгороде, отпевал Артёма. Тогда он служил в Орловской церкви города Набережные Челны и был со мной в это страшное время. Так вот, он говорил, а я не слушала — я тогда наливала стакан водки — чокалась со своим отражением в зеркале — и выпивала, чтобы заснуть. По-другому я заснуть не умела. Отец Владимир говорил мне: «Убитые на Страстной неделе сразу становятся святыми. А их убийцы будут прокляты во всех поколениях». Артёма убили на Страстной неделе. Я стояла в храме с этой чёрной дыркой вместо души и не понимала, зачем я здесь. Я хотела вернуть сына. Мне его не возвращали никакие молитвы. Я смотрела на Богородицу, прижимающую к груди хрупкое тело младенца Христа...

И настала минута, когда я смогла её пожалеть. Эта женщина тоже потеряла сына.

Артём лежит на Молодёжном кладбище в городе Набережные Челны. Мы живём в Москве, точнее — в Мытищах. Убийца Артёма давно на свободе. Если утром, часов в шесть, сесть за руль здесь — уже к вечеру будешь у Артёма на кладбище, но только сначала проедешь Владимир, Нижний Новгород, Казань.

— Мама, пойми, что его там нет, — внушает мне сын, когда я рвусь уехать. Так мы друг друга и уговариваем.

— Почему ты меня так назвала?

— Тимуром? Твоя бабушка читала мне в детстве Гайдара. Там был такой малый, помогал пенсионерам.

— А помнишь — ты нас крестила в церкви в Переделкино, и на Артёма с крыши упала глыба снега? Я тоже рядом стоял, но меня не задело.

— Я помню. Он и желтухой болел два раза. Хотя врачи говорили, такого не может быть...

— А я ни разу... Это он за меня — второй раз...

— И за меня, Тимур. И за тебя. Живи теперь за него...

Конец первой части

СЛОВОПРИНОШЕНИЕ С ДОНБАССА

Лучшим подтверждением аксиомы «Времена не выбирают, в них живут...» является история Межрегионального союза писателей (МСП) с центром в Луганске.

В непростые 90-е, литераторам, пишущим на русском языке, было неоднократно отказано в приёме в Союз писателей Украины и предложено писать на украинском. Но Донбасс — это Советский Союз в миниатюре, это более 120 национальностей и народностей. Со всех уголков огромной страны ехали люди на предприятия и шахты Донбасса в поисках лучшей доли. И русский язык стал не только языком общения, он объединил народы.

И вот тогда-то луганские поэты не смирились с таким положением, поехали в Москву, сумели добиться встречи с руководством МСПС, смогли убедить помочь русскоязычным литераторам востока Украины. В начале 1993 года четверо поэтов из Луганска и области первыми были приняты в Международное сообщество писательских союзов. Это событие стало началом нового литературного Союза.

Несмотря на неприятие собратьев по перу из Союза писателей Украины, МСП стал быстро расти. Поначалу он объединял литераторов Луганской и Донецкой областей, потом присоединились Харьковская и Днепропетровская, позже региональные отделения появились в других областях Украины.

Межрегиональным писательским союзом были учреждены восемь литературных премий имени известных писателей-земляков. Среди них имени Владимира Даля, Михаила Матусовского, Владимира Сосюры, Татьяны Снежиной и других.

В 2003 году начал выходить альманах МСП «Свой вариант», который с каждым выпуском становился объёмней, а напечататься в нём становилось всё престижней. Последние выпуски альманаха достигли 400–450 страниц и собрали под своей обложкой порядка 140–150 авторов. В 2009 году появился сайт с одноимённым названием.

С 2009–2010 годов стало набирать силу фестивальное движение, организуемое региональными организациями МПС (Харьков, Дебальцево, Днепропетровск, Дружковка, Донецк, Луганск, Винница), которое способствует творческому общению, росту уровня произведений.

С самого начала своего существования Межрегиональный союз писателей привлекает литераторов творческой атмосферой, демократичностью и бесконфликтностью. Главные критерии — талантливость авторов и уровень произведений.

Председатели Правления МСП Александр Довбань (1993–1994), Олег Бишарев (1994–1997) приносили в работу организации своё видение и организационные находки.

С 1997 года до 2013-го — бессменный председатель Правления МСП — Владимир Спектор. Благодаря его творческому подходу к работе, организаторским способностям, умению общения с людьми, МСП объединил за это время литераторов из 18 областей Украины.

В апреле 2013 года на 6-м Съезде МСП было принято решение об изменении структуры управления Союзом. Сопредседателями Правления избрали Владимира Спектора и Наталию Морозову-Мавроди.

В настоящее время в Межрегиональном союзе писателей более 700 литераторов не только из Украины, но также из ближнего и дальнего зарубежья: России, Беларуси, Германии, США, Франции, Италии, Израиля. По сути, МСП стал международным.

Несмотря на сложности последних лет (боевые действия и блокада региона) Межрегиональный союз работает в полную силу: издаются книги, проходят фестивали, не прекращают свою работу «Литературные гостиные» в региональных отделениях, проводится литературная учёба. А самое главное, пишутся произведения! О чём? О любви, о войне, о родине, обо всём, чем живут сердца и души авторов. Подтверждением тому, недавно изданный в Москве в МСПС сборник произведений писателей Донбасса «Строки мужества и боли...».

Межрегиональный союз писателей постоянно пополняется новыми членами. Особенно радостно, когда приходит молодёжь. Значит, у союза есть будущее!

*Наталия Морозова-Мавроди,
сопредседатель Межрегионального союза писателей*

**ИВАН НЕЧИПОРУК,
г. Горловка, ДНР**

Коренной горловчанин. В довоенном прошлом — шахтёр. Выпускник Донбасского ГПУ (филфак, заочно). Член правления Межрегионального союза писателей, исполкома МСПС, член СП России, членкор Крымской литературной академии. Руководитель литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны». Член редколлегий журналов «Пять стихий» (Горловка), «Метаморфозы» (Беларусь) и др.

КРИКИ ЧАЕК НАД НЕВОЙ

Тают в облаках лучи...

Ветер свищет, как нагайка,

Воздух сладостно горчит.

Надо мной не плачут чайки,

Надо мной кричат грачи.

Кроны тополей пусты...

На ветру трепещет осень,

Сквер, осунувшись, простыл.

И октябрь с собой уносит

Прогоревший дух листвы.

Заболел мой край войной...

И друзья считают чаек

Над холодной Невой.

И по Родине скучая,

Не торопятся домой...

* * *

Не прощай, но просто до свиданья!

Наши тени пусть проглотит ночь,

И разделят нас не расстоянья.

Размышлений поздние терзанья

Не способны нам уже помочь.

И да будет всё по воле Божьей,

Только он нас может вразумить:

Не питаться сплетнями и ложью,

И упрёками друг друга не тревожить,

Оставаясь всё-таки людьми.

* * *

Поэт всегда — тринадцатый апостол.

Елена Крикливец

Не верьте, что творцом быть очень просто,

Мир слова — не тщета и суета,

Не просто связка мыслей в три нахлёста...

Поэт почти тринадцатый апостол,
Когда не мыслит жизни без Христа!

Сдирая безразличия коросту,
Расплёскивает душу по листам.
И сквозь погосты да помосты поступь...
Когда поэт — тринадцатый апостол,
Ему никак не избежать креста.

АЛЛЮЗИОННОЕ

Моя Итака, мой родимый край,
Стремлюсь к тебе сквозь море ковылей,
Безумная бродяжничья игра —
Холодная, как неподъёмный страх.
Страх умереть не на своей земле.

Огонь в глазах моих давно остыл,
Туника не проходит по дресс коду...
Судьба моя — горящие мосты,
И если не циклоп, то блокпосты,
И окончанья не видать походу.

КТО НЕ СКАЧЕТ

Ещё вчера кричавшие: «Осанна!»,
Сегодня перекрасились нежданно,
Благоразумия уже не сохранить,
Когда в загуле и в угаре пьяном,
Злой дух толпы, витая над майданом,
Рождает крик, вызывающий: «Распни!»

И хмурый день становится кровавым.
Народ кричит и требует расправы
(Найдут виновных, ведь никто не свят)...
Зигуя небу жестом ультраправым,
Толпа, как зверь рычит: «Отдай Варавву!»,
И скачет... Кто не скачет — тот распят!

ЖИВЁТ МЕЧТА

Назло тяжёлым болевым векам
Живёт мечта! Сквозь дым и облака
Идёт сквозь гул разрывов канонады
К звезде полей, что нынче далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать шум осок,

И вздрагивать при каждом крике выпи...
Но время горькое опять клюёт в висок,
И чашу скорби всё же нужно выпить.

* * *

Вся жизнь, как один лейтмотив —
Сражение, брань со страстями.
Но, мир для себя упростив,
Мы лямку боренья не тянем.
Творцами себя окрестив,
Окольными бродим путями
Во власти пустых перспектив.

Нам шепчет порой суета:
«Во власти прекрасного слога
Душа безупречно чиста».
Но так ли беспечна дорога,
Когда она мимо Христа?
Вся жизнь — это поиски Бога,
А всё остальное — тщета.

* * *

Дышит край мой ковыльным привольем,
Пахнет воздух полынью седой.
Этот край был веками намолен,
И вчерашнее Дикое Поле
Нынче стало нам Русью Святой.

Пробиваясь огнём и секирой
Нас дороги и судьбы свели.
Мы полпреды славянского мира
Из Донца мелового потира
Причащаемся тела земли.

* * *

Дитя во мрак сорвавшихся годов,
Груздём назвался — значит будь готов
К нападкам голосащей пёсией стаи...
В деревья, на которых нет плодов
Ни палки, ни булыги не метают.

Спокойствия ты не считай по дням,
Пусть будет путь не лёгок и не прям,
Не бойся и спеши смелей за светом
По лезвиям, по стёклам, по углям,
Назло любым знаменьям и приметам!

**ВИКТОРИЯ ПОЛЯКОВА,
г. Горловка, ДНР**

Родилась в г. Горловка в 1970 году. Закончила Днепропетровский горный институт. В настоящий момент работает в музее миниатюрной книги им. В. А. Разумова. В ЛитО «Забой» пришла в 1994 году. Автор четырёх книг: «Любви осенний сад», «Ой, лелече мій, лелече», «Исповедь пешки» и книги для детей «Приключения мышонка», в соавторстве с Ириной Кузнецовой-Грузевой выпущена книга «И боль стихами отзовётся». Лауреат областного литературного конкурса им. Григория Кривды и литературной премии им. В. Сосюры. Член Межрегионального союза писателей.

* * *

* * *

Я не хотела счастье отпускать,
Но ни слезам не внял вокзал, ни стону...
И эхо паровозного гудка
Носилось очень долго по перрону...

А люди расходились кто куда,
Кто не спеша, но чаще торопливо...
К платформам подходили поезда,
И диктор объявлял чей поезд прибыл...

И было столько безразличных глаз,
Смотрящих сквозь меня и стёкла окон...
Что осознала я, что умерла,
Но осознав, не испытала шока...

Вокзалы понимают, но молчат:
Складируется боль в бюро находок...
И раны на душе кровоточат
Потёками на полукруглых сводах...

На станции погасли фонари.
Прошёл «кругляк», и вдруг запахло хвоей...
А сцепщик руководство материл,
Об имидже своём не беспокоясь.

Кому-то не давали скорый путь.
Как муравей, трудился маневровый...
Подумала, коль счастья не вернуть –
Пойду-ка я куплю себе обнову

Но не сейчас. Допью холодный чай
И пальцами коснусь лучей рассвета...
Вокзалы учат многому: прощать,
И никогда не забывать об этом...

Лишь вчера играли в классики
Эти девочки со свастикой.

А сегодня «детки милые»
Разливают по бутылочкам
Смесь с добавкой новомодною –
Не «Махито» – «коктейль Молотова»,

Чтоб страна, и так не сильная,
Запоегостилась «Хатынями»...

* * *

*«...Детской кровью помечен дьявол...»
Марина Балабашкина*

Детской кровью помечен дьявол.
Криком вдовьим заклало уши.
Очи долу, и совесть глуше...
А присмотришься – все неправы!

Из руин достаю игрушки...
По кускам собирают сына...
Что ж ты делаешь, Украина?!..
А в ответ – канонадой пушки!..

А солдатики – на запчасти!..
Кто у власти – до денег жаден.
Нет, не женщины вас рожали!..
И насмешкою – город Счастье...

На престол возвратился Ирод
И пилатствует без разбора,
И растут у нас трупов горы...
Что ж ты делаешь, Украина?!..

* * *

Нет, не тьма поглотила...
 но сумерки, словно кисель,
 Искажают не только
 предметы, и мысли, и чувства...
 Мне на Вашем кресте,
 изнывая от жажды, висеть,
 Не надеясь, что в ком-то
 проявится чуткость...

И смотреть с высоты,
 с небрежением плотских утех...
 Не мечтала, что могут меня
 равно Богу возвысить...
 Я на Вашем кресте по злобе
 и по зависти тех,
 Кто из книг признает, словно догму,
 один катехизис...

Всяк, спешащий к святыням,
 ты мимо никак не пройдёшь:
 Или плюнешь в меня,
 или трижды себя перекрестишь...
 А на город падёт в час назначенный
 огненный дождь,
 Или гады полезут из всех закоулков
 и трещин...

Мне ж на Вашем кресте,
 как у Бога за пазухой –
 Рай:
 И душа не болит, не кровят
 и сердечные раны...
 Если б выпало мне в новой жизни
 судьбу выбирать –
 Я б на Вашем кресте оказалась опять,
 как ни странно...

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ДОНБАССА

Макеевка. 30 января 2017 года.

«Минск» одним движеньем сорван,
 Ради денег и наград...
 От авдеевской промзоны
 Город накрывает «град»...

Над моей землёй Донецкой
 Словно коршун «дрон» парит...
 Во дворе больницы детской
 Две воронки, кровь и крик...

Не несите, люди, свечи.
 Не копите в душах гнев.
 Мир – не вечен. Век – увечен.
 Исцелится, отболев...

Небосвод опять разорван,
 В храмах ангелы скорбят...
 А Война выводит «соло»
 Третий год уже подряд...

* * *

*«Эта Горловка –
 нож у горла мне...»
 Алексей Полубота*

А по городу
 снова минами –
 это «Минские» –
 первый пункт.
 Кто в нём? –
 мирные.
 Бог помилует?..
 Бог помилует –
 светел путь...

Здесь окраины
все изранены,
и пожарища
от домов...
И девчушка,
в пальтишке мамином,
рукавом
вытирает кровь...

Украина, ну как там
с совестью?.. —
Глухо «бахает»
за окном...
Ночь бессонная
мне не новостью —
это Горловка —
Отчий дом.

* * *

Дни отсчитывают ходики...
Я всё жду
И молю святых угодников.
Я молю:

«Мне не надо счастья скорого
И любви.
Сберегли б вы добра молодца.
Сберегли

От обмана, злого умысла,
Ласк огня,
От ножа, зверья, безумия...
От меня...»

КОНСТАНТИН КОВАЛЬ, г. Дзержинск

Родился 16 апреля 1965 года. Диплом историка получил в Донецком государственном университете. Профессию журналиста освоил в старейшей украинской газете «Вечерний Киев». В настоящее время работает в социальной сфере.

Печатался в журнале «Пізнайко», в коллективных сборниках «Свет рождества», «Стезя», «Рыцари слова» и литературно-художественных журналах «Пять стихий» (Донбасс), «Метаморфозы» (Беларусь), «Северо-Муйские огни» (Бурятия, РФ). Автор книг «Белая дорога», «Смеюсь на все четыре стороны», «Город пиджачного типа». Дипломант международного конкурса «Семья — всему голова» — 2014, Международного фестиваля «Звезда Рождества».

Член Межрегионального союза писателей.

ОДНАЖДЫ

Однажды мы покинем наши замки,
Открестимся от прадедовских лат,
Привыкнем забегать в фастфуд на завтрак,
Планировать детей, бранить ноябрь.

Забудем крепость слов и алкоголя,
Махнём на притязания к меже,
Не будем заводить ночные споры
В винуительно-предложном падеже.

Устанем замечать косые мины,
И зеркало не станем укорять.

Прилипнем к распродаже на витринах,
Проникнемся к чужим календарям.

Приучимся бездельничать в субботу,
Усвоим все чужие языки,
Купируем хвосты, обрежем когти.
И станем теми, кем не стали мы.

Однажды... всё случается однажды.
Сегодня, завтра, через сотни лет,
Когда как будто наши, но не наши
Приспущат флаги дедовских побед.

* * *

Я ходил по городу без улиц,
Без домов и даже без людей –
Изучал нелепую окружность,
И никак не мог привыкнуть к ней.
Всё в ней было: вывески и флаги,
Зебры на проезжей полосе,
Глупые и важные бумаги,
Папки под завязку для досей.
Не было людей. Зато собаки
Жались к недо-улицам/домам,
Стерегли заброшенные баки
И в луну вгрызались по ночам.
Шли за мной на должном расстоянии
То рыча, то дёргая хвостом,
Упреждая лязганьем и лаем
Каждый недо-квартал, недо-дом.
Иногда они сбивались в стаи.
И тогда, немного осмелев,
Подходили ближе, удивляясь:
«Разве этот тоже из людей?»
Люди где? Куда девались люди?
Псы бежали от вопросов прочь –
К жерлам раскуроченных орудий,
К окнам, перехваченным на скотч.
К лестницам в разбитые подвалы,
К брошенным квартирам и узлам,
К надписям о том, что всё оставив
Каждый человек остался сам...

Круг замкнулся. Вот она, окружность –
Аксиома точек-площадей...
Я ходил по городу без улиц,
Без домов и даже без людей...

ШОУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Песок остыл, арены опустели...
Пусть время гладиаторов прошло,
И ржавчина ползёт по Колизею –
Не сгнуло убийцы ремесло.

Дамаск горит, Донецк от боли стонет,
В Париже ли окрасилась река –
Не заслониться всё-таки ладонью
При взмахе обнажённого клинка!

Но многие, забыв чужие плачи
И выслушав букмекера совет,
Готовы прикупить билет удачи,
За пару-тройку резанных монет.

И радостно скакать по стадиону
И хрусткою купюрой щеголять...
Где те, кто состраданием исполнен,
Чьё сердце не приучено молчать?

Мир трижды обновлённый –
трижды грешен.
Ему ли о случившемся стенать?
Не он ли сам себе и рукоплещет
За тяготу красиво убивать?

Мечём ли, из мушкета или миной... –
У шоу – ни начала, ни конца.
И разве не Христос напомнил Риму
О колкости тернового венца?

ДЕНЬ ТИШИНЫ

В закатных окнах отразился красным
И растворился в бармах синевы,
Возможно, самый лучший в мире праздник –
День, названный Началом Тишины.

Ужели, ангел взял нас на поруки?
А если ночью снова за своё?
И мы всё также пеленгуем звуки,
И маскируем шторами жильё.

День Тишины случается не часто.
А если сделать Годом Тишины?
Кровавый шрам зари зарубцевался
И почернел, но боли не прошли.

ЖЁЛТЫЕ ТОЧКИ

Облако как выхлопной дымок.
Жёлтая точка по траектории...
И в сводках расскажут, как был неплох
Тот, кто удерживал территорию.

Точка в зените... Ещё чуть-чуть –
И ослеплённые съедут с трассы.
А ночью стрелявшего засекут
И полоснут бледно-жёлтым трассёром...

ДЕТЯМ ГОРОДА ДЗЕРЖИНСКА (в перерывах между артобстрелами)

Вы превратились
в однодневных мотыльков,
Живущих мимолётным настоящим,
Познавших холод ночи и огонь,
Не творческий и жизни не щадящий.

Не в лампах он горит, не в фонарях,
И ладанным теплом во тьме не дышит,
Но сеет разрушение и страх,
Когда летит из гаубиц на крыши.

Не звёздами очерчен потолок,
Убежище в осколочных раненьях.
Дождётся ли рассвета мотылёк,
Молящийся в подвале о спасеньи?

ВАРВАРЫ ПРИХОДЯТ НЕ С ВОСТОКА

Варвары приходят не с востока,
Их костры обуглили закат.
Не о том ли бойкие сороки
Неустанно воронам трещат.

Приглашают чёрных на забаву –
Юной плотью в поле пировать
И оклады храмов православных
На фалеры римские менять.

Жечь пергамент «Игорева Слова»,
Зло коверкать богоданный стих
И скакать в награбленных обновах
На подспудных капищах своих.

Но когда умолкнет ор и топот,
И стрела, сверкнувшая, сгорит,
Солнце, появившись на востоке,
вновь надеждой землю озарит.

НАТАЛИЯ МАВРОДИ, г. Луганск

Родилась в Мариуполе Донецкой области. С детских лет живёт в Луганске. Образование высшее. По профессии – инженер-литейщик. Автор книг стихов «Две стороны», «Времена не выбирают», книги сказок «Снежка», соавтор краеведческой книги «Гостиница „Украина“ („Октябрь“)». Ул. Пушкина, 3». Сопредседатель Межрегионального союза писателей, заместитель главного редактора альманаха и сайта МСП «Свой вариант». Лауреат литературных премий имени Олега Бишарева и имени Михаила Матусовского.

* * *

Уходят вдаль волнующие строки:
Смешенье грёз, признаний и молитв,
Пастель венков сонетов яснооких,
Скрещенье шпаг и канонада битв.

Они идут, с достоинством ступая,
Снимая с душ нагар оплывших лет,
В дуэльный день, остановив у края,
И разряжая в воздух пистолет.

Они ведут к Божественному свету,
Не выпуская временную нить,
Идут не для того, чтоб кануть в Лету,
А для того, чтоб жизнь нам осветить.

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

Фантомная боль
таилась до срока:
Вновь кровью — за кровь
и око — за око.

Мы, люди-цари,
подобные Богу,
Что с жизнью творим?
Мостим ЧЕМ дорогу?

Не видим ни зги,
черны злобой вены —
КАК наши мозги
очистить от скверны?

Ни троп, ни моста —
к ответам искомым.
В молчаньи уста
на ликах иконных...

Бесовская хворь
вселилась когда-то...
Вновь кровью за кровь —
потомкам расплата.

ОГОНЬ ВОЙНЫ НЕ ГРЕЕТ

Огонь войны не греет никогда,
Огонь войны — душевное уродство,
В нём люди превращаются в стада,
Подогревая чьё-то превосходство.

А на войне, увы, как на войне —
В ней спишется и подлость, и злодейство,
Прорехи в прохудившейся казне
И откровенное, с ухмылкой, фарисейство.

И виновата вовсе не страна,
Она осквернена, больна, распята:
Вновь на весах — разбухшая мошна
И в смертный бой идущие солдаты...

* * *

Умолкли орудийные раскаты,
И над Луганском воцарилась тишина,
Вновь мирной жизни выстроились даты,
Но крепко держит цепкая война.

Наверно, долго позабыть не сможем
Гарь чёрных дней и зарево ночей,
И боль за тех, чью жизнь войной итожа,
Уносит в небо стая журавлей.

И будем вздрагивать, и долго будет страшен
Звук канонадный фейерверков и петард,
И в идиллических картинках вешних пашен
Нам будет видеться боёв крошечный ад.

ГРАНИЦЫ, ГРАНИЦЫ, ГРАНИЦЫ...

Границы, границы, границы...
Заборы, заборы, заборы...
Рассечены сёла, столицы,
Рассечены реки и горы.

Рассечены судьбы и души,
Сердца размежёваны грубо,
Сковала и море, и сушу
Болезни смертельной остуда.

Планета Земля на закланье:
Сады, перелески и пашни —
Мы прокляты непониманьем
У стен Вавилоновой башни.

Когда ж разорвём эти сети
И Землю любовью согреем? —
Единого семени дети.
Но... делим всё, делим и делим.

* * *

Вопросов больше, чем ответов
 На самом краешке чудес.
 Ну что ж, даст Бог, пройдем и это –
 Как ни крушит надежды бес.

Когда холодное свеченье,
 Что было некогда огнём,
 С улыбкой грустной отречения
 Уйдёт за дальний окоём –

Всё совершится так, как должно.
 И важен будет не ответ,
 А чувство лишь: что всё возможно
 И что несбыточного нет.

И ВСЁ ЖЕ МИР ПРЕКРАСЕН!

Всё как-то не всерьёз, всё понарошку –
 Мы время в долг берём у перемен,
 Дорогу видим узенькою стёжкой,
 Запрятав взгляд за шорами подмен.

Мы подменяем честность пониманьем
 И мужество – стечением причин,

Молчим, когда присваивают званья
 Не знающим подножия вершин.

Молчим, себе на горло наступая,
 Лояльностью загладив беспредел,
 Молчим, молчим – и хата наша с краю –
 И, вроде, при делах, и – не у дел.

Слова о дружбе лишь пустая фраза,
 Когда в поступках нет подспорья им.
 Да не коснётся наших душ зараза,
 Что превращает всё святое в дым.

Да, мы слабы. И всё же мир – прекрасен! –
 Смелей, мудрей и справедливей нас.
 Он превращает наши стёжки в трассы,
 А наше покаянье каждый раз

Он принимает как ступеньку к Богу,
 Прощая все паденья и грехи,
 Растапливая мусора сугробы,
 Рождая солнечные песни и стихи.

ЕЛИЗАВЕТА ХАПЛАНОВА, г. Макеевка

Родилась в г. Макеевка. Окончила Харьковский Национальный университет внутренних дел, затем аспирантуру. Работала следователем МВД, преподавателем, госслужащей. Неоднократно бывала в различных городах Татарстана, некоторое время проживала в Казани, откуда родом её мама.

Автор поэтических сборников «Я тебя подожду», «Пульс», «Пепел небес», «Открытые дневники», двух томов научно-популярного издания «Макеевка. История города», составитель и редактор литературно-художественных альманахов «Макеевка, Муза моя» и «Донбасс в женской строке». Председатель Макеевской городской организации Межрегионального Союза писателей, руководитель городского литературного объединения им. Н. Хапланова. Лауреат литературных премий им. Олега Бишарева и Михаила Матусовского.

ВОЕННО-ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Ничего не поделаешь.

Время диктует своё...

Только память суровая

мысли уносит к проспектам,

где кормила с ладони

голубушек и воробьёв,

где в сезоне любом душу

грело беспечное Лето.

Вырастаем из крыльев.
Уходим из белого сна...
Не остаться ребёнком,
когда наши дети взрослеют
не от прожитых лет —
от картин, что дарила война.
Раньше срока взрослеют...
А мы — раньше срока седем.

Ничего не поделаешь...
Жизнь нам дана только раз!
По весенним дорогам
идти хоть немного, но легче
в край любимый... с красивым
и сильным звучанием — Донбасс.
Пусть уже не рассвет.
Но ещё далеко и не вечер...

Значит, время придёт
 собирать не беду, а росу.
Строить новую жизнь
 на вчерашнего счастья обломках.
С терриконов тянуться,
 чтоб в небо плеснуть бирюзу...
Ставить в землю кресты...
 И латать меж крестами воронки.

СПЕШИМ...

Спешим на работу
Под вой канонады.
Сердца как набаты стучат!
Кому здесь вольготно?
Кому это надо?
Кто смерти донбассовцев рад?
Спешим...
Ведь опять поднимается солнце!
И в школу бежит детвора...
А жизнь над обрывом,
как пуля, несётся!
Но нет... — нам ещё не пора
Пасьянс наших судеб
Рассыпать по ветру...
Мы ждём приближенья зари —

Покуда нас крутит,
как прежде, планета,
Покуда в заботах горим...
Спешим на работу
Под вой канонады –
Такая судьба нам дана.
Игра, как по нотам,
летающих снарядов...
Спешим...
Канонада...
Война...

БЕЖЕНКА

Стекает боль в объятия луны...
 Растаял звук последнего стаккато.
 И все шаги уже предрешены...

Мне выстрелы ночами не слышны —
и в том себя считаю виноватой.

Глухой стеной границы городов... и стран...
Как будто жизнь застыла
Меж разведённых полночью мостов...
Под небом ясным посреди ветров
одна — сама себе огонь и сила.

В степной дали — арпеджио огня.
И мирный зритель в оркестровой пыли
Глотает звуки, что не слышу я...
На горизонте светится маяк,
но чистый свет волной... войной размыли.

Молчу. Почти не плачу. Не живу...
Но слышу тихий глас Ильи-Пророка...
Теперь не зёрна сеют, не траву:
Подсолнух чёрный клонит вниз главу...
И новым всходам не настали сроки.

Инвенция непрошенной тоски
сгущает кровь чужого мне заката —
Другой любви невзрачные мазки...
Срывает ветер звуков лепестки...
Играет осень «Лунную сонату»...

А ГОРОД МОЛИТСЯ...

Из воспоминаний очевидца: «...19 января 2015 года, в праздник Крещения Господня, мы выехали на аварию в посёлок Октября. Там загорелся газопровод высокого давления. Ребята с большим трудом устранили серьёзнейшую аварию. Но тогда меня потрясло происходящее совсем рядом... Недалеко от места аварии располагался ставок, где в тот момент проходил обряд водокрещения.

Продолжается обстрел... над головами молниеносно несутся снаряды... в двух шагах от людей горит газопровод... А люди, жители нашего города, смотря в небо, крестятся с молитвой на устах и входят в освещённый водоём.

Тогда я подумала: «наш народ, такой народ, победить невозможно!»...

Крещенским холодом,
Позёмкой белою...
Сырым убежищем –
Тот год запомнится.
Летят над городом,
Смеясь над верою,
Снарядов полчища...

А город — молится.

И в день Крещения
К обряду вечному
Идёт народ честной –
И души полнятся
Церковночтением
и чудом вечера...
А рядом – снова бой.

И город — молится...

Накрыта истина
Пластом насилия...
Но души веруют,
Что Свет откроется! –
С такими мыслями,
И силой сильною,
И светлой мерою

Наш город молится!

СПЕШНЫЕ УЛОЧКИ...

Спешные улочки древней Казани
Ёрзают в лапах угрюмого неба...
От золотистых улыбок вокзала
До площадей и забывшихся склепов

Воздух наполнен елеем сказаний,
Мёдом молитв под призыв муэдзина.
В тысячелетней, как мудрость, Казани
В лавках припрятаны счастья корзины...

Смыв с берегов загорелых камня,
Город собою, как цепью, связали
Реки... озёра... мосты... поселения...
Есть ли где то, чего нет у Казани?

Блеск куполов и верхушки мечетей...
Зилант с косульими чудо-глазами...
Спешка — до времени. Время — не вечно.
Вечна — история древней Казани...

ПОЧЕМУ, УКРАИНА...

Слышу звук канонады, вижу отблеск огня...
Почему, Украина, ты стреляешь в меня? –
За какие ошибки мы повинность несём?
Отчего нет покоя ни ночью, ни днём?

Под разрывы снарядов — разорвётся душа...
Почему не даёшь ты ни спать, ни дышать?
Видишь, сила какая —
 не сдаёмся во власть!
...Здесь останусь навеки, коли здесь родилась —

То ль душою народа, то ли прахом в земле...
И не спетою песней в убитой стране...

ВОЙНЫ ВАЛЮТА

Памяти Арсения Павлова («Моторолы»)

Наша Жизнь — войны валюта.
С ней играетс я иуда,
Ценность понижая круто —
До немыслимых границ.
А на небе кружит ворон —
Вдовы воют дружным хором...
Проросли гнилые зёрна —
И взрастили... аушвиц.

Меньше нас ещё на брата —
Покидают мир комбаты...
Там — парады. Здесь — награды
лягут холодом на грудь.
В люльке — сын, малышка — дочка
Не помашут вслед платочком...
Роковой осенней ночью
Отбыл он в последний путь.

Кривоногая с косою
На Донбасс идёт войною.
И, рядом могилы роя,
На крови играет пир.
Над земной непрочной твердью
Кто-то яро крутит вертел,
Чтоб обрёл своё бессмертье
Рядовой и командир.

ПУСТЬ БУДЕТ ПУТЬ

Я не прошу у жизни много.
Всё, что положено, приму.
И будет Путь. И пусть дорога
Не заведёт людей во тьму.

Пусть будут долгие прощанья
Гарантом долгожданных встреч.
Пусть Ангел чаще навещает
И помогает Мир сберечь.

И если есть в копилке судеб
Мне предназначенный Урок,
Среди крови и словоблудья
Останусь той, что — видит Бог —

Не ждёт даров на белом блюде,
Не ищет славы и корон —
Останусь той, что служит людям
Свечой, горящей у икон...

Останусь долгим-долгим стоном
Моей истерзанной земли...
Свечой, зажжённой на каноне
За всех, что мы не сберегли...

ОТ ОКОЛИЦЫ В ВЕЧНОСТЬ

Ильдар Касимович Зарипов не из тех художников, кто был обижен вниманием зрителей и искусствоведов. О нём писали много. Но по прочтении всего остаётся убеждение, что загадка его творчества так и не была раскрыта. Ничуть не претендуя на окончательность своих суждений, попробую сделать это на основе своих наблюдений над некоторыми наиболее известными и зрелыми его полотнами.

За три года до окончания Казанского художественного училища И. Зарипов создаёт картину, которую, пожалуй, можно назвать первой по-настоящему состоявшейся работой художника», — «В Шигалах» (1958). При всём ученическом характере произведения, здесь уже угадываются черты зрелого зариповского творчества — с излюбленной деревенской тематикой, с женским образом, с некоторой наивностью, «детскостью» восприятия, с лирической открытостью и проникновенностью пейзажа. Эта работа удивительным образом перекликается с картинами казанского художника А. И. Тумашева, на которых отображены виды окрестностей Казани, особенно с его «Посёлком Бирюли» (1963). При всей разности письма и изображённого на картинах есть общее, на наш взгляд, главное начало — поэзия природы, деревенской и поселковой России. Возможно, эта общность идёт и от географической и природной близости Шигалей с Бирюлями (потому и названия эти созвучны): оба населённых пункта расположены в Высокогорском районе Татарстана, примерно на одинаковой удалённости от Казани. Но по большей части, как нам представляется, она продиктована общностью времени создания творений. 1960-е, как известно, вошли в отечественную историю и культуру как годы «оттепели», давшей обществу ощущение свободы. Эти годы отмечены плодотворными процессами в изобразительном искусстве, театре, кинематографии и других видах художественного творчества. Бурный взлёт переживает лирика, что неслучайно: для неё, призванной выражать мир сокровенных чувств и переживаний, время 1960-х оказалось более чем благодатным. В связи со сказанным нельзя не упомянуть поэмы «Станция Зима» (1955) одного из лидеров поэзии тех

лет Евгения Евтушенко, поэзия «малой родины» которой по-человечески роднит её с названными здесь картинами Зарипова и Тумашева. А то, что Зарипову удалось сохранить в себе поэзию незамутнённого временем и жизненными обстоятельствами восприятия мира и человека, выразившегося, в том числе, в написанных спустя десятилетия картинах «шигалёвской» тематики («Деревня «Шигали» (1990); «Сентябрь в Шигалах» (1991)), объясняет многое в основах и в эволюции мировоззрения и творчества художника. Верностью этой поэзии объясняется и факт написания Зариповым в 1985 году работы «За Казанью», содержательно очень похожей на изображённое на картине «В Шигалах».

Мысль о доме — одна из главных в творчестве Зарипова, которая одно из ярких воплощений получила в картине «Дома». Её композиция достаточно проста. Но это совсем не значит, что она не продуманна. Каждая деталь призвана выразить главную мысль художника — о гармонии деревенской жизни, живущей в согласии с общим бытием природы. Перед нами крестьянская изба, в которой уютно и тепло. Эти уют и тепло чувствуешь физически. Причём чем больше смотришь на картину, тем становится всё уютнее и теплее: она словно оттаивает человеческую душу, обременённую повседневными заботами. Тепло от белой печи и медного самовара, жар которых наполняет всю картину и отражается как на всём её цветовом решении, так и на персонажах: на кошке с котятками, уютно расположившимися у подушки, и, конечно же, на матери с дитём, лица которых пышут от жизненной энергии, заключённой в них. В виде заботы женщины-матери о своём семействе, о доме теплота и свет обнимают собой всё. Силами женских рук здесь создано царство порядка и лада. Перед нами будто целая самодостаточная вселенная, но не замкнутая на себе, а расширяющаяся: свет и тепло её столь всепроникающи, что будто изливаются сквозь окно, разукрашенное морозными узорами (которые ничуть не дисгармонируют с общей теплотой картины, а своим блеском только усиливают её), и готовы обнять собой весь мир. А за этим окном — другое горящее окно, символизирующее собой ту связь, которую оказывает физический и душевный свет, теплящий всю картину Зарипова. С этой точки зрения работу тридцатилетнего художника можно назвать произведением философского звучания — при всей простоте содержания. Таков уровень мастерства автора.

В том же году, в котором создана картина «Дома», он пишет одну из самых известных своих работ — «Зульфию. Казанскую красавицу». В национальной станковой живописи обнажённую женскую фигуру прежде вообще не писали: в татарской культуре, возросшей на почве ислама, на это было табу. Но вот какие отзывы получила картина — именно от мужчин-татар: «...так, как это сделал Зарипов, вряд ли кто и напишет. Тёплый колорит, золотисто-охристый тембр. Молодая здоровая женщина, счастливое лицо, рубенсовский цвет...» (Р. Юльметьев); «...героиня картины Зульфия — интересная молодая особа, познавшая чувственную любовь. Изображена она в тот миг, когда грёзы любви не во сне, а наяву будоражат её воображение. Всю свою страсть, нежность посвятила она высокому чувству <...> Судя по картине, Зульфия — самое что ни на есть счастье. Она только что пробудилась после сладкого сна и не успела ещё одеться. Расчёсывает, сидя на кровати, длинные чёрные волосы, слегка прикрывающие золотистое тело женщины: плечи, упругие груди, бёдра. О том, что она познала женское счастье, говорят её лучезарные глаза, румяные щёки. Молодое здоровое, красивое женское тело вызывает восхищение, восторг» (Киям Минлебаев). То, что центральный образ картины Зульфия вызывает такое восхищение, свидетельствует о её совершенстве, связанном с мастерством автора в передаче главного пафоса произведения — воспевания, упоения женщиной как самым гармоничным по красоте созданием природы. При всей декоративности картины, отвлечённости женского образа, он действительно будоражит воображение.

Двумя годами позже «Зульфий» Зарипов пишет другую свою известную картину – «Нефтяник Ахат-абый». В каталоге одной из выставок картин художника об этой работе автором вступительной статьи В. Ф. Карповым написано следующее: «В полотне "Нефтяник Ахат-абый" удачно найден типаж, убедительно переданы особенности национального оформления интерьера. Зарипов выступает здесь как увлекающийся и восторженный рассказчик, обращающий особое внимание на точность деталей. Ему удаётся создать образ сильного, спокойного и мужественного человека, подчеркнуть его чувство собственного достоинства, неразрывную связь с родной землёй. Тёплый, насыщенный, как и в предыдущих работах, колорит, сочность, интенсивность цвета становятся характерными для живописной манеры художника». Хорошая оценка картины, хотя утверждение о том, что её центральный образ выражает мысль о его неразрывной связи с землёй, не представляется бесспорным. Не звучит ли она прямо противоположно сказанному – в свете повальной в стране в 1960–80-е годы урбанизации: не об отрыве ли она ещё вчерашнего крестьянина от земли, от корней, от истоков – как в современной И. Зарипову деревенской прозе и лирике? Когда глядишь на картину, совсем не случайно в памяти возникают строки известного поэта Анатолия Передереева «Окраина» (1964):

*Околица родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.*

*Взрастил свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?!*

*Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.*

*Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.*

*И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!*

Наравне с деревенской, пронзительной темой в творчестве Зарипова является военная. Тема войны осознана им как глубоко личная, хотя и данная им как трагедия общегуманистического масштаба, она не оставляла художника на протяжении всего его творческого пути. В 1985 году он пишет картину «Батыр». Для понимания её истинного места и значения в художественном мире И. Зарипова необходимо очень внимательно прислушаться к его словам, сказанным в одном из интервью: «Первоначально я задумывал портрет отца. Мне было пять лет, когда он вернулся с войны. Я рос третьим

ХУДОЖНИК ИЛЬДАР ЗАРИПОВ

«В гости». Холст, масло

«Куручка Ряба». Картон, масло

«Золотой колос». ДВП, масло

«Айлар (Луна)»...». Холст, масло

«С Новым годом». Картон, масло

«Рябина. Натюрморт». ДВП, масло

«Осенний натюрморт». Фанера, масло

«Сон». Картон, масло

«Праздник в деревне». Холст, масло

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

«Землячки». Картон, левкас, темпера

«Кышкы балан (Осенняя калина)». Холст, масло

ХУДОЖНИК ИЛЬДАР ЗАРИПОВ

«Байрам. (Праздник)». Фанера, масло

«Прекрасный день». Картон, масло

«Ачылмаган чэчэклэр... (Нераскрывшиеся цветы)». ДВП, масло

ребёнком. Так вот, снял отец с гимнастёрки свои боевые медали, отдал мне со словами: «Играй, сынок!» А сам, припадая на раненую ногу (он защищал Ленинград и очень потом гордился, что картины сына есть в музее этого великого города), осмотрел брёвнышко за брёвнышком наш дом, который сам построил, и за дело — застучал топором. Когда уставал плотничать, за швейную машинку садился — обшивал всю семью. Настоящий народный умелец, даже сапоги женские тачал. Труженик был удивительный. Приближалось 40-летие Победы, впереди — выставка. Вот и задумал я написать портрет отца. Но опоздал: болезнь как-то очень быстро его скрутила. Поэтому у картины есть только посвящение — памяти отца-фронтовика...». В этих словах — целая судьба, типическая для нашего народа: победа над небывалым в истории по масштабам зверств и причинённому человечеству ущербу врагом; возвращение в мирную жизнь, что также требовало от человека ломки своей психологии, отчего нить трагедий, развязанная войной, ещё долго тянулась и после неё. В семье Зариповых всё сложилось благополучно — благодаря великой победе отца над собой, ставшей для сына примером мужества и труда — не только физического, конечно, но и духовного, нравственного. Здесь и заключён основной пафос картины, выразившийся в её названии, в переводе с татарского означающем «герой, богатырь» и воскресающем в памяти образы былинно-сказочных богатырей — при всей повседневности сюжета полотна. Но эта эпическая по своему характеру суть творения (батырство как основа основ, идеал народа, предмет его многовековой гордости) неразрывно слита с проникновенной, самой сокровенной интонацией памяти об отце. И в этом — весь Зарипов, главная загадка его творчества, на протяжении лет не оставляющей равнодушными настоящих ценителей живописи художника.

Удивительно, но интерес к его творчеству ничуть не снизился даже в годы, когда искусство вообще оказалось на задворках нашей культуры, — речь о трагических в этом смысле 1990-х. Видимо, связано это с тем, что, вопреки происходящему, его творчество, расцвет которого начался в 1970–80-е, ничуть не исчерпало себя в последующие годы. Лишь в 2000-е, в связи с болезнью Ильдара Касимовича, количество написанного им существенно уменьшилось, хотя это не повлияло на качество создаваемого: высота художественно-эстетической планки не снизилась, о чём свидетельствует лучшее из написанного в эти годы — картины «Зима пришла», «Прекрасный день», «Цветок Казани» (2000), «В деревне», «Чигирь» (2001), «Вальс цветов», «Золотая осень» (2003), «Заказанье», «Байрам в деревне» (2005), «Сентябрь» (2006), «Всё, что угодно, за твой вздох» (1999–2007), «Кошка, самовар и девушка» (2008) и многое другое. В этом проявился «батырский» характер И. Зарипова, генетически передавшийся ему от отца и проявившийся в достойном творца противостоянии жестоким ударам времени и собственной судьбы.

Говоря о не ослабевающей силе развития творчества Зарипова даже в «глухие» 1990-е, нужно, тем не менее, помнить о том, что смена эпох, случившаяся в эти годы, не могла не отразиться на нём, что он и сам подчёркивал: «Когда запреты сняли, как-то свободнее стало и работать, и дышать. Национальное уже не называли архаичным, отсталым. Татарская культура получила новый толчок к развитию», — отмечал художник. Нельзя не вспомнить в связи со сказанным им об одной случившейся в его жизни нелепости. Его открыто обвинили в национализме. Поводом стало телевизионное интервью, где художник признался, что любит бывать в татарской деревне и выпить в деревенской избе татарского чая. Акцент был сделан на «татарском» чае, за который художника вызвали «на ковёр» к республиканскому началству, где авторитетно объяснили, что «татарского» чая не бывает, поскольку он не растёт в Татарстане. Этот смешной случай, говорящий только о глупости гонителей таланта, лишний раз убеждает, как неумолимо неизменны в истории отношения власти и творца.

Одним из примечательных открытий для своего творчества последнего десятилетия жизни Ильдар Касимович называл декоративность, хотя справедливо отмечал, что «этим приёмом я пользовался и раньше, но тогда декоративность играла подчинённую роль. А теперь это пульс картины, её нерв, её душа. Не зря же говорят, что декоративность — это высшая стадия живописи». Чтобы лучше уяснить смысл сказанного художником, достаточно приглядеться к его картине «Ласки бабушки» (1997). Она будто «сшита из лоскутов» бабушкиного одеяла, тепло которого, помнилось художнику с детства в селе Айша Дубьязского района Татарстана. Вся пронизанная солнечным светом, баюкающая душу своими линиями и цветами, она утверждает силу женской ласки, нежности, вечной женственности, охраняющей человека всю жизнь. Очень «иконописны» и многоговорящи здесь по смысловому решению сквозной, ничуть не состарившийся образ молодой женщины и образ ребёнка, тепло прижавшийся к её груди.

В продолжение сказанного хочу привести ответ Ильдара Зарипова на вопрос о сравнении советского времени с сегодняшней жизнью: «Много было и хорошего, конечно, неправильно всё перечеркнули. Духовность была какая-то, уважение к человеку, к старшим... Сейчас этого нет. Хотя и религию вроде бы восстановили в правах, а всё равно безбожество, деньги стали господствовать. Это тоже, оказывается, к добру не ведёт. В такие времена, впрочем, как и всегда, творчество спасает. Целыми днями работаю в мастерской, и мне это в радость. Вообще, к жизни отношусь философски, стараюсь не переживать из-за того, что изменить нельзя. А там, где можно, надо искать хорошее, светлое, оптимистичное». Слова художника сказаны не случайно. Он до последнего дыхания утверждал в своём творчестве веру в вековечно светлые, добрые начала человеческой души и жизни: в любовь, родство, семью, родину...

АЛЕКСАНДР АРТАМОНОВ И ЕГО «ЛОСКУТКИ»

Театральный художник по образованию, в 1990-е и 2000-е годы — один из ведущих живописцев Казани, активно выставившийся в европейских и американских галереях, Александр Артамонов с 2011 года увлёкся офортом, открыв для себя завораживающие, неисчерпаемые возможности этой техники, которая тогда оказалась в Татарстане на обочине художественного процесса. В последние годы творческая, организаторская и просветительская деятельность Александра Артамонова определяет развитие искусства гравюры в Казани и Республике Татарстан, делая его всё более популярным среди художников и широкого зрителя.

Александр Артамонов стал одним из инициаторов и организаторов Казанской международной биеннале печатной графики, которая проводится на базе Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан (ГМИИ РТ), а с 2013 года является её куратором. Казанская биеннале приобрела статус одного

из престижных художественных конкурсов Татарстана, который привлекает десятки мастеров гравюры со всего мира. После проведения первой биеннале художники-графики, увлечённые искусством гравюры, создали неформальное творческое объединение «Графком», руководителем и бесспорным творческим лидером которого является Александр Артамонов. Он возглавил графическую секцию творческого союза художников России в Республики Татарстан, объединяя вокруг себя не только зрелых мастеров, но и молодых художников. Деятельность участников «Графкома» осуществляется на базе графической мастерской, созданной А. М. Артамоновым, которая в 2013 году получила статус Центра печатной графики Республики Татарстан. Центр работает под эгидой ГМИИ РТ и под патронажем Поволжского отделения Российской академии художеств. В Центре печатной

графики РТ и в графической мастерской «Остров-град Свияжск» под руководством А. М. Артамонова проводятся международные арт-резиденции, которые предоставляют художникам-графикам Татарстана и соседних поволжских республик возможность перенять художественный опыт ведущих мастеров графики России, Швеции, Италии, США. За пять лет Артамонов организовал и провёл около 30 выставок, представивших казанскому зрителю широкий спектр графических искусств Татарстана, России, ближнего и дальнего зарубежья.

Александр Артамонов — художник аналитического склада, который не просто изображает окружающий мир или выражает свои эмоции, но, обращаясь к поискам внутренних взаимосвязей предметов и событий, погружаясь в глубины человеческой — личной и исторической — памяти, исследует метафизические основы бытия.

Он выработал собственный художественный стиль, синтезировав созерцательность представителей итальянской «метафизической живописи» с рациональной абстракцией русских авангардистов. Его композиции тщательно выверены, построены на контрастах реалистической точности предметов, сложно организованной плоскости и загадочной, мистической атмосферы. Остановленное движение, созерцательность, замедленные ритмы маскируют напряжённую работу духа. Собственный художественный лексикон избранных форм и предметов перетекает из одной работы в другую. Всё это создаёт в произведениях А. М. Артамонова особое пространство, пронизанное разнообразными смыслами,

разгадывание которых — увлекательнейшее занятие. В офортах этот стиль не изменился, но благодаря богатейшим возможностям техники и её разновидностей, мастерски освоенных художником, стал более изощрённым и элитарным, с одной стороны, требуя больше интеллектуальных усилий от зрителя, с другой, даруя ещё больше эстетических переживаний и наслаждений.

Художник не случайно дал одной из своих выставок, демонстрировавшейся в Челнах, название «Лоскутки», ведь он представил на ней произведения из серий, созданных в разные годы. Экспозиция не претендует на полноту отражения всего творчества художника в области графики, но напоминает о созданном ранее и заявляет о новых замыслах. Выставка уникальна не только подбором произведений. Гравюра является тиражным видом искусства, экспонируемые листы представляют собой ав-

торские или пробные оттиски, существующие в единственных экземплярах, отражающих эксперименты в цвете, в печати. Следуя своему давнему пристрастию к коллажу, художник соединяет в одном листе оттиски с разных досок, изначально не предназначенных для этого, придавая новые смыслы своим композициям. В ранних произведениях он использует разнообразные предметы и материалы — обложки старых книг, обрывки страниц, кусочки картона и ткани, металлические пластины. В более поздних работах он достигает разнообразия фактур самими офортными техниками, воспроизводя методом прямого перевода обложки изданий, тексты из них, передавая особенности старых шрифтов, изношенность картона, потёртость страниц.

Пытливый ум и настойчивый характер помогли А. М. Артамонову практически самостоятельно освоить один из самых технически сложных видов гравюры, требующий специального оснащения, специальных знаний и умений. Его листы демонстрируют нам мастерское владение как классическим штриховым офортом, так и его более поздними разновидностями — акватинтой, лависом, резерваем. Техническая изощрённость, заставляющая восхищаться знатоков гравюры, соединяется с глубоким философским содержанием, побуждая зрителя к размышлениям о судьбах страны, о самих себе, о вечных человеческих ценностях.

Ольга УЛЕМОВА

ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

рассказ

*Идёт ветер к югу, и переходит к северу,
кружится, кружится на ходу своём,
и возвращается ветер на круги свои.*

Книга Екклесиаст. глава 1, ст. 6)

...Дом и вправду был впечатляющий — грузно осевший, покосившийся, с вросшими в землю слепыми полуподвальными окнами, растрескавшимися слоновыми колоннами, прихотливо резными карнизами и ставнями, остроугольной пирамидальной крышей с чердачными башенками и окостеневшим, будто разбитым параличом флюгерным петушком, — он походил на некое ископаемое животное, внезапно обнажившееся в мерцающих мерзлотных наслоениях.

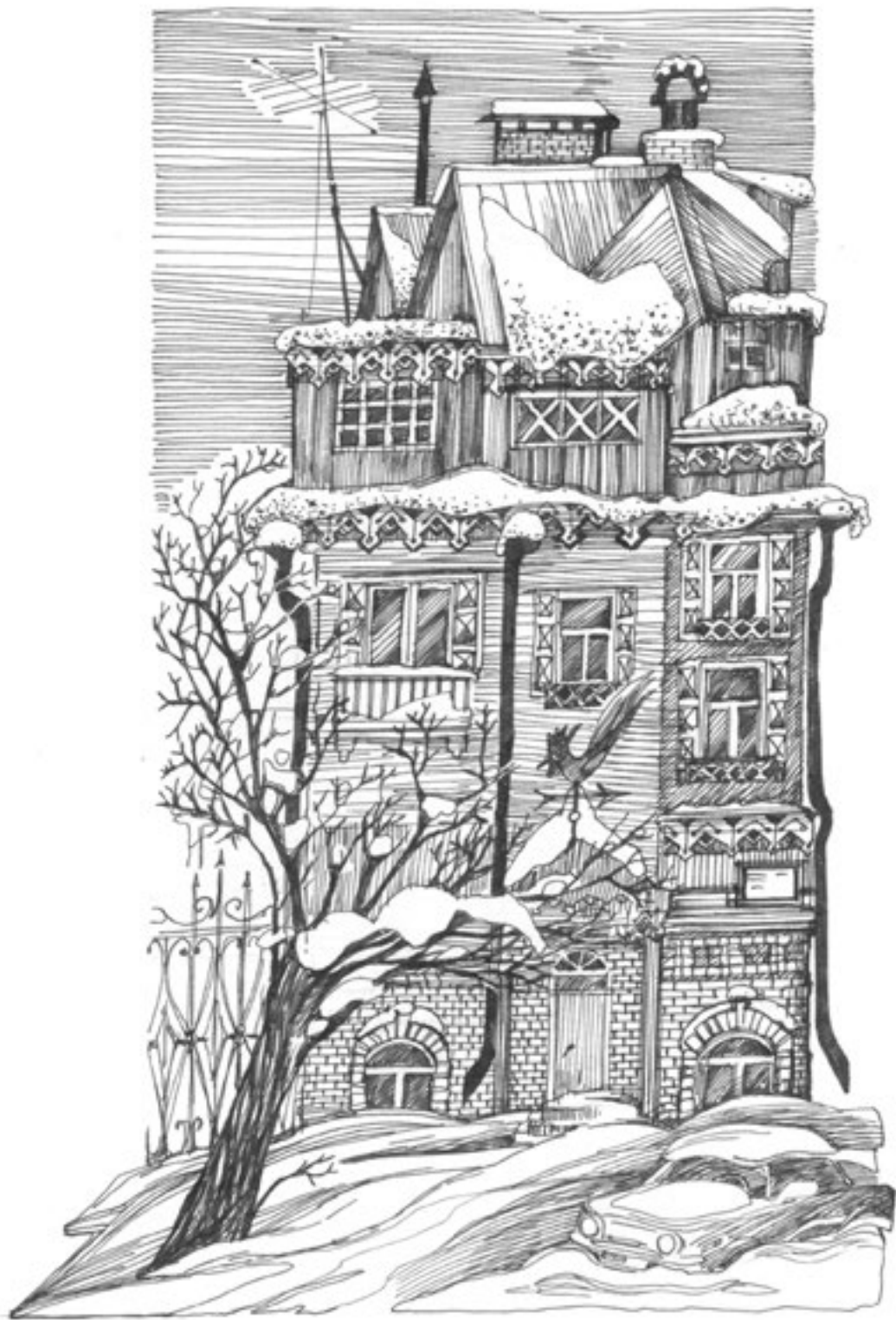
Итак, он остановился. Неторопливо оглядел дом и восторженно прицокнул языком. Тяга к старым деревянным домам. Давняя и необъяснимая. Неслышный, но непреодолимый глас одиночества порой, как воздушный пузырёк, выталкивал его из самой развесёлой компании. Он приучил себя не противиться ему, ибо знал, что ему делать и куда надобно идти.

Но вот этот дом был особенным, таких он не видывал. Величие запустения. Именно величие, а никак не мерзость. Внутренний голос сказал коротко и властно: «Зайди, Викентий. Не зайдёшь, всю жизнь будешь жалеть». Вот так, ни больше, ни меньше. Он, Внутренний голос, всегда возникал некстати. Но почти всегда добивался своего. Ибо был настырен и эгоистичен.

Дворик был маленький, стиснутый со всех сторон сараями. Посреди двора, как пьедестал без монумента, возвышалась дощатая помойка, прикрытая со всех сторон волнами жёлтого, ноздреватого льда. Прямо у входной двери нелепо торчал занесённый снегом автомобиль «Запорожец» с вырванными колёсами.

Ну вот и всё. Надо возвращаться, ибо дальнейшее погружение чревато чёрными корягами, холодным илом и прочими неприятностями. Однако мигнувший внезапно в чреве сознания тонкий, пыльный лучик угасать не желал, а скользил себе световым зайчиком, плясал на стенах, бледно высвечивая непонятные узоры и письма, не сисяя ничего объяснить. И на незримой привязи вёл за собою, лишь туманно обещаю разгадку где-то там, потом...

Викентий неуверенно отворил дверь и увидел за ней непроницаемый, первозданный мрак. Огонёк спички коротко осветил безжизненное, заставленное ящиками и прочим заиндевевым хламом пространство, заметался от невидимого ледяного сквозняка и угас.

Кляня себя, он побрёл вслепую по крутой, скрипучей лестнице. Идти пришлось недолго, всего один пролёт, и он упёрся в дверь. Она, вопреки надеждам оказалась незапертой, и он оказался в коридоре, таком же тёмном, но густой кисло-пряный дух явно обозначал скопление людского жилья. Он прошёлся по коридору, жутковато поскрипывая половицами, больно наткнулся на что-то жёсткое и угловатое и твёрдо решил возвращаться.

* * *

Но главное — персидская сирень...

Именно персидская, в этом всё и дело. Он решительно не помнит, чем, собственно она отличается от любой другой. Запомнилось слово — какое-то сладковато-пряное, глубокое и немного печальное. Он даже уверен был, что упругие и нежные, похожие на живых не опушившихся зверьков персики, которые отец привозил иногда из города, как-то связаны с этой вот сиренью, и даже надеялся втайне, что когда-нибудь, в некий особенный год, она разродится этими водянистыми сладкими плодами. Точно так же он упрямо связывал сливочное мороженое за тринадцать копеек со сливами, и после некоторых раздумий уверился, что есть такие особенные белые сливы, из мякоти которых и делают это самое мороженое. Он даже как-то неосторожно рассказал об этом открытии отцу. И тот, насмеявшись вволю, побежал пересказывать это соседям по даче. У него была гадкая привычка сначала приставать к нему с нелепыми расспросами, а потом подробно, да ещё с какими-то дурацкими выдуманностями докладывать всё, что он сказал, своим противным родственникам и знакомым. «У мальчика богатая фантазия», — сказала тогда толстая тётя Азалия в синих зауженных брюках и с глупой оранжевой копёшкой на голове. Эта тётя ему особенно не нравилась — во-первых, своими синими брюками и копёшкой, а во-вторых, тем, что отец, когда она приходила к ним, становился особенно суетливым, крикливым и нервно-смешливым. Мелко придирался к маме, а его намеренно старался не замечать. К ним очень часто приходили гости. Почти каждую субботу...

... и твёрдо решил возвращаться. Он нащупал было дверь, потянул, но она почему-то не подалась. Тогда Викентий раздражённо толкнул её, дверь открываться не желала. Ерунда какая-то! Он выругался и рванул сильнее.

— Забито, непонятно что ли! — вдруг раздалось из-за двери.

— Как это забито, — похолодел он. — Кто забил.

— Я, кто ж ещё, — ответили из-за двери. — Ты вообще, мужик, откуда? Я твой голос не узнаю.

— Однако шуточки, — пробормотал он и, запалив для верности спичку, рванул дверь на себя со всей силы. Дверь жалобно крикнула и распахнулась. Однако огонёк спички осветил не уходящие вниз ступени, как оно должно было быть, а крохотное помещение вполне определённого назначения и сидящего на корточках лысого человека в спущенных пижамных штанах.

— Говорю же — забито, — сказал лысый вполне беззлобно, ничуть не смутившись. — Чего ломишься, терпёжу нет что ль?

— Так это... туалет? — сконфуженно пробормотал он, пятясь и морщась от густого, былинного духа.

— Натурально. Сортир и есть, — Человек на корточках затрясся от смеха. — А ты думал? Музыкальный салон? Вообще, дверь закрой, у меня почки больные.

Викентий сокрушённо кивнул, попятился, захлопнул злополучную дверь и уж решил двигаться дальше, в поисках настоящего выхода, но его остановил голос словоохотливого жильца.

— Слышь, э-эхх... мужик, — раздалось из-за двери с характерным побряхтыванием, — ты погоди минутку, не уходи, я сейчас, э-эхх... выйду. Тут, зараза, темень такая, я за последнюю неделю три раза падал. Как памятник нерукотворный. У нас коридор — не приведи бог. Что ни день, что-нибудь новенькое. Я тут, помилуй, Господи, двадцать три года живу, каждую, э-эхх... половицу назубок знаю, а в темноте всё одно на стены натыкаюсь. Такой вот сволочной коридор у нас. Давеча пацан мой, э-эхх... стул с помойным ведром на себя опрокинул. Нормально? Я этой Шмаковой точно это ведро на голову надену. С натягом, по плечи.. Взяла за манер с вечера помои в коридор выносить. Все б так выносили!

— А чего бы лампочку не вкрутить? — сочувственно поинтересовался уже вполне освоившийся Викентий. — По-моему, это выход.

— А то мы не вкручиваем! — шумно возмущился лысый. — Только какой толк вкручивать, если Пафнутьев её всё равно выкрутит. Сволочь народ, не приведи бог. А ты вообще-то к кому? Не к Пафнутьеву ли?

— Нет, усмехнулся Викентий, не к Пафнутьеву.

— И правильно. И нечего там делать. Шарлатан, не приведи бог. Лампочки только вкручивать умеет. И мозги людям пудрить. Смехота! Прикинь, я, говорит, в Италию хочу съездить. На конгресс прикладной парапсихологии. Нормально, да? Пафнутьев в Италии. Гондольер хренов. Его из комнаты без намордника нельзя выпускать, не то что... Так к кому? К Марте что ль?

Викентий неопределённо хмыкнул. Ему уже слегка поднадоела содержательная беседа и он уже вознамерился было удрать без предупреждения, как тут клозетная дверь отворилась и клиент, по-прежнему почему-то побряхтывая, выбрался в коридор.

— Ну давай, зажигай, — коротко распорядился он. — К Марте, значит. Дверь показать? Только на Маратку не навись.

— Это ещё кто?

— Сосед мой, ухажёр еёний. Да и не ухажёр, а так. Ему бы Нелька дала ухажёра. Маратка это у Марты вроде как друг. Это в смысле — как собака на сене. И получается Марте-то от него сплошной убыток.

«Однако», — подумал про себя Викентий, так и не осмыслив причудливые перипетии коммунальных страстей. И в это время одна из дверей вдруг распахнулась настежь, ярко вспыхнул на мгновение жёлтый прямоугольник света со вписанным в него человеческим силуэтом. Дверь тут же закрылась, и во вновь наступившем мраке что-то пугающе загрохотало, покатилося.

— Уй-й! — взревел кто-то в голос, присовокупив пару матерных фрагментов.

— Ой, Маратка, — шепнул лысый прямо-таки даваясь от смеха. — Очень некстати. А ничего, обойдётся. Он вообще-то смирный. В целом. Марат! — громко окликнул он. — Как у тебя там? Главное, чтоб кости были целы. Целы кости-то?

— Целы, целы, — подала голос темнота. — Дай-ка, дядя Саша, спичек что ли.

— А нету. — ответил дядя Саша. — Дай-ка ему спички, — повелительно сказал он Викентию. — Это к Марте пришёл товарищ. Сугубо, конечно, по делу.

Невидимый Марат шумно вздохнул и приблизился. От него пахло примусом, табаком и свежевыпитым пивом. Викентий протянул ему коробок, услужливо брякнув для ориентира. Невидимый пошарил во мраке, наткнувшись наконец на коробок. Язычок огня осветил его лицо — волосы коротко стрижены, седоватый ёжик, глубоко запавшие глаза, на щеке — уродливо расплывчатый рубец, похоже, ожог. Ничего себе, типаж. Короче, пора сматываться.

— Ага, по делу, — голос Марата помрачнел. — Деловые все. Как навозные жуки.

— Ладно тебе беситься, — умиротворяюще сказал дядя Саша. — Взял бы да и проводил товарища.

— Может, в другой раз, — робко произнёс Викентий.

— Пошли, чего там, — шумно вздохнул слегка подобревший Марат.

Круг общения разрастался. Никогда не следует, — с грустью думал Викентий, — запускать этот коварный циркуль самому. Ибо описав первую дисциплинированную окружность, он тут же вырывается из рук и начинает выписывать такие замысловатые загогулины, что пожалеешь, право, что и взялся.

К ним очень часто приходили гости. Почти каждую субботу. И всегда были одни и те же и было одно и то же. Долго и неумело жарили мясо на углях, кипятили самовар, с бабым визгом обливались зачем-то водой из шланга. Потом уходили в старую пятиугольную беседку, которую отец называл «трепальной», что-то поспешно, воровато доставали из пакетов, говорили нарочито вполголоса, что-то читали с пафосными завываниями, иногда пели, и всегда один из них, звали его дядя Ким, уходил насупленный, раскрасневшийся, и ему вслед кричали: «Кика! Брось кобениться, он не тебя имел в виду!» Однако вскоре дядя Ким (он лишь потом узнал что имя его означало «Коммунистический Интернационал Молодёжи») являлся вновь как ни в чём не бывало. В такие дня Викентий чувствовал себя таким же обиженным и непонятым, как дядя Ким. Ему даже и вслед не кричали, не звали вернуться, а наоборот, охотно отсылали играть с детьми. Дети были одинаковыми, как шляпки от гвоздиков. В белых, помеченных цветными нитками майках, все в смазанных ядовитой зеленью болячках. Они играли в «садовника» и «испорченный телефон» и ещё какие-то пыльные, тоскливые игры. Викентию жгуче нравилась тогда высокая, ухоженная девочка с длинной, почти до пояса косой с атласным бантиком и в белых, узорчатых гольфах...

* * *

Когда им наконец открыли, Викентий, жмурясь с непривычки от света, зашёл, не дождавшись приглашения, и принялся с любопытством озиаться. Ничего любопытного, однако, не оказалось. Комната была крохотной, почти всю противоположную стену занимало огромное, метра в два высотой окно. Другая стена была выложена шербоатой желто-белой плиткой, там, вероятно, была когда-то печь или камин. С неё черно-белый Хемингуэй в грубом полярном свитере скептически осматривал горбоносый профиль Цветаевой на противоположной стене. Комната была завалена пёстрым разнообразным хламом, но носила тем не менее отпечаток странного неистребимого уюта.

— Март! — прогудел за спиною его новый знакомый. — Это к тебе. По делу, говорит...

И тут только Викентий обратил внимание на хозяйку.

* * *

Странно... Нет, не то, чтобы он удивлён, ошарашен, сбит с толку, нет. И не то, что он представлял себе её несколько другой. Кого, Марту эту? Да никак он себе её не представлял. С чего бы? Однако женщина, которая открыла ему дверь, заставила его на какое-то время начисто позабыть обо всех перипетиях сегодняшнего вечера. Это было тем более удивительно, что ничего необычного в женщине не было. Решительно ничего. Коротко стриженная брюнетка. Скулы широковаты, кажется. Волосы чуть подкрашены. Седает, хотя, вроде рановато. Глаза — ничего себе, желтовато-серые. Наверное, когда улыбается, — вообще красивые. Впрочем, улыбается, судя по всему, нечасто. Фигурка ладненькая.

Скроенная. Ему когда-то нравились такие. Да и сейчас... Но в ней есть что-то ещё. Мы с ней встречались, это точно. Марта... Да нет, не было в его жизни никаких Март. Если только мимолётно. И всё же. Было ведь что-то. И не мимолётное отнюдь...

Одета по-простому. Вязаная кофта поверх цветастого фланелевого халата. Холодно, видать, в комнате-то.

— Проходите, — коротко бросила хозяйка. — Только у меня тут неубрано. Материал у вас с собой?

— Какой материал? — простодушно поинтересовался Викентий, не ко времени расслабившись в тепле и на свету.

— То есть как это какой? — удивилась хозяйка. — Однако у вас шуточки. Слушай, Марат, — обратилась она к звероподобному провожатому. — Не стоял бы ты над душой, а? На человеке уже лица нет.

— Как же, нет, — раздражённо ответил Марат. — Есть лицо. Вон какая морда! — и, хлопнув дверью, вышел вон.

* * *

— Так я всё-таки не поняла, зачем вы пришли? — поинтересовалась Марта, проведя взглядом разгневанного соседа. — Вы принесли материал или вы не принесли материал?

— Какой материал? — повторил Викентий с той же простодушной улыбкой.

— Да на брюки, господи! — потеряла терпение Марта. — Вы пьяный, что ли? Этого не хватало...

— Да нет, — вовсе осмелел Викентий, — Если только самая капелька. А вы, стало быть, брюки шьёте. А вообще, это мысль. Почему бы, в самом деле, не пошить брюки? Вот материала нет, это да. У вас тут случайно не завалялся подходящий матерьяльчик?

— Не завалялся, — неожиданно строго ответила Марта. — Вообще, идите-ка отсюда. А то Маратка придёт и...

Что именно случится, ежели вдруг придёт Маратка, ему не суждено было узнать, потому что Марта вдруг осеклась и глянула на него с неожиданной, совершенно необычной улыбкой. Он даже опешил. Она словно решилась сказать наконец то, что давно хотела, но как-то не собралась.

— Вик, — сказала она наконец. — Ты в самом деле меня не узнал, или просто держишь паузу?..

Викентию жгуче нравилась тогда высокая, ухоженная девочка с длинной, почти до пояса косой с атласным бантиком и в белых, узорчатых гольфах... С ними она не играла, а лишь проезжала иногда мимо на красивом, ярко-зеленом велосипеде, косясь на них удивлённо и снисходительно, а Викентий, тоскливо презирая свою зеленобородавчатую малышню, со стыдом и ненавистью твердил постылое «Я садовником родился, не на шутку рассердился...» Потом они, кажется, продали дачу, и жизнь стала ещё скучней.

— Так тебя звали Мартой?

— Ну, если точно, то Марфой. В честь бабушки назвали. А почему — звали?

— Ну...потому что мне очень трудно представить себе вас... тебя на велосипеде среди кустов сирени.

— Каких кустов ещё, что ты такое несёшь!

— Да были кусты. Сирень. У всех простая, у нас — персидская, — Викентий вдруг воодушевился. — Я тогда очень гордился. Хотя не понимал, а в чём, собственно, разница. А ещё на ней по вечерам были светлячки. Настоящие. Помнишь?

— Светлячков помню, — Марта чуть улыбнулась. — Сирень не помню. Помню, однажды поймала двух светлячков и посадила в банку с травой, цветочками разными. Думала, они будут у меня жить, я их буду кормить цветочками и листиками, а они будут светить по ночам.

— Точно. У меня это тоже было. Только у меня — в коробке от маминых туфель.

— Когда нам пришлось продать дачу, — Марта перестала улыбаться, — папа умер, пошли мытарства разные, — мне казалось, что лето закончилось раз и навсегда.

Потом они, кажется, продали дачу, жизнь стала ещё скучней. Его всё так же окружали какие-то друзья и подружки, ржаво верещал испорченный телефон, и всё было так же, не было лишь невесомого облачка персидской сирени, мерцающего чуда светлячков, стрекозой трели велосипедного звончка в её глубине.

Однажды на улице повстречал он ту дачную девочку. Велосипеда не было, но был спортивно сложенный курсант, которого она легко и уверенно вела под руку. Викентия она не узнала и не заметила его суетливого кивка; он поначалу долго стоял как вкопанный, провожая их взглядом, а затем вдруг непонятно зачем поплёлся за ними следом, дошёл до её дома, тоскливо презирая себя, прождал целый час, пока молодцеватый танкист не вышел из подъезда и тогда ушёл сам. Потом он несколько вечеров урюжмо слонялся по её двору, лоя на себе удивлённые и боязливые взгляды местных бабушек, в конце концов, дождался-таки и неверными шагами догнал. Понёс какую-то сбивчивую белиберду, начисто забыв заранее приготовленное и отрепетированное остроумное вступление. Она терпеливо выслушала, затем извинилась, сославшись на занятость. Однако пройдя несколько шагов, словно почувствовав на себе его растерянный, сокрушённый взгляд, обернулась и сказала, неожиданно рассмеявшись: «Вик, а ты знаешь, как я тебя называла тогда? Не знаешь? Кузнечик. У тебя походка такая смешная». И пошла, не оборачиваясь. Вот и всё на этом.

Однако с курсантом встретиться ещё довелось. Осень, начало октября...

— А ты помнишь, мы тебя Кузнечиком называли? Ты ещё ходил так смешно, вприпрыжку.

— Помню, — разом помрачнел Викентий. — А кто это — мы?

— Ну девчонки с нашей аллеи. Я, Гульназка, Полина. А ты чего так насупился?

— А я подумал, мы это — ты и солдафон твой с красной рожей! — выпалил он, неожиданно для самого себя.

Стародавняя, заросшая временем обида шевельнулась, шершаво и зло запросилось наружу.

— А давай ты не будешь о нём говорить? — глаза её вдруг враждебно сузились. — И вообще...

— Катись-ка ты отсюда, да?

— Просто не смею более задерживать.

— Я понял. Знаете ли, Марта, я тогда понял одну простую вещь: куски прошлого в настоящем не приживаются. Либодохнут, как те светляки в банке, либо, что ещё хуже, вырастают во что-то никчёмное. Не смею, однако, более докучать...

В коридоре, на сей раз ярко освещённом свежевкрученной лампой, Викентий вновь наткнулся на вездесущего Марата. Тот смерил его взглядом, неторопливым и недобрый.

— Что-то быстренько управился, — ядовито произнёс он, щурясь от табачного дыма.

— А долго ль умеючи-то? Как говорится, только слово, и готово, впрочем здесь — к чему слова! — Викентий усмехнулся зло и отчуждённо. Ему уже изрядно надоело опасаться этого настырного насупленного болвана.

— Ты чего раздухарился, а? — ощерился Марат и, не выпуская изо рта сигаретку, подошёл ближе.

— Ничего. Твой вопрос — мой ответ. А духарятся — школяры на перемене. А ты, герой, похоже, из тех, кто гривенники у первоклашек отбирал немывтыми руками. Или нет?

— А вот давай сейчас спустимся во двор и поглядим, кто тут герой, а кто гондон с дырой. Тут шуметь не будем. Или нет?

— А давай, — кивнул Викентий в нахлынувшей внезапно, уже забытой злобной весёлости. — надоели вы мне тут, ребята. Оправдываться перед шпаной всякой.

— Пошли, пошли, — Марат подтолкнул его в плечо, Викентий резко обернулся, они едва не сцепились прямо в коридоре.

И вот тут дверь и распахнулась. Ух ты! Марта. Марфа. Как там её — Посадница! Посадница и есть. Когда так преобразиться-то успела? Викентий даже позабыл об угрюмо набычившемся Марате, словно и не было его отродясь. Да уж, ради такой Марфы не обидно и по мозгам получить.

Каким порывом, какого ветра сдуло с неё в мановенье ока всё чужое, наносное, тягостное?

И — глаза. Чёрт! Вот уж точно, как два тумана. Как два густых тумана в сумеречном лиственном лесу. В конце осени. Бездённая краса ноябрьского леса. «Листья отяжелелые Снежного сожаления...» Вот как-то так. И, наверное, никогда, никогда он больше не увидит такие. А вы говорите...

— Марат! — Ух, как глаза-то полыхнули. — Ты это чего затеял тут? А?!

— Чего затеял? Стоим просто, да разговоры говорим. А ты чего забеспокоилась, что ли?

— Потому что знаю твои разговорчики. Иди-ка домой, а? Иди пока Нельке не сказала. Тогда мало тебе не покажется.

— Да иду, иду! — Марат ссутулился и глянул на Викентия глубоко исподлобья. — Ты, я гляжу, мастер за женские юбки прятаться.

— Тут ты ошибся. Он за себя постоять может, — Марта как-то странно усмехнулась. — Я знаю, уж поверь. Вик, вернись-ка на минуту. Пока тут не угомонятся товарищи.

— Может, говоришь, постоять? — сумрачное лицо Марата вдруг подсветилось улыбкой. — Ладно тогда. Пусть постоит.

Вот так...

* * *

Однако с курсантом встретиться ещё довелось. Осень, начало октября. Агония бабьего лета. Поздний вечер. Парк Горького. Танцплощадка. Они тогда пришли компанией, человек шесть. Поодиночке на танцплощадки не хаживали. Сначала пиво, выпитое в кафешке под названием «Мечта». «Подлуженских в рот имеем!» — кричали они, сдвигая кружки. В парке заправляли пацаны с улицы Подлужной, это и будоражило. А в особенности — угрюмая и опасливая, отстраненность окружающих. Всё по правилам — попробуй тронь! Хмель резвился в голове, как когтистый котёнок.

Потом — ржавый, хрипящий гром танцплощадки.

«Вот — новый поворот!

Что он нам несёт?!...

Пропасть или взлёт...»

Девочки в изнурительно коротких юбках, греховный мир шепотка и влажных прикосновений. И вот тут он увидел его. Плотненький, коренастенький! Рожка — одна сплошная веснушка, густые, бесцветные брови и ресницы. Как на фотонегативе.

«Для меня нет тебя прекрасней...»

Танцует с какой-то дамочкой, этакой выпуклой гуттаперчевой куклой выше себя ростом. Короткопалая рука его много ниже талии. Она! уже и целуются. Плодово-ягодный коктейль.

Ай-яй, нехорошо, ваше благородие! Увидел Викентия, подмигнул. «Привет, Кузнецик!» Ах, вон даже как... А расступитесь-ка, сограждане! «Девушка, позвольте вас на тур вальса!» — «Как, вы уже танцуете? С кем же? Вот с этим?! Так ему уже пора в казарму. Вам портянки не жмут, выше высокоблагородие?... Поговорить? Это всегда пожалуйста!»

«Э, ребята, не многовато ли мужиков на одного пацанёнка несмышлёного?» — поинтересовался, явившийся словно из иного мира человек в грубом плаще с капюшоном, когда его повели к выходу. — «Порядок! — хохотнул курсант. — Не встревай. Говорить с ним я один буду, уж поверь. Вполне хватит. А поучить надо мальчика. А то так и останется несмышлёнышем. В траве сидел кузнецик, тирлим-тирлим бом-бом!».

Он понимал, что влип, и что всё кончится плохо. С того момента, как оказался один в кругу одинаково одетых людей, разглядывавших его с равнодушным любопытством. Таких же курсантов. С ним же не было НИКОГО. Однако всё же надеялся на некую умиротворяющую концовку с благородной струйкой первой крови из носа и крепкими рукопожатиями в финале. После первого же удара он понял, что всё пойдёт иначе. От этого удара ему захотелось присесть, обхватить голову руками и взвыть. Второй — сбоку в челюсть — свалил его на землю. Кажется на мгновение он даже потерял сознание. В голове стоял вибрирующий гул, во рту стало солоно и колоче. «Что, соплячок, — хохотнув поинтересовался его враг. — Всё понял, или есть вопросы?» Если бы не «соплячок», он бы, пожалуй, сказал: «всё понял». Но тут он с воплем, нелепо размахивая руками, пытаясь хоть как-то, хоть разок... (Кто-то уже давно забытый, говорил ему некогда: «Если дерёшься с тем, кто много сильнее тебя, постарайся хотя бы раз достать его по рожке. Хотя бы один разок достать, тогда считай, что ты победил, даже если тебя измолотят в пух...») Но всякий раз натёкался на неспешные, чугунные, спрессованные удары, от которых, казалось, лопнет по швам голова. «Славка, хорош! Убьёшь придурка», — сказал кто-то. «Ну, нормально?» — поинтересовался курсант, улыбаясь одною лишь тяжёлой, как солдатская тумбочка, челюстью. «Нормально», — сиплым полужёпотом ответил Викентий и, нелепо изогнувшись, попытался пнуть его ногой снизу вверх. «Ну-ка встал, балеринка!» — приказал курсант под общий смех. Викентий присел на корточки, ему хотелось плакать от подлого, позорного бессилия и ненависти. «Встал, я сказал!». И тогда он с остервенелым, горловым всхлипом метнулся ему под ноги, вцепился в ноги, со всей, неведь откуда взявшейся силы ткнул его головой в живот, вдавился всем своим ненавидящим телом. Они оба очутились на земле, от неё пахло травой плесенью, кажется, грибами даже. Он успел вскочить первым и, хладнокровно дождавшись, когда враг его привстанет, — ударил. Хорошо, неторопливо так, по правилам — упор на левую ногу, и вперёд всем корпусом. Ответом была сдавленная ругань и удар, от которого он перестал воспринимать мир... «Не думал, не гадал он, никак не ожидал он...»

Когда мироощущение вернулось, он обнаружил себя сидящим на жёстком, застеленным клетчатным байковым пледом топчане...

* * *

— Нет, вообще-то в самом деле не стоило беспокоиться. Дело в том, что я...

— А при чём тут ты? — Марта говорила сухо и отстраненно. — Я вообще-то не о тебе беспокоилась, а о нём. Он инвалид, у него ступня была раздроблена в крошево. Не дай бог, что случится, опять два месяца в гипсе. А ему семью кормить.

— Вон как. Этот Марат, он твой друг? Я хотел сказать...

— Он... друг моего мужа... Ну да, того самого, если интересно. Они служили вместе.

— Ясно. Не поверишь, так и подумал. Что-то в них обоих есть родное и близкое. «Сапоги фасонные, звёздочки погонные...» А муж — он где сейчас? Просто мне бы не хотелось с ним сейчас встречаться. Не потому что боюсь, потому что противно. Так что пойду, пожалуй. Впредь прошу обо мне не тревожиться.

— Мужа моего сейчас нет, — Марта говорила спокойно, даже с улыбкой. — И не будет никогда. Война, знаешь. А Маратка тогда выжил. Один из экипажа. Они в засаду попали возле Аргуна...

Понимаешь, если бы не Славка, всем бы был п....ц! Понимаешь?! По нам же лупили из всех окон. Из всех окон! У нас тогда было два «Урала» с пехурой один «бэтээр» и наши семидесятка. Бэтээр они сразу зажгли. По нам попадали раза четыре, но срикошетило, Бог сохранил. Славка машину развернул поперёк улицы — пацанов прикрыл бронёй. Смертельный номер вообще-то при такой-то густоте огня. Но опять пронесло. Когда пацаны спешились, раненых оттащили, — съехали на обочину. Сначала никак пристреляться не могли. Пока пристреливались, и в нас попали. У меня ступня всмятку. Серого, наводчика, контузило, он орёт дуром. Маму зовёт. Дым, пекло, ад кромешный. Ад кромешный! А Славка кричит: «Экипаж! Не ссать! Работаем, экипаж!» И хохочет во всё горло, будто весело ему. Сам сел за наводчика, а на нём комбинезон дымит всюю.

Поработали. Разом четыре дома снесли. Четыре выстрела — четыре прямых попадания осколочно-фугасными! Как на бильярде, четыре шара в четыре лузы! Оттуда самый огонь и был. И ещё два дома зажгли трассерами. Духи притихли. Кто живой остался. Когда в танке вовсе не вмоготу стало, Славка сперва меня через передний люк выволок, потом за Серым в башню полез. Вот тут и рвануло. Если б мы почти весь боекомплект не расстреляли, никто бы не выжил. А тут — меня в кювет откинуло, Серого насмерть убило, а Славка — обгорел. Смотреть страшно было, бог не приведи...

— Он прожил после этого шесть дней. Если это жизнью можно назвать. Я прилетела в Ростов-на Дону на четвёртый день.

Была вся как в тифозном жару. Ни во что не хотелось верить, всё казалось недо-разумением, которое вдруг разрешится само собой и с облегчённым вздохом. Уф-ф!

Продала квартиру каким-то людям из фонда «Свет в конце тоннеля». Хорошие такие, люди, участливые, говорят тихо, в глаза глядят, книжечки суют... Особенно женщина. Она даже расплакалась, кажется, от моего рассказа, просто навзрыд, говорила, что я на маму её похожа, хотя меня постарше была. По привычке, видать. Они гарантировали полное исцеление в какой-то клинике в городе Хайфа. Ну потом, как водится — ни квартиры, ни денег, ни Хайфы, ни света. Только книжечки, да тоннель, тоннель, тоннель...

А Слава тогда пришёл в сознание только один раз — за час до смерти. Открыл глаза, увидел меня и сказал: «Всё. Уходи отсюда. Мне конец. Уходи, я сказал!» Я и ушла.

Потом меня ещё в молельни какие-то водили. Опять книжечки, опять плачут, гладят, в глаза заглядывают, образа показывают, или как их там... А я как увидела Иисуса на кресте, ладненького такого, томного да пригожего да кучерявого, так вспоминала Славку — хрипящий лиловый пузырь вместо тела — так мне это таким балаганом показалось, что бежать хотелось подальше.

В общем, если б не Маратка, пропала бы я, пожалуй. Он меня нашёл, сперва в гостинице поселил. Потом ребята с полка скинулись, выкупили мне тут комнатку эту вот. С работой помогли. Так что ты на них зла не держи. На Маратку и на...

— Нормально, — сиплым полушёпотом ответил Викентий, как тогда в грязной траве у танцплощадки, и ему, как и тогда, в грязной траве, вдруг захотелось плакать от нахлынувшей боли и стыда. Он, как бывало в детстве, шумно задышал, до лиловой рези сжал веки и встряхнул головой. — Нормально...

— А я, между прочим, про ту историю знала, — Марта вдруг улыбнулась и качнула головой. — Ну в парке. У-у, мы тогда со Славкой чуть не расстались: мол, как ты мог! — боксёр, кандидат в мастера так с мальчишкой. Не поверишь, он чуть не плакал, клялся тебя найти, извиниться.

— Не нашёл, — Викентий усмехнулся и вновь глянул на неё украдкой, из-под век. — Да оно и к лучшему. Что случилось, то уж случилось.

— Вот и я так подумала... Слушай, а как ты тут оказался? В доме этом. Если не секрет. Ну не меня же искал, а?

— Да случайно. Даже как сказать не знаю. Перепутал. Так получается.

— Перепутал. А наш дом можно с чем-то перепутать? Мне казалось, таких домов в природе-то не осталось.

— Пожалуй. Ну тогда, выходит, тебя искал. Мне такое предсказание было. Не поверишь, я только сейчас его вспомнил.

— Болтун ты, Вик. Каким был, таким и...

— Может и был. Но предсказание тоже было. Как раз тогда и было. У танцплощадки.

* * *

Когда мироощущение вернулось к нему, он обнаружил себя сидящим на жёстком, застеленным байковым пледом топчане. Голова запрокинута, под носом — едучий кусок ваты. Такие же куски — под глазом, над бровью, за нижней губой. Жизнь продолжается.

На электроплитке знойно пыхтит чайничек. На стене в самодельной рамке — посевившая фотография женщины с длинными распущенными волосами. Моргает розоватыми бликами фальшивый электрокамин. Старый конторский письменный стол с пачкой журналов вместо сломанной ножки. Настольная лампа с треснутым абажуром и старая, облупленная пишущая машинка «Рейнметалл». (У них дома была такая когда-то).

— Что, оклемался, боец? Чаю будешь?

Прямо напротив него сидел на плетёном кресле-качалке человек. Волосы седые, коротко стриженным ёжиком. Глаза большие, глубоко запавшие. Как-то по-кошачьи посверкивают. На левой щеке глубокий ветвистый рубец. Викентий бережно потрогал языком разбитую десну и мотнул головой.

— Вы кто?

— Некто. А ты?

— Викентий Евграфов. А вас я вспомнил. Вы были там, у танцплощадки. В плаще, да?

— Ага. Помнишь. Это хорошо. Мозги не отшибло, стало быть.

— Не, не отшибло. Вы, значит, всё видели. Ну, весело было, а? Смешно?! — ему почему-то хотелось сказать что-нибудь обидное.

— Я, брат, не из тех, кому весело от чужой боли. Я, брат, вообще не из тех, кому весело.

— С-суки!

— Это кто ж?

— Да все они. Мразь гарнизонная. И она тоже. Такая же.

— Ну не знаю. Вот кто точно суки, так это те пацаны, что с тобой были. Как учуяли палево, так смылись гуськом. Если они завтра будут говорить, мол ты куда пропал, мы тебя потеряли, — не верь. Всё они видели. А **она**, это кто, коль не секрет? Та, с которой тот солдатик танцевал? Так это ж тутошняя. Танька-Встанька её тут зовут. Она здесь каждый вечер, и каждый же вечер с кем-нибудь уходит. Тем и живёт, можно сказать. Так что если ты на неё запал, то...

— Не! — Викентий зло мотнул головой. — Не она, другая. Вполне такая приличная особа. У них — вроде как любовь. Уже давно. А он тут с этой, Встанькой.

— И что с того? Во-первых, это его личное дело. Не так? Во-вторых, её-то в чём вина? Ну той, приличной дамочки, как ты говоришь.

— Ну... Он меня там, на танцплощадке кузнечиком назвал, а... Почему вы смеётесь?

— Да ты извини, извини. Но... Ты в самом деле немного... ну похож ты на кузнечика. Ходишь вприпрыжку. Без обид только, ладно?

— Ладно, ладно. И не в нём дело. Просто кузнечиком меня Она назвала. Ну та де-вушка, понимаете вы? Просто в шутку. Давно. А он... Эта обезьяна суконная... Зачем ему-то было говорить? Смеялись небось. С орангутангом этим. Хи-хи-хи! Кузнечик, совсем, как огуречик!..

— Ну не знаю. Наверное, обидно. Мне не понять. Однако... тебе домой пора, наверное. Время второй час ночи, чтоб ты знал. Дома-то беспокоятся, поди.

— Наверное. Пойду я.

— А я провожу. Не артачься. В такое время в парке стрёмно. Всякое случиться может.

— Так мы в парке что ли?!

— А ты думал? В гостинице «Астория»? В парке и есть. Живу я тут, как говорится. Ну и работаю.

— Нравится?

— А ничего. Сижу вот, мемуары пишу. Между обходами. О друзьях-товарищах, о боях-пожарищах.

— И не страшно? Сами говорите — стрёмно тут по ночам.

— Не, я, брат, своё отбоялся. Пошли, однако? А с девочкой той вы ещё встретитесь, помани моё слово. Не всё так просто. Только не скоро, пожалуй. Может, случайно, а может и нет. Человек ведь называет случайным то, в чём не может причину угледеть. Давай, ступай. На пороге не оступись, там лужа...

* * *

— Тебе пора идти, Вик. Ей богу. Район у нас проблемный, сам знаешь.

— Ага. Улица Подлужная. Мы подлуженских... Да ладно. Знаешь, даже уходить жалко. Даже не жалко, а обидно. Да. Слушай, а... можно я к тебе ещё раз приду. А? К примеру, завтра? Или послезавтра. А?

— А зачем? — Марта пожала плечами и усмехнулась. — Матерьяльчик на брюки занести?

— Ну конечно! — радостно оживился вдруг Викентий. — У меня дома есть замечательный твид! Представляешь? Шотландский, настоящий. Ещё мамин! Как же я не догадался захватить его с собой! Но — дело поправимое, не так ли? Так и принесу?

— Ну принеси, — Марта вдруг рассмеялась и легонько дотронулась до его плеча.

— Тогда завтра же. В это же время. Если, конечно Марат не станет возражать.

— Не станет. Кто ж станет возражать против настоящего шотландского твида!...

* * *

В коридоре он вновь видел вездесущего дядю Сашу, порозовевшего, подобревшего от пива Марата, какую-то сухопарую женщину в седом парике и почему-то в солнцезащитных очках, и ещё более странного типа, судя по всему, того самого Пафнутьева, человека с пятнистым прямоугольным лицом, похожим на старое пресс-папье и со странной манерою говорить, как бы постоянно посмеиваясь.

— Во — заорал Марат и указующе простёр к Викентию мотыгообразную ладонь. — Говорю ж — тут он. А мы сейчас Пафнутьева разоблачили по полной. Дал признательные показания! — последняя фраза далась нелегко. — И был приговорён к трём баллонам пива. А?! Да ты стой, куда засобирился-то?! Сейчас мы Варвару Семёновну ещё на шкалик раскрутим! А, Варварсемённа?

Дама в парике потупилась, из чего явствовало, что раскрутить её будет несложно. Циркуль вновь сверкнул голенастыми конечностями, изъявляя готовность описать ещё один круг, но Викентий решил, что засим достаточно. Он знал, что никто тут не станет его удерживать, и не ошибся. И вот тут произойти бы чему-нибудь, дабы подхлестнуть умирающий сюжет. Но ведь в жизни-то, господа, никаких сюжетов не случается, никто никакой психологической нагрузки не несёт. Зачем? Все живут себе. И ружьё может все четыре акта провисеть на стене и ни разу не выстрелить, и слава богу! Зачем висело? Да шут знает, граждане, висело уж, коль повесили.

Викентий на сей раз без труда отыскал дверь, уверенно сошёл по ступеням вниз и вышел во двор. И никакого такого чуда не произошло, кроме разве того, что пахнуло со двора, с реки Казанки, неожиданно привалившей оттепелью, причём в прямом, а не социально-политическом смысле, в смысле, что весна скоро, а уж хорошо это или плохо — время покажет. И почудилось тут Викентию, что пропел где-то совсем рядом, звонкой и насмешливой трелью велосипедный звоночек, пропел вопреки жестоким и подлым нелепостям жизни, и девочка в белых гольфах опять проехала мимо него в тот душный, цветочный, увядающий августовский вечер, последний вечер так долго, казалось, невозвратно ушедшего лета, в тот заповедный мир клейкой, звенящей акации, упругой жимолости, близких звёзд, дикого винограда, загадочных, непостижимых муравьиных куполов и сказочных, вольных светлячков. Проехала мимо, как и прежде, не обернувшись, но и это значило, что жизнь продолжается, что лето непременно воротится, и что не всё ещё безвозвратно утеряно.

Но главное — персидская сирень...

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА-СЕГЕНЬ

БАБУИН

рассказ

За два дня до своего столетия Марта Родриговна вдруг собралась помирать. То «не дождётесь» или «меня палкой не перешибёшь», а тут... Легла на высокие подушки, скрестила руки и принялась ждать смерть.

Сиделка Тоня, привыкшая к старушечьим причудам, только покачала головой.

— Не веришь? — «умирающая» сурово посмотрела на девушку.

— И зачем вам это? — усмехнулась сиделка. — Как-то глупо получается. Послезавтра юбилей, а вы в могилу...

— Так чёрт меня дёрнул родиться 31-го декабря! — Марта Родриговна в негодовании села на постели, но руки по-прежнему оставила скрещёнными на груди. — Ведь никто из этих филистёров не приедет. У всех Новый год на носу. — Она шмыгнула носом.

— Зачем же вы так плохо о своих думаете? Приедут, как миленькие, все приедут. Вот увидите, столько родни соберётся!

— Держи карман шире... Приедут, если только наследство буду делить. — Старуха, не меняя положение рук, откинулась на подушки.

Марта Родриговна Верстакова жила одна в огромной квартире на Невском. Её муж Пётр Петрович уже лет тридцать как лежал в могиле. Умер ещё до начала Великой Отечественной. Да и самой Верстаковой в июне сорок первого было за семьдесят.

К своему столетию в уходящем 1970 году у неё имелось два семидесятилетних сына-близнеца Георгий и Дмитрий, четверо внуков: Валентина, Зоя, Алексей и Иван, каждому из которых было больше сорока, и шесть правнуков разного возраста, самой старшей из них, Софье, недавно исполнился двадцать один. У неё и жених имелся — однокурсник по имени Игорь. После окончания института Софья с Игорем собирались пожениться.

Все близкие Верстаковой жили кто где, но ни одного в Ленинграде, кроме Софьи. Несмотря на хоромы прабабки, она обитала в общежитии. Не ужилась со старухой. К слову, Марта Родриговна терпеть не могла свою правнучку. Какая-то необъяснимая ненависть к Софье засела в её дряхлом престарелом сердце.

Долгое время старушка пролежала без движения, отказываясь от еды. Сиделка Тоня — пожилая женщина, исполненная покорности, — час от часу всё с большей тревогой поглядывала на свою подопечную. Неужели и впрямь не дурит? Бабка любила играть в смерть. То мёртвой притворится, то сердечный приступ натурально сыграет,

то задыхаться начнёт... После таких старушечьих выкрутасов сиделка долго приходила в себя, а та, знай себе, хохочет полубеззубым ртом.

— Поверила, гтгг, поверила! Вот дурёха-то!

«Как не поверить, — вздыхала про себя Тоня. — Годков-то тебе, бабуся, помнишь сколько?»

Вот и сейчас Тоня верила и не верила. Верила потому, что помнила, сколько бабуся годков. А если это всё же очередная игра, то уж слишком затянувшаяся...

— Всех обзвонила? — наконец слабым голосом вымолвила Верстакова.

— Всех, всех, — встрепенулась сиделка. — Но они и так знают про юбилей. Сто лет ведь, как тут забыть...

— Сказала про наследство? — перебила её старуха, с трудом произнося слова.

— Надо было?

— Дура! — Марта Родриговна помолчала. — А что худо мне?

Сиделка кивнула.

— Молодец. Прискачут, как пить дать прискачут. Кстати, а где мне водичка-то? — Верстакова сурово взглянула на пустой хрустальный стакан на тумбе рядом с кроватью.

Тридцатого декабря хоромы Марты Родриговны наполнились родственниками. Приехали оба сына с жёнами, внуки, тоже со своими половинами, и даже кое-кого из правнуков прихватили. Несмотря на затворнический образ жизни хозяйки квартиры, по обычаю в прихожей лежала куча тапок для гостей. Но и этого не хватило, чтобы обути всю приехавшую родню.

Верстакова, делая над собой усилия, старалась как можно благодушнее принимать гостей, но видно было, что это даётся ей с трудом. Она почти не вставала с постели, но и не лежала, а всё время сидела. Для удобства Тоня постоянно поправляла ей сползающие за спиной подушки. Поскольку Марта Родриговна быстро утомлялась, сыновья, внуки и правнуки находились подле неё часто, но понемногу и, как правило, небольшими группами, а то и вовсе поодиночке.

— Буквально в последние дни сдала, — то и дело повторяла сиделка за дверями старушки, словно извиняясь за её состояние здоровья.

— Сто лет, однако. Нам бы дожить до её возраста, — вздыхали родственники.

Назавтра предстоял важный день, поэтому решили лечь спать пораньше. Гостиная, кабинет, спальня для гостей (бывшая детская), столовая и будуар хозяйки составляли пятикомнатное жилище на Невском, оттого в просторной квартире места хватило всем. К тому же внуки Верстаковой Иван и Алексей с жёнами и детьми уехали к своим ленинградским друзьям. У Алексея здесь жил армейский друг, а у Ивана — одноклассник.

Сыновья Верстаковой семидесятилетние братья-близнецы Дмитрий и Георгий с жёнами разместились в бывшей детской. В начале века это была их детская, но потом из неё сделали комнату для гостей. Внучки Марты Родриговны — Зоя и Валя с семьями — были поселены одна в гостиной, другая в кабинете. Расселением гостей и их благоустройством занималась молчаливая Тоня.

На следующее утро все проснулись довольно рано. Одна столетняя юбилярша спала как младенец. Решив её не тревожить, занялись приготовлением праздничного обеда. Хотя продукты и припасли заранее, всё же кое-чего не хватало. Поэтому мужья Зои и Вали отправились в магазины.

Снохи Марты Родриговны — жёны её сыновей-близнецов — командовали на кухне, имея в подчинении Зою и Валю. Сами же Дмитрий Петрович и Георгий Петрович сидели в гостиной, предаваясь воспоминаниям и рассматривая старые фотографии.

Правнуки юбилярши усвистали на улицу, дабы не мешать приготовлению к празднованию юбилея.

Зоя и Валя были дочерьми Дмитрия Петровича, а отсутствующие Иван и Алексей — Георгия Петровича. Старшая правнучка Софья тоже ещё не пришла. И вообще никто не знал, придёт она или нет. Её дед — Дмитрий Петрович и мать Валентина — слёзно просили не обойти вниманием юбилей прабабки, в ответ на это Соня только зубоскалила. Она помнила, как с ней обходился этот престарелый крепыш. Однако мать в телефонных звонках постоянно твердила, что старуха на грани и вот-вот почит, Софье в это мало верилось. За те три месяца, что Соня провела у Марты Родриговны, из неё столько было высосано крови, что девушка родную прабабку иначе как «упырь» и не называла.

По правде говоря, все члены этой большой семьи недолюбливали старушонку. Или уж совсем откровенно — не любили. Жить одной в пятикомнатной квартире в центре Ленинграда, когда внуки Иван и Зоя ютились со своими семьями в коммуналках Москвы, Валя в деревне под Ярославлем, а Алексей вообще не имел своего жилья. Его, военного, время от времени перебрасывали из одной казармы в другую, семья тащилась за ним.

Несколько лучше к своим семидесяти годам устроились оба Петровича. Они, живя в Горьком, имели собственные квартиры. Один большую однокомнатную, другой маленькую двушку.

Когда-то, ещё в двадцатые, молодые Дмитрий и Георгий поочередности привели своих жён жить к родителям. Это был сущий кошмар. Марта Родриговна, которой только-только перевалило за пятьдесят, и она вовсю брызгала соками жизни, устроила такую «медвяную» жизнь собственным детям, что те бежали от родной матушки, роняя тапки. Аж до Нижнего добежали. Именно так тогда наименовался Горький.

Когда у близнецов появились собственные дети, они ещё долго не приезжали навестить родителей. А когда лет десять спустя всё же решились, мать встретила их пулемётным огнём черно-жгучих глаз. Шалившие всю дорогу внуки Ваня, Алёша, Зоя и Валя, впервые увидевшие бабку, присмирели на несколько дней вперёд.

В следующий раз семья собралась вместе на похороны Петра Петровича Верстакова незадолго до войны. А последний раз все были в сборе, когда Марте Родриговне исполнялось восемьдесят, то есть двадцать лет назад. Потом её тоже навещали сыновья и внуки со своими детьми, но по отдельности. Покидая роскошный старухин дом, они чувствовали, будто выбрались из ледяной ямы и нужно непременно бежать искать солнце для отогрева.

Верстакова, насколько ей позволяла находчивость, изгалялась над своими родственниками. Никто ей не мог дать отпор. Боялись бабули всем семейством и не перечили, а послушно исполняли все бабкины прихоти, прощали закидоны. Оттого, что помнили про наследство. А наследовать было что. Квартира, мебель антикварная, картины, украшения. Все хотели иметь на память от бабки хоть какую-то бриллиантовую безделушку, а если повезёт, то и не одну. Только Соне бабкино имущество было до фонаря.

Когда внучка Марты Родриговны Валентина приехала в гости впервые с маленькой Сонечкой, девочке едва исполнилось полтора года. Бабка из всей своей многочисленной родни именно к Вале относилась с наибольшим презрением. Остальные хоть как-то устроились, а она вышла замуж за крестьянина и живёт теперь в деревне. Срам-то, какой! Верстакова нарочно морщила и без того сморщенный нос или зажимала его длинными костлявыми фалангами большого и указательного пальцев, мол, воняет навозом. По профессии ветеринар Валентина Дмитриевна работала на ферме. Однажды стоило ей только заговорить о своих свинюшках, как её тотчас перебила бабка:

— Хотела рассказать о балете в Мариинском. Но вижу, тебе про скот интереснее. Прости, у меня в знакомых таких не значится.

Маленькая Сонечка, как и большинство детей в её возрасте, росла шаловливой. Однажды она так разбаловалась, что разбила прабабкину вазу. Фарфоровую. Китайскую. Дорогую.

Верстакова была безутешна в горе. Она никого не подпустила собрать осколки. Сама бережно сложила их в пакет и попросила дворника закопать под деревом. Потом долго не выходила из своего будуара.

А когда всё же появилась к вечернему чаю, на ней лица не было. Словно она скорбела по дороговому её сердцу существу.

Едва Валентина попробовала извиниться и как-то оправдать маленькую дочь, Марта Родриговна, подняв вверх острую и длинную отвёртку указательного пальца, тихим голосом произнесла:

— Сегодня для меня чёрный день. Я не только вазу хоронила.

Когда Софья поступила в Ленинградский технологический, прожив у прабабки три месяца и совершенно не реагируя на её выпады и издевательства, чем бесконечно злила Верстакову, умудрилась ещё расхохотаться над историей с вазой.

— Хоронили? Серьёзно? Вы, оказывается, шутница великая! — Соне и вправду было смешно. Она представила во всех красках похороны китайской вазы.

Такое откровенное хамство старуха пережить не могла.

— Извольте, сударыня, освободить мои покои.

Софья, перестав смеяться, в недоумении посмотрела на прабабку.

— Если вы привыкли жить в своей деревне по-скотски, ваше право. Подобного у себя я не допущу. Брысь! — Она брезгливо повела сухой ладонью.

— Я вам не Мурзик! — Соня тоже не лезла за словом в карман. Она посмотрела на большие старинные часы гостиной. Восемь. — Сейчас уже поздно. А завтра, не беспокойтесь, соберусь и уйду.

— Немедленно! — Старуха уставилась на правнучку, не мигая. Её обычно ленивые и надменные глаза заиграли рысьим блеском. — Иначе я буду вынуждена позвать милицию. У меня в доме проходимка.

Соня на мгновение задумалась. Потом медленно сняла с шеи шифоновый шарфик и, оттолкнув ногой стул, двинулась на бабу. Грузный антикварный стул с грохотом проехался по старинному паркету.

— Задушу, — сказала Соня запросто.

И всё же Софья пришла к прабабке в её столетний юбилей. Безлюдная доселе квартира, пропахнувшая насквозь одиночеством и кошками, наполнилась народом. Марта Родриговна уже проснулась, но ещё никого к себе не впускала.

Родственницы с большим интересом смотрели на модную Софью, однако решив каждая про себя, что одета она неприлично. Соня пришла в тёмных расклешённых брюках. Приталенный жакет, подчёркивающий изящную фигурку, украшали большие металлические пуговицы и воротник «собачьи уши».

— Ну и вырядилась! — прошептала Зоя — тётка Сони.

Соня, сердечно поздоровавшись с роднёй, под руку с матерью удалились в гостиную. Валентина с лета не видела дочь, поэтому старалась подробно расспросить житей-бытё. Они сели друг напротив друга за круглым столом.

— Совсем худая стала! — Валентина Дмитриевна чуть было не всплакнула, глядя на выпирающую ключицу дочери. — Изменилась.

— Мда... — Соня в задумчивости оглядывалась по сторонам, последний раз она была здесь около четырёх лет назад. — Зато тут ровным счётом ничего не поменялось. Живи Марта Родриговна ещё сто лет, всё будет точно также — мертво.

— Тише, тише. — Мать прикрыла ей рот ладонью. — Не скандаль, пожалуйста.

— Пресмыкаться, как вы?

— Прошу! — Валентина посмотрела на дочь с отчаянной мольбой. — Ради всех святых, веди себя прилично. Не ссорься с ней. Попроси прощения за тот раз. Потом, может, и не будет другого случая. Сто лет ведь бабуле.

Соня, хмыкнув, отвернулась.

— Может, простит она тебя. Только очень проси. — Валентина Дмитриевна помолчала и добавила шёпотом: — Она наследство собралась делить.

Дочь, будто не слыша последней фразы матери, скользила взором по вещам, заполнившим комнату: какие-то ширмы, пуфики, пальмы в кадках, покрытая чехлами мебель, бесчисленное количество фотографий на стенах... Где она — идеология отказа от «излишества и мешанства»?

— Ты слышишь? — Валентина с укором посмотрела на дочь. — Я тебе про наследство говорю.

Софья, закатив глаза, собралась сказать очередную дерзость, но увидела объёмную роскошную люстру из муранского стекла.

— Да... прилетит такая по башке, мало не покажется! Господи, душно-то как! — Ей хотелось быстрее уйти на свежий морозный воздух.

В полдень дети, внуки и правнуки собрались в столовой: Дмитрий и Георгий Петровичи с жёнами, Алексей, Иван тоже с жёнами, Валентина, Зоя с мужьями. Маша, Лена, Толя, Оля, Соня — правнуки Марты Родриговны. Итого семнадцать душ.

Исполинская столовая когда-то вмещала и не такое количество человек. Стены, покрытые тёмными обоями с густым рисунком, совершенно не скрадывали пространство, даже наоборот, расширяли его, добавляя торжественности в мрачное настроение столовой.

Дубовый четырёхстворчатый буфет в стиле ренессанс стоял неподалёку от ещё одного итальянского буфета, но с витражом. В них десятилетиями выстаивалась изысканная посуда с неповторимым очарованием ручной росписи и декора.

В центре комнаты находился стол. На белой скатерти с вышивкой игольчатым сказочным узором — Кадомский вениз — серебрились столовые приборы, важничал благородный фарфор и поблёскивал хрусталь. Между ними возвышались бутылки с горячительным и выделялись тарелки с яствами: чёрной, красной икрой, чёрной, белой, красной рыбой, студнем, жареной уткой, котлетами нескольких видов, мариладами, соленьями и прочим, прочим, прочим.

На всё это с высоты смотрела бронзовая люстра на двенадцать свечей.

В ожидании юбилярши собравшиеся в сотый раз рассматривали убранство гостиной. Разговоры не клеились. Ожидание затягивалось. И когда уже окончательно все заскучали, вдруг появилась виновница торжества. Как один, родственники соскочили со своих мест и, не сговариваясь, разразились громкими аплодисментами.

Опираясь на красивую трость, шaft и рукоять которой были усыпаны кристаллами Сваровски с бриллиантовой огранкой и золочёным кольцом между ними, Марта Родриговна медленно вышагивала по гостиной во главу стола. Все оживлённо смотрели на столетнюю родственницу. В длинном элегантном платье из синего атласа, покрытым чёрным шифоном она словно несла в себе ушедшую эпоху дворянства.

— Та богиня мраморная — нарядить от Ламановой! — Вполголоса процитировала Цветаеву Рита, жена Алексея.

Юбилярша вздрогнула и замерла. С удивлением посмотрела на жену внука.

— Вы правы, милая. Это Надежда Ламанова. Портниха лучшая из лучших. А вот чтобы носить такие наряды, нужно рот заклеивать или жрать поменьше! — Рукоятью трости Марта Родриговна легонько стукнула Риту по выпирающему животу. Жена внука виновато улыбнулась. — Держи, дарю! — Верстакова протянула ей трость и тут же подставила руку для поцелуя.

Опираясь на спинки вековых стульев, юбилярша медленно, но всё же дошла до главного места за праздничным столом.

— Что это? — с ужасом спросила она, указывая на глубокое кресло с широкими подлокотниками. — Что это? — переспросила она и тут же ответила на свой вопрос: — Это мужское кресло. Болваны! Вы разве не знаете, что существуют мужские и женские кресла? А если бы я была в кринолине? Вот, — Верстакова кивнула на стоящее неподалёку вертикальное кресло с крошечными ручками, — немедленно подать!

— Бабушка, мы хотели, чтобы вам было удобнее... — Иван бросился менять кресла местами.

— Мне? Удобнее? В мужском кресле? — Она грозно посмотрела на внука. — Может, тебе, милейший, будет удобнее в женских чулках? Тоня, принеси!

— Нет, нет, не стоит. — Оконфуженный Иван уносил подальше от бабки глубокое мужское кресло.

Дурдом! Софья фыркнула. Хоть и не громко, но всё же её фырк не ускользнул от старухи.

Марта Родриговна насмешливо посмотрела на правнучку.

— Я почувствовала, что ты пришла. Духом пролетарским запахло. — Она окатила Соню презрительным взглядом.

Так ваш же муж был чуть ли не самый главный пролетарий! Чиновничек в Пролеткульте. — Едва не сорвалось у Софьи с языка. Но Валентина, стоявшая рядом, боясь, что дочь сейчас что-то вякнет, больно ущипнула её ниже спины.

Минуя поздравления и обеденную часть, Марта Родриговна перешла к делу.

— Вижу, что вам дичь не полетит в горло, — не спеша проговорила старуха, — пока вы не узнаете, кому какой стул принадлежит.

— Нет, что вы, как можно... — раздалось из-за стола.

— Не лгите, филистёры! — устало вздохнула юбилярша.

Она закрыла глаза. Помолчала.

— Я очень утомилась за сегодняшнюю ночь. Думала. Вспоминала. Размышляла.

Все, включая маленьких наследников, сидели, боясь пошевелиться, преданными глазами глядя на богатую родственницу. Одна Софья смотрела на пустую тарелку перед собой. Ей нестерпимо хотелось есть.

— Я считала и считаю до сих пор, что каждый всего должен добиваться сам. По этой причине я никогда не помогала ни сыновьям, ни внукам. Мои деньги слишком бы вас расслабили. А нужно трудиться. Как это делали я и мой покойный муж.

— А разве вам самой ничего по наследству не перешло? — осмелилась спросить Соня. Отовсюду в её сторону полетели огоньки злобных глаз.

— Нет, милочка, не перешло. Мой отец был мелкопоместный дворянин. Я его не знала. Только то, что он обожал испанцев и взял себе имя Родриго вместо какого-то пресного православного. Он застрелился за месяц до моего рождения. По причине того, что проигрался. Банально. Мда... Мы с матерью жили в огромной нужде. Когда мне шёл пятнадцатый, мама заболела и умерла. А меня взяли дальние родственники к себе. Но не на правах родственницы, а прислужницы. Как давно это было... Воды, коллега! — приказала она, и тотчас Тоня подала на подносе ей стакан с водой.

Старуха, не торопясь, осушила стакан.

— Давно. В 1885 году. А на следующий год мы поехали в Париж. — Юбилярша вновь замолчала, теперь надолго. — В Париж, — повторила она. — Я хорошо пела. Вот меня и взяли с собой. Отныне не только им прислуживала, но и развлекала ежевечерних гостей. Но мне это было не в тягость, а даже в радость. Я очень старалась петь, и это получалось у меня хорошо. Однажды к нам в гости заглянул один молодой человек...

— Француз? — не удержалась от вопроса пятнадцатилетняя Машка.

— Немедленно убери локти со стола! — Верстакова испепеляюще смотрела на правнучку. — Где вас только учили хорошим манерам? Нет, русский. Да в Париже русских тогда было больше, чем самих французов. Я влюбилась в него до беспамятства.

«Если от любви память пропала, может, подмешали чего?» — ухмыльнулась про себя Софья.

— Дышать, пить и есть забывала, — рассказчица тяжело выдохнула. — Он тоже увлёкся мной. Это был мой рай и ад одновременно. Ад — потому что Леонид был не свободен... Однажды, гуляя по Оперному проспекту и выйдя к Гранд-опера, Леонид вдруг воскликнул: «Это же твоё место!». «Какое?» — не поняла я, разглядывая золотые статуи главного фасада. «Ты обязательно должна стать оперной певицей! Всемирной! Известной! Ты рождена для этого». Уезжая из Франции, я понимала, что прощаюсь с Леонидом навсегда. При последней встрече он подарил мне букет алых тюльпанов в красивой фарфоровой вазе. Мы решили сфотографироваться на память. Мне очень хотелось, чтобы на снимке был его подарок. Так и получилось. Я, он и китайская ваза с цветами и виртуозной цветочной росписью... Как вы знаете, я стала оперной певицей. Примадонной. Долго рассказывать, чего это мне стоило. Есть много статей обо мне, интервью, мои воспоминания, наконец. Я бесконечно ездила по миру. Меня окружали толпы поклонников. Эх, золотое было время! На рубеже 19–20 веков русское оперное искусство достигло расцвета. Определились черты национального стиля. Его формирование шло в процессе исполнения опер русских композиторов. Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков...

Лицо юбилярши обычно цвета жухлой розы порозовело от нахлынувших воспоминаний. Она попросила Тоню подать ей веер, но не раскрыла его, а положила перед собой.

— Понимаете, что это было за время! Моё время. Я была молода, талантлива, полна сил, имела успех. Но вдруг в начале 1900 года забеременела. Мне казалось, что это конец всему. Прощай, музыка, сцена, слава! Что ждёт меня, обладательницу чистейшего лирического сопрано? Однако отец моих будущих детей, — тогда я, разумеется, не знала, что появятся близнецы, — настоял на нашей женитьбе и рождении детей. Моим мужем стал импресарио Ковент-Гардена Брайн Донатан. Он специально приехал в Петербург пригласить меня на работу в Лондонскую оперу. Мы переехали жить в Англию. Родились близнецы. Через два года муж умер. С детьми вернулась в Россию. Через год вновь вышла замуж. Моим мужем стал Пётр Петрович Верстаков, человек, который играл не последнюю роль в культурной жизни царской России. А потом — молодого советского государства. Мои дети стали его детьми, сменив английскую фамилию на русскую. Поскольку к моменту замужества я уже была прославленной певицей, то и продолжала выступать под своим сценическим именем. Только после того, как ушла со сцены, «переоделась» в фамилию Петра Петровича. Это было незадолго до его смерти и войны.

И дети, и внуки Марты Родионовны знали старухину историю почти наизусть, но, тем не менее, слушали Верстакову внимательно.

— Вот собственно и всё. — Юбилярша, опершись на стол, попыталась встать. Ей тут же пришли на помощь, но она отвергла её. — Вы веселитесь, ешьте, пейте, а мне пора на покой.

У всех на лице читалось одно — недоумение.

— Мама, а вы... — растерянно произнёс Дмитрий Петрович. — Вы разве не с нами?

— Тебе всего семьдесят, а ты как дед выглядишь. Разве мне интересно со стариками? Мне бы с молодёжью. — Старуха посмотрела на Софью. — Пойдем-ка, проводи меня.

Соня повела облокотившуюся на руку прабабку в её комнату. А в гостиной тем временем продолжало расти недоумение. Родственники в замешательстве смотрели друг на друга, не зная, что предпринять.

— А, — махнул рукой Дмитрий Петрович, — давайте и впрямь накатим для начала. — Закинь мне, котенька, котлету, — обратился он к жене.

— Какую? По-донбасски?

— Да хоть по-мароккански, — он налил себе в рюмку водки и выпил залпом, не дожидаясь остальных.

— Я так и не понял, это всё, что ли? — Георгий Петрович вопросительно взглянул на брата. — Мить, как это понимать?

— Как, как... Мать наша — дура старая, вот как! — Он снова налил себе в рюмку.

На его фарфоровой тарелке лежала золотистая котлета, которую он отчего-то проигнорировал.

— Котлеткой хоть заешь. — Жена пододвинула ближе тарелку.

— Это что за башмак такой? — Верстаков удивился размерам котлеты по-донбасски. — Кто наделал этих уродов?

— Шахтёр тебе — не балерина! — вспыхнула жена. — Это у вашей маменьки в Мариинском или где там ещё... в кованом этом гардеене пусть трёхграммовые котлеты подают.

— У меня дни рабочие. Я ж с работы отпросился, — с другого конца стола вздохнул Иван.

— У всех они рабочие. Выходной только первого. Один-единственный, — ответила Зоя, тоже вздохнув.

— Нет, не единственный. Первого в пятницу отдыхаем, а потом ещё в субботу с воскресеньем, — уточнил муж Зои.

— Мы избу на тринадцатилетнюю Ирку оставили, припёрлись сюда из-под Ярославля. — Валентина комкала в руке салфетку. — Да... Починили крышу, веранду справили...

— Да подожди ты, ещё не всё потеряно, — обнадеживал её муж. — Кому коньяку? — он взял в руки бутылку пятизвездочного армянского. — Будешь? — обратился он к жене.

— Мне «Саяны», — ответила Валя.

— И, главное, ни слова про наследство... — сказал Алексей, военный здоровяк. — А говорили, помирать собралась. Нам всем что-то отпишет...

— Отпишет! Как же! У неё дурость зашкаливает, что угодно ожидать можно, — шёпотом, на всякий случай, сказала Рита, жена Ивана.

Все посмотрели на бабкину, а теперь уже Ритину трость. Хоть что-то...

Соня проводила прабабку до постели и помогла ей лечь.

— Я даже при закрытых дверях знаю, что говорят в столовой, — усмехнулась старуха.

Правнучка не ответила.

— Этой ночью я всем расписала наследство. На днях оно будет оформлено юридически. — Верстакова кивнула на большой лист бумаги. Он лежал по соседству с лекарствами на прикроватной тумбе времён Людовика Шестнадцатого. — Тебя интересует, что в нём? — Марта Родриговна пристально посмотрела на Софью.

Соня пожала плечами.

- Не так чтобы очень...
- Возьми, полюбопытствуй.

Под прищелканным взглядом прабабки Соня встала со стула, подошла к тумбе и наклонилась к листку. В одной колонке витиеватым почерком перечислялись родственники, напротив которых, во втором столбце значились причитающиеся им вещи: мебель, украшения, картины и прочее. Соня несколько раз пробежала глазами по списку, но себя так и не обнаружила. Она взяла в руки листок и ещё раз тщательно просмотрела. Положив список обратно, села на место.

Может, старуха её вместе с матерью объединила? Почему тогда её младшая сестра тринадцатилетняя Ирка отдельно от матери обозначена? Да и остальная «мелочь» тоже... Может, ещё разок посмотреть?

Софья взглянула на прабабку. Её старое выцветшее лицо сияло солнцем. Она явно испытывала чувство злорадного удовольствия.

— Нет слов, чтобы отблагодарить бабулю? — Прабабка смотрела на Соню озорными глазами.

— Но там про меня не сказано ничего... — Софья, чуть вытянув голову, незаметно пыталась с места высмотреть записи на листе.

— Неужели?

— Нет, нету. По крайней мере, я не увидела.

— Может, получше рассмотреть надо? Возьми, деточка, мой лорнет! — Марта Родриговна протянула правнучке очки.

Соня ещё раз внимательно посмотрела список.

— Да нет же здесь меня!

— Может, тебе микроскоп принести?

— Всё с вами понятно.

— А что, хочется быть богатой наследницей? Скажи, хочется? А ещё, чтобы тебе одной всё это принадлежало, да?

— Хочется, — дерзко ответила Соня.

— Вот как? А я думала, тебе ничего от меня не надо. И что ты вообще не придёшь! А я сама себе поставила условие, вписать в наследство только тех, кто придёт.

— Но я же пришла.

— Ты пришла, когда я уже всё написала. Целую ночь не спала. В моем-то возрасте. Оттого и синяки под глазами появились. — Старуха легонько постукала кончиками пальцев по нижним векам. — Прикажешь мне теперь это всё переписывать? Перераспределять богатства? Ну, уж нет. Довольно нудная работа — делить наследство. И неблагоприятная.

Наверное, надо встать и уйти? Или нахамить ей, высказать, всё, что другие не могут. А вдруг это её очередная проверка?

Верстакова громко чихнула, потом ещё раз.

— Будьте здоровы! — машинально сказала Соня.

— Ты, вероятно, хотела сказать, сдохни побыстрее. — Старуха вновь чихнула. — Вот видишь, правду говорю!

— Ох, и скучно же вам будет одной в могиле! Поиздеваться не над кем, — Соня застёгивала пуговицы на жакете. — Пойду в кафе, тут у вас «Лягушатник» в двух шагах, поем мороженого. Отогреюсь, быть может.

— А я всё же приготовила тебе кое-что.

Соня уже встала, чтобы уйти, но замерла в ожидании. Какой ещё сюрприз её ждёт?

— Ночью, пока все спали, мы с Тоней перебирали мои вещи. Их много. Накопилось за сто лет. Вот сюда, — указала Верстакова на самую обычную серую продолговатую коробку на серебристо-цветастом диване, обрамлённом красным деревом, — я не

заглядывала много лет. Она лежала далеко на антресолях. В своё время ревнивый Верстаков приказал её выбросить, но я спрятала её высоко-высоко.

Соня невольно посмотрела на высоту стен. Пять метров впечатляли всегда. Особенно, когда маленькой была. Что, интересно, в коробке? Сапоги — первое, что пришло на ум. Ну, нет. Может, картина, какая? Почему тогда её прадед хотел выкинуть?

— Возьми коробку. Она твоя.

Соня недоверчиво взглянула на прабабку. Та не шутила. Правнучка подошла к дивану. Присела рядом с коробкой.

— Что же ты медлишь? Открывай. Повторяю, она твоя.

Соня с некоторым волнением сняла крышку. В коробке лежала небольшого размера старая фотография, под ней какой-то рисунок. На фотографии — молоденькая девчушка, усатый хмырь и между ними ваза с цветами, которую они держат за ручки

ки каждый со своей стороны. Довольно глупая фотография.

— Узнала? — спросила Марта Родриговна.

— Судя по тому, что вы рассказывали, это вы сами, Леонид и ваза.

— Узнала? — переспросила прабабка. — Вазу?

Соня пристальнее взгляделась в снимок. Нет, вазу она не узнала.

— Нет, но полагаю, этот тот самый шедевр, который я кокнула в детстве.

— Вот именно, что кокнула! Я сразу тогда сказала, что из этого ребёнка никогда не выйдет ничего путного.

Отложив фотографию, Софья взяла в руки картон с изображением девушки. Невзрачно.

Старуха без интереса глянула на портрет.

— Эту фотографию с вазой заberi, дорогуша, себе. Она и есть твоё наследство. На вечную память. Ну и портретик в придачу. Жаль просто так его выкинуть.

С довольно никчёмного рисунка на Соню взглянула примитивная девушка.

— Это кто?

— Представь себе, я. Якобы я. На самом деле никакого сходства. Какой-то художник-дилетант привязался ко мне на Монмартре. Жалкий такой, голодный. Пристал, как банный лист. Ладно, рисуй! Он и давай малевать. Я глянула — ну ничего общего со мной! Кинула ему горсть монет из жалости. Портрет забрала, хотела выбросить, да так и оставила зачем-то. «Не советовала бы я тебе рисовать, дурень, — сказала ему на прощанье, — а то ведь и морду могут набить!». А он мне своё поросычье: уи да уи. Да мерси. А сам Бабуин при этом.

— Бабуин? — Софья вообще отказывалась понимать, что происходит.

— Художник. Фамилия такая. Он там подпись оставил в уголке.

Соня мельком глянула на подпись. Действительно, что-то типа «Бабуин».

Всё, с неё достаточно. Она больше не хотела слушать весь этот бред. В голове только и скользило: бабуин, уи, ваза, ваза, бабуин...

— Вижу, ты осталась довольна. — Прабабка не скрывала злорадства.

Только бы не унизиться — не сорваться. Не надеть ей на голову этот портрет с фотографией и коробкой впридачу.

Соня кивнула.

— Премного благодарна.

— Что ж, тогда иди, ступай, кромсай бабуку, режь. Ты же сейчас этим займёшься? Можешь на мелкие кусочки порвать и выкинуть из окна. Полетаю!.. — разошлась Марта Родриговна.

— Сами шутим, сами смеёмся! — С этими словами Соня вышла из комнаты. — Хорошо вам повеселиться в ваш столетний юбилей!

Ни с кем не прощаясь, она, схватив пальто и сапоги, с коробкой под мышкой вышла в парадную. На ступенях оделась. Слёзы обиды душили её.

Придя в общагу, запихнула коробку под кровать и, не раздеваясь, легла. Какой цинизм! У неё перед глазами всплыла тошнотворная прабабкина обстановка.

А студенты тем временем готовились отмечать Новый год. Ходили весёлые, а кое-кто и под хмельком. Они приставали с расспросами к Соне, отвернувшейся к стенке, пытались развеселить, но видя, что ничего не выходит, отставали.

Игорь Колыванов, жених Сони, пришёл под вечер. Он, думая, что его девушка проводит время на юбилее с родственниками, тоже навещал своих. Едва увидев расстроенную Софью, немедленно потребовал объяснений. Она поведала ему всё в мельчайших подробностях.

— Вот, Гарик, такая у меня бабука. Не бабука, а бабуинша, вернее, прабабуинша, — невесело усмехнулась Софья.

— Э нет, не скажи. Бабуины — приматы с высокоразвитыми социальными отношениями. Они никогда не живут поодиночке. — Игорь, снял очки. — Наследство-то хоть покажешь?

Соня достала из-под кровати коробку. Вытащила на свет Божий прабабкины фотографию и портрет. Пока Игорь рассматривал снимок, она пыталась вслух прочитать замысловатую фамилию художника-француза.

— Баубуйн... Нет, Баугуйн. Совершенно не разобрать, какая первая буква. Саугуйн... Саугин, наверное. Русский, что ли? Где она тут бабуина увидела? Глянь, по-моему, Саугин какой-то, — протянула Соня, делая ударение на «у».

— Салугин, может? Или Калугин?

— Да нет же. Саугин.

Игорь недавно начал изучать французский и уже знал, как что по-французски читается. Он взял портрет, воткнулся взглядом в подпись: «GAUGUIN».

— Гоген.

Спустя некоторое время Игорь и Софья закатали грандиозную свадьбу. Поженившись, Колывановы стали постоянно навещать Марту Родриговну, а потом и вовсе переехали к ней и ухаживали за старухой до самой её смерти. Она прожила ещё почти три года и всё это время не переставала ёрничать и насмехаться над ними по любому поводу, даже ещё ядовитее стали её колкости.

— Одно мне непонятно, как ты вмиг сделалась баснословно богатой особой? Немедленно расскажи! — приставала Верстакова к правнучке.

— Благодаря примату, — улыбалась Соня.

— Кого ты имеешь в виду, — недоумевала старуха, — человека или обезьяну?

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

ПАШКА

рассказ

— Пацаны дразнили меня — «выбл...док», да и тётки во дворе — тоже, за глаза, конечно, в глаза не посмели бы, — ершистым я рос. Пока маленький был, плакал, а потом, годам к семи, слёзы как пересохли. Мышцы напряглись, кулаки сжались, если что, мог и в глаз засветить. Где кулак не доставал — камнем. Время было трудное, и поколение трудное — безотцовщина... С компаниями водился сомнительными: не блатными, скорей — хулиганскими. С детства научился с «дружками» курить и пить, но научиться-то — научился, а не стал. Может, если бы был у меня такой друг закадычный, которого я уважал бы крепко, а тот курил, то с ним бы стал. А за компанию и пить умел. Но не любил этого. Душа не лежала. Сам по себе был, вроде как изгой. Воровать тоже приходилось. А как выжить? Когда жрать охота — не до баловства, всё — по-настоящему. У соседей картошку таскал, сахар. На рынке — что плохо лежало. Деньги, правда, никогда не крал. Деньги — это другое. И по жизни, к счастью, не стал ни пьяницей, ни бандитом. Не затянуло. Не ради азарта было. А потом и детдом свою роль сыграл — суровую, но добрую. Да, доброта — она, что истина, до разума и сердца через боль доходит...

* * *

Послевоенная Казань. Неуютный серый двор. Холод. Голод.

Родился он в 46-м. Весной 45-го голова-то у всех от счастья кружилась: кончилась война, новая жизнь начиналась. Мать его, Танька, молодая, осанистая. Волосы — густыми рыжими языками. Брови, что крылья чайки. Глаза зелёные, раскосые, в чёрных ресницах. Глянет — огнём опалит. И мужицкое естество — на дыбы. Но стойкая была — всю войну мужа ждала, её даже «танком с бронёй» прозвали. А к Победе справка пришла: ещё в 42-м без вести муж пропал.

Официанткой она работала на фабрике-кухне при авиационном заводе, в столовой-ресторане «Тридцатка» — там обслуживали директоров, генералов приезжих и прочих со звёздами на погонах и на груди. Сам Чкалов, говорят, в той столовой бывал, но это ещё до войны.

А после Победы влюбилась Танька в москвича, Героя Советского Союза. И пала танковая броня, как под налётом бомбардировщика. Жаркой была Танькина любовная страда, да недолгой. Герой-полярник оказался женатым, улетел в Москву. А у Таньки родился Пашка. И всё бы ничего, да вот замелькали потом, как хроника в киноленте, лётчики-налётчики на Танькином пути.

Пришло время, начал Пашка об отце расспрашивать. Мать справку из военкомата о том, что муж без вести пропал, подсунула — в бязевом мешочке над кроватью, на полочке хранила. Обманывала, что Пашка — от мужа, мол, сын павшего героя. Пашка гордился. А подросток — сообразил: пропал-то батя в 42-м, а он в 46-м родился — неувязочка. Пашка взял фотографию мамкиного мужа, к зеркалу подошёл, к лицу приставил: ничего общего! У того глаза чёрные, и на серой карточке видно — угли, а у него — голубые, даже не в мать; и чуб у того — чёрный вьётся, а у Пашки чёлка прямая, светлая. И морда у того круглая — вон как лыбится, а у Пашки щёки с ямочками — они ещё больше стали, когда он рот до ушей растянул. Нет — не папка! А пока верил — доказывал «добрым людям», и те над ним смеялись. Мать виновата! Одно слово — гулящая.

Замуж Таньку с довеском — жадным растущим ртом — никто не брал. Да и мужики после войны — наперечёт. Бабы за своих, порой одноногих и одноруких, крепко держались. И «смазливую» ненавидели.

Жили Пашка и мать в доме от авиационного завода, в коммуналке: четыре комнаты — четыре семьи. Интернационал! Курцбарт — евреи, Бизяевы — татары, Борисовы — русские. Борисовы Пашку жалели, подкармливали. А может, Таньке, широкой душе её, благодарные были. У них, у Борисовых, семья большая: бабушка, отец, мать, детей двое. Вот Танька им свою большую комнату и уступила, а сама с сыном — в их десятиметровку. С тех пор Борисовы к Пашке — по-родственному: где двое, там и трое, да приглядывали, когда один оставался, когда мать в «ночную смену» уходила.

Кавалеров у Таньки полно. И пошла она по рукам. От тоски, видать. Сначала домой никого не водила, а потом... Бывало, Пашка ночью проснётся, а тут, рядом, баба чужая с чужим мужиком стонет, или мать. А Пашке, будто нож в сердце. Эх, взять бы резак и — гаду в спину! И чтобы матери — больно. Но и жалел её. Она добрая. Протрезвеет, подзовет: — Пашка... — Обнимет и плачет: — Прости, сына...

И обувала его, и одевала, всё для него, даже не кричала никогда. Но вот пьянки эти!.. Мужики ведь и Пашке иногда вино и водку наливали, чтоб спал покрепче.

Один раз Пашка проснулся среди ночи от шума какого-то. Темно. Возле кровати мамкиной — возня страшная, стоны приглушённые. И разглядел Пашка, — хахаль мамку бьёт! Со всего маху — кулаками: и в лицо, и в живот. Она, бедная, на кровати извивается, пикнуть боится. Кинулся Пашка к нему, за ногу схватил, заорал благим матом:

— Не трожь! Не трожь мамку!

А тот его, как щенка, ногой отшвырнул, выругался грязно и вон подался. Пашка свет включил, и мать испугалась, прикрылась простынёй, села на кровати, схватила за руку сына, прижала к себе, запричитала:

— Сыночка, родной мой. — Гладит и целует, целует и щупает: — Целый? — А у самой лицо в крови, синяк огромный под глазом. — Прости, родненький.

— Скажи, как папку зовут. Найду его, увезёт он нас отсюда.

— Не увезёт, у него другая жена.

— Ну и что... пусть и тебе помогает. Вон у Мансура две жены, и ничё...

— То Мансур... а твой папка — большая птица. А я — кто?..

— А я кто?! — закричал Пашка, вырвался, встал перед матерью, кулаки сами сжались. — Кто?! Не прошу, если не скажешь. Сбегу...

— Прости, сына, — голова матери безвольно упала на грудь. — Не могу...

— Ну и сдохни тут. Ухожу. — Он стал торопливо одеваться. — Уеду хоть куда, лишь бы отсюда подальше, от кобелей твоих... Всё!

— Нет! — взмолилась мать, упала на пол, обняла Пашкины ноги. — Сына...

— Скажешь — останусь, а нет... — решился он, а самому жутко стало, больно. И бежать страшно. И что у матери кроме него — никого. Борисовы — и те плюнули... И добавил, чтобы боль перебить: — Убегу без оглядки.

И мать сказала...

Пашка слышал эту фамилию, вся страна героем гордилась.

— Врёшь.

— Нет.

— Все вы, матери-одиночки, врёте, что у нас отцы — лётчики-герои. Ухожу я. — Пашка переступил через слабые руки матери.

— Нет! Сына, прости... — Она встала, замоталась в простыню, шатаясь, потянувшись к полке над кроватью. — У меня письмо есть... Писала ему, когда ты родился... надеялась, может, сына-то не оставит. — Руки её крупно дрожали, она достала откуда-то конверт: — Вот... он ответил, чтобы — никто, ни одна душа!.. Иначе и меня, и тебя... и я ту часть письма выбросила, от греха подальше, а он целиком велел сжечь. Прости... Больше никогда никого в дом не приведу.

Упал Пашка на кровать и горько заплакал.

Немного времени прошло, и мать снова — не так, как раньше, но... Теперь она домой никого не водила, но сама пропадала где-то. Не часто, а как вернётся с «ночной смены», так два-три дня — никакая. Непокойно на душе у Пашки. Не туда жизнь ведёт. Вот и учительница в школе, когда Пашка в очередной раз мятый и голодный пришёл, дала ему булочку и тяжело вздохнула:

— Болезнь, наверное, у мамы началась от водки — страшное дело... А когда не в болезни, то хорошая ведь. Доброе-то сердце у неё. И ты вон, как-никак, лучше других одет. Может, годика три как-нибудь потерпишь, а там в ФЗУ пойдёшь... с матерью-то всё — не сирота...

Поздняя осень. Казань запорошило первым снегом. Любил Пашка эту пору, когда лужи превращаются в ледок, и по всем тротуарам детвора раскатывает узкие дорожки. Невозможно идти спокойно. А если длинная ледяная полоса впереди, да под горку, то — разгон посильней и — лети! Только держи равновесие, растопыряв руки, как крылья.

Прилетел Пашка, как обычно, на работу к мамке, а она не встретила, не вынесла ему хлеба да пирожка. Тогда он — прямым в столовую, к мамкиной подруге тёте Маше, что сидела на кассе.

— В больницу её увезли... Похоже, надолго, — сказала Мария, наклонилась, тряпкой протёрла прилавок и быстро шепнула: — Руку протяни, будто денежку даёшь, а я тебе — кашу.

Пашка смекнул и всё сделал, как заправский артист.

— А что с мамкой? — спросил он, не сводя глаз с любимой гречки-размазни: тётя Маша и масла не пожалела, как будто он целый рубль дал.

— Обойдётся, может... Ты ешь. Потом, погуляй, а вечером — ко мне. Пока у меня побудешь.

Недели две мальчишка жил у тёти Маши. А перед Новым годом Татьяну выписали. Пришла домой бледная.

— Вылечилась? — Пашка с надеждой заглянул в глаза матери.

— От этого нынче не лечат, — почему-то со злостью ответила она и отвернулась, развязывая на затылке тёплый платок. Расстегнула поношенное, с беличьим воротником, пальто. Сняла короткие, похожие на ботинки, сапожки, оставила их у порога, прошла в комнату и, не раздеваясь, села на стул, тревожно огляделась, будто искала какие-то перемены. Только после этого посмотрела на сына, горько улыбнулась:

— Не бойся, выкрутимся.

И жизнь, вроде, начала налаживаться: мать по ночам не пропадала, не пила. «Неужто всё же вылечили», — верилось Пашке. Одно плохо, она почти перестала есть. Начала худеть. И на Новый год ни праздника, ни подарка не сделала. Деньги, наверное, экономила. Да ведь и не ходила теперь никуда, значит, никто ничего не подкидывал. Однако Пашке не сытая, но зато спокойная жизнь нравилась больше.

Вот и зимние каникулы — спать по утрам можно сколько хочешь. Солнце поздно встаёт, а Пашка чуть ли не до обеда спит. Но как-то утром, нехотя открыв глаза, заметил: мамка, нарезав старую простыню, туго-туго замотала живот. «Мёрзнет», — подумал он и с наслаждением подтянул одеяло к самому носу.

Днём он пошёл на работу к матери и ещё издали заметил: она стояла у чёрного входа, странно навалившись на дверной косяк. В руках ничего не было.

Пашка подбежал:

— Ты чё?

— Ничё, — сквозь зубы процедила мать, — тошнит немного.

— А где пирожки?

Она не ответила, отвернулась к стене. В дверях показалась тётя Маша, недобро глянула на подругу:

— Что ты творишь? О сыне подумала бы.

— О нём и думаю, — огрызнулась Татьяна и лбом уткнулась в стену, будто видеть никого не могла.

— И за что так несправедливо? — с горечью, словно кому пожаловалась, сказала Мария, расстёгивая фуфайку, — вот таким дурам бог даёт и красоту, и...

— Молчи, — выдавила из себя Татьяна, — не потяну двоих... и с работы вылечу...

— А! — безнадёжно махнула рукой Мария и, быстро вытащив из-за пазухи промасленный бумажный кулёк, всучила Пашке: — Беги домой.

Он и побежал — пирожков очень хотелось.

Вечером, как обычно, Пашка вернулся с улицы, а в комнате темно. Мать лежит в постели, стонет. Он потянулся к выключателю, щёлкнул, но свет не зажёгся.

— Возьми деньги... на тумбочке, — будто задыхаясь, сказала мать. — Съезди в универмаг, купи лампочки... что-то перегорать стали... только сначала поешь. — Она шевельнулась, да, видать, как-то неловко, вырвался глубокий стон. — Ничё-ничё, — спохватилась, — всё хорошо. Иди, Борисовы тебе картошки нажарили.

— Я сначала в магазин. — Пашке не хотелось раздеваться, коль снова выходить. — И чё — в универмаг? Далеко. Я лучше в хозяйственный. — Он шагнул к тумбочке.

— Нет! — чуть ли не крикнула мать.

Он в нерешительности остановился. Мать отдышалась:

— В хозяйственном нет, я заходила... и прежде поешь... голодный замёрзнешь, мало ли... — странно пояснила она.

— Ла-адно, — Пашка, скинул пальто, шапку и бросил на пол у двери — неохота в темноте нашаривать крючки на стене и всё равно опять одеваться.

С радостью пробежал на кухню. Картошку жареную Пашка любил! Эх, с молоком бы её... Он по-хозяйски согрел на керогазе чайник, налил в эмалированную кружку кипятку, поставил на свой стол рядом со сковородой. Воровато оглянулся — никого. Шмыгнул к столу-шкафику Борисовых. Осторожно, чтобы не скрипнула дверка, открыл. Протянул руку в знакомый глубокий угол, схватил из вазочки кусок сахара, неслышно прикрыл дверку. Глянул в коридор — тихо. Только после этого разжал над кружкой кулак. Осторожно по-мешал, чтобы ложкой не греметь. Чавкая от удовольствия, навернул богатый ужин.

Потянуло ко сну. «Чё, на ночь глядя, ехать? Можно же и завтра, не спеша», — сладко зевнул Пашка и пошёл в комнату: «Уговорю мать». Но она, похоже, уснула. Будить не стал. Ослушаться тоже не посмел. На цыпочках прокрался к тумбочке, сунул деньги, для надёжности, в нагрудный карман байковой рубахи, схватил в охапку одежду и бесшумно вышел.

Вечером троллейбусы ходили плохо. Долго Пашка ждал, лишь перед самым закрытием попал в универмаг. Купил три лампочки — на все деньги. Рассовал по карманам старенького зимнего пальто и толстых штанов — мать сама ему сшила из тёплого ватника, перепавшего от какого-то хахаля.

Обратный троллейбус тоже пришлось подождать, но это уже было гораздо веселей: ночью милиционеры на дороге почти не дежурили, и кондукторы чаще спали, вжавшись в кресло, уютно спрятав нос в высоком цигейковом воротнике; так что прокатиться можно с ветерком — главное, успеть зацепиться сзади троллейбуса за лесенку, ведущую на крышу.

Уставший, но счастливый Пашка вернулся домой. Мать всё лежала в кровати, не спала.

— Купил?

— Да. — Пашка вынул из карманов пальто лампочки, положил на тумбочку, третью оставил — он хотел пододвинуть под абажур стол, чтобы ввинтить её в патрон.

Но мать хрипло сказала:

— Сходи на улицу.

— Зачем ещё?

— В углу стоит лопата... тут у кровати свёрток... сходи за сараи, закопай поглубже...

— Чё это? — удивился Пашка.

— Мусор собрала.

— Так в мусорку брошу.

— Закопай. — Голос матери прозвучал твёрдо, даже как-то страшно. — И не смотри... и никому... сам всё сделаю, понял? — Она привстала на постели, в темноте белки её глаз показались Пашке огромными, будто бешеными. — Иди... И тихо, чтоб — ни-ни!.. В коридоре не шарахайся.

«С ума сошла... снова напилась». — Он покорно взял нетяжёлый тряпичный свёрток, лопату...

За сараями — лесок. Далеко Пашка не пошёл. И всё же, почуяв неладное, выбрал место потемней. Прокопал снег, выдолбил, насколько хватило сил, небольшую яму.

Прежде чем положить в неё свёрток, не удержался, развернул. От ужаса чуть не закричал — перед ним лежала замотанная в окровавленные тряпки синюшная, сморщенная кукла. «Девочка! — Мысль полоснула так, что Пашка пошатнулся. — Мёртвая!». Сердце бешено заколотилось. Дыхание сбилось. От страха напряжинились ноги — бежать! — но в то же время застыли, как вкопанные. В голове болезненно застучало. Мир жуткой темнотой навалился на плечи. Руки не двигались. Он оглох. Пропала ясность — где он. Перед ним была смерть! И в нём была смерть — она во рвалась в душу и парализовала.

Вдруг он обмяк. Ноги отяжелели, ослабли, живот пронзила жгучая схватка, только успел спустить штаны. Кишки крутило невыносимой болью, будто они хотели вывалиться из него со всем содержимым. Живот освободился. Заколотил страшный озноб. Дрожащими руками Пашка натянул штаны. Взглянул ещё раз на девочку. Страх исчез. Охватило тупое безразличие. Пашка враз, в свои двенадцать лет, стал стариком.

Ещё продолбил почти неподдающуюся землю. Завернул ребёнка, крепко завязал тряпки. Положил на дно. Закопал. Утоптал. Засыпал снегом. Сравнял, чтобы кучка не определялась. На всякий случай набросал веток, какой-то подвернувшийся мусор. Когда закончил страшную работу, его стало мутить. Побегал к мусорному ящику за сараями. Вытошнило всё. «Надо отойти от этого места». Несколько шагов... ещё... он не соображал, куда идёт. Вконец обессилив, упал в снег. Не плакал, слёзы сами текли, тёплые струи быстро остывали на замёрзших щеках, с ними будто вытекала душа, а вместо неё в грудь заползала тёмная пустота. Захотелось спать. Глаза закрылись. Он не чувствовал ничего. Пустота странным покоем растекалась внутри, обволакивала снаружи, баюкала.

Вспышкой — в сознание: «Лопата! Нельзя её там оставлять!». Вскочил, бросился искать злополучное место, но лопата оказалась воткнутой в снег у мусорного ящика. Взял её и, не чуя земли под ногами, поплёлся домой.

Мать ждала.

— Сделал?

— Да... Спать хочу. — Он одетым упал в постель и забылся...

Очнувшись от безумного бормотания матери — она металась по подушке, глаза — полуоткрытые, невидящие. Он подошёл, дотронулся до лба — словно печь. Бредит. Снял пальто, штаны — в носшибанула вонь. Пашка всё вспомнил. Быстро свернул грязные штаны и спрятал под кровать. Достал из шкафа чистое. Прошмыгнул в уборную. Второпях вымылся. Потом постучал к Борисовым:

— У мамки жар...

Санитары легко подняли носилки с истощённой Татьяной, пронесли её мимо Пашки — он тихо стоял в коридоре. Когда мать поймала его взгляд, ему показалось, она улыбнулась, губы шевельнулись, и он больше догадался, чем услышал:

— Прости, сына.

Он промолчал.

Пашка переехал к тётке Маше. Зимние каникулы давно кончились, а мать всё не выписывали. Но Пашка терпеливо ждал: «Пусть получше подлечат, чтобы совсем пить перестала». После школы он, как прежде, мчался в столовую и уже привычно протягивал тётке Маше либо пустую руку, либо копейки, которые она же по утрам предусмотрительно ему давала. Обедая сытно. Столовая еда нравилась. Потом бежал во двор, а вечером — снова к тётке Маше. Перед сном — сказки, у маминой подружки не было детей, но были детские книги.

В феврале завьюжило. Вечерами, сделав уроки, Пашка садился в тётки-Машиной чистой комнате у окна и мечтал о том, как Снежная королева подарит ему волшебные

сани с оленями... ну или с белыми лошадьми с красивыми, вьющимися гривами, как на новогодней открытке, что у тётки Маши на столе, под стеклом; и они с мамой-Гердой поедут к папе-Каю. Папа увидит, какой у него умный красивый сын, и оттаит его сердце, и они будут жить вместе долго и счастливо.

Однажды вечером тётка Маша допоздна не возвращалась с работы. Пашка забеспокоился: вдруг и она, как его мамка когда-то, ушла в «ночную смену». Сердце сжалось тоской. Снежинки за окном падали редко, скучно. Пашка, не раздеваясь, лёг на кровать поверх покрывала, свернулся калачиком.

Щёлкнул замок. Хозяйка тихо подошла к мальчику, думая, что он спит. Но он смотрел ей прямо в глаза.

Тётка Маша погладила его по голове и заплакала:

— Пашенька, миленький, Таня... мама умерла...

Пашка закрыл глаза и вздрогнул: привиделась мамка, как та маленькая мёртвая девочка, только большая. Он сжал кулаки и зубы и ещё сильнее зажмурил сухие глаза.

В опекуновом совете одинокой Марии не разрешили усыновить ребёнка подружки, и Пашка оказался в Казанском детприёмнике. Поселили в комнате, где жили ещё несколько ребят: кто-то старше, кто-то младше. Пашка ни с кем не общался. Молчал. На вопросы взрослых отвечал только «да» и «нет», мотая головой.

Пока решалась судьба мальчика, Мария навещала его. Дежурившие у входа в детский приёмник милиционеры, не допускали свиданий, но она приходила не с пустыми руками. Подкармливала и Пашку — уводила к высокому глухому забору и просила съедать всё на месте, пока она рядом:

— Там отберут...

Он ел, но молчал и с ней. Мария терялась, не зная, чем и как его растормошить: себя заставляла улыбаться, с осторожной нежностью поглаживала выглядывающие из-под шапки-ушанки бритые светлые, как будто седые, Пашкины виски, обострившиеся скулы и подбородок. Мальчик словно окаменел. В зрачках — пустота, да он и не смотрел никому в глаза, не искал и взгляда Марии: с безразличием съедал принесённое и уходил. Мария тихо плакала, глядя ему вслед.

В какой-то из дней за ним пришёл сопровождающий, вручил небольшой фанерный, тёмно-коричневый чемодан с металлическими углами:

— Собери вещи, едем...

Пашка оказался на вокзале. Народ. Суeta. Вокруг гудело, словно роем кружились пчёлы. Гудело и внутри самого Пашки. Иногда гул утихал, а иногда нарастал, и тогда сильно болела голова, да свет жгучими лучами врезался в глаза — Пашка закрывал их и не шевелился, становилось легче.

Сопровождающий посадил мальчишку на поезд, передав его проводнику. Поезд довёз до Агрыза, где Пашку встретил другой провожатый. Пока ехали на тракторе через поле, парнишка замёрз.

Остановились в деревне. Зашли в какую-то избу. Сухонькая морщинистая старуха накормила горячей лапшой всех: Пашку, его провожатого и своего мрачного старика. Ели молча, как на поминках, но торопливо — времени до ночи оставалось немного. Себе бабка плошку не поставила, сидела, подперев кулаком щёку, и жалостливо смотрела на мальчика. Он вычерпал всё до капли. Пашка захотел сказать «спасибо», да язык не шевельнулся — отвык, и он только кивнул, отодвинув миску. Хозяйка понятиливо вздохнула:

— Сиротинушка...

— Шкни, — одёрнул жену старик. Он встал из-за стола и произнёс уже мягче: — Кто его знат, как оно будет. Тихой — и ладно... Пора. — Он прошёл к двери, на ходу кивнул

Пашке: — Одевайся и айда за мной. — Снял с крюка чёрный длинный тулуп, размашисто всунул большие сильные руки в рукава, надел огромные валенки с толстой подошвой, натянул на глаза лохматую шапку.

Во двор вышли вдвоём, сопровождающий остался в доме.

Небо хмурилось, дышало скорой оттепелью. Дед и Пашка дошли до берега и по крутой снежной тропе спустились к Каме. Там стояли большие деревянные сани, запряжённые чёрной тощей кобылой.

— Глыбже окопайся. — Старик показал на сено в санях.

Пашка улёгся, но лицо оставил на воле. Дед накинуд поверх ещё что-то тяжёлое. Поехали через реку. Солнца не было: кругом — лишь бело-серый снег. Всё сливалось в необъятном просторе, и Пашка ничего не видел. Ему было ни тепло, ни холодно.

Занялась метель. Сани побежали быстрее. Лошадь запыхтела чаще. Опустились сумерки. Пашка закрыл глаза. И то ли слышалось, то ли снилось — метель шептала голосом старухи: «Сиротинушка... сиротинушка...»

В детском доме таких, как Пашка, оказалось много. Законы общежития усваивались быстро: драться до первой крови; лишнего не болтать; съедать всё, что дают, иначе сил за себя постоять не будет. Строгий распорядок — всё по часам — Пашке понравился. В школе учился хорошо. Мечта у него появилась — стать лётчиком. А ещё — найти отца: письмом, что мать показывала, он стащил ещё тогда, когда она в больнице лежала, и спрятал у тёти Маши дома, в щёлке между книжными полками; когда-нибудь он за ним вернётся.

Мечта и тайна скрашивали долгие, неуютные минуты детдомовского покоя, особенно вечерами перед сном. Сильно Пашка скучал по матери. Но и обида леденила душу, не отпускала. Нередко он видел мать во сне, и всякий раз просыпался с бешено бьющимся сердцем, с застывшим в горле криком. Слез не было, только ломота схватывала тело: мать виновата, что он — сирота!

После седьмого класса Пашка пошёл в вечернюю школу, устроился разнорабочим на бетонный завод, пыль и грязь не пугали. Он готовился к поступлению в Сызранское лётное училище. Но мечта сорвалась, будто звёздочка чиркнула да потухла в чёрном небе судьбы: врачебно-лётная комиссия признала Пашку непригодным.

— Что нос повесил? — спросил седой мужчина в штатском, когда Пашка пришёл забирать документы. — Тяжело приговор? — Суровый взгляд незнакомца так и сверлил.

Пашка робко пожал плечами, а тот вдруг встал из-за стола и скомандовал:

— Смирно!

Пашка невольно вытянулся и вдруг заметил, что у «командира» вместо левой руки — чёрный протез, и отвёл взгляд в сторону. А незнакомец здоровой рукой положил документы на стол, принялся листать, внимательно поглядывая на Пашку. Затем захлопнул бумаги, прижав их ладонью.

— Значит, комиссовали. — Голос его зазвучал тише. — И что? — Он сделал паузу. Строгие синие глаза военного держали парня в напряжении. — Жизнь кончилась?

— ...

— Отвечать, когда спрашивают!

— Н-нет.

— То-то и оно. Всё — при тебе: голова, видать, толковая на плечах, ноги-руки целы... — И неожиданно спросил: — Ты же казанский?

— Да.

— Так вот, расклад следующий. В армию призовут, иди в школу младших авиаспециалистов. А потом, если вкус к работе почувешь, поступай в Казанский авиационный... Не всем дано летать, но в авиации служить будешь. Ясно?

— Да.

— Вперёд! — «командир» пододвинул документы к краю стола. Пашка подошёл, взял. А тот вдруг вышел из-за стола, похлопал по плечу и, подбадривая, тепло сказал:

— Ступай, сынок.

Пашкину душу захлестнула неведомая доселе тихая радость.

Бабье лето. Лёгкий ветер метёт сухую листву по дорогам и тротуарам города. Осенние запахи наполнены особенной свежестью, которая сулит неизбежные изменения в природе, и если молод, жизнь впереди — изменений этих ждёшь, как чудесного новогоднего праздника.

Пашка — студент Казанского авиационного техникума, вечернего отделения. Днём — работа на заводе имени Горбунова, вечером — учёба. Когда юноша пришёл в «кадры», его встретили радушно и, что льстило недавнему демобилизованному, с искренним восхищением: многие, кто попал в детдом, потерялись по жизни, а он — вернулся, можно сказать, героем, да ещё и с профессией в руках.

Молодого специалиста утвердили на должность помощника механика. Быстро решилось, где жить: за сиротой осталась закреплённой их с матерью комната. Такой поворот не больно обрадовал: не хотелось туда, где всё будет напоминать. Но выбора не было. Конечно же, заглянул он и на фабрику-кухню. Тётя Маша сначала его не признала:

— Возьмите, пожалуйста, поднос, у нас самообслуживание.

Тогда он подошёл поближе к кассе, нашарил в кармане брюк мелочь, осмотрелся, наклонился к кассирше и, протянув кулак к её рукам, прошептал:

— Тётя Маш, хочу кашу-размазню.

Мария вздрогнула. Звонкие монеты рассыпались.

— Пашка?! Откуда?.. Как?.. — Она суетливо выбежала из-за стойки, прижалась к нему раздобревшим телом, обхватила его крепкие плечи и, судорожно вздохнув, уткнулась в грудь. Быстро совладав с собой, слегка отстранилась, провела дрожащими пальцами по вискам и скулам парня:

— Красавец... вот бы Танька гордилась.

— Не надо. — Пашка невольно повёл плечами.

Сердце Марии уколола необъяснимая вина: не растаял лёд обиды в Пашкином сердце.

— Ты приходи сегодня... я тебе пирожков с капустой, как ты любишь... ведь любишь?

Пашка утвердительно кивнул, и в душе Марии вовсе защемило: перед ней стоял тот — двенадцатилетний — мальчишка.

Москва. Лето. Солнечный тёплый воскресный день. Многолюдные шумные улицы. Одна из знаменитых сталинских высоток. Пашка решительно вошёл в светлую прохладу обширного парадного. Поднялся на нужный этаж. Дыхание сбилось — не от быстро преодоленных ступеней, а от волнения: вот эта дверь! Что за ней? Какие люди?

Пашка немного расслабил белоснежный воротничок, поправил галстук. Прокашлялся. Нажал кнопку дверного звонка и... под ним пошатнулся пол: «Назад пути нет». Пашка напрягся, расправил плечи.

Дверь открыла пожилая, сутуловатая, усталая на вид женщина в длинном, до пят, чёрном платье. Седые стриженные волосы уложены волнами в аккуратной причёске. Грустные глаза её смотрели на Пашку с вежливым интересом, но как-то холодновато.

— Здравствуйте. — Его голос предательски захрипел.

— Добрый день, молодой человек. Вы к кому? — Её низкий грудной голос звучал спокойно.

Сколько раз Пашка представлял, как откроется дверь! Сколько раз слышал внутри себя этот — самый главный — вопрос и столько же раз отвечал на него! Но теперь будто забыл заранее обдуманные фразы.

Женщина заметила его смятение. Присмотрелась повнимательней к незваному гостю, и её охватило неясное волнение: что-то знакомое прорисовывалось в облике странного молчуна.

— Вы, наверное, ошиблись, — предположила она.

— Нет... я... меня зовут Павел... я приехал из Казани. — Он набрал побольше воздуха и выдохнул: — Хочу увидеть своего отца.

Женщина отшатнулась, одной рукой вцепилась в дверную ручку. Павел хотел было поддержать её под локоть, но она, ухватившись свободной рукой за косяк — то ли для того, чтобы не упасть, то ли преграждая вход в квартиру, — вдруг выкрикнула:

— Нет!.. — Потом выпрямилась и жёстко сказала: — Не смейте. Уходите. Его нет.

— А когда...

— Никогда!

Дверь захлопнулась с такой силой, что Пашке показалось: его ударили по лицу. Не помня себя, выскочил на улицу. Куда шёл — не видел. Его охватил жуткий жгучий стыд. Зачем? Зачем он ворвался в чужую, совершенно далёкую от него жизнь?.. Забыть. Забыть! Обо всём забыть! Мать была права — не надо было...

Ночью мать приснилась: красивая, светлая, улыбалась, пирожки ему протягивала и так ласково, с любовью повторяла: «Прости, сына... прости, сына». И понял он, с резанувшей вдруг его сознание ясностью, понял: нет у него никакого отца-героя, нет, и никогда не было. А была и есть, и всегда будет с ним только одна мать...

Проснулся Пашка, явно чувствуя, что мать — рядом. Он не открывал глаза не потому, что боялся, а потому, что не хотел расставаться с ощущением её присутствия — таким оно было реальным, таким тёплым. И горячие ручейки потекли из-под закрытых век по щекам, на подушку. И так ему захотелось, чтобы мать вытерла их, поцеловала его в обе щеки, как бывало, погладила по голове и крепко обняла. И думы, горячие, как слёзы, прожигали Пашкино сердце: жила мать свою жизнь, как умела, и жить хотела, счастливой быть хотела... что любила она его больше жизни... и он её любил... любит. И ныло, ныло болью и нежностью Пашкино сердце.

* * *

— Когда у меня родилась дочь... когда однажды она забралась ко мне на колени, обняла горячими ручонками и выговорила не «папа», а «Пашка», — я вдруг увидел в ней свою мать...

Мама... прости. Родная моя, прости.

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

РЕЧКА, ОБЛАКО, ОСОКА

ИЗ АНКЕТЫ

Материально обеспечен:
В дождливый день хожу в плаще.
В случайных связях не замечен
И не заметён вообще.
Безволен также как безвластен.
Не ангел, но и не злодей.
Женат. Имею двух детей.
К спасенью мира не причастен.

БЕЗОТВЕТНОЕ

Стоит учитель рядом с картой.
Струится речь его легко.
Мне десять лет. Сижу за партой.
Смерть где-то очень далеко...
Промчались годы. Всё промчалось.
Земли поскрипывает ось.
И всё, о чём тогда мечталось,
Забилось или не сбылось.
Нагромодила жизнь торосы
И стала чуть ли не врагом.
Я задаю себе вопросы
В тысячелетии другом.
Ты где, учитель мой с указкой?
Куда исчез тот дивный свет,
Который виден в десять лет?
Где мир, казавшийся мне сказкой?
Ответа нет.

ДВА ОТЦА

Глядят они оба из бездны
И оба мне машут рукой.

Один — Безначально Небесный,
Земной изначально — другой.
Летящим годам не перечу,
Пускай, как пылинку, несут,
И Страшный не страшен мне суд,
На нём я отцов своих встречу.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Как змея, извивалась дорога,
То на гору вела, то на дно.
Я задумался очень давно:
Ощущенье присутствия Бога -
Не шестое ли чувство оно?
Оно мало чего объясняет,
Но не этим ли чувством Творец
Потихонечку всё ж вытесняет
Тьму из наших умов и сердец?

* * *

*«Бог и я — это уже большинство,
причём подавляющее»
Св. Максим Исповедник.*

Всё старо под месяцем двурогим
В смысле переносном и прямом.
Быть в своём уме дано не многим,
Многие живут чужим умом.
Но, как прежде, в тоге торжества
Ходит у нас мненье большинства.
Может это псевдоторжество?
Приглядишься внимательно сначала:
А не то ли это большинство,
Что «Распни! Распни Его!» кричало?

* * *

* * *

Вот пьяный бомж — наш брат — плетётся,
 Упал в густой тени берёз
 И захрапел. А где проснётся
 Никто не знает. Вот вопрос!
 В аду ль, в раю ли, под берёзой?
 Ответ оставлен на потом...
 И с непонятною угрозой
 Стрижи летают над прудом.

ПЕЙЗАЖ

Над дорогой плывут облака,
 И проносятся тени их мимо.
 И настолько душа глубока,
 Что с зияющей бездной сравнима.
 Не всё сущее здесь, на виду,
 И поэтому мне неизвестно:
 Это я по дороге бреду
 Или вид мой обретшая бездна?

МАЙСКИМ УТРОМ

Открытие ужасно-простое
 Я сделал под крик петухов:
 Очисти меня от грехов —
 Останется место пустое.

Счастья не было и нет,
 Но, вполне возможно, будет.
 Ведь не зря встаёт рассвет
 И надежду в сердце будит?

И стучит оно, стучит,
 Хочет к счастью достучаться.
 А вот разум всё молчит,
 Не желает обольщаться.

Кто из них глупей, увы,
 Мне не ведомо до срока.
 Не подскажете ли вы,
 Речка, облако, осока?..

* * *

Почти сравнялся бабушкин
 Могильный бугорок,
 Но слышу будто рядышком
 Знакомый говорок:
 «Что глупо, что не глупо
 Бывает, не поймёшь.
 Но твёрдо знай, голуба,
 Где правда, а где ложь.
 Дружить не надо с горькою,
 Сопьёшься невзначай,

И шашни свои с Ольгою,
Голуба, прекращай...»
Живу как ты просила,
Чем дальше, тем трудней.
А Олина могила
В трёх метрах от твоей...

* * *

Удивляюсь, как же это:
Мне не светит ничего
В пятьдесят восьмое лето
От рожденья моего?
Неужели всё напрасно,
И к спасенью путь закрыт?
«Ничего ещё неясно,» –
С неба кто-то говорит, –
«Посиди ещё подумай,
По тропинкам поброди,
Призрак старости счастливой
Пусть маячит впереди».
Я не против, пусть маячит,
Только всё же, хоть убей,
Сердце прыгает, как мячик,
Всё слабей, слабей, слабей...

СУМБУРНЫЕ СТРОКИ

Не о банальном, не о пошлом
Поговорим, мой брат, о прошлом.
Ты помнишь хатки и плетни,
И детства радужные дни?
Их помнись, будто в знойный полдень
Припасть к холодному плечу,
Но есть и то, о чём я помнись
Ни в коей мере не хочу.
Наш разговор короткий вышел,
Не смог он душу нам согреть.
Ну, да – ты выжил, и я – выжил
Зачем? Чтоб *позже* умереть?
Печальней в мире нет итога,
Смердит от этой прямоты.
Конечно если только ты
Не веришь в Бога...

* * *

Двадцатый век. Начало. Спас
Глядит с иконы в каждой хате,
А на дворе полдневный час,
И тени прячутся, как тати.
А среди старых тополей,
Смеясь залиvisto и звонко,
Босая бегают девчонка,
Что станет бабушкой моей...

СЕРГЕЙ НОСОВ

ИМЕЮ ПРАВО ЖИТЬ

* * *

* * *

Плавники этой осени
рыбы
и плывёт она
в синих задумчивых лужах
на хвосте у неё
облака
и их ветер качает
туда и сюда
по холодному небу
с которого
падают звёзды ночами
и сгорают как искры
большого костра
на ветру.

* * *

В лесу
очень много весёлых
зелёных деревьев
а в небе
пустых облаков
из белого птичьего пуха
и в море
больших пучеглазых
бессмысленных рыб
и в жизни
весёлого детского смеха
который всегда налипает на стёкла
сияющих окон
счастливых домов.

Живу один
как клочок травы
на камне
а рядом ждёт
проезжая дорога
по ней везут
снопами сено
с сенокоса
меня не замечая
никогда
но я и рад
пусть ветер шевелит
мне волосы
седые
как травинки
и ночью птицы
томные поют
которым дела нет
до сенокоса
и до косцов
с их косами стальными
и до их мокрых
загорелых спин.

* * *

Я тебя буду любить
также как льётся вода
также как волны бегут
ты будешь плыть
в той любви
так как плывут облака

и на одном из них
нам бог нарисует судьбу.

* * *

Чудо становится ближе
его придвигают к тебе
своими руками
знакомые гномы
в красивых
больших колпаках
на которых всегда
колокольчик звенит
нежным звоном
башмаки этих гномов
тихонько скрипят
по паркету
и шарфы у них
длинные и голубые
и глаза
как у вдруг прилетевших
откуда-то с юга
испуганных птиц.

* * *

Для нас и море
станет лишь прудом
у дома
и опрокинутым ведром
пустого воздуха
нам будет небо
и сад окажется
подстилкой у порога
и жизнь
пускай идёт как кошка
на мягких лапах
по своей тропинке
неведомо куда
и почему.

* * *

Я на удочку выловлю
в море луну
и на звёздах по небу
могу прокатиться верхом
как на маленьких
милых лошадках

и в погоне за солнцем
на крыльях своих
улечу на край света
и за волосы вытяну
это капризное солнце
на небо
чтобы просто светило
тепло отдавая земле
ведь земля должна жить
и растить
и деревья и травы
как мать своих маленьких
глупых детей
и кружиться кружиться
кружиться
как будто она
очень любит
небесные танцы.

* * *

Небо в пелёнках лежит
и по прежнему плачет
скучно ему одному
над землёй
вот бы спуститься
побегать привольно
по полю
на волнах прокатиться
в танцующем море
и в глубокое озеро
в чёрном лесу
незаметно упасть
чтобы видеть
ну как там на дне
может очень темно
может страшно
а может спокойно
будто в мире ином
где не нужно уже ничего
кроме сна
и молчания тёмной воды
когда можно наверное
слышать
как дышит
бегущее время.

* * *

* * *

А если землю
проколоть насквозь
спуститься в эту скважину
и вылезти
с обратной стороны
окажется
всё тоже самое
что здесь
лишь только люди
будут сплошь чужие
заговорят
на непонятном языке
окружат вас
и будут удивляться
что вы все в тапочках
а все вокруг
в штиблетах
что шляпы нет на вас
и чёрные очки
вам не идут
поэтому вы их
наверное сняли.

* * *

Жизнь подплывёт
как лодка
к берегу реки
и можно будет
выйти на свободу
гулять по полю
по лесу пройти
дома увидеть
где живут
счастливы люди
а после снова
плыть и плыть
туда
где нет уже
ни берегов
ни рек
а только море
с синими волнами.

Почему ты становишься
дочкой любви
потому что
опять ты нагая
и танцуешь всю ночь
и не хочешь
меня отпускать
и целуешь
как звёзды целуют
друг друга
и я вижу тебя
в темноте
ведь ты светишься
яркой луной
в чёрном небе
и спускаешься
ниже и ниже ко мне
чтобы нежно коснуться
губами
и уплыть за дома
унося на руках
мою жизнь.

* * *

И кто придёт
давно уже ушёл
и кто найдёт
давно всё потерял
и кто получит
у того отняли
и будет так
всегда
на белом свете
а почему
не ведаёт никто.

* * *

Имею право жить
как я хочу
и в зеркале заката
видеть море
и утром волосы
разбуженного солнца
спокойно гладить
тёплой рукой

и днём идти
по улице просторной
как по полю
где много
незнакомых трав
цветов
и ветер бродит вечно
шаловливый
и поднимает платья
у девиц
а ночью
отдаваться звёздам
и их ласкам
и жить любовью
до рассвета
который гасит свечи
за окном.

* * *

Могли бы вы
пройти пешком по нарисованной
картине
к художнику
в простую мастерскую
пожать ему на счастье руку
и выйти через холст
бесшумно
в ночь
где светят звёзды
как глаза влюблённых
и нежная луна
обнимет языком всю вашу душу
чтобы в ней остаться
за просто так
до самого утра.

* * *

Как странно
что поэт живёт в стихах
как это несерьёзно
лучше в бронзе
быть памятником самому себе
и восковой персоной
своей смерти
сидеть в высоком
каменном дворце

чтобы шагали мимо экскурсанты
как гуси
за своим экскурсоводом
а по ночам
когда ложится спать
большая полицейская охрана
вставать
во весь огромный рост
и мерными шагами
ходить по залу
что-то бормоча
быть может и стихи
«Я памятник себе...»

Но вот и утро
серое простое
уборщица с тебя стирает пыль
а ты опять сидишь
всё в той же позе
как приговорённый
поэт и царь
один в своём дворце.

* * *

За скобками ворот
укутанная в зелень
веранда
дорожка
забегающая вглубь
размашистого сада
вся темна
а окна дома
освещены
в округе — никого
фамилия владельца различима
при свете фонаря
кусты сирени
касаются нечаяно плеч и рук
звонка здесь нет
и глупо закричать
калитка заперта
приходится очнуться
услышать шум
и нервно зашагать
прочь от иллюзий
гулко каблуками
обозначая быстрые шаги.

* * *

* * *

Следов всегда
намного больше
чем прохожих
как будто кто-то
ходит кроме них
по улицам
но мы его не видим
и не слышим
а только чувствуем
он где-то рядом
и боимся
и прячемся скорее
по домам
а он всё кружит
в городе ночами
и ищет наши души
в темноте
и их с собой
легко уносит
в вечность.

Дни всё чаще похожи
на шумных мальчишек
а ночи
всё проще снимают свой траур
чтобы снова играть
в кошки мышки с рассветом
и доброе солнце
как бабушка старая
шарит слепыми лучами
по домам
по пустому двору
где пока
только птицы поют на деревьях
но скоро
появятся дети
словно рой обезумевших пчёл
потерявших без мёда покой
навсегда.

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

ТЁПЛЫЕ ЛАДОШКИ

рассказ

— Ты меня любишь? — Лена приподнимается на локтях, с трудом различая в полумраке очертания предметов.

— Чё? — Олег ворочается как медведь в берлоге, храпит, покашливает.

— Блин, Ленка... — говорит он, нашарив на полу возле дивана пластиковое тельце смартфона, — Час ночи. Ты чё не спишь?

— Не спится...

Она откидывает одеяло, оглядывает свои босые ноги, представляя, как пальцы с аккуратным педикюром ступают по разогретым на солнце камням, тонут в белом, горячем песке, а потом песок смывает волной. В призрачном свете от экрана «мобильника» всё кажется таинственным и близким. Реализуемым...

Язык можно сломать, какое это длинное и корявое слово. «Наверное, его придумали люди, которые не умели мечтать, — думает она, — Их спрашивали, возможно ли, что человек полетит в космос, спустится на дно океана, а девочка Лена из Исилюкля увидит море? И они отвечали: „Реализуемо“. Слово хрустит на зубах, оно безвкусное. Как будто жуёшь кусок картона. А на картоне написано: „Реализуемо“.

— Ты меня любишь? — повторяет она полуночный вопрос и Олег вскидывается.

— Да люблю, люблю... Вырубайся уже...

И гаснет как подсветка смартфона, вставая в очередной страшный сон. Лена кутается в одеяло, прижимается к горячему боку Олега и пытается не уснуть даже — запрыгнуть в его сон.

Она часто спрашивала его о том, что приснилось. «Фигня всякая», — отмахивался Олег. «Нет, ты расскажи, — допытывалась она, — каждый сон — это сигнал нашего подсознания». Обычно Олег смеялся над её наивностью. Он старше, наверное, умнее (сам Олег так частенько говорит), и оттого Лене с ним одновременно хорошо и плохо.

— Чем у тебя чердак забит? — обычно говорит он ей и стучит указательным пальцем по виску девушки, — Дура!..

Так любит или нет?

Сегодня Лене приснился странный сон: она в парке старинного города со странным названием Тара. Июльская жара облизывает потных, загорелых людей от мала до велика. Вокруг мамочки с колясками, бутылочками воды и их отпрыски — «личинки», как зовёт малышкой Лена. У неё самой никогда не было ни братьев, ни сестёр. Лена идёт по парку, слушает, как щебечут птицы в кронах деревьев, наблюдает за

детьми, решившимися прокатиться на карусели «Вихрь». У лотка с мороженым её перехватывает симпатичный светловолосый парень лет двадцати:

— Разрешите угостить вас мороженым, — говорит он и Лена соглашается. Её никогда не угощали мороженым. «Ягой» — да, пивом или «сигами» — тоже, но не мороженым. Удивительно, как девочка из неблагополучной, неполной и во всех отношениях тянущейся в болото семьи смогла поступить в педагогический и два семестра получать стипендию... до встречи с Олегом.

— А как вас зовут? — спрашивает светловолосый и широко улыбается.

Лена с интересом поглядывает то на него, то на лоток с мороженым: породная, раскрасневшаяся тётка в фартуке украшает вафельный рожок холодными сливочными шариками. Что ей больше интересно — парень или его неожиданный подарок, Лена ответить затрудняется.

— А? Меня? Лена меня зовут.

— Очень приятно, — парень вновь приторно-радостно улыбается.

Олег бы сказал: «так и просит зуботычины». Олег — не злой. Лена убеждает себя в этом уже второй год. «Просто он — реалист», — говорит себе. Верит? Вряд ли, но говорит. Он стал в её жизни первым и единственным мужчиной, стремительный роман закружил... Два года, с ума сойти! Они вместе уже два года.

— ...А меня зовут Железный дровосек, — выдёргивает её из мыслей голос белобрысого.

— Почему? — спрашивает Лена, понимая, что не ощущает привычной для сна предпринятости исхода любого разговора.

— Друзья прозвали... — он смущается.

Красивый парень. Высокий, крепкий, с лёгкой небритостью. Лене вспомнилось, как в одном из торговых центров Омска, где Олег работал продавцом, он показал ей дорожную электробритву. «Знаешь, какая у этой штуки есть функция? — спросил он, — она может превращать бороду в щетину. Твари, мажоры! Как я их ненавижу». Она прекрасно помнит тот день. Это было ровно два года назад. Тогда Олег сказал ей, что знает, как подзаработать. Разом и без лишних запар.

— Как? — спросила она тогда, внутренне подобравшись.

Она знала, что Олег до того, как устроился в торговый центр, работал в автосервисе, где вместе с приятелями то ли перебивал номера, то ли снимал с ремонтируемых машин новые запчасти и устанавливал изношенные. Двоих сотрудников тогда посадили, а Олега несколько раз вызывали в полицию, но в итоге оправдали.

— Сложно таким, как мы, да? — любил он говорить, подвыпив. — Всё приходится вырывать с мясом у этой жизни.

Олег, как и Лена, вырос в неблагополучной семье, много всего пережил, но разговаривать на эту тему отказывался наотрез.

— Дура, ты ко мне в чердак не лезь, поняла?

Лена поняла с первого же раза, когда разгневанный парень залепил ей оплеуху, а потом почему-то принялся шмыгать носом и утирать слёзы.

— Прости меня, маленькая, — потом извинялся он. Ради таких извинений Лена готова была вытерпеть гораздо больше, чем одну оплеуху...

И вот однажды Олег предложил подзаработать. «Разом» и «без лишних запар». Нужно было, сговорившись с одним из охранников торгового центра, вынести из магазина несколько коробок с товаром, погрузить в задрипанную «девятку» Олега и вывезти куда-то за «консервзавод», в соседний район.

— Тема — верняк, — кривоизумо улыбался Олег, — А потом надо сваливать.

— Нас же найдут!

— Как? Сквозанём по быстрому и никто не поймёт. Уедем к тебе в Исылкуль или на север области. В Усть-Ишим, например, к чёрту на рога.

— Но если ты не выйдешь на работу, всё сразу поймут, — сохраняя остатки здравого смысла, попыталась образумить его Лена.

— А ты не дура... — сказал тогда Олег, — Ладно, другое чё-нить придумаем. Ты там свой «педик» бросать не надумала, училка?

Лена не надумала. Тогда. Это было ещё до того, как они с Олегом начали промышленять аферами и всевозможными «разводками» в Интернете. Где её парень набрался знаний и опыта, она не спрашивала. Просто однажды он сообщил, что теперь будут зарабатывать «без лишних запар». Не много, но это поначалу.

Схема была проста: Олег искал на «Авито» или ином торговом сайте «доходягу лошастого», а затем Лена звонила по указанному номеру и представлялась покупательницей. Квартиры, машины, кухонного гарнитура, кучи щебня — не важно. Она говорила, что готова внести предоплату, чтобы ценный товар не перехватил другой покупатель и просила продавца назвать ей номер карты, «несколько циферок с обратной стороны карты» и «срок действия». Иногда, заболтав «доходягу», ей удавалось выудить из доверчивых, полоротых сограждан пин-код к карте, все деньги с которой Олег тут же снимал подчистую.

— Не спалимся, — говорил он, — я у кореша, у Боцмана, купил всякие там программы, чтобы не поймали...

— ...Может, пройдемся? — это вновь голос блондина из сна.

Он протягивает Лене рожок с мороженым, отдаёт плавящейся на жаре тётке требуемую сумму и они, с молчаливого согласия Лены, идут по тропинкам в тени акаций и клёнов.

— Ты местная, да? — спрашивает Железный дровосек и Лена, натянуто улыбаясь, лжёт:

— Я? Да, да... Местная.

Всякое случалось за те два года, что они с Олегом были вместе. «Местными» представлялись в Новосибирской, Тюменской областях и даже в Красноярском крае. Ездили, проворачивали какие-то махинации. Становилось всё страшнее, но пути назад не было. Лена отчётливо ощущала — они с Олегом настолько близки, что почти сроднились, срослись воедино.

— Мы как Бонни и Клайд, — улыбалась она, ночами уткнувшись в плечо Олегу.

— Кто? — недоумённо спрашивал он.

— Не важно...

Ночевали в машине с болтающимся на лобовом стекле освежителем-ёлочкой, в задрипанных сельских гостиницах, а однажды в каком-то заведении, больше похожем на притон. Тогда Лена впервые по-настоящему испугалась. Села на автобус и помчалась прочь от Татарска, где они тогда «гастролировали», продавая доверчивым старикам якобы дорогостоящие медицинские приборы. В университете Лена брала академический отпуск — ещё надеялась восстановиться, наверстать упущенное и жить нормальной жизнью. Но какая нормальная жизнь может быть рядом с Олегом? Однажды она нашла в бардачке завёрнутый в тряпицу пистолет и на дрожащих ладонях принесла его парню.

— Это что?!

— Травмат, — отмахнулся тот и сунул пистолет за ремень, под футболку, — на всякий пожарный.

Казалось, случившееся в Татарске, их ночёвка в притоне — последняя капля. Лена вернулась в родной Исылкуль, а через двое суток примчался Олег.

Взмыленный, растрёпанный, на заляпанной грязью «девятке». И с букетом цветов.

— ...А какие цветы ты любишь? Можно ведь на «ты»? — вновь звучит голос светловолосого. — Такой сочный и выразительный голос, что Лена думает: с ним бы в актёры.

— Можно и на «ты»...

— А цветы?

— Что цветы?

— Цветы какие любишь?

— Розы, — пожимает плечам Лена, — как все.

Но мысленно она в прошлом, обнимает Олега, в руках которого шипастый букет алых роз. Олег приехал извиняться, твердил, что ему без Лены «просто край». Он никогда так много и так красиво не говорил. И девушка простила.

— ...Ну, не скажи, — рассуждает её нечаянный сон, — Есть девушки, которые любят георгины или лилии, а некоторые, только не смейся, кактусы.

— А ты — местный? — стараясь поддержать диалог, спрашивает Лена.

— Да, я родился в Таре, учился в гимназии, — кивает на виднеющееся в отдалении двухэтажное здание, — а теперь тружусь на благо города.

Они уже прошли полный круг по территории парка, но Лена лишь слегка помяла языком один из шариков мороженого.

— Не вкусно? — замечает парень, — могу другое взять.

— Нет, всё нормально... Так просто... Задумалась.

— Я тебя потому и заприметил, — улыбается Железный дровосек, — Все радостные, а ты грустила. Захотел порадовать, угостить мороженым... А хочешь, сходим на спектакль? Ты ведь в театр ходишь?

— Редко, — шутливо отмахивается Лена.

Она ни разу не была в театре. За девятнадцать с хвостиком лет своей периодически непутёвой жизни видела театр лишь проходя мимо. Мимо Новосибирского театра, мимо Омской «Драмы», мимо Тарского Северного с памятником артисту Михаилу Ульянову перед входом. Она, по детски суеверная даже тёрла ботинок бронзовому гиганту и загадывала желание. Где-то слышала что если так сделать, всё обязательно сбудется.

После страстного примирения с букетом роз и долгими ночными разговорами они с Олегом решили больше не ходить по краю пропасти.

— Надо завязывать, — соглашался парень, — иначе затянет и плохо кончим.

Но они не перестали обманывать людей, не устроились на работу. Предыдущий год, проведённый в разъездах и попытках половчее отнять нажитые людьми сбережения, привёл к полной атрофии того нелепого ощущения приземлённости, коим обладают представители большинства профессий.

— Будем фрилансить, — сообщил Олег, — Ну, в смысле работать.

Как оказалось, его старинный приятель со звучным прозвищем Боцман подрабатывал в конторе, занимающейся печатью на майках и кепках. Пообщавшись с ним, Олег принёс на съёмную квартиру два пакета с вещами, вывалил их содержимое на диван и воззрился на Лену: «гляди».

Девушка внимательно рассмотрела принесённые Олегом вещи: два ярких жилета с эмблемой в форме детской ладошки с растущим внутри деревом и надписью «Тёплые ладошки», пара таких кепок с аналогичной символикой и много всевозможного барахла, включая большой синий ящик с надписью «Для пожертвований».

— Это что? — не поняла Лена.

— Наша работа. Видела волонтеров, которые трутся в каждом городе: «подайте девочке с лейкемией, мальчику с грыжей, бабушке с дедушкой», — Олег хохотнул, — Мы нарядимся в таких же, выберем людные места и начнём собирать деньги. Физиономии у нас культурные, сойдём за волонтеров.

Лена тогда сказала, что это подло и каждую копейку, собранную таким образом, они отбирают у больных детей.

— Да ладно... Не мы первые. Боцман говорит, что у него уже несколько таких клиентов было. Сплошняком косят под волонтеров.

— А если поймают?

— Главное, менять места почаще, по райцентрам прокатиться, по городам. Этот фонд... «потные ладошки» в Омске и Новосибире действует. Так что за лето, за июль, грубо говоря, нарубим бабла.

— А потом чем займёмся?

— Чё-нить придумаем, — осклабился Олег.

И зачем она на это согласилась... Лена вдруг вздрагивает, ныряет в сон, будто ото сна очнулась и понимает, что бредёт под жарким июльским солнцем по одной из улиц старинного города Тары в компании с Железным дровосеком. Он что-то рассказывает. Мороженое почти съедено. Когда успела?..

— Можно, я сниму обувь? — вдруг спрашивает Лена, а сердце замирает от такого безрассудства, словно находитесь не во сне, а в реальной жизни.

— Давай, помогу, — парень аккуратно придерживает её за талию, пока Лена снимает с пыльных ног лёгкие сандалии.

— Только аккуратней, вдруг стекло битое попадётся.

Они идут по ухоженной, мощёной плиткой площадке. Справа проплывает зеленобокий танк «Т-34», гранитный монумент воину-освободителю. А слева ей на ухо что-то шепчет такой настоящий Железный дровосек. А она идёт с ним в Изумрудный город по дорожке из красного кирпича, нет же, из белой и розовой как зефир плитке, и ей хорошо.

Сколько недель и даже месяцев гнетёт Лену чувство непоправимой ошибочности жизненного пути? С той ночёвки в городе Татарске? С примирения в Исылкуле? Или с момента, когда «девятка» Олега въехала в Тару?

Тем временем они с Железным дровосеком подходят к зданию театра. Лена уже пожалела, что шла босиком — на правой пятке кровотоцит небольшой порез. Во сне ей больно и обидно, что в изумрудный город не попасть, пока под ногами разбитые изумрудно-зелёные бутылки. Этакая Тара для потерянных жизней, для джиннов, которые высвобождаются, когда ты достаёшь стакан. Тара в городе Таре... Но это не забавно.

— Я ещё студент, — сообщает Железный дровосек, когда они подходят к памятнику Михаилу Ульянову, — но тоже хочу быть как он. Вот и в театре работаю параллельно учёбе.

Народный артист, бронзовый, раскалённый от жары, сидит на бронзовой же скамье и смотрит вдаль. Его ботинки ярко блестят на солнце.

— Совсем затёрли, — проследив за взглядом Лены, кивает парень. — Думают, потрут и им счастье на голову свалится.

— А разве не так?

Она знает, что не «свалится», спрашивает лишь ради поддержания разговора. В её жизни, сколько ни три, чуда не случится.

— Не знаю... Я в детстве загадывал у этого памятника заветное желание, тёр ботинок. И даже сбылось... Но дело не только в этом. Нашлись хорошие люди, которые помогли моей мечте сбыться. Так что... всё реализуемо.

От этого хрустяще-рычащего слова Лене делается не по себе. Она на секунду вырывается из сна, обнаружив себя в тёмной комнате. В зазор между шторами просо- вывается хитрый лунный свет. Рядом храпит Олег, и Лена снова ныряет в июльский день, оказываясь возле тарского театра.

Мечты... О чём она мечтала в детстве? Чтобы бабушка перестала пить, а родители приехали и забрали её с собой в Омск, куда они перебрались, оставив ребёнка на попечение старухи-алкоголички. Родители сгинули то ли в аварии, то ли в пьяной драке. Лена не помнила, какую причину назвала бабушка. Не хотела помнить. Тогда она тёрла маленькое распятие, которое бабушка держала на стене напротив дверей. Христос на распятые был варварски «прострелен» в области живота, а в получившийся пробой вставили гвоздь, которым крест приколотили к стене много лет назад. Лена вертела в руках здоровенный ржавый гвоздь, тёрла крест и пыталась молиться. Но родители не вернулись.

Тара стала восьмым пунктом на пути их с Олегом марафона по зарабатыванию денег. Люди в райцентрах охотно делились с миловидными ребятами-волонтерами. Нужно лишь выбрать место: в обеденный перерыв у магазина, возле церкви, здания администрации. Так сдались на милость аферистам посёлки Любино, Саргатское, Большеречье, Седельниково, города Исилюль и Называевск. А в Тюкалинске обнаглевший Олег зашёл с коробкой в здание ОВД и попросил полицейских помочь умирающему мальчику. С «иконкой», как звал фотографию маленького страдальца Олег, всё было придумано просто: в сети Интернет, на сайте фонда «Тёплые ладошки» бралось фото смертельно больного ребёнка, на спасение которого собирали деньги, распечатывались выложенные на сайт бумаги о болезни и документы, которые Олег для пушистой правдоподобности ламинировал у своего приятеля Боцмана. После этого они могли подходить к любому:

— Здравствуйте... Мы представляем фонд «Тёплые ладошки». Собираем средства на помощь...

В Омске они тыкали в лицо сочувствующим фотографию девочки Оли, больной лейкемией, а в Тюкалинске, Большеречье и Таре решено было сыграть на струнах душ провинциалов, продемонстрировав фото некоего Егора Князева.

— Имя подходящее — русское, фамилия тоже, — пояснял Олег, — тем более он из Тары, поэтому нам отстегнут больше. Ну... Мордашка такая слезливая.

Мальчик, чьим образом собирались прикрываться аферисты,

нуждался в сложной операции на сердце, без которой умер бы через считанные месяцы.

— Тебе не кажется, что мы отнимаем у ребёнка эти деньги? — завела привычное Лена, когда их машина въезжала в Тару.

— Десять лет пацану, — не отвлекаясь от дороги, кинул ей Олег, — Жалко, конечно. Но они и без нас соберут бабло. Кто бы нам помог... Вон, у машины уже «сердце» с перебойми работает. Нужна срочная операция.

«Не циник, просто реалист», — напоминает себе Лена. Они с Железным дровосеком подходят к театру, возле которого, на тумбе с афишами, красуется глянцевого плакат. Название спектакля заставляет Лену поёжиться: «Тёплые ладошки».

— Это о фонде благотворительном? — спрашивает она.

— Ага, — радостно сообщает Железный дровосек, — по моей пьесе. Всегда мечтал отблагодарить и вот теперь... Пьеса о добре, которое побеждает...

Лена не слушает. Она читает набранную крупным шрифтом надпись, уместившуюся в верхней части плаката: «По пьесе Егора Князева. В главных ролях: Егор Князев...».

Лена вскрикивает, отшатнувшись от тумбы, и парень подхватывает её. Теперь она узнаёт его. Тот самый Егор, портрет которого, «иконка», приносил им с Олегом небольшие деньги.

— ...Осторожно, не оступись, — смеётся Железный дровосек, он же Егор, шедший в Изумрудный город... за сердцем.

Повзрослевший, но всё с тем же пронзительным взглядом карих глаз. Лене на миг кажется, будь у Егора борода и длинные, вьющиеся волосы, он был бы похож на Христа, распятого на Голгофе и прибитого гвоздём к стене бабушкиного дома.

— Я в детстве мечтал быть актёром, но с сердцем появились проблемы, — рассказывает парень, словно не замечая, как меняется в лице его собеседница, — Родителям сказали, что большие деньги на операцию нужны. Они обратились в этот фонд... Я даже бегал к памятнику и тёр ботинок Михаила Александровича, — усмехнулся своим мыслям, — и сработало. Собрали деньги, меня вылечили. Ну а я уже сделал всё, как загадал. Сейчас учусь. Во ВГИКе, на втором курсе. Ну, а пока на лето приехал к родителям, решил поработать в родном театре. Меня взяли, а теперь вот и пьесу поставили. Дебют актёра и драматурга... Всё, что я могу сделать для фонда... Часть денег от показа спектакля пойдёт больным детям. Представляешь, как здорово! Это не я придумал, а режиссёр, но идея светлая...

Лена вдруг начинает плакать: во сне, летним днём у театра, в воспоминаниях, обнявшись с Олегом, привёзшим букет и в реальности, лёжа на диване в общежитии педуниверситета, куда их с Олегом пустили на время каникул, пользуясь тем, что сельские студенты разъехались по домам.

Лена садится, сбросив с себя одеяло, вмиг показавшееся тяжёлым, будто гробовая плита. Слезы бегут по щекам, она чувствует их солоноватый вкус. Ни всхлипа. Молчаливый плач всё понявшего человека. Из размытого слезами сна на неё глядит медноликий Христос с наивно-детской улыбкой Егора. Она слышит, как мерно бьётся его сердце. Это не сон, а будущее. Лена уверена, ведь всё так реально, так невозможно, невообразимо реально!

Ей хочется растолкать спящего Олега, сказать ему, что ради неё, ради их любви они должны сейчас же прекратить то, чем занимаются. И она говорит. Сначала шёпотом, потом громче:

— Ты меня любишь?

— Спи давай... — буровит Олег.

Он никогда ничего не поймёт. Лена уже знает, что завтра утром она будет стоять в центре старинного города Тары, нацепив на себя яркий жилет и кепку с символикой фонда «Тёплые ладошки». В пластиковый контейнер, который Олег зовёт «сундуком» будут ложиться пятидесяти- и сторублевые купюры, иногда любимые Олегом «пятихатки» и «косари» — его пиратские «пиастры».

«Мажоры, думают, твари, что вот так косарь кинули в коробку и откупились от дерьма вокруг...», — вспомнились ей рассуждения любимого (а любимого ли?) и сделалось противно.

Да, завтра она посетит самые оживлённые точки города. У Спасского кафедрального, после утренней службы в ящик упадёт немного спасительной наличности. Потом будет центр города, площадь у театра, где она, быть может, встретится взглядом с маленьким улыбчивым мальчиком Егором, пришедшим потерять ботинок бронзовому Ульянову и загадать желание. Лена обязательно улыбнётся мальчугану, если всё же встретит его, скажет, что всё будет хорошо. И всё будет хорошо! Потому, хотя бы, что вечером она не отдаст ящик Олегу, а пойдёт по улице к центральному рынку, где днём ранее видела парня и девушку в таких же ярких жилетах. Они — волонтеры настоящие, ведь Олег неспроста так яростно матерился, увидев их у рынка. «Все карты спутали», — шипел он.

Лена подойдёт к волонтерам — она с фотографией Егора, они тоже — и отдаст озадаченной парочке ящик с пожертвованиями. «Даже взгляд у настоящих волонтеров другой», — успеет подумать прежде, чем кто-то из них спросит:

— Зачем это?

— Я спешу... — ответит Лена и не солжёт.

Автобус на Большеречье в пять вечера. Там, в посёлке на берегу Иртыша, живёт её бабушка по отцовской линии. Баба Настя. Лена не видела старушку лет десять, но почему-то уверена, что та будет рада видеть блудную внучку. Одиночество тянется к одиночеству как два магнита.

Но это будет утром... А пока Лена утирает слёзы, опускает голову на подушку и закрывает глаза. Ей снится жаркий июль, громада Северного драматического театра и улыбчивый Егор. Лене кажется, будь они ровесниками и случись их встреча не во сне, а наяву — она бы непременно влюбилась.

— Поцелуй меня, — шепчет она Егору и Железный дровосек замолкает на полуслове, потом, словно спохватившись, неловко прижимает Лену к себе и целует. Два сердца стучат часто-часто. Поцелуй пьянит. Ладони Егора касаются её тёплых ладоней.

ОЛЕГ ВИЗЕР

ХОТЕЛОСЬ УВИДЕТЬ ТЕБЯ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ...

рассказ

*Помолимся за родителей
Ангелам нашим хранителям.
Помолимся и когда-нибудь
Помолятся дети за нас...
Из популярной песни*

С чувством стыда я нажал на звонок. Лидия Матвеевна (в детстве мы называли её «тётя Лида»), открыла массивную дубовую дверь и с укоризной посмотрела на меня. Я поздоровался, но она не ответила, а молча протянула запечатанный почтовый конверт и ключи от родительского дома. При этом взгляд её был недобрый, я бы даже сказал, осуждающим. Вручила — и сразу закрыла дверь.

Повертев в руке бежевый конверт, я ухмыльнулся как бы в оправдание сложившейся ситуации: с Лидией Матвеевной мы не виделись лет пятнадцать или двадцать. Впрочем, поведение её особого удивления у меня не вызвало. Но всё равно осадок оставался неприятный: я не предполагал, что дверь закроется у меня перед носом. И взгляд тёти Лиды, наблюдающей из окна, я чувствовал какое-то время, направляясь в сторону отчего дома через дорогу напротив.

Мельком взглянув по сторонам, я отметил, как же время изменило всё до неузнаваемости: дома, покрашенные в яркие цвета, осовременнились и стали выглядеть праздничными; деревья выросли вдвое, и всё кругом утопало в зелени, полностью изменяя пейзаж и ландшафт, запечатлённые мною с юности. И дом наш узнал не сразу: отец сделал пристройку справа, со стороны Васюченко (интересно, они ещё живут здесь? не умерли? а может, тоже наблюдают за мной из-за занавески?). Не обнаружил я и скромный мамин палисадник. Крышу дома покрывал не грязно-серый шифер, а современная металлочерепица яркого-бордового цвета; стены дома покрашены светло-зелёной краской, а раньше были просто побелены. Всё вроде так же, но по-другому. Почти ничего не осталось от прошлого, лишь знакомый запах хвойных деревьев Припышминского бора и запах застоялой воды от озера Ургинского, от которого, как и от реки Пышмы, привычно тянуло водорослями и рыбой, оставался неизменным. И как напоминание о прошлом, во дворе остались висеть качели, привязанные к толстой ветви старого дуба, разросшегося до огромных размеров: крона великана накрывала собой половину крыши, а несколько длинных ветвей протянули свои щупальца к окнам мансарды, постукивая и царапая стёкла при малейшем дуновении ветра (отец, видимо, был уже слаб, чтобы добраться до веток и спилить их). Петлёй

перекинутая через ветвь
шпагатная верёвка давно вросла
в породу и впиалась в древесину так, что
утонула в ней полностью. С грустью я смотрел
на покачивающиеся качели: родители оставили их,
надеясь — на них будут качаться внуки.

Постояв в нерешительности на пороге, принявшись к далёким знакомым запахам, я решился всё же войти, хотя желания заходить в пустующий дом не было. Я знаю, что не услышу задорный голос отца, болеющего перед телевизором за любимую свердловскую хоккейную команду «Автомобилист» и весёлое подпевание мамы на кухне, откуда доносится аппетитный запах жарящейся в духовой печи курицы в чесночном соусе. И тем не менее, волнуясь, я провернул ключ в замке и открыл дверь. В нос ударил запах старости, запах моих стариков, моих родителей. Мне раньше не был знаком этот терпкий, тревожный запах, но сейчас он казался мне приятным и родным. Этот затхлый и спёртый воздух вошёл в мои лёгкие и распространился по всем клеткам тела, согревая теплом, и я принял его как должное, необходимое и то единственное и последнее, что осталось от отца и матери. И неожиданно этот запах показался мне лучшим ароматом в мире.

Пока ехал сюда, в городок Талица Свердловской области, я приготовил множество вопросов, которые хотел задать тётушке Лиде и расспросить её обо всём подробно, но... Я вспомнил про конверт, который держал в руке — отец что-то написал мне.

Я вошёл в комнату, в которой они спали. Кровать аккуратно заправлена и накрыта пледом, поверх которого строгими прямоугольниками лежали рядом две подушки в белоснежных наволочках. Напротив, у окна, стоял письменный стол, на нём средних размеров старый телевизор марки «Витязь», экраном повёрнутый так, чтобы было удобно смотреть, лёжа в кровати. Я сел за стол, вскрыл конверт. В нём, кроме нескольких исписанных двойных тетрадных листов в клеточку, сложенных вдвое, ничего не было, хотя я ожидал чуть больше «сюрпризов» и «подарков» — сказала сыновья, детская наивность. Письмо пахло отцом.

«Привет, Славик!

Если читаешь, значит, добрался-таки, сорванец эдакий, до своих...

/впервые за сорок с лишним лет я почувствовал, как по щеке поползла, щекоча, слеза, потом другая, третья — по подбородку, шее... четвёртая, пятая — ручьём. Я заплакал как в детстве, навзрыд. Мой батя! Он даже после смерти не обижается на меня! Он так в детстве меня называл: сорванец эдакий. И он меня простил.../

... стариков. Хотя прости, точнее будет: до того, что от них осталось. Ну да ладно, лучше поздно, чем никогда.

Ты же знаешь, Славик, не люблю я писаниной заниматься. Просто попроситься захотел, по-мужски, знаешь. Ничего особенного не скажу, просто вкратце опишу наши последние дни. Поделиться хочется, сынок, просто высказаться. Может, какой прок в этом будет. Кладов мы тебе не оставляем, не нажили, не магнаты, но может что ценное для себя ты найдёшь в моей писанине.

Не думаю, что ты знаешь, но мы подсчитали тут с матерью некоторые цифры, слушай сюда. Значит: ты уехал от нас ровно... (сейчас добавлю вчерашний и сегодняшний дни) ровно 8.178 дней назад. Это 22 года плюс 113 дней. Впечатляет, не правда ли?..

/я с ужасом уставился на цифру «22» и шёпотом повторил её. Две двойки зловещими символами смотрели на меня, как чёртова дюжина. Двадцать два. Господи! Двадцать два года! Моё сердце замерло от осознания такого долгого периода времени, которое я отсутствовал дома и не виделся с родителями. Стыд и страх овладели мной. Внезапно появившееся желание вернуть время обратно — все двадцать два года плюс сто тринадцать дней, и как можно скорее, — острым горем разрезали моё сердце пополам. Я тихо простонал, понимая несбыточность своего желания, невозможность сию минуту исправить положение и повернуть жизнь вспять, чтобы вычеркнуть хотя бы половину суммы от этой устрашающей цифры «22», и приехать к родителям, обрадовать их своим появлением, загладить вину.../

... Когда ты уехал, Слава, мы и не думали, что так надолго ты исчезнешь. Но мы радовались твоим успехам, болели за тебя, молились, чтобы у тебя складывалось всё хорошо. Мама всегда тобой гордилась и всем хвастала, какой ты у нас смыслённый. Но в то время мы еженедельно, а то и чаще, хотя бы перезванивались, и благодаря телефону казалось, что ты где-то рядом с нами. С каждым месяцем мы скучали по тебе всё сильнее и сильнее, особенно мама болезненно переносила разлуку с тобой. Я же, Славик, как мужчина, понимал тебя: молодость, работа, карьера, деньги, город, девочки... Я-то всё понимал, знал: когда сорванец наш насытится свободой, нагуляется, когда повзрослеет и остепенится, тут же придет к своим старикам. А женщинам разве это понять? Мать, я же видел, уже на втором году твоего отсутствия всё чаще и чаще тайком поглядывала в окно, и если мимо проезжала какая машина, особенно нездешняя, сразу спешила на порог посмотреть, не ты ли приехал. Часто подолгу стояла у окна в раздумьях; и как обычно, перед выходными или праздниками, готовила еды на одну порцию больше, рассчитывая на тебя.

/я представил лицо мамы, её глаза, её радостные и счастливые глаза, как она выглядывает из окна, услышав звук мотора приближающейся машины, с надеждой на то, что это приехал я. От обиды, что никогда не смогу порадовать её таким подарком, я со всей силы ударил кулаком по столу — и взвыл, не от боли в руке, а от боли в груди.../

... Когда ты сообщил и познакомил нас, пусть и по телефону, с Юлией, мы очень-пре-очень обрадовались. Думали: наш сын, наш Слава, наконец-то остепенился и бросил

якорь. Для нас это означало: ты скоро приедешь. Ведь ты должен же был нам с матерью представить свою будущую жену ...

/ Господи праведный, как давно это было! Как я забыл про это?! Как забыл и про неё, про Юлю, Господи! Это было бог знает в каком году, мы не больше двух лет сожительствовали и разошлись навсегда. Я даже лица её не помню! /

... а может и с её родителями, — знаешь, как полагается, как принято: знакомят с родителями невесты. Но ты продолжал уклоняться от ответов и ничего не говорил о дате приезда, ссылаясь на занятость и подготовку к свадьбе, на деньги, которые якобы необходимо накопить для этого случая...

/ «якобы» — эта частица, выражающая сомнение, значением которой отец подчеркнул свою неуверенность в правдивости моих слов, покорила меня /

... Мы понимали тебя, сынок. Мы всё равно ждали тебя и понимали. Это же не то, что у нас тут размеренная сельская жизнь. Ты ведь живёшь в большом городе, как-никак, где деньги значат больше, чем... В общем, или годы, мы тосковали без тебя, продолжая ждать и любить тебя.

Славик, ты знаешь... сейчас поделюсь с тобой, теперь уж можно...

Прости, сынок, плохо себя чувствую, приму лекарства и сразу вернусь. Я сейчас...

Так, порядок. Ты знаешь, Слав, твоя мама как-то в те годы, помню, ходила сама не своя несколько дней подряд: задумчивая какая-то, сама на себя не похожая, вижу, думает над чем-то, но молчит, не говорит ничего. Посчитал, что по тебе тоскует. И вот как-то одним осенним вечером подходит ко мне и ка-а-ак ошарашит вопросом, я аж поперхнулся. Не хочешь ли, спрашивает, ребёнка завести? Представляешь, сын? Говорит, что вот, мол, Слава вдалеке, а так, видишь ли, у нас ещё сынок будет, или доченька. И заплакала старуха, в платок лицо спрятала. Да я и сам чуть не заревел, жалко стало её. В общем, успокоил я её, посмеялись мы над собой, да так и осталась эта затея неосуществлённой: нам же почти по полвека от роду было, уж в какие там дочки-матери нам было играть! На том и позабыли об этом, и продолжали жить для тебя...

/ как я мог не думать о том, что меня нет целую вечность?! Как же я мог не понимать, не считать это важным и обязательным?... /

... Но ты не приезжал. И что было больше всего, — ты даже не планировал свой приезд. И про Юлию не говорил, и о свадьбе молчал. Мы сначала думали, что вы решили пожить пока так, не расписываясь, как это модно сейчас. Но надежда в нас не угасала даже тогда, когда ты стал звонить нам один-два раза в месяц, вместо прежних десяти-пятнадцати. Мы верили, что ты станешь богатым на своей работе в Москве, и тогда у тебя появится больше свободного времени, чтобы позволить себе отпуск и не думать о деньгах, и ты наведишь нас. А ещё мы очень надеялись, что Юлия беременна (вот же старые дурни!), и постоянно подсчитывали недели её беременности, ожидая предполагаемую дату рождения нашего внука... или внучки; затем, когда дата проходила, а ты всё молчал, добавляли пару месяцев, чтобы вообразимый наш внучек, вроде как окреп немного, подрос, и вы всей семьёй приехали бы к нам. Но родился у вас ребёнок, Славик, мы и сами бы примчались к вам. Только бы родился... И только бы знали, куда ехать-то. Ты же менял квартиры, помнишь, как перчатки, и последние места твоего обитания мы уже и не знали. Да ты и не сообщал больше, ссылаясь на «потом сообщу, когда обоснуюсь».

А потом ты стал звонить нам только по праздникам или чтобы поздравить с Днём рождения. И всё чаще был краток и неслогоохотлив. Мы не успевали даже расспросить тебя обо всём. Мы ничего не знали и о твоей работе: где ты и что делаешь; чем увлекаешься. Как сказал ты нам ещё вначале, что работаешь в крупной компании, связанной с недвижимостью, но кем и чем в ней занимаешься, так и не уточнил. Хорошо, что фотографию тогда свою прислал, а то бы мы и представить себе не смогли, какой ты у нас стал. Конечно же, мы всегда радовались твоим поздравительным открыткам. Даже Прохор, почтальон (ты его не знаешь, не застал), знал, с каким нетерпением мы ждём от тебя весточки. Он радовался вместе с нами и заранее сигнализировал, подъезжая к дому, когда вёз письмо или открытку от тебя. Мама сохранила все письма и открытки, они в шкафу, в нижнем ящике. Они — письма — всегда теплее были, чем эти короткие холодные звонки. Но прогресс постепенно вытесняет почтовую связь — нынче все пользуются мобильными телефонами.

Последний раз ты поздравил нас с Рождеством, плюс-минус...

/ я почувствовал, как огнём нестерпимого стыда горят мои щёки... /

... один день — это 6018 дней, или 16 лет назад. Мы так привыкли получать твои поздравления, что ещё долгие годы продолжали заглядывать в почтовый ящик, надеясь обнаружить в нём весточку от тебя. Даже после праздников продолжали верить, что получим письмо позже, допуская, что оно могло задержаться в пути.

Прохор, вскоре, перестал подавать нам сигналы в начале улицы, когда развозил почту на велосипеде...

Что ж, оставались хоть «встречи», так сказать, по телефону. И пусть с каждым годом ты звонил всё реже и реже, но, тем не менее, хоть какая-то радость и успокоение от этого общения для нас, несомненно, оставалась.

Годы шли, мы старели. Наши мечты познакомиться с внуками таяли с каждым годом. Мы понимали: ещё немного, и приехать к тебе будем уже не в силах.

Лет семь назад мама серьёзно заболела. Это произошло примерно в то время, когда ты позвонил нам в последний раз — когда, помнишь, рассказал нам про контракт с японцами, про тоннельный проект, в котором ты будешь участвовать на Сахалине. И как только вы закончите строительство, ты пообещал, что приедешь к нам, помнишь? Это и был твой последний звонок — 3033 дня, или 8 лет назад. Примерно тогда мать и начала хворать. Мы ещё думали, что ты сделаешь нам сюрприз и заскочишь хотя бы на денёк в Талицы: тебе же это было бы как раз по пути на Дальний Восток. Но не буду вдаваться в подробности — что беспокоило мать, ты и сам обо всём узнаешь, когда приедешь. Думаю, пусть не на сами похороны, но в ближайшие дни после нашей кончины ты обязательно, сынок, приедешь и всё сам узнаешь от нашей соседки, от Лидии Матвеевны. Ты же помнишь её? Тётю Лиду. Как она вас яблочными пирогами, сорванцов, баловала: тебя да друга твоего Жеку, помнишь? Он, кстати, Женька, дипломатом стал, работает при посольстве в одной из арабских стран, во как! Умный малый. Каждый год приезжает к своим...

Короче, мама стала часто болеть, и с каждым месяцем ей становилось хуже и хуже...

/ я не заметил, как сжал уголок листа, а когда разжал кулак, из ладони на стол выпал скомканный и мокрый от пота обрывок бумаги. Я вспомнил этот звонок, и про контракт на строительство тоннеля вспомнил, про который выдумал, чтобы оттянуть время приезда, надеясь, что позже, когда дела мои поправятся, я приеду в родной городишко к родителям с достойным видом удачного человека и сына /

... Мы всем рассказывали, что ты занят на важном для страны проекте — на масштабном строительстве тоннеля, который соединит материк с Сахалином и с японским островом Хоккайдо. Нам мало кто верил, да это и понятно: сколько лет мы не следили за новостями, об этой стройке так никто и не сказал ни слова. Мы решили, что проект по каким-то причинам закрыли. К тому же, в то время президент еле страну спас, если помнишь, от дефолта, — какой уж там тоннель. Ещё и весь мир на нас взъелся, придумав, как её, эмбразу... тьфу ты, и что за слово такое придумали?! Ай, нет, как там... эмбарго, во! И опять вроде как враг объявился в лице американцев, которые подогревали нас своей очередной гонкой вооружений. Вот мы и решили, что твои планы в связи с этим тоже поменялись.

Но мы продолжали ждать тебя, ничего другого нам не оставалось. Тяжело это, знаешь, Слав, жить в ожидании, в неведении. Но мы ждали. И мама ждала тебя, Слава, ждала всегда и до последнего верила и выглядывала в окно... И продолжала делать запасы продуктов к выходным не на двоих, а на троих. Всегда. Пока могла ходить...

Слава, устаю что-то... Я сейчас вернусь, я быстро.

Всё, я на месте. Итак, на чём я остановился? Ах, да. Год назад мама совсем слегла: могла самостоятельно сидеть, но больше уже не вставала с кровати и не ходила. Мы вместе с тётёй Лидой, дай, Господи, ей долгих лет жизни, ухаживали за мамой. Я очень переживал за маму, и поначалу вроде держался, держался, но нервы, всё-таки, сдали: посыпались на меня болячка за болячкой, и сник я совсем.

А где-то месяца два назад подозвала она меня к себе и попросила найти тебя. Как же я найду, господи ты, боже мой, я еле сам держусь на ногах, отвечаю старухе. А она вот что, оказывается, придумала: найми, говорит, детектива, пусть, мол, он найдёт тебя и попросит приехать. Хотелось нам, Славик, увидеть тебя перед смертью. Ну вот я и занялся этим вопросом. Попросил здешнего адвоката, Петровича, помочь нам в поисках тебя. Он и денег-то немного взял за услугу. Так вот, он, в свою очередь, нанял какого-то частного детектива из Екатеринбурга, который, видишь ли, так быстро тебя нашёл, что я аж пожалел, что не сделал этого раньше, хотя бы лет пять назад. Оказалось, что обитаешь ты в Питере. Итак, половина дела была сделана. Оставалось только сообщить тебе. Но просьбу матери я Петровичу не стал озвучивать, а попросил об одном: просто сообщить тебе о нашей с мамой смерти; и как можно скорее после нашей кончины. И добавил пару сотен сверху, дабы не забыл это сделать своевременно.

Только неделю назад я решил поделиться с мамой результатами поиска и рассказал, что ты нашёлся и тебе сообщили о её просьбе...

/ мне, читая эти строки, расхотелось жить /

... Сейчас я объясню тебе, сынок, почему я не стал тебя раньше времени подрывать с места и сообщать об умирающей матери, сейчас... Руки устали. Пойду приму лекарства и вернусь, допишу...

... Так, порядок. Я снова в строю.

Это письмо, скорее всего, передаст тебе тётя Лида. Я заранее её попросил об этом, сказал, что найдёт его на столе в нашей комнате и передаст тебе вместе с ключами от дома, когда ты приедешь.

Слава... Славик, прости, я никогда не думал, что придётся о таком тебе писать. Я потому и не хотел, чтобы ты приезжал сейчас и застал нас такими никчёмными и... старыми. Прости, я сейчас соберусь с мыслями...

... О, стало легче, принял ещё дозу лекарств, будь они прокляты. Всё, теперь я смелее.

Славик, прости, что описываю всё это, но как есть.

Я вот сижу и пишу всё это в нашей с мамой комнате, в спальне за столом, за тем дубовым, старым столом, за которым ты выполнял домашние задания, когда учился в школе, помнишь? Теперь он находится в нашей спальне, на нём телевизор стоит, который мама смотрит... прости, я сейчас...

... Я пишу это письмо, пишу с перерывами около часа где-то. Позади меня на кровати лежит мама. Твоя мама, Славик. Твоя мама — моя жена. Мы столько лет прожили вместе, что я жизни без неё не представляю. За 44 года мы никогда не разлучались дольше, чем на день. И вот я пишу тебе, а она... а она два часа назад как умерла, сынок. Ничего не сказала, не просила, не плакала, — а тихо умерла. Я предчувствовал, что на днях это случится, и потому не стал никому ни звонить, ни сообщать. Подсчитал, что по времени успею всё сделать: подготовить её, поправить, переодеть и привести в порядок перед встречей с Господом нашим. И успею написать тебе письмо. А затем переодеться и прилечь рядом с ней.

Тётя Лида каждый день приходит к нам около трёх после полудня, помогает покормить маму и приготовить ужин. Поэтому у меня ещё в запасе есть 42 минуты.

Славик, сынок, всё хорошо... Жаль, конечно, что мы так и не съездили на рыбалку на Байкал... ну ничего... ой, что-то мне... сейчас, Слава, схожу в уборную...

... Ха! Последний раз в жизни сходил отлил! Ну надо же, никогда бы не подумал, что запомню это... Так, чувствую, начали действовать таблетки... Пора прощаться, сынок. Пойду-ка прилягу к маме, а то не успею... плохо мне... через полчаса тётя лида...

... внуки похожи на нас, славик?????

... если бы ты был бы рядом я бы не делал бы этого бы...

... помнишь воздушных дракончиков? мама ждёт открытку отошли ей открытку...

... сын... пойду я... плохо мне...

... на озере много рыбы... ты возьми сходи удочки славик...

... приезжай... сорвни... эдкий...

Я долго ещё смотрел сквозь слёзы на текст письма. Просто тупо смотрел на листок, больше ни о чём не в силах думать. Не хотелось даже шевелиться: казалось, я разбудил родителей, и они проснутся — проснутся в своей кровати позади меня. Я вздрогнул, когда из коридора послышался скрип половицы. Мне показалось, что кто-то осторожно ходит по дому. Прошло несколько минут — тишина.

Я оглядел дубовый стол, нагнулся и осмотрел старинный стул, на котором сидел, оглянулся назад, на кровать родителей... и закричал!

Закричал от боли!

Потому что она была пуста.

Небрежно свернув конверт и засунув его за пазуху, я поднялся из-за стола и стал выходить из комнаты, стараясь не смотреть на кровать. Проходя мимо древнего шкафа с потёртым и немного пыльным зеркалом на дверце, я вновь вскрикнул от неожиданности и невольно отпрянул назад, испугавшись своего отражения, в котором вместо себя увидел — старца-уродца, который смотрел на меня бездонными, полными страдания и безумия глазами. Но глазами — моими. Я испугался самого себя! Тот, кто смотрел на меня из зазеркалья, мало чем походил на меня прежнего, — на того меня, каким я был ещё час назад, перед тем как вскрыть и прочитать письмо отца. Тот, кто смотрел на меня в отражении, был совершенством безобразного; и все в мире уродства души человеческой и всех отрицательных его эмоций и характеров, каза-

лось, были заключены по ту сторону зеркала в лице той мерзкой твари, на которую я смотрел. А она — на меня...

Не стал я ни о чём расспрашивать соседку тётю Лиду. Наверняка она не пожелала бы со мной общаться. Как в тумане, я вышел из отчего дома и направился к своей машине: хотелось поскорее уехать в ближайшую гостиницу, спрятаться от мира, от глаз, от себя... И только я открыл дверцу своего кроссовера, как позади себя услышал шаги и мужской голос с хрипотцой:

— Вячеслав Иглевских?

Я обернулся. Незнакомый мужчина средних лет подошёл ко мне вплотную, снял старомодную широкополую шляпу тёмно-коричневого цвета.

— Вы сын Захара и Марии Иглевских, не так ли?

Я кивнул головой.

— Мои соболезнования вам. Хорошие люди были ваши родители. Прекрасные люди — той ещё, старой советской закваски. — Незнакомец странно всматривался в мои глаза, щурясь от солнца. — Понимаю ваше горе.

— Да, — ответил я, глотая слёзы, пытаюсь понять, кто этот человек, знавший моих родителей: слесарь, врач, почтальон?

— Откуда в человеке берётся эта пакость, не понятно. Вот над чем бьются учёные-генетики, над природой происхождения этой заразы, — продолжал мужчина, разглядывая родительский дом.

— Вы про что? — не понял я, удивлённый внезапной сменой темы и выражения лица незнакомца.

— Пока есть такие как вы, славки-сорванцы, будет жить и этот порок.

— Да вы о чём? — Мне уже не нравился этот странный тип.

— О памяти, — ответил он и вздохнул с сожалением, — о короткой памяти, о забывчивости.

— О какой такой забывчивости? Что вы вообще несёте?

— Вы не понимаете? — Он изучающим взглядом вперился в меня.

— Я не забывал их... — выпалил я, и осёкся, сам себя не понимая, почему я решил, что он имеет в виду меня. — Вы про кого говорите?

— Теперь я говорю про Альбину... — незнакомец развернулся и стал уходить.

Я почувствовал укол в сердце. Альбина... Альбина. При чём тут Альбина? Кто он такой?

— Эй, вы кто такой? — крикнул ему вслед, раздражённый тем, что он так беспардонно уходит, оставляя меня в недоумении и на полуслове.

И при чём тут моя дочь Альбина? Не тот ли это сыщик из Екатеринбурга?

— Да кто вы такой, чёрт вас дерит? Вы куда? Стойте!

— Я отправляюсь к Альбине, — не оборачиваясь ответил сумасшедший, в прощальном жесте махнув рукой.

— Постойте! Кто вы?

Человек остановился, постоял, опустив голову. Потом оглянулся через плечо и артистично, размахивая шляпой над головой и ехидно улыбаясь, представился: — Зовите меня Ген Забывчивости. — Человек водрузил шляпу обратно на голову и продолжил путь в конец улицы.

— Что...

— Ты чего, Слава? — голос деда Афанасия, давнего знакомого нашей семьи, вывел меня из оцепенения. — Ты чего? С кем это ты? Я сначала подумал, что ты с кем-то по телефону говоришь... Подхожу, вижу...

— Я... я с ним, с... — Я указал в сторону незнакомца, повернулся... но не увидел никого на пустынной улице — сумасшедший как испарился!

— Слава, я понимаю тебя. Тебе надо побыть одному, успокоиться, — подбодрил меня старик, пожимая плечо. — Тебе надо привыкнуть...

— Но там только что был какой-то человек! Станный... в шляпе такой. Он ушёл туда. — Я недоумённо смотрел на безлюдную улицу, не понимая, куда мог деться этот тип. — Вы должны были видеть его!

— Тебе надобно как следует выспаться, парень. Это бывает с каждым.

Я плохо понимал, о чём мне говорил дед Афанасий, но запомнил слова про то, как отец сильно любил мою маму, как он не мог пережить её смерть; как принял много снотворного, лёг рядом с покойной мамой, взял её за руку, уснул и... умер.

Лидия Матвеевна пришла спустя полчаса после смерти отца.

Спохватившись, я достал мобильник и как безумный принялся набирать номер дочери. В ответ — короткие гудки. Стал вспоминать, когда мы с ней в последний раз созванивались. Гудки, гудки... Альбина, возьми же трубку... гудки, гудки. Забывчивость, ген забывчивости, — вертелось в голове. Альбина не отвечала. Я набирал снова и снова, но она отключила телефон: «Абонент временно не доступен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте позвонить позднее...» Когда же мы перезванивались: на той неделе, в том месяце, или на Рождество? Или в том году? Или в том веке?!

Как робот, молча, не обращая внимания на утешения Афанасия, я сел в машину, посмотрел через лобовое стекло на улицу, на городок своего детства — и всё вдруг поплыло перед глазами. Я почувствовал пустоту: и в душе и снаружи. Ощутил себя неким нулём — никчёмным, жалким и пустым местом в этом мире.

И меня обуял страх — я испугался. Испугался одиночества.

Я не хотел быть забытым...

Собственными детьми.

Смутно помню, как автоматически продолжал набирать номер дочери и как связь, вдруг, появилась; как в полубоморочном состоянии успел расслышать щелчок — произошло соединение; как хотел было от радости выкрикнуть её имя, но вместо этого мой онемевший рот, будто набитый едой, произвёл некий утробный звук в виде мычания; и как я почувствовал разливающееся в паху тепло.

Довольно знакомый, спокойный мужской голос с хрипотцой на другом конце провода стал монотонно повторять:

— Вы забыты собственными детьми... вы забыты собственными детьми... вы забыты...

ВЕТЕР ВОЛИ, ПОСЛАННЫЙ С НЕБЕС

Интервью с поэтом Дианой Кан

Диана Кан — известный поэт, член Союза писателей России, автор книг «Високосная весна», «Подданная русских захолустий», «Междуречье» и других. Диану (в крещении Анну) Елисеевну Кан хорошо знают в Самарской области, где она много лет прожила и где громко зазвучал её поэтический голос.

А ещё она — Капитанская дочка! Это высокое литературное «звание» присваивается только в Оренбурге, в котором происходило действие бессмертного пушкинского произведения. В 2012 году Пушкинская премия «Капитанская дочка» была присуждена Диане Кан. Её поэзия — разная. Есть в ней и надрыв, и ласка, и буря, и тихие сумерки. Много в её поэзии пронизано христианским мироощущением. Наша беседа с Дианой Елисеевной — о взаимосвязи веры и поэзии, литературы и жизни

— Диана Елисеевна, расскажите о себе. Где вы сейчас живёте, почему уехали из Самары? Счастливыми ли были для вас последние годы?

— Самарскую область я покинула в октябре 2015 года. В год моего 50-летнего юбилея не нашлось для меня средств на издание книги стихов, и я поняла, что в Самаре моя поэзия не так уж и нужна. Да и до юбилея восемь лет книги не издавались. Я никого не виню, но тут ещё грустно было оттого, что в зачёт мне не пошло даже то, что я создала в Самарской области уникальный литературный коллектив, который официально защитился на звание «народный»...

В общем, дело это прошлое. Самару я продолжаю любить, как любила. И до сих пор говорю в рифму: «мы с Самарой ходим парой». В том смысле, что мы похожи, обе с характером, обе задорные, цену себе знаем, обе красавицы и, конечно, обе влюблены в Волгу. За 20 лет Самарская область стала мне родной! Да и частенько приезжаю в Самару, скучаю по своим друзьям-волжанам, по своему коллективу — народному литобъединению «Отчий Дом», по дочери Анастасии, которая живёт сейчас со своим отцом, моим бывшим мужем — выдающимся поэтом Евгением Семичевым. Я рада, что мы с Евгением Николаевичем смогли после нашего развода сохранить нормальные творческие отношения. У меня в поэзии два учителя. Это Юрий Кузнецов и Евгений Семичев. Творчество каждого из них мне почему-то очень близко. И обоими я восхищаюсь.

Эх, дородна, матушка-Самара!

Здесь в чести купеческий уют.

Матушке Самаре я не пара.

Нищим здесь, увы, не подают.

*Для меня ты и такая — праздник!
За тебя хоть в омут, хоть в огонь.
Серебрят мороз — седой проказник —
Мне мою разверстую ладонь.*

*Прячься за вуаль от взоров шальных...
Бог с тобою! Я не жду чудес,
Кутаясь в морозный полушалок
Выцветших простуженных небес.*

*Не вступлю с тобою в поединок...
Господи, тебя благослови!
Служат мне подошвами ботинок
Мостовые стёртые твои!*

Ну а за прошедших два года много чего в моей жизни случилось. Я вышла замуж. Муж мой с литературой не связан, хотя поэзию любит. По семейному преданию, один из его дедов был лично знаком с Есениным! Мой муж Сергей Орлов нумизмат и историк, умный и тактичный человек. Поначалу мы пожили несколько месяцев в Великоновгородской области. Новгородцы мне понравились. Они испокон веков были вольнолюбцы и люди с осознанным достоинством, этим похожи на волжан.

*Любовь ушла, а муза не явилась...
Я насчитала сорок куполов
В том городе, который — Божья милость,
Где вечный дождь и звон колоколов.*

*Где по весенним мартовским аллеям
Бреду туда, куда глаза глядят —
Мои глаза, которые чернее,
Чем сорок загорелых арапчат.*

*Здесь в магазинах — только продавицы
Да сине-новгородское стекло.
Здесь чувство, что ещё смогу влюбиться.
И, может, даже никому назло!*

*Ну а покуда остывают губы,
Бледнеют на запястье синяки...
Чудесные мгновения безлюдья
На берегу бунтующей реки.*

Но вскоре мы с мужем уехали в Санкт-Петербург. Жили в Питере на Ржевке. Район мне нравился тем, что рядом был сосновый бор, где мы любили гулять. И я уже стала понемногу привыкать к питерскому климату (хотя всё равно болела). А тут мне звонят оренбургские земляки-коллеги и предлагают работу. Так что сейчас я работаю ведущим методистом Оренбургского Дома литераторов и руковожу мной же созданным Областным литобъединением им. С. Т. Аксакова. Того самого Сергея Тимофее-

вича Аксакова, который «Аленький цветочек» написал. И много других прекрасных произведений.

Осень прошлого года была для меня удачной. Я стала лауреатом Международной Цветаевской премии в Татарстане. А спустя месяц в Оренбурге получила Оренбургскую литературную премию имени Петра Рычкова, причём тайное голосование жюри из писателей, художников, общественных деятелей оказалось единогласным только по моей кандидатуре. Обе эти премии, кстати, были присуждены мне за ту книгу, которую так и не помогли мне издать в Самаре. Книга называется «Звёзды окликающая».

*Куца смешная кацавейка.
Очи родниковой чистоты.
Девочка со станции Налейка.
А в руках у девочки — цветы!*

*Захудалой станции истому
Не колеблет детское «Дарю!..»
Лишь ворчит смотритель станционный:
«Лучшие продавай. Хоть по рублю!»*

*Рядом тётка продаёт картошку,
Дядька — пиво, бабка — пирожки...
Всякий здесь торгует понемножку.
Кто чем может. Чем кому с руки.*

*Эх, судьба-злодейка, жизнь-копейка!
Уж не первый день, не первый год
Богом позабытая Налейка
Придорожным «бизнесом» живёт.*

*Каргала, Смышляевка, Соседка,
Варежка — да всех не перечесть! —
Свет и Ночка!.. Разве ваша счётка
Вам позволит сгинуть ни за грош?*

*Оттого, торгуясь лишь для виду,
Я потом в пути, не зная сна,
Всё твержу, как древнюю молитву,
Захолустных станций имена.*

— Сейчас в литературе есть немало авторов, которые называют себя православными поэтами и писателями. Вы относите себя к таким авторам?

— Такая вот попытка подмены собственно поэзии некой внешней конфессиональностью (не скажу религиозностью) не нова. В советское время, если помните, был целый ряд поэтов-лауреатов, которых были на руках носимы властью. И конечно, дело то было во многом хорошее — призывать читателей к разумному, доброму, вечному, к исполнению «морального кодекса строителей коммунизма», во многом переключавшегося с Христианскими заповедями. Вот и сейчас в литературе довольно широко распространены призывы к соблюдению теперь уже других — религиозных норм (а эти нормы тоже учат людей только хорошему). Но имён тех «правильных поэтов»

советской эпохи как-то мы сейчас уже не припомним. Но посмотрите, что в сухом остатке: Николай Рубцов, Дмитрий Кедрин, Юрий Кузнецов... Можно ещё назвать несколько имён — те же Прасолов, Решетов. Согласитесь, под категорию идеологически правильных «строителей коммунизма» эти поэты, жившие в советскую эпоху и мятущиеся в поисках истины, не вполне подпадают. Вот и настоящие духовные стихи — это отнюдь не приходская лирика с ежестрочным поминанием Бога всуе (что даже ведёт к нарушению заповеди). Настоящая духовная поэзия рождается в первую очередь в осознании автором неизбежной своей человеческой греховности и несовершенства, ведь только такое осознание спасает автора от гордыни. Да, поэт порой обличает пороки, но если в авторе нет осознания того, что он в первую очередь виноват во всех неустройствах мира, то это просто выливается в нудный дидактизм и гордынюшку. В самых по-настоящему духовных стихотворениях нет частого и не к месту поминания Бога всуе. Если там и произносится величайшее из всех слов слово «Бог», то только с подлинным благоговением и тогда, когда это действительно нужно...

*О, эти чудо-одуванчики,
Льняными бывшие и рыжими —
Совсем как новобранцы-мальчики,
Палёным ветром бриты-стрижены.*

*Они по отчим неудобиям
Встают рядами поределыми.
Иль жмутся к воинским надгробиям
С их матерями поседелыми.*

*Ужели им (уже не верится!)
Под всхлипы вешнего соловушки
Весной венки сплетали девицы
И водружали на головушки?..*

*Ужель совали им в карманчики
Гостинцы ласковые матушки?..
Вчера лишь — маменькины мальчики...
Сегодня — русские солдатушки.*

*Они взойдут на поле ратное
И сложат буйные головушки...
И — отцветут цветочки ранние —
Недолгие, как вдовьи солнышки.*

— У Лермонтова в его великом стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» о Боге упоминается всего один раз. Но зато как о Нем говорится!..

— Настоящая духовная поэзия вся пронизана неотмирным светом. И потому нельзя всё дело сводить к подсчёту, сколько раз в произведении сказано про Бога, про храм, про свечу, про молитву... Написать хотя бы одно такое вот настоящее стихотворение — и то очень большая удача. И, думаю, удача эта даётся Свыше... Вообще отношения каждого большого писателя с Богом — это отдельная тема. Сложная тема! Вспомним отлучённого от Церкви Льва Толстого — это уже хрестоматийный пример. Вспомним Гоголя, Лермонтова. Если взглядеться попристальнее, то отношения

с Богом у этих великих людей было как бы двух форматов — условно ветхозаветные и новозаветные. Первое — это осознание себя рабом Божиим и поистине беспрекословное подчинение Господу. По этому пути, я считаю, пытался идти Гоголь. Но, как видим, это вовсе не гарантирует писателя от неизбежных метаний — Гоголь ведь сжёг «Мёртвые души» во многом по причине своей глубокой веры.

— *Здесь можно бы с вами и поспорить, ведь раб Божий на высотах духа и есть подлинно свободный человек! Вспомним слова Христа: «Вы друзья Мои есте...» (Ин. 15, 14). Но пусть уж у вас остаётся простор для мыслей и чувств. У настоящего поэта порой складываются свои, несколько особые отношения с Небом. Но что достижимо для вас, поэтов, вполне может быть непонятно и даже чуждо другим...*

— Отношения же условно «новозаветные» — это осознание себя Божиим чадом. Это прослеживается в отношениях с Богом Лермонтова, Блока... Чада, мы ведь знаем, порой бывают своенравны по отношению к Отцу, непослушны, но это вовсе не значит, что они не любят Отца. Скорее наоборот, именно любовь порой толкает их на внезапные порывы, поступки и даже проступки.

Блок однажды очень хлестко высказался про Анну Ахматову (и в её лице как бы вообще о «женской» поэзии): «Ахматова пишет стихи так, как будто на неё глядит мужчина, а нужно стихи писать так, как будто на тебя смотрит Бог». Но насколько эта его оценка справедлива? Ведь и столь любимый всеми нами Пушкин писал свои стихи с оглядкой и на женщин, и на друзей, и на властителей (в эпиграммах). И все равно это была высокая поэзия, в главном своём устремлённая к Богу! Взять ту же Марину Цветаеву... Последнее время часто езжу в Елабугу, где Марина Ивановна закончила жизнь самоубийством. И я была приятно удивлена тому, что в елабужских храмах за Цветаеву молятся, её поминают на панихидах, потому что Церковь сочла страшный поступок Марины доведением до самоубийства. И думаю, это очень мудро, ведь всякий сколько-нибудь знакомый с творчеством Марины Цветаевой не может не увидеть, что человек с такой любовью к жизни мог пойти на ужасный шаг не иначе

как под агрессивным давлением извне... В этом случае имеется в виду жестокость тогдашней власти к «белогвардейской поэтессе»...

Об отношениях великих писателей с Богом написано множество научных работ, ведь, по сути, это главные отношения в жизни того, кто работает со словом. Ибо Слово-Логос есть Господь Иисус Христос! А вся система образности русской литературы, во многом потому и ставшей великой мировой литературой, наследуется от Образа, от первообраза. Я не отношу себя к писателям, кто уж так сильно занят исключительно православными темами в творчестве. Да это было бы с моей стороны и нескромно. Я выросла в Средней Азии, много общалась с мусульманами. Родители у меня оба крещёные, именно от отца, корейца-выкреста, мне и досталось это редкое отчество Елисеевна. Просто отца крестили с этим именем, и крестивший священник дал ему столь редкое в миру имя в честь пророка Елисея. Я в своей жизни до недавних пор не встречала ни одного мужчины с таким именем. Пока сын моей близкой подруги, живущий в Санкт-Петербурге, не назвал своего недавно родившегося сына этим не просто редким, но поистине редчайшим сегодня прекрасным именем. Подруга долго удивлялась, откуда её сыну пришла в голову идея назвать сына Елисеем. Тем не менее, несмотря на то, что к сугубо православным авторам я себя не причисляю, ибо я слишком разнообразный и даже, я бы сказала — всеядный поэт, меня интересует жизнь в любых её проявлениях. А жизнь духа разве может оставить поэта равнодушным? И все же я не считаю, что есть темы, которые при известной степени деликатности не могут стать литературными. Раз есть такое или другое явление, попущенное Свыше, значит, о нём не надо молчать. Раз это Бог попускает в нашей земной жизни, нам, авторам, надо это как-то осмыслить.

*Поздравленья так кратки и редки.
Росчерк букв оскорбительно-твёрд.
Содержанье почтовых конвертов
Мне известно, увя, наперёд.*

*На открытке широкие вязы.
Тишина. Ледяной перезвон.
Древнерусской загадочной вязью
Разрисованы стёкла окон.*

*С Новым годом! Неужто короче
На год жизнь? Занемееет рука...
О, никчёмность затверженных строчек
«Очень занят. Целую. Пока...»*

*Раздражённая и неживая,
Между них пустота залегла
Ведь давно понимала — чужая.
Понимала. И всё же ждала.*

— Есть такое превратное мнение: вот, сегодня в церковь люди больше ходят, но вряд ли больше думают в своей жизни о главном, мало пытаются изменить себя... Как всё-таки соотносить в своей жизни внутреннее и внешнее?

— В храмы надо ходить обязательно. И чем больше, тем лучше. Я верующий человек, но знают об этом лишь самые близкие мне люди. Прилюдно стараюсь не

демонстрировать свою любовь к Богу. Как у Шекспира: «Я не хочу хвалить любовь мою. // Я никому её не продаю». После посещения старинных храмов, где есть не только архитектурная лепота (произнесу уж это изысканное слово), но обитает и благодать небесная, так легко становится на душе. Я хожу в храмы одна. Не люблю гурьбой и за компанию ходить к Богу. Мне надо постоять там в тишине. Наверное, просто от того, что я ещё новоначальная, но иногда мне лучше бывать в храме, когда там нет службы. Внутренне обратиться к Богу... Чем стариннее храм, тем более он намолен. И я это всегда как-то чувствую. И заблуждаются те, кто думает, что наши храмы безбожники могут осквернить.

— *А ведь пытаются! Вспомним относительно недавнюю историю с «Пусси Райот»...*

— Ну как люди могут осквернить Храм? Ну, богоборцы в атеистическое время разрубили иконы, наплевали в алтаре, и уже самонадеянно решили, что они способны осквернить неоскверняемое? Земной навоз к Небу не пристанет, это даже не православный только лишь закон, это — закон физики. Алмаз, даже брошенный в навоз, останется алмазом... Несколько раз мне довелось перед Пасхальной службой читать акафист, когда каждый может его прочитать в храме. Это были счастливые минуты моей жизни. А ещё я рада, что поначалу буквально заставила двух молодых поэтесс, Карину и Настю, так же вот в храме почитать акафист перед Пасхальной службой. Они сначала стеснялись, а потом так вдохновились, что прямо пришлось уже им сказать, что пора уступить место и другим прихожанам... Думаю, тот духовной подъём, что человек поневоле испытывает, читая акафист перед Пасхой, навсегда остаётся в душе. Я даже думаю, что это ощущение и есть один из видов духовного опыта.

*«Прости меня!..» — кричу вдогонь,
От ветра заслонясь.
Но в степь уносит чалый конь
Тебя, мой юный князь.*

*Уносит прочь мою судьбу
Твой верный чалый конь
С каурой вывездью во лбу,
Рождённый для погонь.*

*Лишь ветер с губ моих сорвёт
Любви напрасный зов.
Небесной пылью занесёт
Певучий след подков.*

*И будет сниться в вещих снах —
Таких, что свет не мил! —
Стремян порожних перезвук
Да перезвон удил.*

*Когда же через тыщу лет
Обратно долетит
Прощальным эхом твой ответ:
«Родная, Бог простит!..»,*

*Приблудный ветер — твой дружок,
Что весточку принёс,
Покорно ляжет возле ног
И заскулит, как пёс.*

— Много ли вы черпаете в своём творчестве из чтения Библии, святоотеческих книг?

— Мне очень повезло на друзей, многие из них люди воцерковленные и искренне верующие. И при этом вдумчиво и много читающие и размышляющие. Часто именно с их помощью я выхожу на новые духовные просторы. Думаю, Бог посылает мне таких людей. Как-то был случай, что на меня в очередной раз накинута свора бездарей, это периодически случается в моей биографии. Мне не впервой слышать за спиной облыжные обвинения, в лицо-то сказать ничего не могут, побаиваются, а наплевать в спину — сколько угодно... И я в разговоре с подругой посетовала, мол, ну за что меня ругают те люди, с которыми я и знакома-то лично едва-едва, что я им такого страшного сделала, я ведь просто пишу стихи? И подруга в ответ на мой вопрос рассказала притчу про преподобного Паисия Святогорца, она как раз читала его труды в то время. Когда Паисий Святогорец узнавал, что кто-то его почитает и хвалит, он не радовался. А по-настоящему радовался святой подвижник, когда узнавал, что кто-то безо всяких на то оснований его облыжно и несправедливо порочит. Вот тут старец Паисий по-настоящему радовался: «Это хорошо, что обо мне плохо говорят, это мне враги на небесах место отмаливают...». Так и я, когда в очередной раз на меня ополчаются завистники, утешаюсь тем, что они своими наветами отмаливают Диане Кан место в великой русской литературе. А эта литература в чем-то и есть для меня — Небо!..

Я считаю очень важным, даже я бы сказала, судьбоносным для моего внутреннего мира прочтение некоторых книг Митрополита Иоанна (Царствие ему Небесное!). Его книга «Битва за Россию», прочитанная мной в Самаре в 1998 году, стала неким рубежным событием моей внутренней жизни. В Самаре вообще очень любят Митрополита Иоанна, ведь он много лет служил на Самарской кафедре, перед тем как стать Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Недавно в Самаре установлен памятник Митрополиту Иоанну (Снычеву) и его духовному отцу, тоже Митрополиту, Мануилу (Лемешевскому). Причём власть это сделала по многочисленным просьбам самарской православной общественности. А я очень радуюсь тому, что я дважды землячка Митрополита Иоанна. Его детство и юность проходили в Оренбургской области, а Оренбург — родина моей мамы, где я долго жила и где начала писать стихи. А служил Владыка Иоанн в Самаре, которую я тоже с полным на то основанием считаю своей родиной, ведь в самарский период своей жизни я состоялась именно как всероссийская поэтесса.

— Не случайно мы с вами сегодня вспомнили Митрополита Иоанна! В октябре прошлого года исполнилось 90 лет со дня его рождения...

— Когда мне в 1998 году подарил один самарский писатель небольшую и скромно изданную книгу Митрополита Иоанна «Битва за Россию», она надолго стала моей настольной книгой. А потом уже я прочитала другие книги Владыки Иоанна — «Русский крест» и другие. Они уже были достойно изданы... Но та скромно изданная книга мне особенно дорога, она стала прологом к пониманию того, что у поэта своя особая ответственность перед Тем, Кто дал какие-то способности к работе со словом. И что этими способностями я не должна гордиться, как чем-то своим и лично-собственным. Они даны мне для служения России на поприще отечественной словесности.

В память о Митрополите Иоанне я написала эти вот покаянные строки:

*Ваши пальцы пахнут зыбким ладаном.
Наши пальцы — крепким никотином...
С этим, право, что-то делать надо бы —
С этим неизбывным русским сплином.*

*С этим, право, что-то делать надо же,
А не делать вид, что так и надо...
Зябкий свет осеннего Приладожья
Не пророчит чаемого лада.*

*И почти на равных — до обидного! —
Наш вопрос не одарив ответом,
Прочь струится фимиам молитвенный
И дымок лукавый сигаретный.*

*Крепким никотином заарканены
В этой зябкой северной столице,
Чем мы так смертельно в душу ранены,
Что и смерть нас до смерти боится?..*

— Как пишущий православный человек вы ставите для себя в творчестве какие-то моральные ограничения?

— Смотря что иметь в виду под моральными ограничениями. Что-то нехорошее, злое, это ведь чуждо настоящей поэзии... Но обычно едва ли не в первую очередь в таких случаях имеются в виду грубые слова. Но вот что я вам скажу. Порой читаешь о любви к женщине, к примеру, такие елейно-сусальные стишата, гладенькие и даже чуть гаденькие, ибо явно не из души идут, а напроочь лживы. И противно становится, хотя там ни одного резкого слова нет, противно, потому что бездарно. А вот взять того же Сергея Есенина, чья любовная лирика считается шедевром, так ведь Сергей Александрович в любви так мог объясниться, что попутно женщина услышит вдруг и что-то вроде этого: «Что ж ты смотришь так синими брызгами? // Иль в морду хошь?». Бывало у него и такое. Нет, я, конечно же, к грубости никого не призываю и грубость не оправдываю. Тем более грубость по отношению к женщине. А оправданием для таких вот строк Есенина стал его огромный поэтический талант. Но и эти его стихи читаешь всё равно с удовольствием, потому что они живые, родниковые, пусть в них и «резкие» песчинки попадают, но это стихи живые! В отличие от дистиллированных мёртвых стихов, где всё вроде правильно и всё прилично, но при этом никуда не годится. **Поэты призваны нести людям небесную правду. А правда не всегда ласкает слух.** То, что священник порой сказать пастве не может в силу понятных ограничений, не зря мы называем православных наших пастырей батюшками, а их супруг — матушками. Они нам и есть духовные отцы-матери наши, а родители, согласитесь, не всегда могут беседовать с детьми на одном уровне, дистанция неизбежна и даже необходима. А вот поэт, в лучшие свои минуты произнося правду небесную, может быть полностью откровенен, прям, даже порой и груб, если надо достучаться до сердца человека. Народ наш потому и любит далеко не самых безупречных с точки зрения общепринятых норм морали поэтов. Любит благодаря их достоинствам и — вопреки их неизбежным недостаткам. Ибо говоря о несовершенстве мира и людей, поэт начинает с себя. Гордыня — самый страшный грех, к тому же многоликий грех. Ведь зависть, ревность, предательство — лишь составляющие

гордыни. А лучшее средство от гордыни — понимание, что каждый из нас несовершенен в принципе и потому постоянно должен просить прощения у Бога за вольные и невольные, но, увы, неизбежные прегрешения свои. Быть может, Господу угоднее один раскаявшийся грешник, нежели сорок гордых своей правильностью «праведников». Гордость оставим врагу нашего спасения. Православному человеку она ни к чему.

*Старуха, сносившая тело дотла,
Из зеркала глянула строго...
И я отшатнулась: «Всё врут зеркала!
Стекляшки, противные Богу!..»*

*Стереть отраженье дрожащей рукой.
Разбить. Разметать. Занавесить.
Почто же гляжу с потаённой тоской
В него, почитай уж, лет десять?*

*Украдкой глотая скупую слезу,
Предвижу своё поражение...
За что ж на меня ядовитый свой зуб
Имеет моё отраженье?*

*Во мне ещё май лучезарный сквозит
И песнь соловьиная льётся,
Но злая старуха мне пальцем грозит
И молча беззубо смеётся.*

— Если талант — это дар Божий, то почему же тогда так часто творческие люди бывают несчастны? Многие из них трагически умирают в нищете, в пороках. Бывает и так: чем талантливее человек, тем он в жизни бывает беднее, несчастнее. Почему же такой великий подарок Всевышнего порой оборачивается драмой и как этого избежать?

— Да, талант — это Божий дар. И, стало быть, все те, кто мешает таланту состояться, вредят ему из зависти, из косности, из-за своей духовной непросветлённости, есть борцы и с Самим Богом, и потому являются (часто неосознанно) слугами тёмных сил. Эти духоугасители, я считаю, не найдут себе никакого оправдания. Из этого понимания во многом проистекает и моё безкомпромиссное отношение к завистливым и бездарным людям. Хотя я человек весьма великодушный и по жизни стараюсь отличать множество оттенков в житейской палитре. Я легко прощаю своих врагов. А вот врагов Бога прощать я не вправе. Это я о тех сейчас говорю, кто подвергает моральной травле талантливых и духовно одарённых людей. Надо помнить: кто помогает таланту — помогает и Богу, давшему этот талант, помогает пролиться на людей тому свету, которым Бог одарил талантливого человека. Потому я всегда стараюсь по мере сил помогать тем, кого считаю талантливыми. Конечно, я всего лишь человек и порой ошибаюсь. Порой принимаю за талантливых «овец» окололитературных козлиц, и потом эти козлицы в овечьей шкуре начинают мне мстить за мою же поддержку. Такое тоже случается. Но я всё равно стараюсь помогать тем, кого считаю хоть чуточку одарённым Свыше. Увы, вы правы, часто талантливые люди материальными благами не отмечены. Но обычно Бог помогает им совсем по-другому — помогает,

посылая людей, которые их любят, понимают, многое им прощают, поддерживают. Деньги ведь не самый важный ресурс, хотя, надо признать, в бедности они так нужны! Талантливые, отмеченные Небом люди, с одной стороны, очень могущественны в плане творчества. Но часто столь же инфантильны в плане земного преуспевания. Нельзя, знаете ли, жить одновременно на Небе и на земле. А поэт, если он настоящий поэт, пробует осуществить как раз это, по всей видимости, невозможное.

*Конь буланый. Меч булатный.
Небеса в крови.
На священный подвиг ратный,
Русь, благослови!*

*Среди злой хазарской ночи
Сыновьям вослед
Голубые вдовьи очи
Льют свой слёзный свет.*

*И былинное раздолье
Осенил окрест
Православный ветер воли,
Посланный с небес.*

*Наш поклон родному дому,
Божьему лучу...
Щит к щиту. Шелом к шелому.
И плечо к плечу.*

*Беседовал Антон Жоголев, член Союза писателей России,
главный редактор газеты «Благовест»*

О ЛИРИКЕ ЖЕНСКОЙ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Порой приходишь к мысли, что язык всё-таки ни что иное, как стихия — своевольная, порой не поддающаяся логике. Взять русскую орфографию. Шибко учёные филологи разделили, например, слова на мужской род и женский род при обозначении профессий или занятий. Такие, например, как доктор, адвокат, дворник, режиссёр, мало ли... Почему-то их принято обозначать в мужском роде, даже применительно к даме: доктор Иванова, адвокат Семёнова, дворник тётя Нюра. А как иначе? Адвокатша, или того хуже — адвокатесса? Ой, никто так не скажет! А в творческой среде? Вы слышали когда-нибудь — режиссёрша Лиознова? И я не слышал. А вот одарённых, талантливых женщин, занимающихся стихосложением, называют почему-то **поэтессами**. Я протестую! У кого-нибудь повернётся язык назвать поэтессами Анну Ахматову, Марину Цветаеву? Или известнейшую в современной русской поэзии Диану Кан, серьёзное и глубокое интервью с которой вы только что прочитали? Да она вам...

Дорогие читатели! Позвольте представить вашему вниманию подборки стихотворений поэтов XXI века: Анастасии Устиновой, Екатерины Беляевой-Чернышёвой, Елизаветы Мартыновой. Имена-то какие – царственные! Снимите шляпы, господа!

Главный редактор

АНАСТАСИЯ УСТИНОВА

РАСПАХНУТАЯ ДАЛЬ

* * *

Вдохновенье нежданно-негаданно
явится ночью,
Сядет на подоконник и скажет:
«Я на минутку!»
Любоваться будет,
как рву я бумагу в клочья,
Будет нагло стебаться
и сыпать свои прибаутки

В полнолуние бумага белей
и черней чернила.
Вдохновение болтает чушь
и болтает ногами.
Я вообще-то его не ждала,
приходить не просила.
Если вспомнить, последний раз
мы расстались врагами.

Но оно откровенно глядит
на меня с улыбкой.

Ох уж эта улыбка!
Так смотрят на приговорённых.
Я ему говорю: «Уходи!

Наша встреча была ошибкой!»
А оно отвечает:

«Невинная ссора влюблённых!»

Нет, оно не уйдёт
и пробудет со мной до рассвета.

А под утро строка потечёт-побежит
на бумагу.

Я себя ненавижу, а его обожаю за эту
Непослушную
и неподвластную мне отвагу.

КОСМИЧЕСКОЕ

Мы должны пересечься с тобою
В отведённом для нас НИКОГДА,
Как два Боинга, вышней судьбою,
Как сверхновая вспыхнет звезда.

Пассажиры, иллюзии наши,
Напоследок пусть сладко вздремнут.
Высоту мне отринуть не страшно
Ради встречи в семь долгих секунд.

Вдохновение пусть не покинет
Тех, кто был безответно влюблён.
Укрывает космический иней
Мой печально провидческий сон.

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Во царстве моём государстве
Владычество вьюги седой.
Покуда колдую с лекарством,
Почтовый свой ящик открой.

Фейсбук, инстаграм — что угодно! —
Открой и припомни наш спор.
Так глупо и так благородно
Я первой зарю топор.

Ты снова во власти сомнений,
И шпагу зарыть не спешишь,
Как миром непризнанный гений,
С ехидцей про мир говоришь.

Опять независимо выдашь
Одну из убийственных фраз.
И душу снедает обида,
И дурость твоя напоказ.

Панельная клавиатура
Языческих знаков семья.
Где каждая буква не дура,
И дура последняя — «Я».

Компьютера жёсткая память
Не хочет, не может понять,
Что как это просто — «Отправить»
И как это сложно — «ПРИНЯТЬ».

С ПОНЕДЕЛЬНИКА

Я с понедельника начну
Работать над собой:
Себя, дурную, зачеркну
Недрогнувшей рукой.

Впишу хорошую себя
В анналы бытия.
И вспомню, о былом скорбя,
Что это тоже я!

Куриль не буду сигарет.
Долой из сердца грусть!
Старушке донесу пакет
И мило улыбнусь.

Отдам последний рупь бомжу,
Пусть будет счастлив он,
От гопоты освобожу
Родной микрорайон.

Не буду преподам хамить,
Курсач закончу в срок.
Смогу культурненько прибыть
В родимый вуз-кулёк.

Кота спрошу: «Ты нынче ел?
А хочешь колбасу?...»...
...Пока строчила список дел —
Суббота на носу!

Как быстро время мимо мчит,
Пока творишь добро...
А бес копытами сучит
И ломится в ребро.

СЛАБО

Да что ты говоришь? Я обозлилась?
Сдалась? Слилась? Так слушай мой ответ:
Не для того на свет я появилась,
Чтоб слушать лингвистический твой бред.

Анапестами-ямбами владея,
Свой блеф ты выдаёшь за мастер-класс.
Но, дольник отличая от хорея,
Ты ничего в итоге не создашь.

Не для того мой путь тяжёл и долог,
Чтобы стяжать дешёвый фимиам.
Ты, как никто способен, друг-филолог,
Завидовать талантливим стихам.

Но не старайся! Ямба от хорея,
Как Пушкин, не желая отличать,
Я сердцем души и лечу, и грею,
И за слова готова отвечать.

Твои интеллигентные словечки –
Всего лишь эмпирическая блажь.
Небось слабо тебе на Чёрной речке
Мне прямо в сердце разрядить лепаж.

ДУРАЛЕЙ

Едет в поле царевич – глаза в пол-лица.
Впрочем, это не сказка, а только присловье.
В ожидании счастливого сказки конца
Не один захлебнётся завистливой кровью.

По лесам, по долам на кауrom коне...
Но и это не книга, а лишь предисловье.
Едет он к Василисе, приедет ко мне.
И достанет меня со своею любовью.

Так бывает всегда – поспешаем к одним,
А в итоге мы вовсе к другим приезжаем.
А уж главный герой,
будь он сплошь херувим,
Но и он миражами, как все, искушаем.

На него не хочу бросить смутную тень,
Он царевич и, значит, не хочет огласки.
Скоро сказка сказалась, да вылилась в хрень,
И уже непонятно, где хрень, а где сказка.

В этой сказке я главный, увы, персонаж.
Жду... Сейчас на разборки придёт Василиса.
Эх, Иван-дуралей, ты влюбился в мираж,
Что и в страшном кошмаре Кощею
не снится.

Эх, Иван-дуралей, ты поешь лучше щей.
Может, не на того ты конягу сажился?
Был когда-то царевичем юный Кощей.
Да, видать, в этой жизни лихой заблудился.

* * *

Постоянно одна я, хоть вечно в толпе.
Из толпы только ты и узнаешь мой голос.
Он ещё так недавно искрился и пел,
А сегодня пространство вокруг
раскололось

С целым миром в конфликте,
в контакте, в mail.ru.
Жизнь моя — вечный баттл
с вездесущей моралью.

Поутру все комменты устало сотру,
Всё ничто перед этой распаханной далью.

Никому никогда я её не отдам.
Только ты будешь венчан с моей тишиною.
И сильнее пошлых слов и банальности драм,
Тишиною в ночи ты вернёшься за мною.

Ты на голос иди, хоть и голос мой тих,
Наугад — по палящим зари антрацитам.
Поскорее — пока я читаю свой стих,
Что покуда толпою до дыр не зачитан.

ДЕТКА

«Не желаете выпить со мной кофейку?» —
Говорю я как можно серьёзно.
«Не желаю, — ответит он мне на бегу.
И добавит с улыбкою: — Поздно!»

Что нам поздно?
Кофейно за жизнь говорить,
Заедая кокетством варенье?..
Впереди молодая задорная прыть,
Позади двадцать два дня рождения.

Он шагнёт в уходящий звенящий трамвай
И помашет пижонской береткой.
— Вот и всё!
— Вот и всё!
— Ну бывай!
— Ну бывай!
Только сдай все экзамены, детка.

ЭТАЛОН

Между бедой и счастьем вечный маятник.
Измаявшийся интеллект, —
Тебе я возвожу при жизни маятник,
И воздвигаю гордый пьедестал.

Я одному тебе навек обязана

Страданием, экзальтацией, тоской,
Предательством, наветами, отказами,
Паскудной скукой, зябкой клеветой.

Луна над Волгой лыбится злорадная,
А душу бьёт чумная лихорадка.
Тебя я так хотела, — только надо ли? —
У всех отнять, обнять, расцеловать.

Я принимаю радость, как страдание,
Мой интеллектуальный чародей,
Скажи, чем заслужила я изгнание
Из жизни перепутанной твоей.

Сыпь пепел мне на голову Везувия —
Усваивай полученный урок.
А я пошлю к чертям благоразумие,
И сердце уроню на твой порог.

ИЗ ГОРЛА

Амиго сказал мне: «Взрослеешь, Настюха! —
А был он, как я, восхитительно нищ: —
Вот скоро затынет тебя бытовуха,
И станешь одною из тысяч бабищ».

Да я бы не против, а то надоело
Якшаться со сволочью, пить с подлецом.
А я бы халат из фланельки надела
И стала старательно драить свой дом.

Забыла б завистников мрачных оскалы,
Забыла про то, как себе на беду
Пила из горла, презирая бокалы,
Лабала безрифменную лабуду.

Я б вспомнила — есть в этом мире святое.
Не здесь, не сегодня, но всё ж оно есть!
Всё то, что познав, мы лишимся покоя,
Но где-то же есть они — Доблесть и Честь.

Корёжит сердца современность-паскуда
Всем тем, кто привыкли жить
в полный накал...

И я повзрослею... потом, но покуда
Я пью из горла, презирая бокал.

ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА

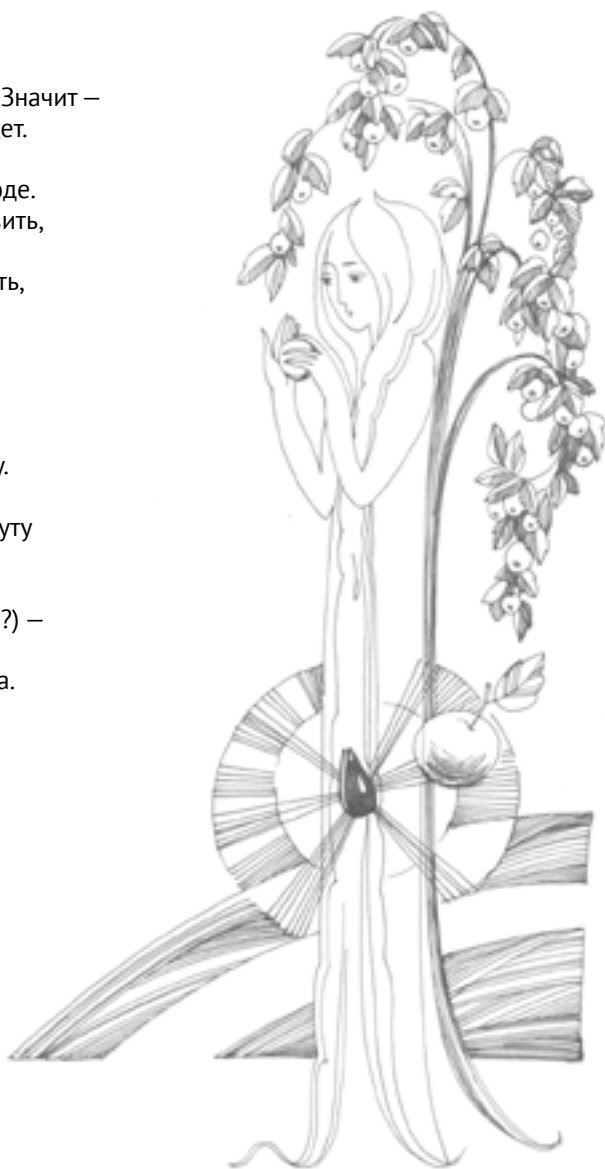
ЧЕРЕЗ КОСТЁР

* * *

Время сместилось. Захлопнулось. Значит —
отжито. Прошлого больше не будет.
Я затеряюсь (простая задача),
яблочным семечком лёжа на блюде.
Прошное пожрано — и не исправить,
а настоящее — воздух без края.
Кто я сегодня — начало иль память,
саженец или кожанка пустая?
Мелкий дичок, единица отсева,
семечко — всё-таки что я такое —
бывшее яблоко или же дерево,
ждущее жизни? Ни то, ни другое.
Не было — равно и после не буду.
Остро, до шкурки, до одури чую:
рядом — и всё же лишь в эту минуту
краткую — именно я существую.
Знаю: земля равномерно укроет
(что мне до существования иного?) —
если решу, что оно ещё стоит,
стоит попытки попробовать снова.

* * *

Ветром память налетела —
время вспять.
Может, я и не хотела,
но опять:
«От карающей десницы
не уйдёшь».
Это небо, эти птицы,
этот дождь.

Обнажённость — ненароком,
как во сне,
словно небо это с Богом
наравне.
Не придумать оправдания,
не солгать.
Можно просто жизнь, как знание,
принимать.
Вот он — мир на жёлтом блюде
сентября.
Не изменишь, не забудешь
и не зря
ускользающих мгновений
не вернёшь.
Только память, только небо,
только дождь.

* * *

Что-то сбилось. Боль остра,
радость ярка, но напрасно —
и насмешливы ветра,
и сама я безучастна.
День глядит — и тает снег
на лице его клыкастом.
Этот снег и этот век
надо мною тяжким настом.
Зазеваешься — и вдруг
нарушается засека;
пустота кружит вокруг,
поглощая человека.
Ухмыляется в лицо,
жадно руки потирает:
десять дней — уже кольцо,
каждый час его сжимает.
Воля спит, но мстится: рвусь
из оков, по-волчьи воя...
Может быть, ещё вернусь,
если вспомню, для чего я.

* * *

То случай иль крыло упруго
над ними демон распростёр:
они смотрели друг на друга
через костёр.
Был жар земной и мрак небесный
(«Не смей, не говори, не строй...»).

Им оставался шаг до песни —
через огонь.
И этот шаг, из ниоткуда,
всех стоил пройденных шагов,
и так легко творилось чудо
без лишних слов.
Вокруг происходило что-то,
но мимо шло, поверх голов.
Миг оставался до полёта —
через любовь.
Что было до и даже после
очерченного тьмою дня?..
Но до сих пор в их взглядах отсвет
того вечернего огня.

* * *

Нам расстоянье не даёт поблажки,
простейшие дела не отпускают,
но вдруг — острее всего —
в паденье чашки
увидю, как тебя мне не хватает.
Я рвусь из этих пут, но каждый вечер
неумолимо разбиваюсь насмерть
о ту глухую невозможность встречи,
как с поезда летящего — о насыпь.

* * *

Мне не понять, не разложить,
не разобрать на междометья
переплетённые соцветья,
встающие в слово «быть».
Густой осенней темнотой
прохлада кутает скитальца,
но ускользает, как сквозь пальцы,
в изгибы вечности живой.
Сливаясь с голосом травы,
в мою судьбу в ночи короткой
любовь вплетается походкой
и поворотом головы.
Её души мне не понять,
она предельно осторожна —
но ей перечить невозможно,
как не заметить или лгать.
Непонимание и страх
ещё не повод для сомненья —
но видеть это изумленье
в чужих распахнутых глазах! —

но этот, ветками в стекло,
извне, иной миропорядок
в неточной близости догадок:
что было, так и не прошло.
Мне не понять — но разве я
решаю, кто кого обманет,
и кто однажды первым канет
за тёплый полог бытия.

* * *

Мы встретимся, когда не ожидаешь,
в толпе, под морозящий мелкий дождь.
Другой, чужой, меня ты не узнаешь
в лицо и головы не повернёшь.
Когда бы там, в прошедшем, не запали
случайно в память несколько примет —
и я тебя узнала бы едва ли
теперь, по истечение столько лет.
Так прожитое оседает пеной
холодной, нескончаемой тоски.
Идут года — и множат перемены,
и сединой ложатся на виски.

* * *

Стихи пришли. И вдруг молчанье
прошедших дней — тяжёлый смог,
а их приход живым дыханьем
внезапно лёгкие обжёг.
Живя забавами чудными,
не ждёшь, как манны, не зовёшь,
но лишь сейчас и только с ними
ты понимаешь, что живёшь.
Нащупав ритм, звучащий гулко,
ты насторожённо весь день
средишь — с какого закоулка
какая воплотится тень.
И ходишь, как по краю сказки,
как ёж в тумане сентября,
нет ни начала, ни развязки —
сюжета, проще говоря.
Есть только воздух, удивленье,
и есть причастность — ко всему.
Весь мир вибрирует в волненье.
Настройся на его волну.

* * *

Небесных кур щипают к Рождеству,
ложится редкий пух непринотливо
на лёд, на берег стылого залива,
не удивляясь давнему родству.
И медленно вливается в молву
тягучий звон молочных колоколен,
он год, который нынче был отмолен,
вплетает в белоснежную канву.
А с высоты восторженный малыш
глядит на суматоху городскую,
и возвещает истину простую
беспечный ангел новогодних крыш.

* * *

Твердить без умысла: «Люблю...»,
светиться, нежность изливая.
Я чашку синюю куплю,
чтобы наполнилась до края.
И я, я тоже вместе с ней,
я до краёв полна покоя,
любви — безадресной, ничьей,
невыразимого покроя.
Над спящим городом бродить,
на всё на свете быть согласной
и всеми сразу дорожить
в единственности их прекрасной.
А осень за окном хлопочет;
молчать, секрет её храня,
и впитывать бездонность ночи,
любви, пространства и огня.

ОЩУЩЕНИЕ

Ладонь я в воду опустила.
Она легко оторвалась
и по течению заскользила.
Так форма потеряла власть
над этим зыбким очертаньем —
руки ли, рыбки ли, песка —
кто знает? — лишь томит запястье
прохлада, память и тоска.

В ОЖИДАНИИ РЕБЁНКА

Тебя невольно представляю
лишь повторением своим,
но всё же втайне — точно знаю,
что будешь ты совсем другим.
Моя бездонная тревога,
мой страх, мой самый тёплый свет...
Какое счастье, что у Бога
на наши души ГОСТа нет.

2

Так пахнет, словно в доме ёлка.
Я счастлива, чуть-чуть горда.
Ты — я, но это ненадолго,
ты — мой, и это — навсегда.
Я вспоминаю, что мне пели,
когда укладывали спать.
И здесь, у этой колыбели
ко мне являются опять
моя осенняя тревога,
небес июньских бирюза...
А знаешь, это очень много,
что у тебя — его глаза.

3

Представляю: ты играешь
в зимнем парке городском,
с толстых веток снег сбиваешь
крепко слепленным снежком.
Скрип да скрип — идёт цепочка
круглых маленьких следов,
ученическая строчка,
неумелый, слабый шов.
Вьётся снег в неровном свете...
Не пойму уже сама:
кто здесь ходит — ты ли, ветер,
жизнь, история, зима?..

* * *

Пришёл неожиданно, не ко мне,
решая свои дела.
А я средь праздника, как во сне,
сбежала из-за стола.

Так вот решающее звено!
Себя вдруг не узнаю.
Никто не заметит, как я вино
тихонько твоё допью.
Пока смеются все, говорят,
чудовищно далеки,
пока мои руки ещё хранят
пожатье твоей руки.
Как сильно предчувствие
— счастья? — беды?

Шаги затихают во мгле.
Допью, пока не остыли следы
губ твоих на стекле.

* * *

Нет, и нет, и ещё раз нет,
ничего у нас быть не может.
Отпечтался зыбкий бред
синяком на прозрачной коже.
Наобум, безрассудно — пусть,
чем окончится — безразлично
(я вернусь, всё равно вернусь,
ты поверь, будет всё отлично).
И, немыслим, проляжет путь,
разойдутся мосты и сроки.
(Объяснил бы мне кто-нибудь,
как слагаются эти строки!)
До ключиц, до запястий — в дрожь;
жить — мы раньше так не умели
(ты не знаешь, меня не ждёшь);
всё равно доберусь до цели.
Я дойду, проскользну, как тать,
сквозь опасности-кривотолки,
пусть грозятся меня сожрать
отошавшие в зиму волки;
пусть дожди промочить насквозь,
пусть леса не пустить грозятся —
всё равно — не могу я врозь
и не стану с тобой прощаться.
Как ты будешь меня бранить!
Но послушай, такое дело:
я о стольком поговорить,
помолчать с тобой не успела!
Не тревожешься и не грусти,
ведь никто на земле не вечен;
верь: меня будет Бог вести
и беречь — ради этой встречи.

Ткнуться носом тебе в плечо! —
разве многого я просила?
Боже мой! — никогда ещё
не жила я с такою силой!
Не видала сибирских рек,
в городах, взаперти, острожно
закольцованный длила бег
и не знала, что всё возможно.
Впереди — целый век пути,
но ложится тропа под ноги;
подожди меня, подожди
в безоглядной моей дороге.

* * *

Соприкасались плечи. А душа
была уже не здесь. Она металась

в такой дали, что становилось страшно
и пусто без неё. Она хотела
вернуться, но, похоже, не могла.
Хотелось плакать, биться головой
и что-нибудь крушить. И понималось
с холодной трезвостью, что это ни к чему;
истерики бессмысленны и пошлы,
а вещи так и вовсе ни при чём,
и в восемь на работу. Было душно.
И длилась ночь. И утро наступало.
И два чужих друг другу человека
лежали рядом, не соприкасаясь
ни клеточкой бессмертия души.

Светлеют листва и домов невысокие стены,
И чуть приглушённой —
 блеск уличного фонаря.
Как жили мы долго
 и как расставались мгновенно —
Об этом окраина помнит и знает заря.

И пение птиц, и сияние облачной пены,
И воздуха тонкого сумрачно-грустная медь —
Всё это о нас говорит, и всё это нетленно,
Круженье, движение жизни сильнее,
 чем смерть.

Того что было, не вернуть.
Дорога верная поката.
Преодолев нелёгкий путь,
Душа касается заката.

И всё, что с ней произошло,
Умыто смехом и слезами,
И чьё-то белое крыло
Качается перед глазами.

Веди меня, мой дивный друг,
Мой странный спутник безымянный,
Сквозь боль, и нежность, и испуг
В иные дни, иные страны.

Там снег белее, чем всегда,
И невозможное возможно,
И осторожная звезда
Дрожит над городом тревожным.

Всю ночь горевала свеча
И залита воском клеёнка,
Как будто земная печаль
Звучала тепло и негромко.

И будто бы солнечный свет,
Такую невинную малость,
Душа разделяла на всех,
Кому она близкой казалась.

Растаяла... Что же теперь?
Живу я, себе незнакома.
Скрипит приоткрытая дверь,
И ветер гуляет по дому.

* * *

С чердака художнику виднее
Город, опоясанный рекой,
Белый снег и чёрная аллея,
Уличный обманчивый покой.

Ах, какие площади и башни,
Чёрные сумбурные дворы!
Узкий дом, задумчивый и страшный,
Держит на весу свои миры —

Окна с безысходностью квартиры,
Птичий гомон, музыку судьбы.
Эти жизни, как победы Пирра,
На полшага только от беды.

Задержать его едва ль возможно,
Раз — и тает на ладони снег.
Но берёт свой карандаш художник,
Маленький прозрачный человек.

Сквозь него пропущено пространство
Горечи, надежды и любви,
Городское снежное убранство,
Чёрный парк в рябиновой крови.

Воздух неба, серые просторы
Арендует он, пока живой.
Но рисует он безумный город,
Город, опоясанный рекой.

* * *

Прозрачная тень стрекозы
Мелькает на пыльной дороге,
Как будто остаток тревоги,
Как будто мерцание слезы.

А вот и сама она здесь,
Как синий худой вертолётчик,
Как чудо — почти что без плоти,
Из солнца и воздуха смесь.

Летит в полушаге от нас,
Дразня, обгоняя, взмывая
Над зеленью поля без края,
Пока горизонт не погас.

Попробуй её догони!
Но мы не пытаемся даже,
Мы свету и тени не стражи
В прозрачные летние дни.

ОБЕРНИСЬ

Судьбу свою встречаю: незнакома
Она со мной... Идёт-бредёт во мгле,
Не вспоминая облачного дома
И прожитого счастья на земле.

А было небо, синее, как ветер,
И ласточек встревоженный полёт,
Горячая осень на рассвете,
Любовь — любовь, которая пройдёт,

Как тянущая боль с температурой,
Как снег небесный и закат земной.
...А был ночной проспект многофигурный
И обморок рябины золотой.

А были встречи, ссоры и разлуки,
Излуки неопознанных дорог,

Расколотое сердце — не от муки,
А оттого, что Бог не уберёт.

И если это вправду было — было,
И наяву, а вовсе не во сне,
И если я тебя не разлюбила,
Судьба моя, ты обернись ко мне...

* * *

Проснёшься — за окном туман
Седой, неумолимо плотный,
И кажется: пришла зима —
И снег ложится перелётный.

Но птиц тяжёлый караван
Растянется по небосводу —
И крик протяжный, как трава,
Пронзит осеннюю природу.

И на дворе очнётся день
Такой раскованно прохладный,
Что оживают свет и тень
На листьях рыжих неприглядных.

Прохожий редкий пробежит
В пальто и в шляпе, и в печали,
И воздух тоненько дрожит,
Как будто крылья за плечами.

* * *

Бог есть листва и пустынная гладь
Мокрой дороги от края до края.
Тихий, разреженный воздух погладь —
Дождь опадает, как яблоки рая.

Слева — неоновый отблеск реклам,
Справа — грозы уходящей ворчанье.
Но неизвестно, куда повела
Мгла золотая: к любви ли, к печали.

И остановишься, чуть подождёшь.
Клён над тобой перестанет качаться.
Жаль, что окончился нынешний дождь —
Крошечный дождик, похожий на счастье.

* * *

Нам надо подготовиться к зиме:
 Заклеить окна и купить картошки.
 Кто знает, у зимы что на уме,
 На сердце что, и в будущем, и в прошлом –
 Снега, снега... Тропинку протоптать
 Нам надобно под окнами своими
 И уходить уже, и ускользать
 От бед глухих по белизне равнины.
 Здесь лыжников и беглецов не счесть,
 Лыжня вдоль леса тянется, петляя,
 Впадая в синеву, теряя блеск,
 Саму себя перечеркнув, теряя...
 Давай на склоне белом постоим
 И помолчим мгновение-другое
 О том, что нам известно лишь двоим –
 Прозрачное, скользящее, тугое,
 Как ветер, что шумит уже в ушах
 При спуске с гор свистит, не умолкая,
 И вот лицо твоё уже в слезах,
 Перед зимой исчез недолгий страх,
 И тёплый снег в твоей ладони тает.

* * *

Весь вечер пели соловьи,
 А птицы прочие молчали
 Во имя веры и любви
 И нерастреченной печали.

Лучилось небо над землёй.
 Сирень рвалась через ограду,
 Как это пенье, – к нам с тобой,
 Когда гуляли мы по саду.

И влажной тяжестью дыша,
 Земля струилась под ногами
 Цветком, движеньем мураша,
 Шурша под нашими шагами.

Её душа травой жива,
 И в ясный вечер стало ясно:
 Она по-древнему нова,
 Она по-новому прекрасна.

Земля озвучена судьбой,
 И соловьи взывают: верь ей,
 В её крылатые деревья,
 В закатный свет над головой.

* * *

В этом доме доживают старики.
 Светят в окнах ножевые огоньки.

Поздним вечером и ночи напролёт
 Ни один жилец старинный не уснёт

И не успокоится, пока
 Небо протекает, как река,

Синее, зелёное – во мгле.
 Хорошо на маленькой Земле.

Травы пахнут зноем золотым,
 Звёздным светом, облаком седым.

Звёзды пахнут травами, звеня.
 Судьбы прорастают сквозь меня.

И душа моя навстречу им плывёт –
 И сама вырастает в небосвод.

* * *

Сладкий запах золотистых яблок,
 Облачное соло в вышине –
 На реке осенней белый ялик
 Неподвижен, словно бы во сне.

Патиною времени покрыта,
 В рамочку небес облечена
 Дачная картинка – стол, корыто,
 Виноград у самого окна.

А внизу обрыв, и только волны,
 С горизонтом слившаяся даль.
 Наши души детством слишком полны,
 Золотого яблока мне жаль –

Где оно, с какой горы скатилось,
Где весёлым семечком взошло,
Что тому кораблику приснилось
В белый день, прозрачный, как стекло?..

* * *

Дней переплетенье, словно ветки
Чёрные на небе перепутаны.
То в полоску небеса, то в клетку.
То темно, то невозможно утренне.

И чем дальше время жизни тянется,
Глубже в землю корни сада прячутся,

Тем смиренней светлая посланница –
Выше смотрит звёздочка горящая.

Никогда не будет равновесия,
Полной, успокоенной симметрии.
Мы с тобой пришли из поднебесия,
Где всегда то солнечно, то ветрено,

Где моя судьба с твоею связана,
Переплетена корнями, листьями,
Где тебе и небу я обязана
Звёздами, и чувствами, и мыслями.

НО У РУЛЯ ОКАЗАЛИСЬ СОВСЕМ ДРУГИЕ ЛЮДИ...

Исполнилось 90 лет легендарному российскому предпринимателю Вадиму Ивановичу Туманову, возродившему исконно русскую модель народного хозяйствования — артель

Я встречался с ним всего раз. Это было, кажется, в 1976 году, во время работы Всесоюзной экспедиции по поискам пропавшего без вести в августе 1937 года при перелёте через Северный полюс из СССР в США самолёта С. А. Леваневского. Я прилетел в Охотск, чтобы оттуда по возможности вертолётom заброситься в сторону Магадана на мыс Лисянского, на сопку Аварийную, для проверки одной из версий места гибели самолёта. На вершине этой сопки, как писал мне выдающийся флаг-штурман Полярной авиации В. И. Аккуратов, втянувший меня вместе с одним из четвёрки папанинцев, академиком Е. К. Федоровым в поиск, «один из вертолётчиков увидел вытаившую из снега часть крыла самолёта, судя по гофрированной обшивке 30-х годов». Удивительные бывают встречи. Этим вертолётчиком оказался никто иной, как Николай Балдин, который двумя годами ранее забрасывал меня в верховья реки Охоты, а на обратном пути, брошенный снежным шквалом, врезался в скалы у перевала Рыжего в суровом хребте Сунтар-Хаята. Мне пришлось до глубоких снегов кочевать с эвенами-оленьеводами в охотской тайге в двухстах километрах от Оймякона, известного, как полюс холода в северном полушарии нашей планеты...

Я устроился в аэропортовской гостинице-бараке и собрался в Охотск для встречи с поселковыми властями. Но оказалось, что на утреннюю рейсовую американскую лодку-амфибию, доставшуюся нам с Великой Отечественной по ленд-лизу, через лиман, разделяющий аэропорт и посёлок, я опоздал, следующая будет только к вечеру, и я вернулся в аэропорт. Неожиданно на краю лётного поля приземлился вертолёт.

— Не в Охотск? — не успев перехватить экипаж, направляющийся в здание аэропорта, спросил я в диспетчерской.

— В Аян, с залётом в Охотск. Вряд ли возьмёт, не наш, аяновский. Кто-то из Тумановки, посёлка золотоискателей.

— Вроде бы раньше не было такого посёлка?

— Недавно появился. Начальник Туманов, вот и Тумановка, народ так назвал.

Я пошёл к вертолёту, наперерез возвращающемуся к нему экипажу.

— Мы лишь извозчики, — пожал плечами командир. — Попробуйте попроситься.

Из здания аэропорта вышли трое. Я без труда определил главного: и по возрасту, и по суровому полярному «загару» — серо-землистому цвету лица.

— Не возьмёте до Охотска? Амфибия только к вечеру.

Он окинул меня коротким оценивающим взглядом.

— Забирайтесь!

Получилось, что в вертолёте я оказался напротив его. Почему-то меня притягивал этот человек, его лицо кого-то мне напоминало. Я невольно прислушался к разговору. «Вадим Иванович!» — обратился к нему один из спутников, и кровь прилила к моему лицу: «посёлок Тумановка!» Я понял, что передо мной легендарный Вадим Туманов.

Полет занял не больше пятнадцати минут.

Выбравшись из вертолёта, я решил спросить:

— Вадим Иванович, в ближайшие дни вертолёты по вашим заявкам не летят в сторону мыса Лисянского?

— А что вы в этой глуши потеряли? — заинтересовался он.

Я торопливо объяснил.

— К сожалению, нет. Рад бы помочь, но я тут только пролётом. Успехов вам! — он крепко пожал мне руку.

Писать о Вадиме Ивановиче Туманове трудно. Горечь подкатывает к горлу, как подумаешь, что, если бы такие люди, как он, в 70–80-годы прошлого века после хрущёвской, так называемой оттепели, после которой в стране не потеплело, а снова завоняло левотроцкистским душком, оказались у руля или около руля политической и экономической власти страны, Россия пошла бы иным — по крайней мере, ближе к коренному! — путём. По крайней мере, не барахталась бы целых полвека в вате брежневского застоя, в дерьме ельцинской семибоярщины, пока ни выбралась на более или менее твёрдый, хотя и скользкий путь, по которому мы сейчас идём-бредём, словно по минному полю, спотыкаемся. Но этого не случилось.

Наверное, его понял бы Алексей Николаевич Косыгин, но даже он, долгие годы бывший у руля или около руля власти, не мог остановить маховик, ведущий страну в пропасть, на краю которой ждала своего свора щенков-гиен, внуков и правнуков пламенных революционеров, в короткое время превратившихся в алчных и ненавидящих исконную Россию волков-олигархов. Вадима Ивановича Туманова ныне чаще вспоминают по случаю очередной годовщины рождения или смерти Владимира Высоцкого, как его «фартового» и бесшабашного друга-золотоискателя. Дружба эта, наверное, не случайна, как двух редких людей, отважно и безоглядно пошедших против течения. Их, словно магнитом, потянуло друг к другу. Но леволиберальная попса, старающаяся присвоить Высоцкого, как безусловного единомышленника, хотя таковым он никогда не был, сознательно представляет Туманова лишь его экзотической тенью. Леволиберальная попса пытается сотворить из Туманова, как и из Высоцкого, образ в доску своего, простеца из народа, хваткого, как они, парня, которого можно панибратски похлопать по плечу. Стихийного борца с ненавистной властью, подразумевая под этим ненавистную ей Россию, разрушителя-бунтаря, а Вадим Иванович Туманов совсем других корней и другой сути. Не случайно при первом его аресте одной из убийственных улик против него был найденный томик Сергея Есенина, от которого либеральную попсу воротит как чёрта от ладана, и зафиксированный стукачами факт, что он однажды нелестно отозвался о «великом пролетарском поэте» Владимире Маяковском.

Вадим Иванович Туманов не просто «фартовый» золотоискатель, талантливый предприниматель, а Строитель с большой буквы, Строитель великой коренной России. Сам факт его существования ещё раз даёт не только надежду, но уверенность, что

русский, российский народ, несмотря на свою страшную, уготованную его вечными врагами судьбу, непобедим. Мать — из состоятельной семьи, в отличие от родственников, в Гражданскую войну отказалась покинуть Родину, отец махал шашкой за новую власть, поверив в её народность, в коннице Будённого. Может, за это судьба жестоко отыгралась на сыне? В детстве грезил морем, мечта, осуществлялась, в 17 лет окончил школу штурманов, уже ходил третьим помощником капитана в заграничные рейсы на судах Дальневосточного пароходства. В августе 1945-го, когда началась война с Японией, транспорт «Ингул», на котором он служил, вместе с командой был мобилизован в состав действующих сил Тихоокеанского флота. Так он стал краснофлотцем.

И вдруг несправедливый арест, семь лет страшных колымских лагерей, которые его не сломили, в отличие от многих, семь побегов, после каждого забивали насмерть, никто другой бы не выжил. Все это сделало его легендой ГУЛага, которая поддерживала дух других: «по прибытию» в очередной штрафной лагерь его выходила встречать, поглазеть вся администрация лагеря. «Ни одного американского бокёра-профессионала за всю его жизнь не били больше, чем меня за те семь лет на Колыме, — вспоминал потом Вадим Иванович. — Только меня лупили не перчатками, а сапогами, колами и прикладами... А какие красивые названия там были у лагерей — Широкий... Случайный... Желанный... Ягодный... Кажется, я ни одного не пропустил, везде сидел. Наверное, больше чем в двадцати лагерях, да всё в самых страшных — штрафных». Общий накопительный срок, с учётом побегов, как в сберкассе, 25 лет, на этом шкала обрывалась, дальше был расстрел, но, к счастью, он попал в тот временной промежуток, когда расстрел был отменён. Но, как ни парадоксально это звучит, только в лагере, отгороженном колючей проволокой от остальной страны, Туманову была дана возможность возродить исконно русскую модель хозяйствования — артель. Ему повезло, что среди начальников лагерей, по сути, зверей, нашёлся один умный человек. С артелью, собранной Вадимом Тумановым из таких же зеков-изгоев, вынуждены были смириться — послевоенной стране позарез было нужно золото. И вышло так, что зековская артель Туманова давала чуть ли ни треть золота, добываемого крупнейшим в стране объединением «Северовостокзолото». Его, милостливо выпущенного на волю, уже трудно было остановить, он создавал артели одну за другой, несмотря на 17 последующих лет под следствием за эти самые артели.

Ради справедливости нужно сказать, что Вадим Иванович Туманов был не один. Подобных ему, пусть меньше рангом, пусть не с такой жестокой судьбой, были десятки, а то и сотни, но они были разобщены, им не дали возможности создать широкий национально-государственный проект. Таких как Святослав Федоров, основатель знаменитого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза», таких как Александр Паникин, тоже «сиделец», создавший, начав с семи списанных зингеровских швейных машинок, широко известный в стране концерн дешёвого, красивого и качественного трикотажа. Он же создал издательство, которое начало свою деятельность с издания полного Пушкина и полного Гоголя, одной из принципиальных должна была стать серия буклетов «История малых городов России». А ещё Паникин основал школу молодого предпринимателя, каждому выпускнику которой выдавался миллион для открытия своего дела. Так и осталось непонятным, умер ли он своей смертью в расцвете сил, оставшись один ночью в загородном доме. По нему театрально лили слезы вившиеся вокруг гроба жирные политические мухи: Горбачёв, Яковлев. Таких, как Валерий Ростов в Златоусте, в городе с полностью уничтоженной в 90-е годы промышленностью и полубандитской властью, на артельных принципах построивший с нуля, с гаража-жестянки огромный завод по производству минизаводов по строительству красивых и недорогих коттеджей, доступных по цене не только

среднему классу. В качестве наглядного примера построивший для своих рабочих целый микрорайон «Красная горка», поставивший в нём памятники Юрию Гагарину и учёным-ракетостроителям, о которых мало кто знал, потому что они были засекреченными, а после «перестройки» о них просто забыли. Теперь на слуху были другие герои — олигархи. Поставивший памятник святителю Иоанну Златоусту, подчеркнув тем самым, что город в своё время был назван в честь его, а не только потому, что в его окрестностях мыли золото, поставивший башню-часовню, ставшую украшением города, создавший уникальный каменный парк им. Бажова, на который были свезены глыбы камня — 30 тысяч тонн! — со всего Урала, начиная с Полярного, кончая Южным, где хребет уходит под оренбургские степи. И всё это делалось, по крайней мере, на первых порах, не при содействии власти, а вопреки ей...

По дурной привычке мы клянём во всех наших бедах дорвавшуюся до власти лево-либеральную интеллигенцию, хотя ни в меньшей степени в этом виновата так называемая патриотическая, «красная», интеллигенция в лице КПРФ, десятилетиями после развала СССР мутившая сознание народа в случае прихода её к власти молочными реками с кисельными берегами. Самый страшный грех её, если не преступление, что она, спекулируя уворованными у Иисуса Христа заповедями, и, пытаясь скрестить его с Антихристом Лениным, заняла собой, своей демагогией о коммунистическом рае место истинно народной партии, которая так и не сформировалась, и мы сегодня имеем в стране то, что имеем. Недаром в замордованном «демократическими» реформами народе сегодня видим всплеск ностальгии по старым додемократическим временам, в том числе, по брежневскому застою с пустыми полками магазинов. Ныне, в связи со столетием так называемой Великой Октябрьской социалистической революции, даже намечается всё более усиливающийся плач по Ленину, по большевикам. И не только у тех, кто зомбирован нынешней КПРФ во главе с Зюгановым. Словно в открытую не говорил однажды Ленин, мечтающий о мировой революции: «Дело не в России, на неё, господа хорошие, мне наплевать». Для него, возглавившего переворот на деньги из швейцарских банков, Россия была всего-навсего «головёшкой в костре». Ладно, Зюганов кричит на всех углах и перекрёстках, что Ленин в 1917 году спас Россию, а ведь по нынешнему закону по борьбе с терроризмом его надо было бы судить. Даже образованные историки, правда, пока ещё с оговорками, стали оправдывать большевистский переворот, дескать большевики власть не брали, они выбрали её на грязных петроградских мостовых. А что это меняет? Ну, хорошо, они выбрали, но разве не готовились её захватить. Их опередила «мягкая» масонская февральская революция, сыгравшая роль подушки. Большевистский переворот был бы ещё более кровавым, и неизвестно, что стало бы с Россией, как неизвестно, что стало бы с ней, если бы в 20–30-е годы, троцкистско-ленинскую гвардию немного не укоротил Сталин. И красный террор, уже, оказывается, спровоцировали чехи, а не Троцкий, спровоцировавший чехословацкий мятеж. И как-то уже забывают про Соловки, про ГУЛАг, опутывавший колючей проволокой всю страну. Или, не пройдя школу ГУЛАГа, Туманов не стал бы тем Тумановым, каким стал, лагеря закалили его характер? Как бы не стали теми, кем стали, выйдя из ворот лагерей и шарашек, Королёв, Туполев, Чижевский и десятки, сотни подобных выдающихся умов России?

Повторяю: сам факт существования Вадима Туманова, таких людей, как он, даёт не только надежду, но и уверенность в непобедимости русского народа, как бы ни старались его уничтожить враги забугорные, а что ещё печальнее — отечественные придурки, которые были для страны пострашнее врагов забугорных.

В чём уникальность Туманова? По сути, он не открыл нового экономического учения. Политически же, как всякий нормальный русский человек, он на генетическом

уровне беспартиен. Туманов на переломном этапе в стране с уродливыми экономическими отношениями возродил исконно русскую модель труда и человеческого общежития — артель, принцип которой прост: каждый член артели заинтересован в общем успехе, и платят в которой не за то, «что косят, а за то, сколько накосили». И этого ему не могла простить ни прежняя, ни пришедшая ей на смену в результате криминально-политического переворота новая антинародная власть. Первая, постепенно начинала принимать человеческий образ, правда, уже загнивая, но всё равно не могла простить ему, что рабочие в его артелях, добывающих чуть ли не половину золота страны, строящих не для отчёта к очередному съезду КПСС тысячи километров отличных дорог и десятки, сотни добротных домов, получали больше руководителей крупнейших золотодобывающих и иных предприятий и порой даже союзных министров. Разве можно было смириться с тем, что его артель добыла за сезон золота во много раз больше, чем всё объединение «Якутзолото»: 1 040 килограммов. Разве можно было смириться с тем, что реконструкция 12-километрового участка МКАД была произведена за 28 дней — объём работы, запланированный московскими дорожниками на год? А вскоре на долю тумановской артели «Строитель» приходилась третья часть объёмов работ по ремонту покрытий на магистралях Москвы. Потому наверх в разные инстанции, в том числе, в правоохранительные органы летели кляузы и доносы. Разница в атмосфере, которая царила на государственных предприятиях и в крепких артелях, которых по образцу тумановских в стране к тому времени насчитывалось уже около тридцати, была столь разительна, что вызывала насторожённость и даже ненависть союзных, областных и региональных чиновников. Они воспринимали эту разницу как укор в свой адрес и, не в силах изменить обстановку на подведомственных производствах, использовали любой предлог, любую клевету, чтобы расправиться с артелями.

Основной удар и был нанесён по Вадиму Туманову. Его ставшие в народе легендарными артели уничтожали одну за другой с помощью спецслужб, заказных заключений экономических институтов, придворных ЦК КПСС газет, разгромные статьи в которых были равны прокурорскому приговору. Особенно бесновался орган ЦК КПСС — газета «Социалистическая индустрия». Первой подверглась разгрому артель «Печора», которая была, как, впрочем, и все другие тумановские артели, не артелью в примитивном искажённом, осквернённом понимании этого слова, а многопрофильным хозрасчётным промышленным предприятием, в котором работало полторы тысячи человек. Погром шёл 10 дней, сейфы разбивали кувалдой. Затем последовал разгром артели «Восток» (800 работников), артелей «Алдан», «Лена», всего более десяти. Та же участь ждала дорожно-строительную артель «Строитель», по примеру которой было по стране создано 25 предприятий. Не помогло и то, что её артельную суть называли кооперативом (это наименование позже и приживётся в артельном движении страны). Само слово артель вызывало у власти отторжение именно потому, что само это понятие было насквозь русским — российским. Между прочим, при проклятом царизме быстро и прочно — артельным подрядом! — построили Великую Транссибирскую железнодорожную магистраль. Люди приходят в изумление, когда узнают, что без каких-либо механизмов, экскаваторов и бульдозеров её построили за 5 лет всего несколько десятков тысяч человек.

В момент, когда страна оказалась на грани экономической катастрофы, подхватить бы начинание Туманова и его последователей, а власть последние силы трагити на борьбу с ним и с ему подобными. Возрождённая Тумановым артель — по своей сути экономически суверенное «государство»: сама себе Госплан, Госкомцен и все министерства вместе взятые, — явились вызовом искажённой планово-государственной системе и своей принципиально новой — а по существу старой, исконно

русской — организации труда, что фактически поставило под угрозу существование малоэффективных госпредприятий.

К тому же за Тумановым тяжёлой тенью стояло его жестокое прошлое, в которое при удобном случае тыкали все, кому не лень. Не сумев уничтожить его, уже в наше время, ненавидящие его либералы запустят в СМИ грязную легенду, что Туманов был одним из «воров в законе», осуществлявшим в 80-х годы прошлого века связь номенклатуры КПСС с уголовными авторитетами. Это о нём-то, с кем номенклатура КПСС боролась насмерть! Ему припишут выполнение функций легализации краденого с приисков золота и участие в переправке его в западные банки на счета партийных коммунистических босов. Что воры: «япончики», «тайванчики», глава «Русского золота» Таранцев — все они, дескать, выкормыши Вадима Туманова. А «красные» патриоты со своей стороны запустят легенду, что он основал в России свою масонскую ложу. А он, вчерашний зэк с запредельным сроком, на самом деле истинный гражданин России, болеющий за Родину, — не она бросила его за колючую проволоку, она была там вместе с ним, — позже в своей книге «Всё потерять — и всё начать сначала» с горечью напишет о том времени:

«Я не экономист и не социолог. Но много лет назад предложил и сумел внедрить такую форму организации производства, которая позволила увеличить в несколько раз производительность труда в целой отрасли. Будь этот вариант использован в нашей экономике более масштабно, Россия жила бы сейчас не хуже Гонконга или Кувейта.

В течение 45 лет я возглавлял большие коллективы самых работоспособных людей. Большая часть из них ехала к нам на один сезон — заработать. Почти все оставались на долгие годы. Можно считать, что и они вместе со мной пишут эти строки.

Нескромно повторять: «Я знаю!» Но я говорю: есть вещи, которые я знаю очень хорошо. Это я опять о богатствах нашей земли. Проработав много лет с лучшими геологами Союза, я совершенно ясно представлял, как мы должны быстро освоить месторождения и запустить их в работу. И ещё я знаю, как умеют работать люди, если они по-настоящему заинтересованы. Поэтому уверен, повторяю, что полугодия было достаточно для перестройки. Я так радовался её началу, был самым счастливым человеком, поверив, как и многие, что страна изберёт наконец правильный путь. Мы были в шаге от него. Требовалось только, чтобы к власти пришёл человек умный, добрый, в нужную минуту умеющий быть жёстким. И создал бы команду, способную вытащить страну из пропасти.

Но у руля оказались совсем другие люди, и перестройку начали с самого неправильного варианта. Результат всем известен. Россию ввергли в состояние, определяемое лагерным понятием — беспредел.

Народ всматривается в каждое новое лицо на политической сцене и очень хочет дожидаться времени, когда его надежды не будут обмануты. Тогда исчезнут с лиц гримасы боли и отчаяния — появится улыбка. Улыбка не с экрана телевизора, где чередуются косноязычные политики, нелепая реклама, эстрадные шоу. Люди выстрадали право на такую улыбку. На улыбку — просто так, потому что им хорошо.

Да, многое мы утратили, что-то — безвозвратно, но не всё. Может, верно сказано: «Если не потеряно всё — не потеряно ничего!»

Когда чересчур умные настаивают: нужно 40 лет, как Моисей, водить народ по пустыне, — себя, очевидно, они не причисляют к «простым смертным», которым надо бродить в песках. Сами бы надели сапоги. Двух дней пешком среди барханов хватит особо одарённым, чтобы избавиться от идиотизма. Я твёрдо знаю: человек может перестроиться в течение недели, если он, конечно, хочет перестраиваться. Ленивым на это нужен месяц. А люди, которые вообще не хотят работать, только говорят

о перестройке. Много лет мы занимались разговорами... Перестройки, повторяю, у нас не получилось

Тем, кто предлагает России в поисках своего пути повторить опыт Америки трёх-вековой давности и периода гангстерских войн, хочется посоветовать: вспомните тогда, что творилось в Лос-Анджелесе, а через несколько лет в Нью-Йорке и других мегаполисах. Выходит, трёх столетий мало?..»

Увы, Россию повели именно чужим, американским путём, хищническим путём бандитского капитализма. Народное артельное дело заменили олигархи.

«В расхожем представлении кооператоры — писал Вадим Иванович Туманов — это шашлычники, которые стояли с дымящими мангалами вдоль всей Московской кольцевой дороги, или мелкие лавочники-кустари вроде них. Большинство населения не подозревало о существовании кооперативов, занимающихся производственной деятельностью, причём эффективнее, чем государственные предприятия. Отношение к кооперативам разделило людей на тех немногих, кто видел будущее в предпринимательстве, исповедовал свободное мироощущение, и на большинство, не способное расстаться с рабской психологией и признающее единственно возможной для себя работу в закреплённом государственном секторе. Артельное движение предусматривало коллективную собственность на средства производства и зависимость зарплаток каждого от результатов общего труда. Это не сегодняшний вариант, когда зарплата руководителя стала почему-то «коммерческой тайной» и директор предприятия может получать сколько вздумается, а рабочие — вообще ничего. Эта уродливая схема сделала определённую немногочисленную группу безмерно богатыми (тут назначенные миллионеры и те, кто приобрёл капитал методом пирамид), а остальные превращены в ничто. Страннейшая ошибка, уничтожившая средний класс, опрокинувшая всё общество и столкнувшая экономику страны в пропасть.

Заставить работать нельзя. Нужно было заинтересовать. А народ столько раз обманывали, что человек думал только об одном: как бы его не обманули в очередной раз...

Мне было смешно, когда кто-то оспаривал возможность обеспечить всех нуждающихся квартирами к 2000 году. Мы могли бы, хочу повторить, снять эту проблему в три года. Именно в этом, самом безнадежном направлении нужно было сделать первый рывок. Инструментом решения этих жизненно важных задач могли выступить как раз производственные артели, кооперативы.

Когда началась перестройка, России было достаточно, я уверен, всего полугода, чтобы перетянуть экономику страны на новые рельсы. В то время ещё была дисциплина на производстве, предприятия работали. Правда, люди трудились без интереса, но интерес можно было вдохнуть»...

Увы, вместо перестройки в стране была произведена «перестройка» продиктованная уже даже не своим, а Вашингтонским политбюро.

Нельзя сказать, что никто в стране, даже во власти не пытался его поддержать.

Конечно же, Председатель Совета Министров СССР совестливый Н. И. Рыжков (но он был одинок в тогдашнем правительстве, как в своё время А. Н. Косыгин), генеральный прокурор СССР А. М. Рекунов (но и он оказался бессилем радикально помочь), гл. редактор газеты «Известия» Л. Н. Толкунов, академик В. А. Тихонов, народный депутат Н. И. Травкин, рыцарь за правду, заместитель начальника Главного следственного управления Прокуратуры СССР В. И. Илюхин. Выдающийся офтальмолог и тоже «артельщик» Святослав Николаевич Федоров, познакомившись поближе с Тумановым, скажет о нём: «На таких наша земля держится». Но этих разрозненных сил оказалось мало, чтобы противостоять системе. Кому-то покажется удивительным,

но пытался помочь Туманову Егор Гайдар, будучи главным редактором журнала «Коммунист». Туманов ему поверил, как первоначально поверил в «перестройку». А удивительного тут ничего нет: Гайдар смотрел на Туманова не как на строителя новой России, способного вывести её из тупика, а как на разрушителя устоев. Насчёт будущего России у Гайдара были свои, «американские» планы, что показало будущее. Артельное, кооперативное движение интересовало его всего лишь, как инструмент разрушения. Обращение Туманова к президенту СССР М. С. Горбачеву, объявившему курс на перестройку страны, осталось без ответа. Мало того, строитель «социализма с человеческим лицом», не поняв подоплёки защиты Гайдаром Туманова, сделает Гайдару выговор за попытку поддержки Туманова. Как позже расскажет заместитель Гайдара О. Р. Лацис, *«...в редакцию позвонил сам М. С. Горбачев — редчайший случай в журналистской практике. Он сказал примерно следующее: вы правильно ставите вопрос, но взяли под защиту не того человека»*. Какие же силы поднялись против Туманова и его артели, если смогли включить в свою орбиту первого человека в государстве!

Буквально через месяц Егор Гайдар будет назначен на пост премьер-министра. И он начнёт осуществлять реформы не так, как говорил при встречах с Тумановым, а как раз наоборот. И у Туманова появится решительное неприятие его экономической и социальной политики. Но какие-то иллюзии ещё оставались. Он пойдёт к нему вместе с академиком В. А. Тихоновым по поводу освоения месторождений Сухого Лога в Сибири. Позже Туманов с горечью вспоминал: «Я предложил разработанный у нас конкретный план освоения Сухого Лога. Гайдар понимающе слушал, кое-что уточнял, со многим сразу же соглашался. Я уходил от него окрылённый. Только потом я узнал, что при участии Гайдара на разработку Сухого Лога был объявлен тендер, наш коллектив к нему не допустили, нас даже не поставили в известность, и создали такие условия, чтобы фаворитом оказалась австралийская компания «StarTechnologySystemsLtd.», практически неизвестная в области золотодобычи. Почему австралийцы? Кто в правительстве их опекал? Чьи конкретные интересы тут одержали верх? Ответов никто не знал. «Побеждает сильнейший, — разводили руками аппаратчики. — Это и есть рыночная система! Зачем вообще добывать на Колыме золото? Оно обходится дорого. Дешевле покупать!»

— Это вы сами подсчитали? — удивился я.

— Нет, Егор Тимурович Гайдар... Он сказал в Магадане: золото выгодней покупать на Лондонской бирже.

Тогда же Гайдар говорил, что бокситовую руду выгоднее покупать в Гвинее, чем разрабатывать собственные месторождения.

«В новейшей истории Колымы умонастроение Гайдара и его сподвижников стало определяющим. Золотая промышленность Северо-Востока оказалась абсолютно неготовой к начавшемуся в 1992 году экономическому и организационному развалу, — опять-таки с горечью напишет Туманов. — Одно за другим появляются постановления правительства, разрешающие вести добычу золота всем юридическим лицам и любым гражданам, приватизировать горные предприятия. Всё было направлено на ликвидацию объединения «Северовостокзолото». Перед развалом СССР в его составе было 13 горно-обогачительных комбинатов, 2 крупных прииска и рудник, 5 ремонтно-машиностроительных заводов, 12 геологоразведочных организаций, лесозаготовительные, лесоперерабатывающие, автотракторные, дорожные организации, научно-исследовательские и проектные институты. Объединение, от которого во многом зависела жизнедеятельность на огромных пространствах, прилегающих к Охотскому морю, практически перестало существовать.

Почти в то же время ликвидировали Северо-Восточное производственное геологическое объединение — коллектив едва ли не самых опытных золоторазведчиков

страны. Чтобы хоть на что-то жить, часть геологов перестала заниматься поисками и подсчётами запасов, а приступила к самостоятельной добыче золота. Это привело к деградации технологии ведения горных работ, к переходу на примитивные способы работы, какие были у старателей 30-х — 40-х годов».

Кстати, попытка разработки золотых месторождений Сухого Лога компанией «StarTechnologySystemsLtd.» закончилась пшиком. После того, как неизвестно куда делись 50 миллионов государственных средств, президент компании Ин Стюарт Мак-ни предложил подключиться к проекту Вадиму Туманову.

Но до сих пор у нас на самом высоком правительственном уровне продолжают молиться на Егора Тимуровича Гайдара, чуть ли не как на экономического гения.

«Героя делают три фактора: время, обстоятельства, он сам, — говорит Туманов. — Время и обстоятельства сделали героями Горбачева и Ельцина, а вот фактор «он сам» не сработал ни у одного, ни у другого. Первый вообще не знал, что делать, хотя, возможно, и хотел, а у второго даже стремления «хотеть» не было. Смешно, стыдно, страшно, что такие люди попадают на первые роли в государстве.

Внедрение в общественную психологию чувства зависти, раздражения, подозрительности по отношению к кооператорам оставалось важной частью усилий и постсоветского бюрократического аппарата. Среди людей, близких к Ельцину, было немало тех, кто прекрасно видел эту ситуацию, но я не знаю ни одного, кто отважился бы сказать об этом вслух или в ответе на моё письмо хотя бы намекнуть на понимание. Ответа мы не дождались.

В старые времена власти жаловали приближённых в генералы, теперь производят в собственники крупных состояний, с той разницей, что у генералов, как правило, всё-таки были хотя бы малые заслуги перед Отечеством. Те, кто раздаёт лицензии, фактически наделены правами назначать миллионеров. Спешное распределение богатств происходит в верхней части сцены, не видной зрительному залу, а на переднем крае, всё собой заслоняя, толпятся заплонившие Россию мелкие перекупщики и торговцы. Страна превращена от края до края в сплошной базар, где торгуют чужим, не производя своего.

Такую в точности картину я видел в поездке по Новой Гвинее. Под землёй огромные богатства, а на улицах городов торгуют все теми же «сникерсами», «пепси», «баунти», все те же рекламные клипы на телеэкране. Такой же баритон призывает «ставить на лидера», только на папуасского. Не знаю, кто кого догнал — мы папуасов или они нас. Но в начале 90-х мы рядом совершали «бег на месте общепримирающий»...

Меня удручала ориентация власти на подражание американскому образу жизни, не-возможному у нас ни по уровню экономики, ни по традиционным ценностям, ни по психологии масс. Молодые реформаторы ничего не делали для развития производительных сил, но пытались всех увлечь программами личного обогащения, которого можно достичь, особо не трудясь, купаясь в море развлечений, надеясь на фантастический выигрыш.

Превращение страны в международную барахолку, где торгуют чужими товарами, сопровождалось раскулачиванием отечественной промышленности. Система стимулов была такова, что опытные высокопрофессиональные рабочие уходили из сферы производства в перекупщики, в посредники, в торговцы. Газеты заполнены рекламами курсов: учат будущих менеджеров, дилеров, детективов... Но спросите, где готовят экскаваторщиков или бульдозеристов. На вас посмотрят, как на идиота.

Будучи не в силах প্রতিবর্ততা системе, ориентирующей страну не на производство, а на торговлю, лучшие кооперативы и старательские артели, умеющие и желающие работать, распадались, это следствие не рыночной конкуренции, а только недальновидной экономической политики. Людей, которые воспользовались властью,

чтобы спешно раздать общенародную собственность в частные руки, стали называть реформаторами и приватизаторами. Истинные реформы подразумевают как конечный результат улучшение жизни людей. Наши же политики говорят об успехах проводимых реформ тем настойчивее, чем очевиднее катастрофическое снижение связанного с этими реформами жизненного уровня большинства населения».

Как истинного государственника, Туманова беспокоит создавшееся положение на брошенном новой властью Дальнем Востоке, который снова становится человеческой пустыней и которому грозит неминуемое отторжение от страны, оставшееся там население уже, кажется, мечтает об этом. И, оглядываясь назад, на советское прошлое, он скажет:

«И хотя всю жизнь были у меня довольно сложные отношения с советской, особенно партийной властью, начинаю думать, что они были не совсем дураками, если на каждые пять лет придумывали для народа новые «стройки коммунизма», оттягивая из европейской части страны миллионы людей. Особенно хочу сказать про Байкало-Амурскую магистраль, которую строили сотни тысяч человек».

Кумир Вадима Ивановича Туманова — Пётр Аркадьевич Столыпин, которому, увы, даже находящемуся у руля власти, тоже не дали осуществить истинно нужные России реформы, в том числе в вопросе освоения Сибири и Дальнего Востока. Оказавшись бессильными против его неукротимой мощи, его убили. Вадима Ивановича Туманова, уже вышедшего из-за колючей проволоки травили, почти вся жизнь под следствием, порой сразу по нескольким уголовным делам. Били по самому больному, по самому дорогому, что у него в жизни оставалось: травили жену, уволили её с Пятигорского телевидения, где она работала, все это закончилось одним инфарктом, вторым. И в деле освоения Севера и Дальнего Востока Туманов, по сути, является прямым продолжателем дела Столыпина. На вопрос одного из журналистов, в чем, по его мнению, главная задача России, Вадим Иванович ответит:

«Лично мне кажется, заслуживает рассмотрения такая мысль: извечная и главная задача России — это прочное освоение её гигантской территории». На фоне всеобщего сокращения численности населения России, особенно быстро его численность сокращается на Севере и Дальнем Востоке. Обнищавшие, потерявшие в условиях инфляции все свои сбережения северяне и дальневосточники интуитивно тянутся в европейскую часть страны, не усматривая никакой перспективы в местах их нынешнего проживания.

Кому же достанутся наши богатства? Японцам? Китайцам?

Учитывая, что вопросы миграционной политики определяет правительство, хотелось бы надеяться, что оно поднимется над текущими неотложными проблемами в этой области и наметит сверхзадачу, решение которой растянется естественным образом не на один десяток лет. Условным названием этого проекта может стать — «Великое переселение».

Насколько естественным для России является движение с запада на восток, наглядно подтверждает вся наша история, начиная с похода Ермака. В начале XX века над этим думал Пётр Столыпин. Если бы не его ранняя гибель и последующие исторические катаклизмы, населённость пустующих ныне земель на востоке была бы достаточно высокой для того, чтобы цивилизация там давным-давно достигла уровня европейской. А при плотности один человек на квадратный километр должного развития не в состоянии получить никакая территория... Гражданам, уезжающим с Крайнего Севера, следует предлагать «спуститься по меридиану» в южные районы Сибири и Дальнего Востока. Для норильчан, к примеру, строить жильё не в Подмоскowie или под Воронежем, а в Хакасии, где прекрасный резко континентальный климат, полно плодородной земли, рыбалка, охота...»

Было ли в жизни Вадима Ивановича Туманова что-то, кроме невзгод? Иначе говоря, не была ли его полная невзгод жизнь напрасной?

Было! И не была его жестокая жизнь напрасной! Да, по прежнему в стране, олигархическая форма правления и антинародная конституция, заменившие бюрократическо-коммунистическую, запрещают народу иметь национальную идею, да, как в Соединённых Штатах, несколько семейных кланов владеют тремя четвертями, а может, и более, народного достояния, да, золотая молодёжь, презирая эту страну и этот по-прежнему полунищий народ, любимым спортом выбрала для себя гонки по Москве на сверхдорогих автомобилях, калеча людей, и им за это только грозят пальчиками, да, не внедрена на государственном уровне исконно российская артельная форма собственности и хозяйствования, которая могла бы вывести страну из полунищего состояния в разряд самых богатых стран, — тем не менее, он с гордостью может сказать, что власть снова повернулась лицом к Северу и Дальнему Востоку и что не случайно именно бывшие кооператоры возглавляют ныне многие государственные предприятия и обеспечивают их успех, опираясь на артельную модель организации производства.

«Доказано, — утверждает Вадим Иванович Туманов, — что «капиталистическая» форма труда — старательство — на протяжении десятилетий была наиболее прогрессивной. Эффективность работы наших артелей в 4–5 раз превышала показатели государственных предприятий, а оплата труда была хоть и самой высокой в стране, но справедливой. И я горжусь тем, что стал основателем старательского движения, что не только добыл вместе со своими людьми свыше 400 тонн золота для СССР, создавая высокоорганизованные предприятия от Колымы до Карелии, но и обеспечивал весьма достойные заработки десяткам тысяч бульдозеристов, шофёров, геологов, слесарей, рабочих других специальностей. Почувствовать удовлетворение сполна мне не дают тревожные мысли о том, куда же движется теперь наша Россия, что с нею будет дальше...»

Было ли счастье?

Было: «Я люблю читать, меня всегда тянуло к книгам. Но так много времени пришлось вместо чтения потратить на изучение протоколов, объяснения с прокурорами, следователями, ревизорами — ещё 13 лет под следствием. И сколько жизни растрчено — ну как себя простить? — на письма сидящим на «троне» и напрасные ожидания. В этих нескольких письмах, мне казалось, было самое важное. Хотелось быть услышанным и сделать много доброго. Слишком поздно я понял, что мои идеи их вовсе не интересовали.

И все же я не жалеюсь.

Мне посчастливилось встретить настоящую любовь и пройти по жизни с женщиной, самой прекрасной на свете. Никогда не забуду: в самые страшные моменты, когда я прощался с Риммой перед уходом в прокуратуру, не зная, вернусь ли, — она находила в себе силы успокаивать и подбадривать меня. Вспоминая, что нам пришлось перенести и со сколькими несбывшимися надеждами расстаться, я могу теперь сказать: меня не обманула только любовь...»

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ

КЕНТАВР

Записки много прожившего человека

Ребёнок, девочка неполных двух лет, ещё не говорит отчётливо, только слогами. Мызгает во рту кусок пирога и с высокой лавки закидывает на стол обеденный то одну, то другую ножку в кожаной пинетке. Она закидывает и смотрит испытующе на реакцию родителей. Глаза любопытные, синие, озорные, словно спрашивают: «...а что вы сделаете, если я так?». Глядя на неё, думал: сколько ей, этой девочке, придётся ещё перетерпеть, понять, почувствовать. И воспитания, и огорчений, связанных с воспитанием и испытаниями... Сколько ей ещё наживать опыта, а главное — зачем? Ведь всё кончается одним и тем же для каждого из нас... Это «наживание опыта» и сочувствия, умения сострадать через свою боль и сопоставление с другими — было бы никчёмной глупостью, если бы душа не могла относить этот опыт туда, в небытие, в пакибытие своё...

Нет, тут, верно, важен даже не сам опыт, а именно: «изделие», полученное от всей жизни. И именно выковка этого «изделия», выковка души человеческой. Бог — кузнец, горшечник? Куёт и лепит. Думать так было бы примитивно, конечно. Что Бог — скульптор душ, но больше даже именно через чужие руки работает Он. Порой враждебные нам руки. Мы обижаемся на молоток и напильник в Божьих руках, — так как обижались бы именно на руки Творца. И все мы незаконченные изделия — незаконченные, пока ещё живём и дышим, пока в силах хоть что-то менять в себе по своей воле и воле Демиурга... Он держит нас, Он работает над нами. Мы податливые изделия, над которыми трудится Бог неустанно, обваливая нас в песке и тлене и притирая друг к другу. Обкатывая нас, как морские гольши, друг о друга. И именно море, океан — вот что наиболее, как стихия, идентично самой жизни, образу нашего бытия... Море, стирающее наши (друг о друга и каждому) бока.

Что же из этого следует? Зачем мы «обкатанные» Ему? Неужели только такие мы и сможем продолжать бытие в «ином мире»... Иногда этакое «притирание» трагически и внезапно конечно. О чём это говорит? Лишь подтверждает то, что «у Бога все живы». Для Бога нет никакой разницы, дышишь ты или ушёл к Нему. Плоть — вовсе не подтверждение этой жизни. Так скульптор или кузнец после того, как затвердеет изделие, доводит его напильником или молотком, сбивая лишнее.

...Девочка, присмирив, закинув ножку на стол, смотрела на взрослых. Стояла на другой и смотрела мне в глаза. Наверное, была удивлена, почему я не ругаю её, и не удивляюсь, не поучаю её... Она, верно, кое-что уже понимает. А я думал о том, желал бы я снова стать вот таким первоизделием, глиной, самородком — и вновь испытать боль приобретения опыта, зачатков нравственности... Желал бы я оказаться на её

месте и, испытывая этот мир, баловаться в нём? Какое же изделие пожелает вернуться в скалу, в глину, в ничто?

* * *

Судя по обилию боли и всяческих перипетий в жизни человека, одна из главнейших целей жизни — в воспитании именно воли. Терпение и смирение — качества, о которых так много говорит Церковь. Не податливость и слепая покорность, вовсе нет, даже напротив: следствие воспитанной, готовой уже воли к Божьим приказам, к приятию Промысла, к отсечению своей воли — вот величайший героизм и цель жизни. Не «прыжок веры» как абсурд, а именно высота духа...

Главная ошибка «волютаристов» (Ницше, Шопенгауэр, Макиавелли...) в том, что они полагают меру великой силы воли в проявленных победах над другими. Главный же показатель созревшей воли — способность побеждать именно себя: «Победа из побед — победа над собой».

Но для чего Богу волевой человек? Или это значит, что Богу нужен воин? Не генерал, не майор, а именно солдат. Но в таком случае, каковы же условия существования «там»? Если не мягкотелость, а именно жёсткость по отношению к себе и воля — как первейшие качества, необходимые для жизни с Богом, в «ином мире»? Значит благолепие и беспечность рая — пустые выдумки? В «ином мире» необходим только сложившийся, крепкий человек. Не расслабленный и благодостный «нюня», но кремень, истый воин, твёрдо верящий своему военачальнику в духе. Это обстоятельство хорошо понимали первые святые, именно отсюда — тяжкий ежедневный их труд, вериги («Гнету гнющего мя»), юродство, стояние на камне, бдения. И смерть, наконец, — как последний экзамен, самый жёсткий и бесповоротный. «Без права на пересдачу».

Тогда становится понятно, почему самоубийство — то есть не сдача экзамена, а отказ, бегство с поля боя — не прощается Главнокомандующим. Часовой, покинувший пост, потому что было холодно или дождливо, нестерпимо морозно или страшно от приближения врага, — такой солдат не годен и на следующую ступень. Ступень, следующую для жизни души, может перешагнуть лишь мужественный. А эта жизнь по ту сторону, несомненно, есть, и несомненно, что бытие здесь — лишь подготовка в мир иной. Все рассуждения о том, что «мир абсурден» и ему нет до нас никакого дела, как ветру до цветочной пыльцы, — наивность. А значит, настоящая борьба — не здесь, а именно там. Именно там бой, а здесь лишь подготовка. И борьба «там» — она много сложнее, чем испытания здесь, раз «туда» отбирают лишь избранных, достойно выдержавших первые трудности здесь. Отсюда и вывод, что духи злобы поднебесные — вовсе не выдумка досужих бездельников.

Неслучайно святые в Православии не только выдерживали бои уже в реальном мире, но даже и усложняли его: носили вериги до крови, и пост, и бдение, и постоянная молитва (то есть внимание к голосу Главнокомандующего, угадывание его святой воли).

* * *

Говоря об «архетипах» наций... «Странность», «непонятность» русского человека для иностранцев — хлебосолье, широта души, искренность и поиски искренности, всё это объясняется просто: русский не только видимым миром живёт. Отсюда и непонятный для них героизм русских в войнах. И это генетически и кровно давно усвоено русскими и свойственно им. Так же, как оптимизм, хитрость, находчивость

евреев в торговле, в делах денежных, ростовщических, как тяга к порядку, построению и легендарная храбрость немцев, замешанная на древней тяге к коллективному самоубийству, как некая петушиная спесь, иронизм французов и т. п.

И вот, если уж он, русский, срывается в другую сторону — к воровству, к тратам — тут тоже нет никакого удержу. Нет меры ни в чём. Потому что для него глубинно нет идеи самосохранения, им не ценится бытие этого мира, потому что он предполагает (и не без основания), что здесь это бытие его души не окончится, не погаснет. Ни один представитель никакого другого народа не кутит так безрассудно, часто — необъяснимо пышно и даже глупо, не «пыжится» так, как русский. Тут уж и цыгане, и «режь последний огурец», и много-много ещё чего. И эту оторванность, внушаемость русского хорошо понимают западные (с основательно поломанными генетически кодами) народы, вернее, их предводители. Оттого и яростное навязывание нам «бородатых Кончит», и «свобода» ЛГБТ-сообществ, и пляски юных «пчёл» на европейский манер, истоки которых в американских публичных домах...

Насаждение страсти к имуществу, к деньгам, к потреблению, к индивидуализму (в пику соборности) обрело невиданные масштабы. Всё, что разобщает, индивидуализирует, ослабляет Россию, всё, что тащит в иную сторону от соборности, сплочения и взаимной помощи, прививают правдами и неправдами. Уничтожение крестьянства, войны и революции, внедрение доллара в Россию — всё это несказанно ослабило страну. Принуждённая страсть к доллару девальвировала победу СССР во Второй мировой, сегодня долларовое пространство сжирает и Россию, и русский характер, «глобализует» их...

* * *

В метро, в вагоне подземной электрички девушка лет 20–22-х. Сидит она, стиснутая со всех сторон, прижавшись к не старому ещё, живому и бодрому своему соседу. Она прильнула к нему справа и так обхватила его правую руку, обвила её, как обвила бы лиана дерево. Так забирает она всю руку его себе, обвив своими руками, как можно было бы прильнуть только к очень любимому человеку, на которого надеешься беспрдельно, в котором уверен. Так кто же он? Отец? Муж?

Мы в детстве, мальчишками, так обхватывали гладкие белоснежные и белящиеся как известью стволы берёз, когда влезали на них. Что-то её ждёт, эту девушку... Что ждёт этого её отца? Мы, мальчишки, так были уверены в том, что жизнь — бесконечно ценный дар. Мы были счастливы полагаться в этом уповании своём даже и на деревья...

Вот встали и вышли они, эти двое, на станции Курская, а я долго ещё помнил их взаимное друг к другу тепло, нежность, доверие и преданность, такую очевидную для меня, прожившего долгую жизнь и редко встречающего теперь нечто подобное.

* * *

...С какой яростью, живостью и с каким отвращением Иван Алексеевич Бунин писал книги о революционной и послереволюционной России, книги, беспощадные по исповедальному тону, пронзительности и остроте, равные которым едва ли можно отыскать. И по язвительной наблюдательности ничего похожего не знаю. Его повесть «Деревня» и та меркнет, в сравнении с дневниками.

Вот слова, названия по отношению к ставшей социалистической России: «Под серпом и молотом», «Окаянные дни»... Это шедевры, образчики великой и праведной

ненависти (если только можно назвать шедеврами яростные заметки от весьма наблюдательного и памятливого писателя, с отлично «набитой» рукой, с точным и органическим чувством слова). Но вот что приходит на память: отчего же родного брата и своего учителя Юлия Бунин не упрекает нигде. Он любил и уважал его безмерно. Безмерно переживал его безвременную кончину... А ведь именно Юлий, этот не последний в своём значении «чернопеределец», народник и революционер, арестовывался не раз и даже ссылался.

Между ссылками учил младшего брата французскому, учил журналистике. Сам был отменным журналистом. Разрабатывал и печатал программу революционных действий на будущее под вымышленным псевдонимом Алексеев. Был допрошен дознавателями и арестовывался, отбывал три года в Озерках. Основатель журнала «Среда», он печатал и работы Ленина, Плеханова. Уж коли быть объективным, то начинать бы И.А. если не с себя, то со своей родни. Когда узнаёшь это, по другому видишь попытки советской власти «уплотнить» И. А. Бунина, обыски его матросами, бесцеремонные вторжения, которые так ранили писателя, выводили его из себя, мучили нестерпимой обидой и бессильной яростью до «трясущихся рук» и перебоев в сердце. Как огненно он записывал ощущения, обиду и, ярость свои, «бьющееся сердце» своё, унижение до обидных слёз.

А вот запись его в 18-м году: «Андрей (слуга Юлия) всё больше шалает, даже страшно. Служит чуть ли не 20 лет и всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен и мил. Теперь точно с ума спятил. Служит ещё аккуратно, но, видимо, уже через силу, не может глядеть на нас, уклоняется от разговора с нами, весь внутренне дрожит от злобы, когда же не выдерживает молчания, несёт какую-то загадочную чепуху <...> У него (слуги. — В.К.) вдруг запрыгали руки: «Да, да летит (Россия в тар-тарары). А кто виноват? Буржуазия! И увидите, увидите, как её будут резать, увидите и вспомните тогда вашего генерала Алексева». Как точен слуга, поразительно. И даже фамилия генерала и псевдоним Юлия-революционера вдруг совпали. Но вот диво дивное: Бунин И. А., повторяю, вовсе не винит ни родного брата, ни его друзей, ни отца своего... А ведь именно они, дворяне, так заморочили головы себе и своим слугам, и самим себе — от безделья что ли, от своей спеси? И уж точно — именно от беспечности, от «большого ума». От сочувствия той народной массе, которая впоследствии разнесёт, разорвёт свою же страну вдребезги.

Не дворяне ли испортили жизнь и себе, и России? И не однажды. Этот героизм и самоотверженность героическая очаровала даже Толстого. Вспомнить с каким рвением Л. Н. Толстой взялся за роман о декабристах. Трех из декабристов он отыскал и лично расспрашивал. И, изучив многое, вдруг проникся таким отвращением к событиям на Сенатской площади и их предыстории, что роман его о декабристах перерос в «Войну и мир», и мысль ушла совсем в иное русло. Страдавшие родственники И. Бунина, изучи они предмет и предысторию, тоже, пожалуй, разочаровались бы. Ведь князья ходили с красными бантами в петлице, а Синод поддержал февраль... Вот и Бунин — кажется, как ему не сочувствовать. Но кто, как не сами дворяне расстреливали «Михрютку», зарядили злобой и завистью. Кто, как не они сами воспели «Двенадцать».

А вот запись, сделанная в 17-м году: «Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду «радикалов» и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всем классам!» Предвзятость такова, что Бунин всю жизнь гордился своей дворянской кровью, а любимое слово у него «барин», «барчук». И вот результат: уже через три года такие строки в дневнике: «Сон, дикий сон! Давно ли всё это было — сила, богатство, полнота жизни — и всё это было наше, наш дом — Россия!» (1921-й год).

* * *

А вот каковы были чаяния и заботы купцов и дворян накануне революционных событий? У того же Бунина читаем в дневнике запись от 1911 года. Обстановка уже предреволюционная. Пять лет назад опубликован рассказ Л. Андреева «Губернатор», три года назад «Рассказ о семи повешенных», наделавший много шума, одобренный Горьким и многими... А Иван Ильин с его на то время приверженностью к анархизму, его «Бунт Стеньки Разина» — бомба при обыске в 1906-м году. А ведь это Иван Ильин, впоследствии шесть раз арестованный и, наконец, высланный из России, оставленный в живых лишь по личному указанию Ленина, в библиотеке которого хранилась его работа (лучшая на взгляд Ленина, работа о Гегеле). Многие другие — Бердяев, Шестов... И многое с предреволюционным запахом крови, гари печатал уже и сам А. М. Горький. Вот в дневниках Бунина: «Юлий привёз новость — умер ефремовский дурачок Васька. Похороны ему устроили ефремовские купцы великолепные. Всю жизнь над ним потешались, заставляли драть и покатывались со смеху, глядели, как он «стареется», — похоронили так, что весь город дивился: великолепный гроб, певчие... Тоже «сюжет».

Да, «сюжет». И впрямь, кто и что видел, и как видел — даже чрезвычайно наблюдательный и дальнзоручий Бунин. И всего через пять лет — около восемнадцати миллионов убитыми и умерших от голода в первой Мировой и в Гражданской войне. И затем сданная, видимая уже победа над немцем, проигранная война, которая должна была окончиться в Берлине парадом русских войск, и уже пошиты были и будёновки с кителями из кожи для этого парада.

И будёновки, и кожанки наденет впоследствии ЧК и — расстрелы, аресты, и пытки... Даже миллионам «сочувствующим» революции и «попутчикам» — смерть. Бунин и попутчиком не был. Вынужден был прятать записки своих дневников за подоконник с уличной стороны, чтобы не нашли при обыске. Впоследствии недалеко от дома, где он жил в Москве, на Поварской, недалеко от последнего его пристанища, откроют Дом Литераторов.

«Русский колокол» И. Ильина и «Окаянные дни» зазвучали слишком поздно...

* * *

Перечитывал антологию русских поэтов и думал о величии Православия. Все эти поэты, даже позиционирующие себя как атеисты, всё-таки православные по самой внутренней сути своей. Величие их поэзии объясняется одним: это искренний плач об утерянной жизни души с Богом, сожаление об этом. Плач о великой утраченной Любви слышен, даже если и не называется напрямую в их строках. Эта «тоска по Богу» — в подтекстах, и она свойственна только русским национальным поэтам. Именно это ставит нашу поэзию выше очень многих и многого. Эта экзистенция, эта способность русских поэтов к созерцанию так очевидна...

* * *

Теперь, пожив уже изрядно, я многое повидал и думаю, что жизнь любого человека, сама по себе, уже подвиг. Доказать это просто. Каждый, если вспомнит самые свои трудные и неуютные в этом мире дни, обратит внимание на то, что теперь, когда прошло некоторое время, те дни вспоминаются гораздо легче, даже и не без удовольствия, не без ностальгии по давней, страшной жизни. И это притом что сегодня, при воспоминании о тех тревожных днях, нам всё-таки комфортно. Уже это одно

доказывает, что минувшее, ушедшее — всегда лучше настоящего, каким бы оно не было. И, в свою очередь, подсказывает нам, что жизнь — всегда и любая — есть нелёгкий труд. И труд немалый. Если бы не свойство нашего мозга стирать из памяти страшное, негатив, жить было бы невозможно.

Порою на судьбу нашу выпадают будничные, незаметные, но великие подвиги, о которых так никто никогда и не узнает. По прожитым годам мы смотрим на эти труды наши как бы с берега в бурю на тонущие корабли...

«Настоящее уныло <...> Что пройдёт, то будет мило», — гениально заметил А. С. Пушкин. То же понимают и напоминают нам о том же и святые Православия. О том, что жизнь — великий труд, знают именно они, и лучше многих из проживших.

Силуан Афонский, когда у него диагностировали рак, пустился в пляс. Старцы благодарили Бога, когда чувствовали отпуст. И это не слабость. Они понимали, что отработали уже свою страду в этой жизни, что Бог отзывает их из мира заслуженно. Бог призывает, значит, пора и отдохнуть. «Нет, нет, пора костям на место...» — говорила моя бабушка по матери, прожившая длинную жизнь, оставшаяся вдовой в двадцать лет после войны с детьми... «Нет, нет, пора, пора... под тополя».

Но человек, едва ли не каждый, старея, держится, хватается за ветхое своё жилище, за бречное тело своё. Ему, этому человеку, приготовлены уже хоромы светлые на высоте, в Свете, в Покое и в Радости. А он — нет, мёртвой рукой вцепляется-держится за то, что есть, за убогое, старое, больное и нищее. «Но крепко вцепались мы в нищую суму...» писал Есенин, который и в двадцать был уже по-крестьянски умудрён талантом от рождения, как бы впитал опыт поколений крестьян-«христиан».

Нельзя отказываться от жизни в духе. Конечно, вряд ли убедит это рассуждение, но подумать есть над чем...

* * *

Язычество Европы окончательное, полное уже. Возврата нет, точка невозврата пройдена. Шаржи на Христа и на Магомета — легко, и чтобы отстоять это странное право сумасшедших карикатуристов похабными рисунками оскорблять миллиарды людей, за это «право» выходят правители европейских государств и выводят тысячи ошалевших в Париже единомышленников... А и всего-то требуется не задевать того, что свято для других, зачем? Разве мало тем для шаржей? Какие это странные рельсы «цивилизационной демократии», которую они постоянно экспортируют всем, навязывают, внедряют по всему миру, странам, которые их вовсе не просят об этом экспорте атеистических и релятивистских идей. И вот доэкспортировались уже до того, что и у самих ничего не осталось, никакой демократии в том виде, в котором её понимали бедные древние греки, сочинившие это государственное устройство.

Репортаж по ТВ о покупках в Европе ёлочных игрушек. В Европе, где празднует Рождество Христово, никто даже не упоминает уже, что Рождество это именно Христа, спасшего, спасающего мир от тлена и разложения уже при физической жизни. Только один из нескольких продавцов упомянул в Германии об этом, а упомянув, сказал: «Он Воскрес!» — и стремительно, точно скрываясь с места преступления, убежал в свой европейский магазин. Оказалось впоследствии, что это грек-эмигрант, и именно потому он так эрудирован и храбр.

Говорят, что в Америке-де больше верующих: из протестантов, католиков. На Пасху — вечеринка с Бараком Обамой, Анджелиной Джоли, Клинтонами и другими известностями, без упоминания даже словом о Пасхе Христовой, с плясками дикарскими, аттракционами и крутой попойкой.

Америка — это какая-то обнаглевшая вконец, железно-громадная деревня, с утвердившейся плебейско-языческой цивилизацией, раненой психикой, истинно «железобетонный Моргород», вечно чем-то обиженная, недовольная деревня, выстроенная ввысь. Целая страна с психологией глубокой провинции. Не оттого ли там вечно доказывают (и себе и другим) собственное превосходство. И утверждают, как только могут утверждаться вечно неуверенные в себе подростки или стареющие, недалёкие сумасшедшие. Поразительны их вечно улыбающиеся, всем будто бы довольные физиономии и настрйо: кому-то неведомому всё время доказывать свою состоятельность, отменную дееспособность и подчёркивать, что всё у них будто бы «о-кей».

Срамные пляски-канкан, всегда оскаленные «приветливо» зубы и пожирание напоказ килограммами и поштучно то червей, то саранчи, то горы бургеров, то огромных тараканов... И всё за доллары, всё за бумажку, на которую сожрав какую-нибудь тварь, чтобы тебя стошнило, ты приобретёшь ещё один пылесос или ещё одну блузку и всю жизнь потом будешь сотрясаться от брезгливых и унижительных воспоминаний о той холодной и шевелящейся во рту мерзости, которую ты был принуждён жевать под камеры, под хохот и крики. Вспоминать этот несмыслимый позор перед собственной совестью, эту алчность, эту подлейшую дурь свою — всю оставшуюся жизнь!

Что это за «менталитет»? Непонятно. Смотрю на «празднование» их Пасхи — праздника «без названия» и укрепляюсь в своей уверенности, что эти точно уже не успокоятся, пока не наделают чего-то действительно страшного в окружающем мире. Пришла их пора: в Ливии ли, в Сирии, в Грузии, на Украине, какая разница — не успокоятся, пока не запнутся о порог до крови... Они, эти янки, так и остались нацией подростков-дикарей, сбежавших от родителей и мстящих им за свою умственную и духовную несостоятельность, неполноценность. Акселераты, умственно незрелые, с огромными горами мышц, с атомной бомбой, семьдесят процентов мировых ресурсов пожирающие для прокачки этих мышц, но не знающие совершенно, что такое совесть и Бог. Даже напротив — регистрирующие и позволяющие сектам сатанистов быть и называться религией наряду с христианством.

Эта никогда не воевавшая на своей территории общность, никогда, по сути, не голодавшая (великая депрессия не в счёт, она не сравнится с потрясениями и войнами, которые настигали Европу и Россию) — общность авантюристов в пятом колене, сбежавших от суда и войн из Англии, убеждённых глобалистов и узников собственного мнения о своей сверхдержавной акселерации, занятая лишь приобретательством, связанная лишь длинным долларом... Эта общность не может и никогда не сможет ни воспринять, ни почувствовать Божьего замысла о мире, о каждом из рождённых в этот мир, потому что не ищут они следов и намёков на этот замысел, на промысел, на само бытие Божье. А без таких поисков и сама жизнь человеческая — горсть пепла, не более того.

Стоит только взглянуть на их атаки магазинов в дни «Благодарения», когда снижаются цены — они сметаю с витрин всё подешевевшее, бьют, дают друг друга. И здесь — самая суть их бытия, а ведь это — сытое общество с самыми высокими доходами на душу населения!

Нравственные инвалиды от рождения. И что не скажи об этой стране — будет истинной правдой. Зачем же им и Пасха Христова? Они изгнаны были не только из Рая Богом, но убежали и от традиций, и от обязанностей, от совести. И теперь кичатся своей «самобытностью» — хотя какая самобытность в стране без корней. Большой театр в Москве — ровесник Америке!

* * *

Проигранное соревнование Трамп-Клинтон... Какое беспробудное, дикое мещанство: «госпожа» Клинтон достойна баллотироваться в президенты Америки в 2016 году, в сущности, лишь потому, что она когда-то очень давно... пострадала. Она была обманута мужем Биллом Клинтоном, изменявшем ей в том же Белом доме, в тех же кабинетах, куда так стремилась попасть теперь и она сама! Грудастая девица Моника Левински, нанятая в Белый Дом, в Овальный кабинет стажёркой, уверенно доказала девять раз «использования» её. Клинтон же, краснея, клялся, что ничего подобного не было и быть не могло. Ущербная жена развратного мужа Хилари буд-то бы утёрлась и даже внешне «сохранила» брак. Но по всему её поведению видно, как ущемлено её самолюбие, как она мстит всему миру и особенно мужчинам. Эти походы к колдунам и колдуньям, подруга Хума Абедин, недалёкость её — Америка была «достойна» такого правления. И как «узок круг» избираемых в президенты: то муж, то жена...

Как не хватает всем этим американцам-избирателям старика Фрейда с его психо-сексуальностью маньяка, чтобы вправить им мозги и многое объяснить — истинно не в их пользу. Уже один обиженный и невменяемый, сексуально извращённый психотип «руководил» нацией германцев. Мир запомнил его навсегда. Это был Адольф Шикльгруббер. Старая дама 67 лет, «демократка» рвалась войти в историю, выделяясь из толпы не только длиной и сиянием своих рогов, которые наставил ей муж Билл. Она хочет и дальше экспортировать по всему миру ту именно демократию, которой не осталось уже в самой Америке — всю перетасили в разбомблённые и разрушенные города и страны, куда янки вовсе не звали. Этот приём везде одинаков: вот вам «демократия» по-американски, а теперь — выживайте, как хотите! Так было в Сербии, в Иране и Ираке, в Ливии, в Египте, на Украине... «Демократическая» партия США внесла за победу Хилари 2, 5 миллиарда долларов залога. Для сравнения, за Обаму было внесено 1,1 миллиарда, за Мита Ромни — 1 млрд.

Всё-таки Америка поразительно зажавшаяся за счёт других стран «дурно-штатия»: ну, какую русскую бабку в 70 лет, даже загримированную под молодуху, заставишь «баллотироваться в президенты»? У неё внуки, которых она любит, у неё щи кипят на плите, а эта... Нужно быть убеждённой дарвинисткой, чтобы на это пойти. Америка, потребляющая более 40 процентов всех мировых ресурсов, захлавившая планету отходами, нанявшая в работники Китай и погрузившая этот рабочий цех-страну в ядовитый смог отходов — Америка сходит с ума. Это сумасшествие угрожает планете страшными последствиями в самое ближайшее время.

* * *

Подмосковьем на электричке. Октябрь месяц. Вечереет, и время от времени капли косым пунктиром чертят стекло. Проезжаю посёлок, который отчасти строили итальянцы ещё в XVIII веке. Теперь и не верится, что было когда-то время и европейцы почитали за честь подзаработать в России. Строителями, гувернёрами — и работали (с большой благодарностью!) за рубли.

Еду полями, когда-то заповедными, а теперь сплошь застроенными коттеджами, иные — безвкусной планировки, похожие на каменные мешки или камеры-изоляторы.

Мужичок с рюкзаком тяжело вышел на платформу, сился, вскинул рюкзак на плечи. Дачник. Вскидывая тяжесть, от усилия и старания топнул ногой в резиновом сапоге прямо в луже. Лужа расплескалась, и тут же голуби на платформе вспыхнули

белым исподом крыльев, захлопали, поднялись к небу. Три сизаря. Лужа пролилась в ручеёк, подхватила белое голубиное перо, потащила куда-то, как судьба тащит бренную жизнь человеческую...

Мужичок шёл, щурясь, вглядываясь в жёлтые дали осенних берёз, в гущу лимонно-жёлтой и уже начинающей багроветь листвы, в пятнистую заросль осин. Низкие заброшенные дачки под трещавшими кронами и «коронами» разряда в сыром воздухе высоковольтных ЛЭП, заброшенные хибары и сараюшки, если только можно назвать сараюшками навесы из неструганного горбыля в пять-шесть досок, кое-как отгороженные от бомжей ржавой колючей проволокой и ржавыми же остовами панцирных кроватей и тут же вбитыми брёвнами, досками. Это огородики вдоль железной дороги под ЛЭП. Видно, забраны они самозахватом, чтобы хоть как-то прокормиться простому люду: под посадку картошки. Работы в подмосковных городах нет никакой. Утренние электрички — битком в Москву. Там местный русский люд соперничает в наёмной дешёвизне рабочих рук с приезжими из дальних краёв вахтовиками. Контролёров-ревизоров по десять человек на вагон электрички. А где на всё про всё денег взять? А пенсионерам? Пенсии едва ли хватит самому, прокормиться. Вот и «самозахваты» под огороды. Смешные, с горькими слезами от взгляда на эти огородики...

И тут — тронула электричка, и навес над платформой вдруг распахнулся, открылся виширь, в самую даль и в небо: не дом, а усадьба новоиспечённого дворянчика-олигарха. Дворец с башней рыцарских времён, с лифтом, бассейном, мансардой (теперь это модно называть «пентхаусом») — в четыре этажа. С гаражами, со скатами под землю, с фонарями в виде круглых шаров в одном метре от земли — по европейской моде. А по периметру дома-дворца какие-то голые гипсовые Дианы с кувшинами на плечах у фонтанчика, а за ними следом — ещё дачка. И ещё — какого-то пресыщенного, вероятно проворовавшегося человечка с натянутым на заборе объявлением: «продаётся».

Так и живём: и за Сирию имеем право вступить против американской военщины, и «результаты приватизации пересматривать не будем». Что же ждёт нас, страну, где всё на виду, но ни честь, ни право не действуют?

И не боятся они, эти новоявленные «дворянчики» ничего. А между тем ровно сто лет тому назад изголодавшийся люд взялся за вилы. Сто лет тому, как Россия покати-лась под откос из-за безмерной пропасти между богатыми «барчуками», гнавшими по Москве в Яр, и голодными, замерзающими семьями работного люда. Сто лет прошло. Ничему не учит история, и вот опять бездна между «классами». Камеры видеозаписей, звонки с предварительным оповещением хозяйчиков, лампы на светодиодах, чтобы разом вспыхивали. Нет, брат, всё это не поможет тебе, не поможет и охрана в пятнистой форме на КПП, если голодный люд заскучет по твоим погребам и твоему сверхдостатку. Кто не желает делиться малым, тот теряет всё...

Так что же они, или так глупы навеки, или напротив, умны? А, может быть, близоруки? Или мудры, но как-то не по-русски? Я вышел вслед за мужичком на платформу, а вокруг этих «дворцов» нищета-а-а! Голимая, крошечная. А ведь это не омская, не томская область, не пермские пустынные просторы, это почти что Москва!

Мужичок скинул рюкзак, долго стоял, прищурившись, на платформе, глядя из-под руки вдаль. Потом загнул голенища сапог, и полез в болотину. Выломал там себе батог на дорожку и вдруг крикнул мне, оглянувшись, крикнул властно, как пристало бы и самому Пугачёву (что меня удивило, крикнул незнакомому как родному): «...Эй, милый, пособи-ка с рюкзачком, кажись, лямка оторвалась!» И мы, закинув рюкзаки повыше, потопали мимо забора-дворца-фазенды какого-то «нового» русского, каж-дый по своим делам...

По дороге, словно себе самому, но так, чтобы я слышал, он говорил:

— А я не завидую им. Пятиметровые заборы, боязнь за жизнь... Скучно, страшно. И ещё немного пройдя, то ли этим дворцам, то ли самому себе:

— Так, господа, знать, поживём ещё? А? Поживё-ом!..

И столько силы, плотоядной какой-то злобы было в этих словах, сказанных врасстег: «по-жи-вё-о-м»! Не зависти, а именно злобы, что я невольно подумал: «Да уж не Пугачёв ли и впрямь это, Степан ли Разин или сам Болотников воплотился?». Коллективное бессознательное страшно оживает на полях моей страны. Слышат ли хруст орясины, в болоте выламываемой, во дворцах, на Манежной? Ох, вряд ли...

* * *

Необычное, неординарное влияние творчества, творческого процесса — на людей, обладающих настоящим даром, людей носящих в себе искру Божью. Оно или сжигает, изнашивает и нередко калечит, убивает человека (Ван Гог, Моцарт...), или, напротив, способствует долгожительству, придаёт смысл, стать и даже вкус бытию творческого человека (тоже, конечно, не без срывов и терзаний), охраняет и поддерживает существование творца и художника в этом бренном мире: (Толстой, Леонардо да Винчи, Тициан...).

* * *

Все люди, каждый из нас, приходят на эту землю, чтобы решить свои задачи. Найти свои ответы через боль и скорбь, холод и отчаяние. Но ответ на решённые задачи должен совпасть с ответами Божьими. А чтобы сошлось с ответом Божьим, указанным в конце задачника, необходимо задачник дорешать до конца, от корки до корки. У кого-то нет ума. У кого-то воли, у кого-то и того и другого. Четвёртый — не даёт труда себе даже и задуматься. А между тем многие, даже и до глубокой старости в полном умственном здравии дожившие, не только не в состоянии успешно решать свои задачи, но даже и просто не в состоянии понять сам смысл того или иного вопроса. «Что требуется отыскать?». (Не говорю уже, что принять за неизвестное и обозначить: «икс, игрек, зет»). Но как же это странно! Не может же у жизни, этого строго и больного явления, не может же быть таким низким «КПД» по осуществлению Божьего замысла о человеке.

И вот ноябрь. И листья, и яблоки в саду под окнами опали. Деревья голые, сиротски продуты и костяно, мёртво качаются под ветром. Но наверху — болтается одно яблоко, штрифель. Как же и почему же лишь оно одно и не упало? Непонятно.

Птицы, подлетая, проклевали это яблоко насквозь. Но оно не падает. Болтается от ветра, как теннисный мячик, скачет, как привязанное, но не падает... Какова его задача? Кормить ли собою, телом своим птиц? Или это дело случая: дожить, довисеть до невероятных заморозков? Или не зависит ни от чего? Или это яблоко — оно этакий «Прометей» растительного мира, бунтарь, саможертвенность которого очевидна? И, уж тем более, вопросы: так счастье ли вот это такое долгоительство, когда клюют и используют многочисленные замёрзшие птицы ли, дети ли, внуки, правнуки — благо ли? Решение ли это итоговой Божьей задачи, даже и практический экзамен? Не яблоком ли, таким же проеденным, доживали и философы многие, и ослепший А. Ф. Лосев или В. Шаламов, или Д. Лихачёв? А во многих семьях старики? Но это примеры и приметы всем нам: «держаться за ветвь жизни до последнего», по не постижимой для нас воле самого Создателя.

* * *

Какое несчастье для человека его душа! Эта субстанция — удивительнейшая сущность, сколок Бога, божественного зеркала, вживлённая в плоть живого. Но вживлён этот «сколок» необработанным осколком. Колючим. Стеклянным. Острым. Не дающим покоя. Постоянно напоминающим о себе острой болью, присутствием совести, неудобствами размышлений. Сравнениями. Рефлексией.

Невероятное смешение человека и животного. Этот Кентавр, постоянно мучимый сомнениями и поисками высшего порядка, и — самыми низкими плотскими желаниями. Какие сомнения по поводу Любви Божественной в этой боли от осколка и смешения сущностей посещают людей! Какие страсти терзают их по системе координат «свой-чужой» и по их «животной» сущности... Есть у Шопенгауэра метафора о человеческой воле — в виде терзающего самого себя великана, наносящего самому себе увечья. Я бы добавил, что он, этот великан (и даже именно Кентавр!) терзает себя, пытаясь вырезать и вырвать этот драгоценный, острый и болящий осколок из своей плоти.

* * *

Ребёнок трёх лет, девочка, внучка. Прибежала ко мне, просит развернуть карамельку. Дала и ждёт. Я разворачиваю эту карамельку, освобождаю от слипшейся бумаги и вижу столько счастья от ожидания гостинца, что мне вдруг становится чрезвычайно, почти до боли жаль её! И сердце моё вдруг так разогревается, таким сочувствием к ней, к её простоте и безобидной радости от сущего пустяка, от конфетки. Я осознаю вдруг, какая дорога «из жёлтого кирпича», дорога длиною в жизнь ждёт её, сколько всего и всякого ей суждено пройти, что становится так мучительно-нестерпимо... Я нахожу ещё конфетку, и угощаю её ещё раз. И вновь столько счастья и столько невыразимой радости! Как же мало, ничтожно мало надо для счастья вот этим маленьким безобидным и трогательно-наивным людям, детям. Конечно, и огорчить их может тоже любой пустяк, и огорчить невероятно глубоко...

А ведь и я (теперь в это даже и не верится, так это было давно!), был таким же простым и наивным. Что и куда делось?...

Послушайте, я точно знаю, что все мы и каждый из нас вот так же просили у Бога благословения родиться на этой земле, как она, эта девочка, ждёт от меня конфетку. И мало того, мы ждали от Него этого подарка: прийти в эту жизнь — точно так же, как моя милая и маленькая Соня ждёт конфетку из моих рук... И мы Ему разве не казались наивными до слёз, до трогательного жаления нас? И не от этого ли «воспоминания» души так защемило моё бедное сердце много прожившего уже человека?..

МИМОЛЁТНОЕ ЧУДО РЕАЛЬНОСТИ

*Всё, что мило, зримо, живо,
Повторяет свой полёт,
Если ангел объектива
Под крыло твой мир берёт.
Арсений Тарковский*

Конечно же, я не профессиональный фотограф. А вот фотолюбитель со стажем — точно. В далёкие пятидесятые годы прошлого века, в одиннадцатилетнем возрасте я впервые познакомился с фотографией, а гораздо позже осознал, что она — вид искусства. Первые фотоаппараты: Фотокор, Любитель, Смена, позже — ФЭД, Зенит, были постоянными спутниками в быту, манили отображать в чёрно-белом цвете окружающую жизнь. Вначале завораживал сам процесс появления фотографии, который хотя и был сложным и затратным, но интересным, радостным, бескорыстным при общении с людьми, фауной и флорой. В тот период (практически до начала 21 века), каждый фотолюбитель должен был знать и уметь пользоваться не только фотоаппаратом, на котором в зависимости от погоды и освещения нужно было устанавливать определённые выдержки и диафрагмы, но и фотоувеличителем, красным фонарём, ванночками, ретушировать, глянцевать и т. д. Правильно выбирать фотоплёнки, контролировать, экономить мизерное количество кадров, на ощупь заправлять плёнки в кассеты и фото-бачки, пользоваться фотобумагами разной светочувствительности. При печати, в зависимости от плотности негатива проектировать на фотобумагу нужное количество света, аккуратно пользоваться и внимательно следить за действиями реактивов: проявителя, закрепителя, длительное время находиться и ориентироваться в темноте. Теперь для занятий любительской фотографией все обстоятельства выглядят гораздо проще, легче, дешевле. Вмонтированные в телефоны и простые, доступные по ценам фотоаппараты — «мыльницы» позволяют моментально, многократно и в любом количестве, без особых материальных затрат, труда и времени, делать вполне приемлемые фотоснимки, затем сортировать, распечатывать их и хранить в определённых папках компьютера. А потому, мне, например, становится несколько грустно, даже обидно, когда вижу заваленные фотомусором сети «ВКонтакте», «Одноклассники», безоглядно переправляемым во все концы света. Публикуются сотни тысяч небрежных, поспешных, безликих, не продуманных, зачастую бессмысленных и безнравственных снимков — не имеющих никакого отношения

ФОТОВЕРНИСАЖ ВИКТОРА ГЛАДКОВА

50 лет вместе

Дача, райский уголок

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Колесо

Елабуга под охраной

Зимний подсолнух

К Цветаевой

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Восход радует

Перспектива

Зигзаг

Завсегдатаи

Я шагаю по Елабуге

Грибная радость

Без них бывает грустно...

Хозяйка ярмарки

Я шагаю по Елабуге

Выстроились...

к понятию — фотография. Мелькающая бесконечная родня, глупые посиделки и застолья с рожками из пальцев над головами, мнимые обнажённые телесные ценности, дурацкая форма нарциссизма — селфи, а также безграмотная, пустая лексика: клацни, сфоткай, фоткни — возмущают и раздражают. Ведь хорошая фотография, не обязательно должна быть сделана дорогостоящей, навороченной камерой при мощном объективе. Главное, чтобы она отражала чудеса повседневной жизни, останавливала ускользящее мгновение, подбирала факт, который может потом жить вечно в любой точке мира. Нет правил — как сделать хорошую фотографию, есть просто хорошие фотографии. Стихи ведь возникают спонтанно и рождаются из случайно услышанного слова, или промелькнувшего созвучия. Так и фотография рождается спонтанно по воле случая и, как правило, характеризует глубину чувств, нравственную позицию и кругозор самого фотографа.

Для меня хорошая фотография — это искусство наблюдения, постоянный поиск чего-то интересного, когда хочется запечатлеть и сохранить мимолётное чудо реальности, которое тут же становится частью прошлого. Будь то чудный уголок природы, момент ли из жизни животного мира, портрет друга или неизвестной старушки, фрагмент какого-либо социального изъяна или многообразие цветочной красоты.

Это уже стало привычкой, а вернее желанной потребностью. Приобщил я к этому благородному, творческому занятию и свою супругу — Тамару Михайловну, которая уже на протяжении трёх лет, «специализируется» на том, что «ловит» в объектив и подтверждает затем зримо величие церковных храмов, восхитительные образования солнечных восходов и закатов, незаурядные наряды облаков и прелести камских просторов.

На восьмом десятке лет мы с ней регулярно гуляем вдвоём с двумя фотоаппаратами: CANON и NIKON, ищем и находим цели, которые потом будут называться фотографиями. Это доставляет нам тихую радость и душевный покой. Того и вам желаем.

г. Елабуга.

Редакция журнала «Аргмак» поздравляет своего надёжного друга и соратника-автора, Виктора Петровича Гладкова, с 75-летием, желает ему и его верной супруге Тамаре Михайловне долгих лет плодотворной жизни и новых открытий в искусстве фотографии.

К СТОЛЕТИЮ ПОЭМЫ БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

ПЁТР ТКАЧЕНКО

«В СОГЛАСИИ СО СТИХИЕЙ...»

С поэмы Александра Блока «Двенадцать», написанной в январе 1918 года, начинается русская литература советского периода истории. Поэма была опубликована 3 марта в петроградской газете «Знамя труда» между там же опубликованными — статьёй «Интеллигенция и революция» и стихотворением «Скифы». Поэма создана в краткий период мощного творческого подъёма и всплеска, вызванного революционным потрясением. По словам самого поэта, «в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносившийся революционный циклон производит бурю во всех морях», во всех областях жизни, и прежде всего — в человеческих душах. Это был для поэта период трудных дум и страшных мыслей о крушении мира, страны, человеческой личности. Закончив статью «Интеллигенция и революция», он делает 9 января пометку в записной книжке: «Выпитость. На днях, лёжа в темноте с открытыми глазами, слышал, гул, гул: думал, что началось землетрясение». Разверзшаяся бездна, пытала дух и всё его существо, как никогда... Воспалённый разум, стремясь сблизить берега этой бездны, пытался постичь то, что же именно происходит, пытался разглядеть, что же свершается на самом деле...

Два с половиной года спустя, вспоминая этот мучительный период, А. Блок отметил в «Записке о «Двенадцати» 1 апреля 1920 года: «В январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно написано в согласии со стихией; например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, будь они враги или друзья моей поэмы. Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике». И, словно предвидя, какие кривотолки будут идти вокруг его поэмы, добавил: «Посмотрим, что сделает с этим время».

Уже в 1949 году, в Париже, Георгий Иванов писал о том, что вокруг Блока ещё долго будут идти противоречивые толки. Если теперь не идут, то лишь потому, что в России он забыт как «несозвучный эпохе», а в среде эмиграции — «в силу всё возрастающей усталости и равнодушия ко всему, кроме грустно доживаемой жизни». И пророчливо утверждал: «Но когда-нибудь споры о личности Блока вспыхнут с новой силой. Это неизбежно, если Россия останется Россией и русские люди останутся русскими людьми».

А толки и кривотолки вокруг «Двенадцати» начались сразу же после её опубликования. И вызваны они были, прежде всего, смятенностью душ и расстроенностью

сознания. Ведь это было время, когда по словам Андрея Белого, «появись *«Нагорная проповедь»* в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения *«большевизма»* или *«антибольшевизма»*. Люди ведь, как правило, требуют от поэта служения тому, чему они служат сами — зримому, внешнему миру. А дело поэта неизменно, оно незримо и крылато.

Но толки вызваны были и самим характером поэмы, тем, что она, как и всякое великое творение, не позволяла рассматривать себя с точки зрения хулы или хвалы действительности. Как, впрочем, и с точки зрения принятия или непринятия революции...

Большевистская власть относилась к *«Двенадцати»* насторожённо — она считала, что Блок ставил старые символы у врат новой действительности. Для тех, кто боролся с большевиками, Блок «кошунствовал», ибо именем Христа освящал революцию, разбойников: «На спину надо б бубновый туз!». И те, и другие были по-своему правы, в силу своего политического разума. И те, и другие не прозревали того, что было постигнуто и изображено поэтом.

Уже через шесть дней после публикации поэмы, которую жена поэта Любовь Дмитриевна Менделеева читала на поэтических вечерах, Блок заносит в записную книжку: «О. Д. Каменева (комиссар Театрального отдела) сказала Любе: стихи Александра Александровича (*«Двенадцать»*) — очень талантливые, почти гениальное изображение действительности, Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся. Марксисты умные, — может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?».

Между тем, поэт изначально почувствовал в большевиках больше энергии, чем в их противниках. В письме к Л. Д. Менделеевой 28 мая 1917 года задолго до революционного переворота, он сообщал: «Есть своя страшная правда и в том, что теперь носит название большевизма». «Страшная», видимо, потому, что это неизбежно влекло за собой радикальное переустройство жизни, которое благостным и безболезненным не бывает. А в ходе работы над поэмой, 18 января 1918 года записывает в дневнике: «Вот что я ещё понял: эту рабочую сторону большевизма». И чуть позже, 31 января: «Октябрьский переворот всё-таки лучше февральского (немного пахнет самодержавием)».

10 марта А. Блок размышляет в дневнике в связи с реакцией властей на поэму *«Двенадцать»*: «Марксисты — самые умные критики и большевики правы, опасаясь *«Двенадцати»*. Но... трагедия художника остаётся трагедией. Кроме того: если бы в России существовало действительно духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы «учло» то обстоятельство, что *«Христос с краснойгвардейцами»*. Едва ли можно оспаривать эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нём. У нас, вместо того, они «отлучают от церкви», и эта буря в стакане воды мутит и без того мутное (чудовищно мутное) сознание крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции. *«Красная гвардия»* — «вода» на мельницу христианской церкви (как и сектанство и прочее, усердно гонимое). Как богатое еврейство было водой на мельницу самодержавия, чего ни один «монарх» вовремя не расчул. В этом — ужас (если бы это поняли). В этом — слабость и красной гвардии: дети в железном веке; сиротливая деревянная церковь среди пьяной и похабной ярмарки. Разве я «восхвалял»? (Каменева). Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на *этом пути*, то увидишь *«Исуса Христа»*.

Были и расхожие суждения о поэме бульварной прессы. 14 марта А. Блок отмечает в записной книжке как «Угрюмый день». И вклеивает вырезку из газеты «Петроградское эхо»: «За последнее время Блок написал целый ряд стихов в большевистском

духе, напоминающих солдатские песни в провинциальных гарнизонах. То, что Блок сочувствует большевикам — его личное дело. В своих убеждениях писатель должен быть свободен, и честь и слава тому, кто во имя этих убеждений смело идёт против течения, — но зачем же писать скверные стихи? Когда любят девушку — ей несут в виде подарка золото и цветы, и никто не несёт кожуру от картошки».

Но помимо всех этих толков была и реакция «общественного мнения», «бюрократии общественной». Эта реакция, как и всегда у нас со времён Пушкина и Лермонтова была самой не безобидной... После статьи «Интеллигенция и революция» 22 января: «Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья «искренняя, но нельзя простить». Господа, вы никогда не знали России и никогда её не любили! Правда глаза колет». В неотправленном же письме З. Гиппиус он писал, что «нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й». «16 февраля. Г-н Пришвин ханит меня в «Воле страны», как не хаял самый лютый враг». («Большевик из балаганчика»). Правда, потом, многие годы спустя М. Пришвин раскаиваясь, сам удивлялся тому, как он мог не разглядеть того, что так глубоко и ясно было постигнуто А. Блоком... 13 апреля поэт отмечает в записной книжке: «А З. Н. Гиппиус меня и за человека не считает». Она под именем Антона Крайнего в вечерней газете «Новые ведомости» публикует статью «Люди и нелюди». О представителях художественной интеллигенции, сотрудничающих с Советской властью, Блоке, Бенуа, Есенине там было сказано: «Они не ответственные. Они — *не люди*».

13 мая на вечере «Арзамаса» в Тенишевском училище, где Любовь Дмитриевна читала «Двенадцать», отказались участвовать Пяст, Ахматова, Сологуб. Именно поэтому, что читалась поэма. А ранее, 17 марта Андрей Белый пишет А. Блоку острого и тревожного письма: «Читаю с трепетом Тебя. «Скифы» (стихи) — огромны и эпохальны, как «Куликово Поле». ... По-моему, Ты слишком неосторожно берёшь иные ноты. Помни — Тебе не *простят* «никогда»... Кое-чему из Твоих фельетонов в «Знамени Труда» и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим. Помни: Ты всем нам нужен в... *ещё более* трудном будущем нашем... Будь мудр: соединишь с отвагой и осторожность».

И ведь не простили-таки (см. «Пред ликом родины суровой я закачаюсь на кресте». *О тайне смерти Александра Блока*. В моей книге «До разгрома и после него», М., «У Никитских ворот», 2016).

Примечательно, что А. Белый видит опасность, грозящую поэту не за поэму «Двенадцать», не за «кошунство», а за стихотворение «Скифы». Ведь в этом стихотворении А. Блок постигает совершенно новое положение России в мире, то, что он определил как «Азия — Европа». Среди почитателей и друзей поэта ходило мнение, что «Двенадцать» соответствует «Медному всаднику», а «Скифы» — «Клеветникам России». И это действительно так. Неслучайно наши неолибералы и до сих пор не могут простить Александру Блоку «Скифов». Во всяком случае, в начале 90-х годов ни в чём не усомнившись, демагогически поносили его за якобы торжество грубой физической силы. Пред этим и «кошунство» поэта в «Двенадцати» забылось...

Но вернёмся к поэме. Само название её и то, что красногвардейцы идут за Христом, их имена — всё говорит о том, что поэма имеет Евангельскую основу. Блок, всю жизнь читавший Евангелие, приступая к поэме, вновь перечитывает его. 10 января записывает: «Мама прислала Евангелие». В высшей мере примечательно, что не до написания поэмы, а уже потом, когда она была создана, у поэта появляются «*страшные*» мысли. 18 февраля он отмечает в записной книжке: «Что Христос идёт перед ними — несомненно. Дело не в том, «достойны» ли они его, а страшно то, что опять Он с ними, и Другого пока нет; а надо Другого? — Я как-то измучен...». 20 февраля заносит в дневник: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы

«не достойны» Иисуса, который идёт с ними сейчас, а в том, что именно Он идёт с ними, а надо, чтобы шёл другой».

Эти думы о Другом, безусловно являются неким распространённым в обществе богоискательским влиянием и поветрием, которое всегда есть первый шаг к атеизму. Но поэт после страшных и мучительных мыслей оставляет Христа с народом. С таким народом, каков он есть — истерзанным революцией, изверившимся и «кошунствующим»...

Но разве поэт и персонажи его поэмы кошунствуют? Если и кошунствуют, то как-то странно. Здесь нет богоборчества, так как с первых строк признаётся Божье устройство мира: «Ветер, ветер — на всём *Божьем свете!* И тема поэмы — не столько революционное шествие красногвардейцев «державным шагом», а — брань духовная, так как враг незрим: «Их винтовочки стальные / На незримого врага». Так неучтиво — о священнике: «Что нынче не весёлый, / Товарищ поп?» И одёргивание Петьки, чтобы он «не завирался»: «От чего тебя упас/ Золотой иконостас?». Но это ведь вовсе не о вере, не против веры, а скорее о земной Церкви. Бог не бывает поругаем, а с Церковью бывает всякое...

Вот она — драма русской жизни: «Мировой пожар в крови — Господи, благослови!» На мировой пожар, на революцию, атеистическую по самой своей природе, на право пальнуть пулей в «Святую Русь» испрашивается благословения... у Господа. Это кажется недопустимым, невозможным и невысказанным. Но в таком случае это — не «кошунство», а нечто совсем иное, разумом непостижимое. Какая-то иная вера... Как это просить благословения у Господа на такое? Это возможно лишь при условии, если человек остаётся с Богом. Неверующие, атеисты, нехристи к Богу не обращаются... Так трудно у нас в России оставаться верующим, правоверным. Нет спасу от указывающих «дорогу к храму»...

Россия гибнет? России больше нет? Да нет же: «А — ты всё та ж, моя страна/ В кра-се заплаканной и древней». А если революция — не гибель тысячелетней России, а закономерная трагедия, выходящая из её предшествующей трагедии? Да, народ оказался с атеистической властью. Так доняла его синодальная церковь. Разве не было у нас Раскола и не было трёхсотлетнего гонения за правую веру с такой жестокостью, до какой не доходили атеистические большевики. Когда читаешь «Двенадцать статей» царевны Софьи, кровь стынет в жилах. Это вам не двенадцать красногвардейцев, «без имени святого», со «святой злобой», которым «ничего не жаль». И будем всё же помнить о том, что патриаршество в России упразднено царём, а восстановлено Генеральным секретарём правящей партии...

Об этом главным образом поэма Александра Блока «Двенадцать». Об этом свидетельствует её финал, где — «И за вьюгой невидим/ И от пули невредим»;

*В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.*

Имя Спасителя дано в староверческом, старообрядческом написании — **Исус**, а не в позднейшем, никоновском Иисус... Как тут не согласишься с Осипом Мандельштамом, писавшим: «Не надивись историческому чутью Блока. Ещё задолго до того, как он умолял слушать шум революции, Блок слушал подземную музыку русской истории...». Очевидно, что только для записных «патриотов», как прошлых так и нынешних, А. Блок всё ещё остаётся «декадентом». И они сдали его наследие на растерзание никонианцам и либералам. Разумеется, в их идеологических целях. Сдали тем, для кого народ в своей «святой злобе» представляется «падшим»... И они снисходительно спускаются к народу, дабы его обличить и вновь «исправить». Но кто спускается к народу, по словам самого поэта, тот проваливается...

Если красногвардейцы идут за Христом, олицетворяющим старую, правую веру, это значит, что идеалом человеческой жизни для них остаётся тот уклад, до Никонской «реформы», точнее до погрома Православной церкви. А то, что было после «реформы», до раскольничьего Собора 1666–1667 годов, подлежит революционному уничтожению. Значит они в своём революционном порыве разрушают не христианский мир вообще, но «старый мир» — «с попом», «иконостасом», но без веры... Поэтому у них «злота святая», какой она, вроде бы, и быть не может: «святая» — то есть, не беспричинная. Видимо, поэтому такой, казалось бы, верующий народ вдруг стал «атеистом». Его довели, допекли беспрестанными насилиями, пред которыми меркнут насилия революционеров, с сожжением на кострах, как в западной инквизиции... Иначе объяснить появление в поэме имени Спасителя в таком его написании, пожалуй, невозможно.

Очень важно, что богоборческих мотивов в «Двенадцати» нет, при всём при том, что герои поэмы «без имени святого». Есть антицерковные настроения, но это ведь не одно и то же, это ведь совсем не богоборчество и даже не атеизм: «товарищ поп», «иконостас» ни от чего не уступающий... Разумеется, без «посредничества» земной Церкви человеку никак не уверовать. И те, кто сетуют, что у этой Церкви много обряда и догмата и мало истинной веры, а потому — де они, как Моисей, обращаются к Богу «напрямую», тем самым демонстрируют своё безверие и духовную несостоятельность. А вот почему в народе эти антицерковные настроения оказались столь сильными, льющими воду на мельницу революционным разрушителям, на этот вопрос художник обязан ответить. И Александр Блок в своей поэме «Двенадцать» на этот вопрос отвечает. Не декларативно, конечно, а иносказательно.

Если в стихотворении «Скифы» А. Блок представляет новое положение России в мире (Азия и Европа), то в поэме «Двенадцать» он представляет новое положение и состояние человеческой личности в условиях разбушевавшейся стихии, («чёрного ветра»), с которой и царям не совладать. Как существо духовное, человек не может быть без веры. А значит богоборчество, атеизм выходом из этого положения не являются по определению. Это скорее срыв, крах личности, выход её за пределы своей природы, извращение пути своего на земле. Но если предстоит «переделать всё», значит надо заменить и Его? Значит, надо выбрать и другого Бога? Но нет другого символа веры, другого Спасителя быть не может, как не может быть служения иным богам, ибо это означает гибель личности: «Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились, и не стали служить иным богам» (Второзаконие, 11, 16). Другого не может быть так же, как не может быть выбора веры, ибо вера — не одежда, которую можно сбрасывать в зависимости от погоды, то есть от тех или иных условий человеческого бытия. Значит, должно быть *не другая*, а истинная, *правая* вера. И поэт после *страшных* мыслей, несмотря ни на что, оставляет народ с Христом.

Сам поэт колебался идти к Исакию. В одном из писем 8 января 1921 года к Н. А. Коган признавался со «слепнувшими от ужаса глазами»: «Поймите, хотя я говорю это, говорю с болью и отчаянием в душе; но пойти в церковь всё ещё не могу, хотя она зовёт». А в статье «Интеллигенция и революция» писал столь страстно, что от этого и до сих пор приходишь в смущение: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и клёнами господна показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью.

Всё — так.

Я знаю, что говорю. Конём этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности: а все, однако, замалчивают.

Я не сомневаюсь ни в чьём личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое отвечаем мы? Мы — звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? — Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать «лучшие». ...Дворец, разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли — не кремль. Царь, сам свалившийся с престола — не царь. Кремли у нас в сердце, цари — в голове. Вечные формы, нам открывающиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой».

Может быть, из этого уже извлечён урок и не пристало нам вспоминать старое? Как бы не так. Канонизирован же Максим Грек, осуждённый двумя церковными Соборами за еретическую правку богослужебных книг. Канонизирован к 1000-летию Крещения Руси. Ну называется же преподобный Иосиф Волоцкий российским, в духе либеральных газет, а не русским Чудотворцем... И «правка» в молитвы вносится, в которых «он уже *не русская, а российская* звезда (тропарь, глас 5). В этом всякий может убедиться по многим изданиям Иосифо-Волоцкого монастыря. Конём этого действительно не объедешь...

В «Записке о «Двенадцати» А. Блок писал: «Посмотрим, что сделает с этим время».

С поэмой «Двенадцать» сделалось то же, что и со всей русской литературой: по сути, изъятие её из общественного сознания и изгнание из образования, сбрасывание с «корабля современности» теперь уже иным, «рыночным» способом. Случилось со «временем». Опять — революция, как разрушение, но теперь уже криминальная и бескрылая. Без всяких не то, что идеалов, но и каких-либо порывов. Это — реабилитация всего самого низкого в человеке. Истребление всего живого. Безответственное потребление, а на деле — «печной горшок», который якобы всего дороже, и то — полупустой... Но ведь возрождается духовность — слышу возражение вышколенного лукавой информационной пропагандой обывателя.

Но так, по указанию и разрешению «дорога к храму» не обретается. Так она скорее теряется. На это можно сказать Евангельской мудростью, что «бес дважды в одном и том же облики не приходит». Или — стихами современного талантливого поэта Николая Зиновьева: «Ужасная эпоха. / За храмом строим храм. / Твердим, что верим в Бога, / Но Он не верит нам...».

Те, кто по своей порочности совершил это преступление разрушения страны, говорят, что социалистический «эксперимент» в России не удался, что мы семьдесят лет «падали». Но то, с какими остервенением и злобой, с каким обманом разрушался наш уклад жизни, стяжаемый такими трудами и жертвами, свидетельствует об обратном. Говорит о том, что потому он так нещадно и разрушался, что был неким новым шагом в человеческой цивилизации, что его следовало развивать и совершенствовать, а не отбрасывать и не ломать. Это подтверждается и тем, что разрушители взамен отброшенного ничего положительного предложить не смогли. Не смогли по самой своей упрощённой природе. И человека, сотворённого по Божьему образу и подобию, выделенного душой и разумом из природы, возвратили в стойло окаянства, в звериное состояние, когда «в человеке просыпается обезьяна» (И. Бунин).

И сколько теперь народных сил необходимо для преодоления этого срыва, зигзага истории, провала в нашем цивилизационном развитии... Этому всему укором незбылемо стоит поэма А. Блока «Двенадцать». Новой поэмы о новой революции нашего времени не появилось. О той и об этой революции, о всех революциях и сто лет спустя, продолжает говорить поэма Александра Блока «Двенадцать».

ТРИ ИМЕНИ

А.С. ПУШКИН

«Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России» — эти слова А. Горького в полной мере определяют роль, которую играет поэт не только в истории русской культуры, русской литературы, но и в становлении нашего национального самосознания.

*Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека
Залог величия его.*

Любовь к родному пепелищу (к месту, где жили и умирали предки) и к отеческим гробам — самой их памяти — вот то, на чём покоится самостояние любого из нас, если мы хотим быть достойными высокого звания человека. Так думал поэт, и так было с ним самим.

Литература конца XVIII — первой половины XIX века была, как правило, дворянской — не по содержанию своему, тут она с самого начала имела общенациональный характер, а по социальной принадлежности авторов, их происхождению. Исключения были редки: Жуковский, Полежаев. И роль дворянства в развитии русской культуры, русского просвещения осознавалась как ведущая.

Отношение Пушкина к своему происхождению, к своим дворянским корням было глубоко осознанным, более того — представлялось ему чрезвычайно важным.

И отец, и мать Пушкина — дворяне. Со стороны матери Надежды Осиповны Ганнибал основателем дворянского рода был прадед поэта Абрам Петрович Ганнибал, чернокожий невольник, мальчик, привезённый в Россию, по семейному преданию из Эфиопии. Выросший при дворе Петра I, получивший европейское образование, Абрам Петрович долгое время служил России в качестве военного инженера, получил, согласно законам того времени, потомственное дворянство и передал его своим сыновьям. Пушкин высоко чтит его память, неоднократно говорил и писал об этом; он увековечил его образ в неоконченном романе «Арап Петра Великого».

По отцовской линии род Пушкиных принадлежит к числу стариннейших русских родов и восходит к XIII веку. «Мы ведём свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского», — писал поэт в набросках к автобиографии. И далее: «Четверо Пушкиных подписались под грамотой о избрании на престол Романовых».

*Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил.
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями,
Из них был славен не один...*

И хотя к началу XIX века род Пушкиных перестал играть сколько-нибудь заметную роль в истории государства, обеднел и представлял так называемое «среднее» провинциальное дворянство, Пушкин гордился своим происхождением и особенно тем, что его «деды» получили дворянство не за интриги придворной службы: «Не торговал мой дед блинами, не ваксил царских сапогов».

*Родов дряхлеющий обломок
(И по несчастью, не один),
Бояр старинный я потомок...*

Бережное отношение к прошлому, «к отеческим гробам» определило и пристальное внимание поэта к истории государства, и раздумья над ходом этой истории, и его оценки прошлого и настоящего России. Друг многих декабристов, не отрёкшийся от этой дружбы до конца своей жизни, Пушкин в зрелые годы не разделял их взглядов и хорошо понимал, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества». Как бы ни складывались его личные отношения с государями-императорами (холодно-недоброжелательные с Александром I, весьма тесные, но далеко не однозначные с Николаем I), поэт признавал не только необходимость самодержавной власти, но и её благотворность для России: «Не могу не заметить, что со времён восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения». Идеалом властителя для него был Пётр I, «тот шкипер славный, кем наша двинулась земля, кто придал мощно бег державный рулю родного корабля».

Поэт гордился своим происхождением, тем, что в истории России был «род Пушкиных мятежный» («Борис Годунов»). Но он никогда не замыкался внутри своего сословия. Народ русский для него всегда источник гордости. «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смыслённости и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны». Пушкин писал, что потомки нижегородского мещанина Козьмы Минина и архангельского рыбака Михайлы Ломоносова имеют не меньшее право гордиться своим происхождением, чем потомки самого древнего и знатного рода.

А какова же, с его точки зрения, роль дворянства? Давид Самойлов, один из русских поэтов XX века, написал стихотворение «Пестель, поэт и Анна». В нём рисуется встреча Пушкина и декабриста Пестеля, о которой Александр Сергеевич писал в своём дневнике. Слова, которые Самойлов вкладывает в уста Пушкину, действительно тому принадлежат.

*Шёл разговор о равенстве сословий.
— Как всех равнять? Народы так бедны, —
Заметил Пушкин, — что и в наши дни
Для равенства достойных нет условий.
И посему дворянства назначенье —
Хранить народа честь и просвещение.*

Ф.И.ТЮТЧЕВ

«Если бы встала задача избрать из числа высших творцов мировой лирической поэзии даже самый узкий, самый тесный круг имён, имя Фёдора Ивановича Тютчева всё равно должно было бы в него войти, как бы мы этот круг ни ограничивали». Слова эти принадлежат одному из самых известных критиков и литературоведов второй половины XX века Вадиму Кожину. Впрочем, с таким мнением сейчас спорить уже никто не станет.

Мать Тютчева Екатерина Львовна была из рода Толстых (об истории этого рода речь впереди). Предки же поэта со стороны отца известны с XIV века. В древнерусском произведении «Сказание о Мамаевом побоище» подробно рассказывается о посольстве Захария Тютчева, которого князь Дмитрий Московский послал перед битвой в стан Мамаю — не столько для переговоров, сколько на разведку. Молодой Захарий блестяще справился с задачей, привёз важные сведения о союзе Мамаю с Олегом Рязанским и Ягайлой, участвовал в Куликовской битве и вошёл в историю, таким образом, как один из сподвижников Дмитрия Донского. Позднее один из предков поэта был воеводой при Иване III. В XVIII веке Тютчевы продолжали служить на военной службе, но они уже не занимали важных постов (прадед Фёдора Ивановича — петровский офицер, дед вышел в отставку в чине полковника). К концу XVIII века Тютчевы — провинциальные брянские помещики, достаточно состоятельные и хорошо образованные (такими были и Пушкины).

Вот что пишет о «среднем дворянстве» критик и публицист XIX века: «Вследствие нравственного движения, сообщённого грамотою 1785 года, за вельможеством стал возникать класс среднего дворянства... В царствование Александра Благословенного значение этого, во всех отношениях лучшего сословия всё увеличивалось и увеличивалось, потому что образование всё более и более проникало во все уголки огромной провинции, усеянной помещичьими владениями».

Тютчев был всего на четыре года моложе Пушкина; и всё же они принадлежали к разным поколениям. Этому способствовали некоторые обстоятельства биографии поэта и прежде всего долгая жизнь за границей. Фёдор Тютчев получил прекрасное домашнее образование, рано закончил Московский университет, поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел и в 1822 году, девятнадцати лет, выехал в Германию на дипломатическую службу. Он вернулся в Россию только в 1844 году. Потом, почти 30 лет, выезжал за границу очень редко и на очень короткие сроки. И всё же столь длительное пребывание в Германии и два заключённых там брака не могли не наложить отпечаток, не сделать его в определённой степени человеком Европы. Тем знаменательнее тютчевское восприятие России:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

В 1844–50 гг. Тютчев публикует в европейской печати ряд политических статей, вызвавших на Западе бурную полемику. Европа впервые непосредственно услышала голос России. Тема статей — Россия и Запад. «Истинный защитник России — это история; ею в течение трёх столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу», — пишет Тютчев, защищая от несправедливых нападок западной прессы Россию, русского солдата, российскую историю и политику. «Никто никогда ещё не осмеливался говорить прямо с Европою таким тоном, с таким достоинством и свободой», — замечал о статьях Тютчева его современник Аксаков, писатель и публицист.

В нашем сегодняшнем сознании Тютчев прежде всего певец русской природы. Мы помним со школьных лет: «Люблю грозу в начале мая...», «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора», «Чародейкою-зимою околдован лес стоит». Но лирика Тютчева, в отличие от его современника Фета, наполнена глубоким философским содержанием. Она тревожна; она полна ощущением приближающегося катаклизма. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», — говорит поэт. И хотя роковые минуты мира отделены от поэта ещё без малого целым веком, он, как и его современник и тёзка Фёдор Достоевский, ощущал их приближение. «Не плоть, а дух расстился в наши дни, и человек отчаянно тоскует».

И ещё он думает о России: о её предназначении, о её будущем.

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа.
Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.
Удручённый ношей крёстной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.*

Тютчев любит Россию верной, горячей и трагической любовью. Никто не писал о её «скудной» природе более проникновенно. Он любит Россию, как можно любить самого близкого человека, в которого бесконечно веришь. «Нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим», — писал Тютчев. И сейчас нам, людям начала XXI века, отделённым от этих слов полутора столетиями, их автор, как мыслитель и поэт, пожалуй, ближе многих других. Мы разделяем его боль, его ощущение катастрофичности мира, мы вместе с ним думаем о судьбах России, которая несёт свою крёстную ношу. Мы тоже верим в неё — и готовы разделить с поэтом его надежды:

*Чему бы жизнь нас не учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескучеющая сила,
И есть нетленная краса.*

А.К.ТОЛСТОЙ

«Двух станов не боец, а только гость случайный», — писал в своём программном стихотворении граф Алексей Константинович Толстой, поэт, драматург и прозаик. На дворе были бурные 60-е годы XIX века, время реформ, бурных конфликтов, политического и даже поэтического противостояния.

Мать А. К. Толстого была побочной дочерью вельможи елизаветинских времён Разумовского, в детстве и юности — украинского казака Разума. Братья Разумовские были приближены к императрице, осыпаны почестями, награждены огромным состоянием. Это о них иронически писал Пушкин в «Моей родословной»: «Мой дед ... не пел с придворными дьячками, в князья не прыгал из хохлов». Побочные дети А. Разумовского в начале XIX века были узаконены, получили дворянское звание и фамилию Перовские.

По отцу поэт принадлежал к знаменитой в русской истории фамилии Толстых.

К сожалению, у меня нет сведений об основателе рода Толстых (просто не нашлось необходимой справочной литературы). Как и Пушкины, Толстые принадлежали к потомкам старинных бояр. Иван Толстой был воеводой при Иване Грозном, его сын и внук — достаточно известные государственные деятели эпохи смутного времени и первых Романовых. Но подлинное возвышение рода связано с Петром Андреевичем Толстым — сподвижником Петра, возведённым им в графское достоинство. От Петра Андреевича пошли все графы Толстые, столь знаменитые в русской истории и в русской культуре — граф Лев Николаевич, граф Алексей Константинович, «советский граф» Алексей Николаевич (а были ещё в XIX веке Фёдор Толстой, известный скульптор и график, его тёзка авантюрист Ф. Толстой — «американец», о котором писал Грибоедов: «Ночной разбойник, дуэлянт, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом» («Горе от ума»), писатель и критик Феофил Толстой). Были Толстые и не графы (потомки брата Петра Андреевича, Ивана); к ним принадлежала мать Тютчева.

В отличие от Пушкиных и Тютчевых, Толстые не были «обломками дряхлеющих родов», не относились к среднему (провинциальному) дворянству. В большинстве своём они обладали огромными поместьями и большим состоянием, вращались в петербургских, иной раз и в придворных кругах. Это была русская аристократия, элита дворянства. Всё сказанное относится и к Алексею Константиновичу. Он получил прекрасное домашнее образование, поступил на службу в Петербурге, много времени уделял «свету» — но одновременно и литературным интересам, всё более и более его поглощавшим. В 26 лет он получил придворный чин камер-юнкера; он находился в дружеских отношениях с наследником, будущим Александром II, и сохранил их после восшествия того на престол: в день коронации Толстой был назначен флигель-адъютантом. Это была блестящая карьера, но она тяготила А. К. Толстого, к тому времени уже известного писателя. Только в 1861 году он с трудом добивается отставки и полностью отдаёт себя творчеству.

В историю русской литературы Толстой вошёл как поэт-лирик (вспомним хрестоматийное «Колокольчики мои, цветики степные»), автор многочисленных баллад и сатирических стихов, хороший прозаик-беллетрист и блестящий драматург. В области русской исторической драматургии нет более яркого имени.

Литературные произведения А. К. Толстого знамениты не только своей эстетической ценностью. Они отражение, проекция его жизненной позиции, его взгляда на историю страны, его этики.

А. К. Толстого интересуют два периода русской истории: Киевская Русь и эпоха Ивана Грозного. Первый для него — воплощение идеала национального,

политического и этического. Киевская Русь до прихода татаро-монголов — государство с общей для всей Европы историей, с прочными европейскими связями (три дочери Ярослава Мудрого были замужем за королями французским, венгерским и норвежским); но в это же время — воплощение идеала подлинной политической свободы (новгородское вече) и высочайших этических норм.

*Кто мог бы из вас оскорбление снести?
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: «Да будет мне стыдно!»
На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле —
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит всем кнут,
А вече — каганская воля!
(«Змей Тугарин»)*

Воплощением кнута и насилия для поэта становится московское государство, прежде всего, эпоха Ивана Грозного. Ей посвящены многие произведения.

Идеал личности, с точки зрения Толстого, — человек, сохраняющий свою личностную ценность, способный смертью своей противостоять произволу и насилию: боярин Михайло Репнин, отказавшийся участвовать в шутовском маскараде и зарезанный Иваном Грозным прямо на пиру (баллада «Князь Михайло Репнин»), боярин Морозов, замученный в застенке (роман «Князь Серебряный»), Иван Петрович Шуйский, убитый в тюрьме по приказу Годунова (драма «Царь Фёдор Иоаннович»).

60-е годы XIX века были, как я уже сказала, бурным временем. В яростной политической борьбе революционных демократов, либералов, консерваторов А. К. Толстой занимал особую позицию. Это не позиция «над схваткой», наоборот — он принимал в ней активное участие. Его сатирические стихотворения блестящи. Но он действительно «двух станов не боец», его сатира бьёт в обе стороны: по государственному бюрократическому аппарату, по либеральной демагогии, по революционной ограниченности и слепоте. Чего стоит его отповедь председателю Комитета по печати Лонгинову, запретившему книгу Дарвина («Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме»), портрет министра-демагога, прячущего за либеральными речами свою сущность («Сон Попова»), а с другой — ехидная насмешка над современными модными теориями и ультрареволюционными идеями. В сатирической балладе «Поток-богатырь» древнерусский богатырь попадает в современный Петербург и становится свидетелем этой идеологической вакханалии.

*И подумал Поток: «Уж, господь, борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера ещё, лёжа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдаётся, такая потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!»*

Поэт и в жизни был таким: ценящим человеческую самодостаточность, готовым рисковать, отстаивая свою позицию. Он не боялся при Николае I защищать ссыльно-

го Тургенева и арестованного Аксакова. При всей своей неприязни к революционным демократам он сказал Александру II: «Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского» (приговор Чернышевскому действительно был несправедливым и незаконным).

В эти годы борьба шла не только в политике, но и в поэзии: между поэтами так называемого «чистого искусства» и поэтами демократического лагеря. Толстой яростно защищал первых, хотя сам к ним явно не принадлежал.

*Други, не верьте! Всё та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас трель соловьиная,
Те же нас радуют звёзды небесные!
Правда всё та же!*

Это программное для поэта стихотворение называется «Против течения». Значительные слова.

60-е годы — не пушкинская эпоха. Понятие дворянской чести, назначения дворянства как носителя национальных идеалов казались анахронизмом. Но пройдёт несколько десятилетий, и Россия вступит в пору страшных испытаний. После Октябрьского переворота сотни русских дворян — офицеров, философов, писателей — будут выкинуты за пределы России. В вынужденной эмиграции они сумеют сохранить мужество и человеческое достоинство, сохранить любовь к России и вырастить русскими своих детей. А другие — тоже сотни — останутся в своём отечестве, многие сознательно и добровольно, и встретят гонения, страдания и смерть, ничем не посрамив своей чести. Как писала Ахматова: «А здесь, в глухом чаду пожара остаток юности губя, мы ни единого удара не отклонили от себя». Мужество отдельной личности, не сломленной тиранией, не способной подличать и лгать, оказалось востребовано русской историей.

Новая Россия сегодня способна отдать должное тем, кто плыл против течения.

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ

БЛАЖЕННАЯ НЕВОЛЯ

Человек — это то, о чём он пишет. О чём, для чего/кого и как. К сожалению, сегодня можно встретить немало авторов, превыше всего ставящих карьеру или считающих оригинальность самоцелью. Иные из них совершенно искренне полагают, что служат при этом некой абстрактной «поэзии», и им абсолютно всё равно, поймёт ли их читатель; другие, надев маску циника, считают, что находятся как бы выше добра и зла. При этом и те, и другие частенько вынуждены зашифровывать свою внутреннюю пустоту сложными словесными конструкциями, восхваляя себе подобных и апеллируя к своим поклонникам.

Не так видит предназначение поэта Галина Булатова.

Ищу человека. Ищу в человеке простое.

Несметным богатствам простого не нужно охраны...

— пишет она в одном из своих программных стихотворений «Дворцы городов». Поэзия для неё — это форма доверительного общения, правдивый рассказ о своей жизни, и, конечно же, подвиг сопереживания. В её книге «Сильнее меня», вышедшей в прошлом году в Татарском книжном издательстве, можно найти немало тому примеров. Взять хотя бы читающуюся на одном дыхании и поражающую эпической мощью автобиографическую балладу «Волга, Вятка, Ока и Кама», с которой начинается сборник, либо такие пронизанные глубочайшей человеческой болью произведения как «Щень» или «Был человек — и нет...»

«Сильнее меня» — это книга-исповедь, сага о любви и преданности, призыв к тому, чтобы «потерянный обрёл», разговор о самом важном — душе, добре, любви, красоте и непостижимых для человеческого ума тайнах мироздания.

Поди угадай, мы чьих голубых кровей,

В каких земляничных безднах однажды сгинем...

Так ящеркой чья-то жизнь промелькнёт в траве —

А светлый след останется в небе синем.

Господь надкусит бережно

Стручковое ребро:

Ну, здравствуй, королевина,

Хранящая добро!

*Храни и дальше, матица,
На много-много лет,
Пока по кругу катятся
Горошины планет*

Как любого художника, Булатову интересует сам процесс творчества, те, порою трагические, взаимоотношения между автором и загадочной силой, диктующей ему образы, рифмы и ритмы. И, пожалуй, ярче всего это проявляется в стихотворении, строчка из которого дала название книге — «Суламифь», где неравная борьба смертного человека с этой всесокрушающей стихией достигает высочайшего накала:

*Некто в чёрном однажды взошёл на крыльцо,
Обещая бессмертных стихов за кольцо.
Ты прости, но себя бесконечно кляня,
Я не выдержал — это сильнее меня...*

И тут же начинается звучать другая, одна из главнейших в творчестве поэтессы, тема — преданности и самопожертвования:

*Но блаженна из выбранных нами неволь
Та одна, дорогая, где всё для него.
И рассыпав огни на атласном белье,
Соскользнуло с груди золотое колье.
Раздвоилась звезда, покачнулось окно,
И бессмертное слово упало у ног.*

Когда читаешь стихи Галины Булатовой, возникает ощущение стремительного и лёгкого, граничащего с невесомостью, полёта. И этому способствует не только мелодичность её стихов вкупе с изящной и ненавязчивой метафорикой, но и само мироощущение автора:

*Летит струя — строка тем паче!
А стрекоза в блестящей пачке
Скользит стремительно, легко.*

*Застыв, читает с интересом
И не пеняет поэтессе
На простоту её стихов.*

Как отдельный раздел сборника можно рассматривать посвящения выдающимся личностям: Вильяму Шекспиру, Гавриилу Державину, Людмиле Гурченко, казанскому поэту-шестидесятнику Ивану Данилову.

Галине свойственно тонкое, можно даже сказать, по-женски интуитивное чувствование мира. Его огромности, сложности, великолепия и, увы, порой несправедливости и жестокости.

*Я — невеличка, мир — большой,
в нём сильный слабому чужой,
в нём обходительны друзья —
они обходят...*

И, тем не менее, — обладающий большой внутренней силой голос поэта не тонет в какофонии мирских страстей и под конец стихотворения звучит на спокойной, но уверенно-высокой ноте:

*но в женской нежности метельной,
тонкорукой,
я всё же многого сильнее
в этом круге...*

В чём-то созвучны предыдущему тексту следующие строки, раскрывающие как бы кредо автора, его веру в человека и преодолимость любых невзгод:

*... когда навстречу шахте, вниз
несётся лифт,
когда читать устанешь жизни
мелкий шрифт,
и остывает на погосте
«я люблю...»,
и даже пуговица просится
в петлю,*

*когда случайный под ногой
кленовый лист,
краснея, шёпотом его
поднять велит, —
какое чудо: не считая
этажи,
начать с кленового листа
любить и жить.*

Или вот, к примеру, нехитрый фирменный рецепт счастья из произведения, озаглавленного экзотическим словом «Поззотерика»:

*Заверните в лист берёзы
дождевые три алмаза,
восхититесь цветом яблонь,
до поры плоды таящих,
.....
обещайте послезавтра
непрерывно стать счастливой...*

И, конечно же, как всякий истинный поэт, Булатова, помимо собственной неповторимой интонации, наделена даром предвидения. Интересно в этом плане пророческое стихотворение о видении, приснившемся ей накануне потрясшей страну авиакатастрофы. («Мне снилось: над степью и Волгой...»)

Разумеется, о стихах этого автора можно говорить долго — они заслуживают отдельного развёрнутого исследования, которое не может уместиться в рамках данной статьи.

Остаётся добавить, что вторую часть книги составляют стихотворные переводы с татарского языка.

И в заключении хочется пожелать новому сборнику Галины Булатовой счастливой судьбы — то есть, внимательного и благодарного читателя. Самой поэтессе — чтобы поскорее «звёзды крупною солью легли на её хлеб». А читателям — приятных минут соприкосновения с чистой и высокой поэзией.

Филипп ПИРАЕВ

«КТО Я ТАКОЙ? КОНЕЧНО, РУССКИЙ...»

Некоторое время назад, когда доступ к изданию собственных книг стихов в силу изменения издательской ситуации в нашей стране получил фактически любой автор независимо от его таланта и искущённости в поэзии, я начал думать, что книги стихов как востребованная читателем форма поэтического творчества уходят в прошлое.

И признаки этого были явными. Книги стихов новых и ныне живущих авторов перестали читать почти все, кроме друзей и знакомых того или иного автора, которым он сам свои поэтические книги подарил. Книги стихов практически перестали и покупать в книжных магазинах, если их автором являлся какой-либо современный поэт, а не прославленный классик нашей поэзии, не Бродский, не Рубцов и не Есенин.

Но есть всё же и замечательные, хотя и чрезвычайно редкие исключения из такого «унылого правила» нашей литературной современности.

Одним из подобных исключений для меня стала редкостная, в полном смысле необычная книга стихов Николая Алешкова «Дальние луга. Избранная лирика.» (Издательство «Маматов», Санкт-Петербург, 2017). Она издана в серии «Библиотека российской поэзии», отличается безупречным фирменным стилем издательства.

Эта книга по праву принадлежит к народной поэзии — жанру, который на самом деле во многом забыт и утерян для большой литературы.

Стилизаций под народную поэзию сейчас, как и всегда — множество. А действительно народных поэтов после Рубцова уже как будто и не стало в России. Словно не слышно уже во всемирном эфире «звучание русской души», её голос.

Но это — не совсем так, конечно. Просто мелодию русской души поэты разучились слышать и слушать, но сама эта мелодия, сама эта «музыка русской души» продолжает звучать в России.

Очевидно, что автор книги «Дальние луга» слышит эту мелодию. Если не вслушиваться в «душу народа», не слышать её голос — такую книгу не создашь. Но поэтическая книга Николая Алешкова «Дальние луга» стала реальностью — она создана, существует, появилась в печати, её читают. И это есть лучшее свидетельство, что душа народная — живёт.

Как известно, Есенин, наиболее яркий народный поэт России, любил называть свои стихи «песнями», что, конечно, далеко не случайно. Эту традицию и это восприятие собственного творчества Есенин унаследовал от Кольцова и Никитина, для которых их собственные стихи тоже — песни...

И дело здесь не только в том, что народный поэт естественным образом воспринимает себя как сказителя, поющего или повествующего о чём-то сокровенном и значимом, завораживая читателя и слушателя поэтическим речитативом.

Поэт слышит народную душу — слышит её как некое звучание, которое он облакает в слова.

И это звучание народной души для настоящего поэта — такая же реальность, как небо над головой, как широкое поле, тёмный далёкий лес, снег зимой и первые весенние цветы...

Поэтому народный поэт слагает именно песни, а не просто некие рифмованные строки, более или менее благозвучные...

И мы слышим звучание этих песен в стихах Николая Алешкова:

*Над тесовую крышей
Пели ветры в трубе.
Сын Петра и Мариши,
Я родился в избе.
Ветры весело пели
И качали звезду
Над моей колыбелью
В сорок пятом году.*

Обращает на себя внимание удивительная чистота поэзии Николая Алешкова — чистота отражённых в ней мыслей, чувств, желаний, переливов настроений...

И пусть нет в этих мыслях и чувствах, запечатлённых в поэзии Николая Алешкова, порой ничего невиданного и уникального, что обычно ищут искушённые любители в большой поэзии, в них удивительна и неповторима сама редкостная чистота, подобная чистоте и прозрачности затаённого в лесу родника, о котором не зря идёт народная молва, что вода в нём — живая и творит чудеса.

Какой душевной и больше того — духовной чистотой веет от строк Николая Алешкова обращённых к мужчине-современнику, строк честных, мудрых, простых и буквально звенящих, как звенит прозрачной чистейшей водой лесной ручеёк и как звенит в воздухе жизни открытая людям, белоснежно чистая и прозрачная до самого дна душа:

*Там,
Где ступила нога
Любимой женщины,
Посадите берёзу.
Там,
Где упала тень
От любимой женщины,
Постройте красивый дом.
И на грубо сколоченном ложе,
Пахнущем
Свежей сосновой стружкой,
Сотворите с любимой сына.
Вот и всё.
Секрет семейного счастья прост.
Будьте мужчиной!*

Мне доводилось встречать мнение, что, мол, «душа» есть на самом деле довольно туманное понятие, за которым неведомо что и стоит, под которым неясно что и подразумевается.

Это — неизбежная и во многом естественная реакция на высокопарное пустозвонство, которым очень часто окружены разглагольствования о душе и противопоставление души «телесному», сугубо земному началу в человеке как вечного — тленному.

Действительно душевное начало человека в реальности так связано и переплетено с его телесным обликом, с конкретными событиями его жизни и даже порой с его физиологическими состояниями, с процессами в его организме, которые в сильнейшей степени влияют на настроения, мысли и чувства каждого человека, что может показаться бесполезным вести разговоры о какой-то особой неизменной и «живущей своей жизнью» душе вообще.

И до известной степени это так и есть.

Душа — обобщающее понятие, в нём индивидуальность человека на самом деле не слишком и отражена. В душе больше общечеловеческого, того что «есть всегда», но при этом органически связано с духовной жизнью людей. Поэтому мы можем говорить о «душе народа», например.

И именно о душе народа, о её выражении в высокой поэзии, мы можем и должны говорить в первую очередь, стремясь выявить животворящую «сердцевину» поэтического мира Николая Алешкова.

Речь идёт, конечно же, о русском народе, о своей принадлежности к которому Николай Алешков с кристальной ясностью и простотой сказал:

*Я сам себе и слуга и барин.
Я не чуваш и не мордвин,
и не удмурт, и не татарин,
а равный с ними гражданин.
Я на прищур прицельно-узкий,
Не опуская глаз, смотрю
Кто я такой? Конечно, русский.
Не видно разве — говорю...*

Органическая, почти природная и несомненно высоко одухотворённая и в то же время почти физиологическая русскость — неотъемлемая и замечательная на самом деле черта поэзии Николая Алешкова.

Не всегда светлая, часто горькая и суровая русская судьба всегда зрима в поэзии Николая Алешкова во всей своей правде и духовной чистоте.

О том каковы в наше время русские судьбы, какова обычно судьба тех, кто честно прожил свою жизнь сквозь все политические и социальные водовороты и злоключения меняющихся режимов в России, говорят такие, например, подкупающие замечательной искренностью и простотой, чуждые горделивой рисовки и приукрашивания реальности иронические строки поэта:

*При коммунистах мне, ребята,
жило, конечно, хреновато.
В демократической стране
Ещё хреновей стало мне*

Таковы русские судьбы...

И правдой этих судеб, часто горькой, кстати говоря, объяснимо и то, что поэзия Николая Алешкова, такая духовно истончённая и волшебная в своей чистоте и такая подкупающе простая при погружении в её красочный мир, тем не менее не «гремит» по

всей стране как некогда «гремели» имена шумных «ораторов от поэзии» Вознесенского и Евтушенко, собиравших в былые годы переполненные концертные залы, а порой и стадионы своих поклонников...

Не то время.

Поэтическое слово ныне в полном смысле в загоне, на обочине нашей меркантильной эпохи. И у поэтов теперь тихая, часто нерадостная, незаметная судьба...

Но вместе с тем стихи Николая Алешкова известны и известны широко. Их читают и любят в России.

У Николая Алешкова, этого замечательного современного русского поэта, есть своя неравнодушная читательская аудитория и немало горячих поклонников. И всё это — более чем заслуженно.

Сергей НОСОВ

ЕЛЕНА ДЕРБИЛОВА. «НЕБЕСА БЕЗ КРАЯ»

Есть люди «целованные Богом в темечко», есть просто наделённые каким-либо талантом, а то и не одним, а есть те, для кого проявлять себя в любом творчестве так же естественно и органично, как дышать и говорить.

Елена Дербилова — автор вышедшей в 2017 году в Харькове книги «Небеса без края», человек необыкновенно тонкий, интеллигентный, разносторонне одарённый, но при этом с удивительно прочным стержнем, — живёт творчеством. Вернее, оно и есть её жизнь. С пяти лет — скрипичные уроки, балетные репетиции. Позже — художественная школа, увлечение поэзией... Затем — художественно-промышленный институт, преподавание в академии дизайна и искусств, работа в области книжной графики и каллиграфии... Муж, дети, внуки — не просто семья — люди, близкие по духу и тоже «творцы».

Это книга о становлении личности через искусство, о близких, друзьях, педагогах, людях известных и великих или просто прекрасных и талантливых... Сборник,

довольно объёмный (а как иначе, когда пишешь о жизни, богатой на встречи, события, впечатления; когда так много пройдено, впитано, передумано, что не рассказать об этом становится невозможным?), являет собой некий творческий отчёт, поэтический и художественно-графический. Здесь и автобиографическая проза (личный опыт воспитания искусством), и каллиграфия (статьи и шрифтовые работы), и стихи с иллюстрациями автора, и песенки с мелодиями в нотной записи.

Для самой Елены «...эта книга — благодарность Судьбе за возможность учиться всему, что было интересно». Как человек, творящий прекрасное, она искренне верит, что «гармония восторжествует, так как творчество — спасение от хаоса и диссонансов, своя преображённая реальность. А начинается всё с занятий для «общего развития». Приобщение к ним с раннего детства освещает небесным светом всю дальнейшую жизнь... На чём сосредоточить свои силы, какие цели поставить перед собой? Выбор происходит интуитивно, по «воле Божьей».

Вне всякого сомнения, «описывать написанное» — занятие непростое, а порой и ненужное; да и кто, кроме автора, скажет точнее и лучше? Приведённые далее фрагменты

книги — лишь малые штрихи, мазки, звуки — ещё далеко не полотно или симфония, однако они уже будят мысль, откликаются эмоцией, желанием увидеть и почувствовать больше.

О поэзии и музыке:

«Настоящая поэзия — чудо. Цитирую поэтов здесь и везде. За подтверждением своих мыслей обращаюсь к стихам как к высшей инстанции. Они не солгут.

Поэзия или просто красивая речь — мелодична. Откровением, более высоким, чем мудрость и философия, назвал музыку Людвиг ван Бетховен. Счастлив, кто ещё до рождения и после был в музыкальной среде. Такой человек физически соприроден музыке...» К таким поэтам, «не отделявшим музыку от слова» относит автор Марину Цветаеву, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака...

О природе:

«Всё так же и ныне аркада моста Преображенского ведёт к острову с неохватными дубами в соловьиных трелях, в одуряющее марево чабреца, ромашки и олив. Прочерчивая серебром изумрудную зелень, пряди ковыля плюмажем склоняются на гранитные камни. С крутизны откоса видно, как большие птицы сидят на торчащей из воды гранитной верхушке порога, вытянув шеи, сушат на ветру расправленные крылья...»

О судьбе:

«Что гадать, какими бы мы были, родись в другой семье и обстановке? Свои внешние и внутренние качества получаем в соответствии с жизненной задачей, а значит — ошибки быть не может. Приняв это, раз и навсегда отменишь любые претензии к родителям и к кому бы то ни было. Если что-то не так — ищи выход, развивайся сам.»

О книгах (глазами художника и музыканта):

«Книги открывают читателям новые миры, активизируют сознание, мышление и творчество. Богатство родной речи становится нашим достоянием. Всегда удивлялась — как по-разному можно сказать об одном и том же! Звуковая и смысловая пластика речи будит фантазию. С детства созвучия явные и мнимые я мяла воображением как пластилин, придавая новую форму — смотри, что получилось!»

О сострадании (тоже через музыку):

«Насколько добрее и совершеннее станет мир, когда научимся сопереживать чувствам друг друга!

Этический слух (этот термин ввёл Фазиль Искандер) «...сродни музыкальному, что означает повышенную нравственную чуткость, «записанную» в человеке на генетическом уровне».

А что мы увидели с начала 90-х годов (развал Союза), выбросивших на улицу множество нищих и бездомных... В сравнении с этим наше советское детство кажется раем... Ведь тогда «такая неприкаянность детей и стариков была недопустима, не созвучна эпохе всеобщего равенства. В высшей степени дика и — н е м у з ы к а л ь н а ! Александр Блок прилагал к разным жизненным явлениям определение «это музыкально» или «не музыкально» и в связи с этим принимал или отвергал как чуждое.»

О таланте:

«Чудо скрипача Сергея Стадлера. Скрипка в руках маэстро наводняла пространство стихийными волнами неимоверной силы, словно не музыкальный инструмент звучит — рокогут волны, дождь шепчется с листьями. Колдовская иллюзорность жизни — та музыка. После концерта, ошеломлённые, мы подошли к сцене — на пюпитре вместо нот стоял альбом классической живописи...»

Убедительно говорит автор и о единосущности искусства и связи терминологии: балетные пуанты — «пуантилизм» в живописи, «острохарактерный танец Майи

Плисецкой — каллиграфичен», «рукописные книги работы Ильи Богдеско — музыкальны», «экзотичные танцы Махмуда Эсамбаева ярко живописны».

Интересны раздумья Елены Дербиловой и о судьбах — порой трагичных — русских аристократов, и об аристократии вообще, лучшие представители которой сочетали в себе красоту, обаяние и достоинство, и чьи произведения — свидетельство *«нежнейшей души, культуры и настоящего мужества».*

Узнаём мы и о её бесконечном восхищении Александром Вертинским (и встрече с его дочерью Марианной в Харьковском театре им.Шевченко):

*Изысканный фрак, в петлице
Бесстрастная хризантема...
Падаю раненой птицей
В круг освещённой сцены.*

*Поклон Ваш приму благосклонно,
В глубоком склонюсь реверансе,
Отчаянно, пьяно, бессонно
Я гибну в волшебном романсе.*

10 лет Елена с семьёй прожила в Набережных Челнах, приезжая и в Елабугу — «к Марине». Её супруг, скульптор Анатолий Дербилев в соавторстве с архитектором Владимиром Нестеренко создал мемориальную доску возле дома памяти Цветаевой в Елабуге (и в Чистополе — мемориальную доску Бориса Пастернака с его рельефным портретом). Щемящее чувство от того, что Марина совсем рядом, долго не отпускало Елену. Позже оно вылилось в стихотворение, вошедшее в цикл «Поэтам».

*Тишина её вся — в иконе,
Вся тревога её — кифаре —
Что пропела она в Медоне
Или выплакала в Кламаре?*

*И в Россию с собой принесла —
Дань бессонниц, любви и страданий,
Лебединым крылом подняла
Вихри музыки — без колебаний.*

*Устояла гранитной скалой,
Устремлённую в небо всё выше,
А былинкой была золотой,
Той, что ветер свободно колышет.*

И красной нитью в книге — мысль о том, что *«сегодня, когда поиски новых путей в искусстве часто уводят художников далеко в сторону от этических и эстетических норм, а пошлость и безнравственность прячутся под маркой «актуальности» и «концептуализма...»*, необходимо понимать, что *«...художник несёт моральную ответственность за свои произведения — поступки. Важна цель творчества — что проецируем?»* А главное, что бы ни происходило, — это осознание: *«Общечеловеческие ценности — на все века».*

Думается, книга непременно найдёт своего читателя — умного, внимательного, с чутким сердцем, для которого камертоном его жизненных ценностей станет определение — «это музыкально».

Светлана ЛЕТЯГА

«КОЛЧЕНОГИЙ» И ЕГО СТИХИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

«Дело» Нарбута-Колченогого: Биографическое исследование Николая Перяеслова. — Новокузнецк: Издательство «Союз писателей», 2017.

В шестом номере 1978 года в популярном в то время литературном журнале «Новый мир» появилась удивительная повесть известного русского писателя Валентина Петровича Катаева — «Алмазный мой венец», в которой под различными псевдонимами-прозвищами были выведены знаменитые и полузабытые писатели, с которыми дружил в своей молодости Валентин Петрович. Так, например, под именем *командора* в его повести был изображён знаменитый поэт Владимир Маяковский; под псевдонимом *королевич* — значился замечательный поэт Сергей Есенин; а *шелкунчиком* был назван Осип Мандельштам; под именем *штабс-капитана* был выведен прозаик Михаил Зощенко; известный поэт Борис Пастернак был скрыт под именем *мулата*; под именем *ключик* — был изображён прозаик Юрий Олеша; под псевдонимом *синеглазый* таился автор романа «Мастер и Маргарита» прозаик Михаил Булгаков, и так далее. И среди них фигурировал один необыкновенно интересный и оригинальный поэт по прозвищу *колченогий*, за которым был спрятан почти всеми на тот момент уже абсолютно забытый поэт-акмеист Владимир Иванович Нарбут. А между тем, в своё время это был один из широко известных и авторитетных поэтов в России и Украине, соратник Николая Гумилёва, Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, друживший с Георгием Шенгели, Сергеем Городецким, Михаилом Зенкевичем, Эдуардом Багрицким, Мариной Цветаевой, Мариэттой Шагинян и многими другими замечательными российскими поэтами и прозаиками. Не случайно московский писатель **Николай Перяеслов** заинтересовался биографией этого необычайно интересного поэта, решив приоткрыть его удивительную судьбу перед сегодняшними читателями. А судьба его стоит того, чтобы рассказать о ней всей читающей России.

Родился Владимир Иванович Нарбут 14 апреля 1888 года, был братом знаменитого украинского художника Георгия Нарбута. В детстве, когда Володя рассаживал цветы на клумбе, к нему с одной очень глупой шуткой подкрался со спины отец и страшно гаркнул ему в ухо. Мальчик настолько испугался, что с той поры стал сильно заикаться; в начале или в середине каждой произносимой им фразы он вдруг начинал спотыкаться и с напряжением повторял: «ото... ото... ото...» Но это ничуть не мешало ему общаться с друзьями и коллегами-писателями, давно привыкшими к особенностям его речи: «С точки... ото... ото... ритмической, — говорил он при обсуждении чьих-нибудь слабых стихов, — данное стихотворение как бы написано... ото... ото... сельским писарем».

А ещё в молодости Владимир Нарбут наступил босой ногой на ржавый гвоздь и в результате этого потерял свою правую пятку, из-за чего потом постоянно хромал. Так что не случайно Катаев дал ему в своей повести прозвище «колченогий».

В 1910 году Нарбут становится сотрудником петербургских журналов «Гаудеамус», «Аполлон», «Гиперборей», «Современный мир» и других изданий, а в 1912 году у него

вышла вторая книга стихов — «Аллилуйя», которая была конфискована царской цензурой, и он за неё был привлечён к суду. Скрываясь от суда, а также от общественного порицания за продажу своего издательства известному черносотенцу Гарязину, в 1912 году Нарбут спешно уезжает в Абиссинию и возвращается в Россию только после всеобщей амнистии 1913 года. В том же году он уезжает из Петербурга в Глухов, где в 1917 году примыкает к левым эсерам, а после Февральской революции становится большевиком и входит в Глуховский Совет.

В новогоднюю ночь 1918 года семья Нарбута, собравшаяся для празднования на усадьбе его жены в селе Хохловке на Украине, подверглась нападению банды «красных партизан», которые громили «помещиков и офицеров». Отец Владимира Ивановича — тот, который сделал его в детстве заикой — успел выскочить в окно и убежать, оставив семью наедине с бандитами, жена Владимира с двухлетним сыном Романом спряталась под стол, а остальных буквально растерзали. Был убит брат Сергей и многие другие обитатели Хохловки. Самого Владимира Ивановича тоже считали убитым. Всех свалили в хлев. Но навоз не дал замёрзнуть тяжело раненному Нарбуту. На следующий день его нашли среди трупов и свезли в больницу. У него была прострелена кисть левой руки, а на теле имелось несколько штыковых ран, в том числе в области сердца. Из-за начавшейся гангрены кисть левой руки пришлось ампутировать.

Позже Владимир поехал к брату-художнику в Киев, а когда на Украине воцарились белогвардейцы, он попытался уехать оттуда на Кавказ к матери, но в Ростове был арестован разведкой Добровольческой армии, и чтобы спасти себя и избежать расстрела, вынужден был писать обширное «покаянное» признание, в котором написал о своей ненависти к большевикам и любви к белогвардейцам.

Через три месяца Ростов освободила армия Будённого, и после этого Нарбут занялся активной издательской деятельностью, работая в Крыму, Одессе, Николаеве и Харькове. В Харькове он познакомился с женой прозаика Юрия Олеши — Серафимой Суок, которую вскоре увёл от него и увёз с собой в Москву.

За это время он издал 12 книг оригинальных стихов, писал удивительные баллады и занимал высокие руководящие должности. В частности, в Одессе он руководил крупной организацией «ЮгРОСТА», которая соединяла в себе телеграфное агентство, агитационно-пропагандистский отдел, клуб и театр, устные и стенные газеты... В Москве Нарбут работал в Отделе печати ЦК ВКП(б), а затем руководителем крупного издательства «Земля и Фабрика», но в 1928 году по доносу редактора журнала «Красная новь» Александра Воронского, с которым он непримиримо рассорился, был исключён из партии, а позже арестован, отправлен в Магадан и в 1938 году там расстрелян. (Почти одновременно с ним был расстрелян также и Александр Воронский.) По странному совпадению судьбы, расстрел Владимира Нарбута произошёл в тот же самый день, в который он и родился — 14 апреля, ровно в день его пятидесятилетия (1988–1938).

Кроме своих собственных произведений, Владимир Нарбут остался в литературе ещё и как персонаж книг других авторов. Так, например, в романе Юрия Олеши «Зависть» он оказался выведен под образом директора треста пищевой промышленности и создателя самой огромной в стране кухне-столовой «Четвертак» — Андрея Бабичева. А в знаменитом романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» он оказался воплощённым в образе известного бесовского князя Воланда. А ещё его можно встретить в рассказе Валентина Катаева «Бездельник Эдуард», где ещё при жизни Нарбута о нём было написано: «заведующий "Югростой", демонический акмеист и гроза машинисток», а ещё, как уже сказано выше, он присутствует в катаевской повести «Алмазный мой венец», где выведен под псевдонимом «колченогий».

Не обойдённая литературой осталась и его жена — Серафима Суок, которую её бывший муж Юрий Карлович Олеша вывел в своей знаменитой сказке «Три Толстяка» под обликом куклы Суок...

И вот сегодня имя реабилитированного в 1956 году поэта Владимира Нарбута начинает вновь возвращаться на широкие литературные площадки, и это буквально взрывает сознание читателей, впервые открывающих для себя его потрясающую судьбу и удивительные поэтические произведения, практически впервые опубликованные в книгах «Владимир Нарбут. Избранные произведения» (La Presse Libre, Paris, 1983) и «Владимир Нарбут — Стихотворения» (Москва: «Современник», 1990).

Вот и книга современного писателя **Николая Переяслова «Дело Нарбута-Колченогого»** тоже лежит в ряду упомянутых выше книг, посвящённых судьбе этого необычного поэта и человека. Читается она на одном дыхании, как потрясающий детектив или авантурный роман, полный триумфов, трагедий, поэзии и любви, а отыскать её можно в интернет-магазине «Планета книг».

Возвращение этого необыкновенного поэта в литературную жизнь нашей страны говорит о том, как много замечательных писателей ещё остаётся за бортом нашего великого Отечества, и как много таких поэтов и прозаиков ещё предстоит впереди открывать нашим читателям.

Александр ГРОМОВ

«...КАК ПЕСНИ ДОЛГИЕ — ВЕКА...»

*В городе Электросталь прошли Первые Всероссийские Чтения,
посвящённые поэту Анатолию Передреву*

Сколь много легенд и мифов имеет хождение в литературных кругах об Анатолии Передреве, столь же редко писали о нём литературные критики. Правда, зато писали именитые, как на подбор, Вадим Кожинов, Владимир Бондаренко, Сергей Куняев... Хотя и был приписан Анатолий Передрев к блистательной поэтической плеяде Вадима Кожинова, всё равно жил, да и умер как-то наособицу...

Впрочем, такие понятия, как рождение и смерть, в применении к поэтам, условны. Поэт рождается отнюдь не одновременно с тем, как его принимает акушерка в роддоме. Поэт может родиться в любом возрасте. И момент этот мистический. Рождению поэта в обычном человеке могут способствовать как трагические обстоятельства, вызывающие точку лирического отсчёта, так и обыденные вроде бы события, после которых вдруг обычный человек начинает писать стихи. Смерть поэта — тоже условна. Умирая физически, поэты продолжают жить в своих стихах...

Итак, начнём с того, что лично с Анатолием Передревым я не была знакома. Потому приглашение на Первые Передревские Чтения, что я получила от московского поэта Владимира Лесового, издателя посмертной книги избранных стихов Передрева «Родина внутри нас», стало для меня неожиданностью... и поводом перечитать передревские стихи. А уж легенд и мифов о Передреве я слышала столько, сколько не слышала, наверное, ни про одного поэта его поколения. Да он и сам был — мужчина из мифа. Красивый, статный, чубатый Стенька Разин. А уж учитывая у него наличие «персидской

княжны» и «шемаханской царицы» одновременно — жены-чеченки Шемы, тем более вызывало интерес. Мало кто знает, что этот семейный союз дал жизнь одной из красивейших женщин России: дочь Передреева и Шемы была вице-мисс одного из первых всероссийских конкурсов красоты!

Передреев в моём восприятии — поэт, напрочь разрушающий рамки и стереотипы, в которые обычно окружающие стараются вогнать любого человека. С Передреевым это, как говорится, не прокатит, несмотря на всю проникновенно традиционную укоренённость его стихов в русской почве. Анатолий Константинович и после смерти не приемлет чужих сценариев. Зная Передреева лично и дружившая с его женой поэтесса из Электростали Нина Красовская, руководитель литературной гостиной имени Анатолия Передреева, приятно удивляется тому, что Первые Передреевские Чтения не только состоялись, но и более-менее уложились в сценарий устроителей (администрации города Электросталь).

Ведь на памяти Нины Красовской 1987 год, год гибели Передреева, когда в Электростали, где поэт прожил пять лет до своего отъезда в Москву, решили устроить вечер его памяти. Красовская была в числе инициаторов проведения вечера. И вдруг ей накануне мероприятия звонят московские коллеги и сообщают «приятную новость», что в Электросталь едет общество «Память» чуть ли не в полном составе. Было в те перестроечные годы такое общество с весьма неоднозначной репутацией. Вроде за русское радели, но как-то это радение против русских же и оборачивалось, придавая движению специфику некой маргинально истерической одиозности. В глазах власти общество «Память» имело негативный оттенок, чьё появление грозило вылиться в скандал. И ВЕЧЕР ПАМЯТИ (каким его и пожелало сделать общество «Память», перестроив из вечера поэзии), был в срочном порядке отменён. Парадокс или провокация — вдаваться за давностью тридцати минувших лет не будем.

Анатолий Передреев и при жизни рушил стереотипы, и после смерти предпочитал свой собственный сценарий. Кстати, я такому качеству Передреева ничуть не удивляюсь, памятуя, что он урождённый волжанин земли саратовской.

*И вот плыву её раздольем,
Усталый взрослый человек,
Земных дорог хлебнувший вдоволь,
Узнавший нрав морей и рек.
И пароход, выдавший виды,
Взрывая хриплые гудки,
Везёт меня туда, где слиты
И синь небес, и синь реки...
А на корме, где песен праздник,
Волнует душу мне до слёз —
Объятый думой Стенька Разин
И в диком мху седой утёс...
Плывёт раздолье песен долгих,
Где Волга — Матушка — река
И слышу я, шумят над Волгой,
Как песни долгие, века...*

Давно замечено, что поэты, так или иначе, биографически или географически, «повязанные» с Волгой, в душе Стеньки Разины удалые. Знаю это точно, потому что сама такая, несмотря на то, что женщина! А уж Анатолий Константинович, десятилетиями

живший к тому же на Кавказе и поневоле проникшийся горделивым горским менталитетом, и подавно был такой. Удивительно другое — сочетание этой непредсказуемости в жизни и трогательной проникновенности в творчестве:

*В этом доме думают, гадают
Обо мне мои отец и мать...
В этом доме ждёт меня годами
Прибранная, чистая кровать.
В чёрных рамках —
Братьев старших лица
На белёных глиняных стенах...
Не скрипят, не гнутся половицы,
Навсегда забыв об их шагах...
Стар отец, и мать совсем седая...
Глохнут дни под низким потолком...
Год за годом тихо оседает
Под дождями мой саманный дом.
Под весенним — проливным и частым,
Под осенним — медленным дождём...
Почему же всё-таки я счастлив
Всякий раз, как думаю о нём?!
Что ещё не все иссякли силы,
Не погасли два его окна,
И встаёт дымок над крышей синий,
И живёт над крышею луна!*

Анатолий Константинович и при жизни был центром притяжения людей, и спустя 30 лет после своей смерти собрал писателей России в уютном зале центральной библиотеки им.К.Паустовского города Электросталь. Так славно было встретиться с выдающимся критиком Сергеем Куняевым, московскими поэтами Григорием Калюжным, Владимиром Лесовым, Мариной Сейдаметовой и многими другими, кто приехал сказать своё слово о Передрееве. Вот этим словом поэта о поэте, написавшемся внезапно для меня самой в вагоне поезда на обратной дороге, я и хочу закончить:

*Переезды. Перегоны.
Пересуды. Передреев...
Кто такой? Поэт в законе,
Чьи стихи в морозы греют.
Только ты предпочитаешь,
Мой попутчик, греться водкой.
Только вряд ли ты читаешь.
Только был поэт не кроткий.
Впрочем, он тебя бы вряд ли
Осудил — был сам не промах
Горечь намахнуть до капли
Средь знакомцев незнакомых.
Дух околлиц и окраин
Овекает наши лица...
Не тоскою странствий ранен,*

*Едет мой сосед в столицы.
Не считая километры,
В Уренгой из Оренбурга
Едет он по белу свету...
Говорит, с деньгами туго.
Выживаем, выживаем,
Но не из ума, надеюсь,
Хоть стихи воспринимаем,
Как неслыханную ересь.
Пахарь и поэт-изгнанник...
Перед небом все едины.
Что ж ты наши души ранишь,
Анатолий Константиныч?
Душ людских путеводитель,
Как положено поэту,
Носит в сердце (не хотите ль?)
Еретическую мету.
Перемены. Передраги...
Но сердца стихами греет
Вдохновенный работага
Анатолий Передреев.*

Как бы хотелось, чтобы в городе Электросталь появилась не просто памятная доска, но — памятник поэту Анатолию Передреву.

Диана Кан

СОВЕТСКИЙ ОККУПАНТ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

ЗНАКОМСТВО

Моё знакомство с Андреем Андреевичем состоялось благодаря тому, что на пятом курсе своей учёбы в Новосибирском государственном университете в 2000 году устроился преподавателем немецкого языка на кафедру иностранных языков факультета разведки и спецназа местного военного института. Не знаю уж, как обстоят дела сейчас, а в то время здесь готовили будущих мотострелков, военных разведчиков и спецназовцев. К моему большому удивлению здесь так же занимались подготовкой и подводных диверсантов. Иногда курсантов с допотопными и громоздкими аквалангами можно было видеть, например, возле нашего коммунального моста. Я, конечно, хорошо понимал, что мост от этого не пострадает, но на душе всё равно было как-то тревожно. Всё-таки один раз в своей истории по вине военных этот мост уже был на волосок от гибели. Многие в городе помнят дикий случай, когда в самый расцвет эпохи застоя и всеобщего дефицита под ним пролетел сверхзвуковой истребитель. Молодой пилот решил таким образом пофрантовать перед своей девушкой. Говорят, люди, которые в этот момент отдыхали по соседству на пляже, совсем не оценили его смелой выходки. И я их очень хорошо понимаю. Шансов остаться живыми и невредимыми в тот момент у них было совсем немного...

Обучение водолазов, конечно, было экзотикой; в этой учебной группе было совсем мало народу. Зато прыжки с парашютом практиковались регулярно и массово. Курсанты, которые учились на факультете спецназа, прыгали, потому что это входило в план их подготовки, а офицеры-преподаватели прыгали вместе с ними, чтобы, во-первых, поддерживать форму, а во-вторых, им за это причитались, если я правильно помню, какие-то дополнительные денежные бонусы по линии министерства обороны, что в те времена было совсем не лишним. Поэтому никто из числа военнообязанных преподавателей никогда не отлынивал от участия в прыжках, будучи даже в весьма преклонном возрасте. Правда тут на их пути возникала фигура начмеда, который должен был выдавать медицинские разрешения на прыжки. Он запомнился мне как вполне себе добродушный мужчина, который всей душой не хотел никому чинить препятствий, но так как технику безопасности ещё никто не отменял, то он вынужден был порой заворачивать по состоянию здоровья отдельных преподавателей.

Среди преподавателей кафедры иностранных языков было не мало и гражданских, которым прыжки с парашютом не полагались. Честно говоря, это обстоятельство меня совсем не огорчало, потому что лично мне прыгать с парашютом казалось поступком страшным. Мне казалось, что я не смогу по доброй воле надеть на плечи парашютную сумку и сигануть с огромной высоты вниз, рискуя либо умереть в воздухе от разрыва сердца, либо, если парашют по какой-то причине обязательно не раскроется, на земле превратиться в кровавую лепёшку. Человеку с таким богатым воображением как у меня лучше никуда из дому не выходить.

На беду, среди моих хороших друзей из числа коллег не все придерживались таких обывательских взглядов. И вот в один прекрасный день двум очаровательным девушкам, Лене и Марине, которые преподавали у нас на кафедре китайский язык, взбрело в голову, что они обязательно должны прыгнуть с парашютом вместе со своими учениками, будущими офицерами спецназа. Сказано — сделано. Они обратились со своей просьбой к подполковнику Константину Циррулису, который отвечал за парашютные прыжки. Несмотря на то, что так делать не полагалось, он не раздумывая согласился и сам вызвался провести с ними всю необходимую подготовку, не став поручать такое ответственное дело никому из младших офицеров. Я его хорошо понимал. Если бы Лена с Мариной обратились к какому-нибудь ракетчику с просьбой дать им пальнуть куда-нибудь межконтинентальной баллистической ракетой, он бы без лишних уговоров сразу согласился, потому что военному человеку устоять перед этими двумя красавицами было практически невозможно.

Вот и мне эти красавицы неожиданно предложили поучаствовать в сомнительном мероприятии. Я бы, конечно, с радостью отказался, но ведь тогда надо было признать, что я боюсь. И как им всем в глаза после этого смотреть...

Наши занятия проходили по вечерам в конце рабочего дня в коридоре кафедры, где мы изучали устройство парашюта, который подполковник Циррулис приносил с собой. Я слушал его лекции, и у меня поджилки тряслись, когда я думал о предстоящем прыжке. А он с энтузиазмом вещал нам о надёжности парашютной системы Д-6 и говорил, что за всю историю военного института не было случая, чтобы парашют не раскрылся. А я мрачно думал, что по теории вероятности надо же быть кому-то первым; и сомнений в том, кто будет этим первым, у меня тогда почему-то не возникало.

Опасения сильно усугублялись ещё тем, что у меня с детства очень плохое зрение, хотя значительную часть жизни, пока не освоил контактные линзы, я и умудрялся как-то обходиться без ненавистных мне очков. Стены коридора, в котором проходили наши занятия, были отвратительно жёлтого цвета. Точно такой же желтоватый свет излучали неоновые лампы на потолке. При таком освещении развёрнутый купол парашюта, тонкие стропы — всё сливалось для меня в мутное пятно. Но больше всего меня волновал двуконусный замок, поскольку я осознавал его важность, но абсолютно не понимал, куда там и что нужно втыкать, чтобы потом при дёргании кольца произошло раскрытие купола основного парашюта. Признаться в своей слепоте и попросить показать, как устроен мудрёный двуконусный замок, чтобы иметь чёткое представление, где там при укладке протягивать тросик и куда втыкать шпильку, я, разумеется, стеснялся.

Лена с Мариной тоже волновались не меньше чем я перед предстоящим прыжком. Однажды кто-то из них спросил:

— Константин, — а что будет, если мы ошибёмся и соберём парашют как-нибудь не так?

— Если всё делать правильно, то ошибок не будет, — убеждённо ответил на это подполковник Циррулис.

И ведь возразить на эту аксиому было совершенно нечего. Вот чем отличаются военные люди от нас, гражданских. Всё у них в жизни объясняется легко и доступно. Чтобы никогда не ошибаться, просто напросто всё нужно делать правильно. Ура!

Потом были полевые занятия, на которых мы вместе с курсантами болтались на стропях, прикреплённых к ободу гигантской высокой карусели, на которой имитировались различные чрезвычайные ситуации в воздухе: запутывание строп, угроза столкновения с другим парашютистом и тому подобное. Затем в финале наступил черёд укладки парашютов. На большом заснеженном поле мы вместе с сотней курсантов разложили свои парашюты и принялись их укладывать. Руководил всем этим действием подполковник Цирулис. У него это очень здорово получалось. Командовать такой оравой людей в таком ответственном деле далеко не просто, как может показаться со стороны. Каждый раз по его команде производился один из этапов укладки. По полю между рядами ходили курсанты старших курсов, которые проверяли, что курсанты из младших курсов всё делают правильно. Поскольку из наших кулуарных занятий я почти ничего не вынес, то тут при ярком солнечном свете я смотрел во все глаза, как производит очередной этап укладки находящийся по близости от меня курсант, и старался в точности повторять за ним все его действия. Но когда дело дошло до таких тонкостей как продевание тросика в двуконусный замок, я опять ничего не смог разглядеть. С чувством обречённой безысходности, я продел тросик в первую попавшуюся дырку, кое-как наугад закрепил где-то шпильку, потом застегнул свою парашютную сумку, привязал к ней бирку со своей фамилией и постарался уже больше обо всём этом не думать, чтобы не отравлять напоследок недолгую оставшуюся мне жизнь пессимистичными переживаниями.

В конце марта подошло время прыжков. К тому времени я уже уволился из военного института, потому что меня позвали в одну свежеещённую программистскую фирму. Можно было с чистой совестью увильнуть от грозящей опасности. Никто бы из моих товарищей и не подумал, что я испугался в последний момент, тем более, у меня уже не было пропуска на территорию военного института. Но беда была в том, что с моим внутренним Собеседником такой номер совершенно бы не прокатил.

— Во-первых, ты отлично знаешь все дырки в заборе и спокойно можешь пройти без всякого пропуска, — сказал бы он мне. — Во-вторых, прыгать даже после твоего увольнения тебе ведь никто официально не запрещает, и ты сам отлично знаешь, что никто палки в колёса тебе ставить не будет. Но если ты, дружок, сдрейфил, то тогда конечно... Ну и, кстати, в-третьих, парашют который ты сам собрал своими руками лежит сейчас где-то на складе с твоей пломбой, что всё там на месте и сделано по уму — хи-хи-хи... — и, возможно, что кто-то вместо тебя будет с ним прыгать... Ведь ты прекрасно знаешь, какой в нашей армии, как и в стране в целом, сейчас царит бардак (на всякий случай напоминаю, что тогда на дворе был 2001 год).

Серьёзных возражений против этих железобетонных аргументов у меня в запасе не было, и я никогда не относил себя к категории людей, которые могут продолжать дальше жить со спокойной душой, лишив себя привилегии поступать по-мужски. Поэтому к назначенному сроку я появился на медкомиссии, которая проходила на первом этаже одного из кабинетов первого учебного корпуса. Перед тем как подсесть к столу, за которым восседал начмед, я надел на всякий случай на себя очки, которые предусмотрительно первый раз за всё время моей работы здесь прихватил с собой.

— В очках прыгать не положено, — тоном не допускающим возражений произнёс начмед.

Не передать словами, какое я в этом момент испытал неземное облегчение. Но для полной очистки совести я всё-таки сделал вид, что хочу возразить:

— Но ведь другие наши преподаватели тоже всегда ходят в очках; их-то почему допустили...

— Другие и без очков хоть что-то увидят. Но судя по Вашим показателям, — тут он ткнул пальцем в мою медицинскую книжку, — Вам без очков ходить никак нельзя, а прыгать с парашютом тем более. К прыжкам я Вас не допускаю. Следующий, пожалуйста...

На ватных ногах я вышел из кабинета. Всё-таки мне вдруг стало страшно обидно. Столько времени и сил ушло на подготовку и — всё коту под хвост... Вдруг меня сзади кто-то взял за плечо. Я обернулся и увидел своего коллегу подполковника Андрея Андреевича.

— Володя, хочешь прыгнуть? — спросил он.

— Конечно!

— Значит прыгнешь, — пообещал он. — Я поговорю с начмедом. Только тебе надо будет его, как бы это сказать, отблагодарить... Тут он сделал характерный жест, сжав руку в кулак с поднятым вверх большим пальцем и опущенным вниз мизинцем.

После этих слов он вернулся в кабинет, где проходила медкомиссия, а я конским галопом помчался в ближайший магазин. Надо сказать, что мой двухлетний опыт срочной службы в Советской армии и год работы в военном институте не прошли даром. Поэтому я точно знал, что брать нужно исключительно водку и ничто другое. Всякие там вина, коньяки и тому подобные спиртосодержащие цветные растворы — это всё сугубо для гражданских. Я выбрал самую дорогую и красивую бутылку, на которую у меня хватило наличных, и помчался обратно. На территорию военного института я снова пробирался не через КПП, а через дырку в заборе. С бутылкой-то бы меня там, конечно, пропустили, а вот без пропуска вряд ли. Всё-таки учреждение закрытое. Интернет, например, туда нельзя было проводить; и даже позвонить в институт из внешнего мира можно было только дежурному на коммутаторе.

Перед тем как войти в кабинет, где всё ещё проходил медосмотр, я замешкался. Признаться, у меня по коже бегали мурашки. Никогда ещё до этого мне не приходилось никому давать взятку. Когда делаешь что-то первый раз, всегда немного волнуешься. Кроме того, я понятия не имел как нужно правильно всё это обставить, чтобы соблюсти необходимые в таких щепетильных делах приличия. Андрей Андреевич, увы, не дал мне на этот счёт никаких инструкций, поэтому я решил не мудрить и просто отдать бутылку начмеду. Я глубоко вздохнул и, распахнув дверь, вошёл в кабинет, держа бутылку с водкой прямо перед собой. Внутри было полно офицеров, а среди них начальник факультета спецназа, гроза всех нерадивых курсантов полковник Сергей Михайлович Калимулин, которого я очень уважал и боялся как огня. Наступила немая сцена. Все сразу смолкли и с удивлением уставились на меня. В полной тишине с каменным лицом, держа перед собой проклятый «пузырь» и мечтая провалиться сквозь землю, я подошёл к столу начмеда, поставил перед ним бутылку и на подкашивающихся ногах вышел не проронив ни слова из помещения.

Судя по тому, что к прыжкам меня всё-таки допустили, я решил, что согласно постулату подполковника Циррулиса сделал всё правильно и поэтому не совершил никаких грубых ошибок при даче первой в жизни взятки должностному лицу, находящемуся при исполнении и в окружении многочисленных свидетелей.

Прыжки проходили на аэродроме города Бердска, что расположен примерно в десяти километрах от нашего района. На лётном поле мы построились уже в полном облачении с парашютными сумками за плечами. У всех нас ещё раз проверили парашюты. У меня проверку делал подполковник Циррулис. Он подошёл сзади, расстегнул верхний клапан парашютной сумки, буркнул что-то себе под нос и быстро

что-то там поправил. По правде сказать, у меня в этот момент просто от сердца отлегло. Скоро уже мы с Леной и Мариной вслед за курсантами погрузились в чрево старенького Ми-8 и взлетели. Сейчас уже плохо помню свои тогдашние ощущения, но точно помню, что страха не было. Потом мне говорили, что это обычное дело. Большинство начинает по настоящему бояться только второго прыжка, а в первый раз всё проходит, как в кино, будто не с тобой. Подтверждаю, это действительно так.

Первый в жизни полёт в вертолётёте особого впечатления не произвёл, потому что все мысли мои были только о предстоящем прыжке. Я запомнил лишь страшный грохот и сильную тряску. Тут, кстати, я впервые увидел легендарного и вечного, так сказать, козла отпущения — «Иван Иваныча». Это был обычный длинный мешок чем-то плотно набитый. Когда мы взлетели на нужную высоту, его сбросили вниз, чтобы проверить силу ветра. Всё было штатно. Когда подошла моя очередь, я прыгнул вслед за девушками. Прыжки осуществлялись с высоты шестьсот метров, поэтому весь процесс от свободного падения, до парения под куполом занял от силы минуту. Совсем ничего, а сколько мне пришлось пройти всяких мытарств ради этих драгоценных секунд... Но оно того стоило!

С аэродрома мы вернулись в военный институт. Последний раз я побывал в ставшем уже родным первом учебном корпусе. С двумя своими тогдашними друзьями, молодыми лейтенантами Лешой и Димой, я зашёл в немецкую преподавательскую, где нас уже ждал Андрей Андреевич. На столе стояла та самая бутылка водки и пустые рюмки. Меня поздравили с первым прыжком. Наполнили рюмки до краёв и залпом жажнули «по-спецназовски», то есть прикрыв сначала рюмку ладонью, чтобы не разносился предательский запах. Я попрощался с Димой и Лёшей, которые быстро ушли на какие-то сборы, и мы остались втроём: я, Андрей Андреевич и практически полная бутылка водки. Начмеда, как ни странно, с нами не оказалось.

Чехову принадлежит крылатая фраза, что если в первом акте пьесы на стене висит ружьё, то в конце последнего акта оно обязательно должно в кого-нибудь выстрелить. Мне лично кажется, что это некоторый перебор, хотя Чехову, конечно, виднее. Зато я точно знаю, что, если на столе стоит бутылка водки, а за столом сидят два хороших человека, которым есть о чём поговорить, то бутылка должна быть выпита, иначе на душе потом надолго останется нехороший осадок, как после дурно сыгранной пьесы. Думаю, Андрей Андреевич придерживался такой же философии. Дело немного осложнялось тем, что я — человек практически непьющий и терпеть не могу водку. Но бывают случаи, когда обстоятельства непреодолимой силы заставляют идти наперекор своим обычным привычкам. Именно поэтому, собрав всю свою волю в кулак, я твёрдой рукой наполнил до краёв маленькие рюмки и произнёс первый тост.

— Давайте, — говорю, — выпьем за десантный парашют Д-6 и его создателей. Пусть купол этого парашюта всегда раскрывается над головами тех, кто доверил ему свою жизнь. Будь моя власть, я бы выдал его изобретателю Нобелевскую премию Мира за тысячи спасённых жизней, в том числе, и мою грешную...

— Я бы тоже выдал, — согласился Андрей Андреевич, чокаясь со мной.

Потом было много других тостов. Мы выпили за министра обороны и за доброго начмеда; за нашего начальника, полковника Калимулина, и за нового президента Владимира Путина. Некоторые тосты звучали совсем уж невесело. Мы выпили за Советский Союз, которого, увы, уже больше никогда не будет в нашей жизни. За погибших ребят, выпускников военного института. Один из них погиб совсем недавно в Чечне. Я случайно стал свидетелем похоронной процессии возле КПП, где мрачные военные и плачущие родственники шли длинной процессией за его гробом. Почему-то мне крепко запала в память его короткая как выстрел фамилия — Бут. Разумеется,

выпили и за наших отважных девушек, Лену с Мариной. Потом, когда бутылка уже была практически пустой, я хлопнул себя по голове:

— Как же я сразу упустил! Давайте выпьем за подполковника Цирулиса. Выразить не могу, как я ему благодарен...

Мы чокнулись, выпили и я продолжил:

— Если бы не его литовская фамилия, в жизни бы не подумал, что он нерусский. Такое приятное открытое славянское лицо и говорит совсем без акцента.

Андрей Андреевич перестал задумчиво вертеть пустую рюмку в руках и воззрился на меня с нескрываемым удивлением.

— С чего это ты взял, что он нерусский?

Я сильно смутился.

— Сам точно не знаю. Видимо, это какой-то общий стереотип, фамилия-то не русская.

— Володя, — твёрдо сказал Андрей Андреевич, — советую навсегда выкинуть эту чушь из своей головы. Скажи, например, Владимир Даль, по твоему кто, русский человек или нет?

— Конечно русский, — уверенно ответил я. — Тут и двух мнений быть не может.

— И много по-твоему в нём славянской крови?

— Понятия не имею, но точно — должна быть. Наверное...

Андрей Андреевич от души рассмеялся:

— Поздравляю, вот ты и сел в лужу со всем своим университетским образованием. Если бы ты, как филолог, когда-нибудь поинтересовался его биографией, то узнал бы, что отец его датчанин, мать немка, а бабушка по материнской линии из рода французских гугенотов. И, заметь, ни грамма славянской крови.

— Да уж, лихо. Мне бы и в голову не пришло, что такое может быть... А ведь, действительно, был и другой знаменитый русский лингвист, Бодуэн де Кортуне, тоже из древнего французского рода. У него были ещё и польские корни. Видимо, понятие «русский» определяется совсем не составом крови.

— Я думаю, Володя, — сказал Андрей Андреевич, — тут всё гораздо проще, чем может показаться. Для иностранцев все, кто жил в Советском Союзе, были русские люди: буряты, чукчи, кавказцы, славяне, молдаване, евреи, татары, греки и прочие... Да так оно и было в действительности — все, кто жил в Союзе и продолжает жить в России, — это русские люди. Другие тут просто не выживут, — улыбнулся он. — Те же, кто не захотели считать себя больше русскими людьми, от нас отделились. Флаг им в руки, как говорится. А что до Кости Цирулиса... Костя от мозга до костей русский человек, офицер советской школы. И это совсем не противоречит тому, что по своему происхождению он литовец.

— Трудно это всё принять и понять, — сказал я. — Мы же все жили в одной великой стране. Всех нас в школе учили, что мы братья. У всех у нас были равные возможности. Была бесплатная медицина, образование, была великая культура. Почему же они нас бросили, когда стало плохо? Ведь, казалось бы — надо сплотиться и сообща решить все проблемы. Это же предательство! — я не сдержался и сильно стукнул по столу кулаком. Я уже совсем захмелел и плохо себя контролировал.

— Это не предательство, это человеческая глупость и жадность, — грустно сказал Андрей Андреевич.

— Чья глупость? — не понял я.

— Да всех. Национальных элит и местного населения, которое, послушно стало петь под их дудочку. Но, главным образом, это тупость и чудовищная некомпетентность руководителей страны, которые допустили весь этот бардак.

— Возможно, это был закономерный ход истории, — вставил я. — В конце концов, все крупные империи рано или поздно рушились из-за морального разложения, к которому неизбежно приводит сытая жизнь и неумеренные аппетиты аристократии... Не зря же легендарный спартанский царь Ликург приказал вместо денег использовать оболы — тяжёлые железные прутья, которые можно было перевозить только в тележках. И всё для того, чтобы ограничить торговлю, уничтожить ростовщичество и затруднить взяточничество.

— И что, это помогло? — заинтересовано спросил Андрей Андреевич.

— Нет, не помогло. Какое-то время спартанцы свято придерживались законов Ликурга. И в этот период не было в мире народа более могущественного и сплочённого, чем они. А потом их потомки захотели красивой жизни... Это их в конечном счёте и погубило. Но это не совсем наш случай...

— Не наш, — согласился Андрей Андреевич. — А хочешь, я тебе скажу, почему Союз распался? Умные люди, которые работали в нашей системе, в КГБ и ГРУ, о таком финале предупреждали ещё в далёких 50-х, когда страна развивалась невиданными темпами и, казалось бы, ничто не предвещало такой финал...

— Конечно, расскажите! — попросил я. — Одно время я довольно много читал про нашу разведку, но, честно говоря, таких прогнозов не припомню.

— Потому что ты читал только то, что пропускала советская цензура. Когда началась перестройка, начали появляться в печати кое-какие издания с информацией, которая раньше была недоступна широкой публике. Но, думаю, лишь единицы на это внимание обратили. Да и тиражи-то были крошечные... Вот ты, например, знаешь, кто такой Дмитрий Быстролетов?

— Понятия не имею, — честно признался я.

— Ну вот, а говоришь, много читал про разведчиков, — с досадой сказал Андрей Андреевич. — А ведь это без всякого преувеличения один из величайших разведчиков-нелегалов всех времён и народов. Хотя, если бы я сам не работал в системе ГРУ, я бы, пожалуй, тоже про него мало что знал. Всю правду про него широкая общественность никогда не узнает, потому что на его личном деле, которое хранится в секретном архиве, стоит штамп «Без срока давности». Он свободно владел по меньшей мере двадцатью языками, включая такую экзотику как африканские языки. Знал японский, китайский, включая некоторые его диалекты. Можешь себе представить масштаб его деятельности? В 90-е вышла пара его собственных автобиографических книг «Пир бессмертных» и «На краю вечной ночи», в которых он описывает свою жизнь нелегала и семнадцать лет отсидки в сталинских лагерях. Я конечно не филолог как ты, но по моему убеждению Солженицын как литератор ему и в подмётки не годится, а уж как личность и подавно. Если хочешь, могу дать почитать, — предложил он.

— Конечно хочу! А что у него тоже были опасения по поводу развала Советского Союза?

— Да, были. Причём весьма обоснованные; он писал, что наша национальная политика — это мина замедленного действия.

— Все равно не понимаю, — сказал я. — Некоторые народы, вошедшие в состав нашей страны, не имели своей письменности. После революции и гражданской войны, уже в тридцатом году у нас была развитая промышленность, люди бесплатно получали лучшее в мире образование, квартиры. Чего им не хватало? Мало того, что нет никакой благодарности, так они ещё и геноцид русского народа устроили. Выжили с насиженных мест миллионы простых людей. А сколько ещё осталось в притеснении?.. А сколько было садистки убито, изнасиловано и изувечено, попало в самое

настоящее рабство... В голове всё это не укладывается. Мы же смотрели одинаковые фильмы, читали одни и те же газеты и журналы, учились в школах по одинаковым программам. Наши деды вместе проливали кровь на войне. Что произошло с советскими людьми? Мне кажется, всё вокруг прогнило настолько, что нас уже не спасти. Андрей Андреевич, я сейчас пьяный и выскажу всё, что думаю, в том числе, и про вашу военную братию. Наша хваленая армия тоже насквозь прогнила. Вы-то хоть можете взглянуть правде в глаза? Несколько недель назад в нашем районе сгорел склад с краской и лаками. Там в ядовитом дыму задохнулись сразу шесть курсантов нашего института, которых собственные командиры отдали предпринимателю, чтобы они бесплатно на него работали за какие-то бонусы, которые им за это перепадут. Вы слышали, чтобы за это кто-нибудь понёс уголовную ответственность? Лично — я нет! Вы же сами отлично знаете, что совершенно бесправных ребят заставляют работать на своих командиров? Знаете и молчите! Бойтесь тёплое местечко потерять? Или вам просто плевать? Ещё я знаю одного генерала, которому срочники строят дом в Матвеевке. Военный интендант Новосибирска — вор. У него уже шесть квартир и армяне ещё строят ему коттедж. Я как-то даже лично видел этого гада, поскольку он родной дядя моей хорошей приятельницы. Она сирота и живёт на жалкую стипендию, подрабатывая репетиторством. Живёт в одной из его квартир, которую он ей милостиво предоставил на некоторое время. Её сокурсницы в пединституте, деревенские девчонки, чтобы выжить, занимаются проституцией. Мой друг, преподаёт философию в пединституте. Недавно какие-то дружки пригласили его бесплатно за компанию с собой ночью в сауну. Он повёлся на эту халяву, а они вызвали себе проститутку. Среди тех, кого сутенёра привезла им на выбор, была и одна его студентка.

Я много чего ещё тогда наговорил. Но Андрей Андреевич и не думал меня перебивать. Он спокойно выслушал до конца, пока я не излил ему всю жёлчь и злость, которая во мне тогда обильно накопилась. А потом рассудительно и трезво поставил меня на место.

— Как ты думаешь, кто хуже, командиры, которые заставляют своих подчинённых бесплатно работать ради своей личной выгоды или эти курсанты, которые соглашаются? Я лично считаю, что последние. После такого прогиба они уже никогда не будут хорошими офицерами. Когда доучатся и дорвутся до должностей, они будут поступать точно также. Из них потом и получают такие вот интенданты и генералы, о которых ты мне рассказывал. А девочка из пединститута, торгующая телом? Только не говори мне, что у неё нет выбора. То же мне, Сонечка Мармеладова! Твоя знакомая же как-то выкрутилась? А эта... Потом она станет преподавателем в школе. Ты отдал бы ей своего ребёнка? Разве может научить чему-то доброму и светлому шлюха? Я думаю, что каждый должен отвечать только за себя. Помнишь, как было сказано: «кто без греха, пусть первый кинет в меня камень?». А ты уже за пять минут накидал мне целую гору. Может быть, я чего-то не знаю и ты на самом деле святее папы римского?

— Да нет, конечно, я совсем не святой, — успокоился я. — Вы правы, надо за собой в первую очередь следить. И всё-таки, почему национальная политика — мина замедленного действия?

— Я совершенно ничего не смыслю в госуправлении, — сказал Андрей Андреевич. — Но что мы видим в итоге перед развалом: крупные образования с компактным проживанием лиц одной национальности — это практически полностью автономные административные структуры во главе с крепкой национальной элитой, кровно заинтересованной в финансовой и административной независимости от Москвы. Большинство из них имеет чётко обозначенные административные границы, расположенные на периферии страны и имеющие внешние границы. Местные элиты одной

рукой отдавали Москве под козырёк, а другой, спрятанной в кармане, показывали ей большую фигу и все местные проблемы преподнесли своему населению в таком разрезе, что во всех их бедах виновата Москва. Создавался сказочный образ прекрасной и беззаботной жизни в самостоятельном государстве, раздувались мифы о великом историческом прошлом и отсутствии будущего в силу того, что такая-то республика стала частью одной большой страны. Населению обильно вешали на уши лапшу, что мы мол, всех кормим, а взамен получаем жалкие остатки с общего стола. Так что, когда начались экономические проблемы и откровенное предательство со стороны полностью недееспособной и некомпетентной центральной власти, государство разошлось по всем швам, как старый пиджак с прогnivшими нитками. Хорошо, что были ещё люди, которые предвидели такой исход событий и задолго начали к этому готовиться, иначе распад было не остановить.

— Что же Вы предлагаете? Новое переселение народов по типу того, которое в своё время организовал Берия?

— Я ничего не предлагаю, а лишь смотрю на вещи без розовых очков и хорошо вижу, к чему в итоге привела поддержка обособленных национальных образований. А ведь она и сейчас никуда не исчезла... Может быть, Берия и поступал, как преступник, но он, по крайней мере, видел эту проблему и пытался её решить, а не прятал голову в песок и не делал вид, что всё в порядке, потому что осознал опасность национализма для существования государства. Если ты помнишь, то в девяностые на Западе распад России казался лишь делом времени. Во всю публично обсуждались планы, кому из партнёров будет принадлежать та или иная наша территория. И ведь у них были все основания для такого «оптимизма». Президенты республик превратились в настоящих местных царьков, которым центральная власть не указ...

— Ещё бы не помнил, — ответил я. — Бардак был беспросветный. Знакомые по универу ребята, историки с моего потока, в открытую говорили, что для всех нас будет лучше, если в Россию введут войска НАТО... Сейчас с новым президентом вроде чуть спокойнее стало. Не уверен, надолго ли. Как Вы думаете, что будет дальше с нами, со страной?

— Ну у тебя и вопросы, — рассмеялся он. — я же тебе не Ванга.

— А у этого, как его... Быстролетова, на этот счёт что-нибудь есть в его книгах?

— Ну, скажем, прогнозы делать — это было совсем не по его части; он всё-таки кадровый разведчик, а не бабка-гадалка из модного бюро прогнозов, — сказал Андрей Андреевич. — Всё, что он мог и должен был делать — это стараться предвидеть различные сценарии развития ситуации, которая складывалась на тот момент. А он видел, что после смерти Сталина и убийства без суда и следствия Берии поступательное развитие страны прекратилось, и дальше всё покатило лишь по инерции. Просто поразительно сколько было всего заложено за тот срок, пока страной управлял Сталин. Даже и сейчас мы всё ещё доедаем остатки советского наследия от поколения конца сороковых и начала пятидесятых. Быстролетов прекрасно видел, как ничтожные, беспринципные, глупые люди дорвались до рычагов управления великой страной и уничтожают плоды деятельности двухсот миллионов людей. Но что он один мог сделать, находясь в сталинских лагерях, из которых сам вышел в 1954-м году уже немолдым инвалидом?

— Расскажите, если не сложно, какую-нибудь историю про него, — попросил я.

— Что ж, можно и рассказать, — согласился Андрей Андреевич. — Однажды Сталину дали книгу одного нашего перебежчика, высокопоставленного дипломата, где он коротко, всего на одной странице упомянул о небольшом инциденте, имевшем место в бытность его прежней работы. Был при Бенито Муссолини у итальянских военных

такой гениальный бизнес — продавать собственные военные шифры и друзьям, и врагам. Сначала шифры предлагались в посольствах самых богатых европейских стран за весьма приличные суммы. Потом наступал черёд стран рангом поменьше, где эти же шифры предлагалось приобрести уже за меньшую сумму. Через год итальянцы свои шифры меняли, и всё начиналось по-новому кругу. Так вот наш перебежчик описал, как однажды в кабинет посла одной из советских дипмиссий вошёл ничем с виду непримечательный человек и предложил ему купить у него эти самые шифры итальянского генштаба. Тот шифры взял, но решил сэкономить и денег не отдавать. Он наорал на посетителя, что тот жулик, что шифры поддельные и платить никто не собирается. Посетитель был выставлен охраной за дверь. Контакты с ним были потеряны. Прочитав книгу, Сталин на полях этой страницы написал всего одно слово: «Возобновить». Нашей разведке нужно было найти человека, о котором было известно только, что он итальянец маленького роста и ничем не примечательной наружности. Дело-то шло к большой войне, и шифры противника в будущем могли спасти жизни тысяч советских солдат. Быстролетов справился с этой сложнейшей задачей всего за месяц. А знаешь, как он это сделал? Он взял мольберт и встав возле одного из европейских посольств в Риме, начал рисовать окрестные здания, изображая из себя профессионального художника. Причём рисовал он, действительно, профессионально. В конце концов, примерно через месяц наблюдений он заметил маленького ничем не примечательного человека с туго набитым портфелем, семенящего к двери иностранного посольства... Каким-то своим шестым чувством он мгновенно распознал в нем своего клиента. Дальше уже всё было делом техники.

— Действительно, блестящая операция! — восхитился я. — Как же Вам повезло, что Вы общались с таким человеком.

— Да, Володя, общался. Собеседник он был потрясающий. После встречи с ним я понял, почему жёны иностранных президентов, премьер-министров, послов и штабных офицеров готовы были не только в постель, да и на край света за ним пойти. Конечно, он был по молодости фантастически красив. Но дело не только в этом. Он умел слушать и, главное, чувствовать своего собеседника. Пожалуй, только от своей первой жены я находил такой же отклик на свои мысли, чувства, эмоции. Как бы тебе это объяснить получше... Понимаешь, когда я с ним общался, я ощущал, что я ему действительно ИНТЕРЕСЕН как личность со всеми своими потрохами и тараканами. Он ведь мне тогда глаза открыл, сказав, что неинтересных людей не бывает. Каждый человек, говорил он, это уникальная история, которая может тебя сделать намного мудрей, если ты дашь себе труд её прочесть...

Андрей Андреевич на некоторое время замолчал, погрузившись в воспоминания. Мы закурили. Докурив свою сигарету, он продолжил говорить.

— Его посадили по ложному доносу в 1938 при Ежове, который ввёл так называемые разнарядки по выявлению врагов народа. Лица, занимавшие ответственные посты, ежемесячно обязаны были выполнять план по выявлению вредителей и предателей. Кто не выполнял этот план, сам подвергался репрессиям. Кстати, благодаря Берии эта адская машина смерти была вовремя остановлена. Быстролетову тоже пытались пришить дело об измене. Если бы он подписал всё то, что от него тогда требовали, его бы немедленно расстреляли вместе с теми, кто якобы входил в организованную им подпольную группу, работающую на одну иностранную державу. Но он держался. А ведь били и пытали его страшно. Обычный человек не выдержал бы и малой доли того, что с ним делали...

Андрей Андреевич снова замолчал и задумался о чем-то своём. А я стал смотреть в окно, верхнюю половину которого стыдливо прикрывали лёгкие шёлковые шторы

из парашютной ткани. По местному уставу завешивать окна полностью было почему-то не положено.

— Андрей Андреевич, расскажите, если не секрет, как Вы с ним встретились. Ведь, у вас с ним большая разница в возрасте...

— Это старая и долгая история, Володя, — ответил он. — Сейчас уже поздно. Давай, может быть, в другой раз, если ещё когда-нибудь встретимся. Лучше я тебе расскажу одну занимательную историю про свою службу в Литве раз уж мы с неё начали. Что-то потянуло меня на воспоминания молодости, — улыбнулся он.

Андрей Андреевич открыл стол и достал оттуда медную пуговицу от советского офицерского мундира.

— Вот с этой пуговицы всё и началось, — сказал он.

Я внимательно смотрел. Пуговица как пуговица. До блеска начищенная. Только с одного края примерно на четверть на ней было хорошо заметно тёмное пятно. Оказалось, из-за этого пятнышка и случилась вся эта, как выразился Андрей Андреевич, катавасия. Я позволю себе теперь пересказать вам, читатель, эту историю от лица самого Андрея Андреевича, чтобы попробовать хоть немного передать весь тот аромат и колорит, который я ощутил в его рассказе. И да поможет мне в этом Святой Ангарий.

МЕДНАЯ ПУГОВИЦА

Вскоре после окончания Рязанского десантного училища я в должности лейтенанта оказался в Литве. Моя воинская часть располагалась неподалёку от уютного старинного городка с невысокими домами с остроконечными черепичными крышами и брусчатыми мостовыми. После наших однотипных городов с их унылыми хрущёвками и серыми девятиэтажками, мне казалось, что я очутился в какой-то старой доброй сказке. Напротив нашего военного городка прямо за речкой располагалось крупное богатое село, где все главные улицы были заасфальтированы. Каждое утро я видел, как пастухи гонят на сочные пастбища тучных коров, коз и барашков. Местные жители выглядели всегда очень опрятными. А на праздники так и вовсе наряжались в красивые национальные одежды — любо дорого было смотреть. Невольно я сравнивал всё это великолепие с нашими российскими деревушками и колхозами с их часто непролазными дорогами, невзрачными домишками и не всегда трезвыми обитателями. Впрочем, для многих военных, давно служивших в гарнизоне, здесь было довольно скучно. По выходным пойти было особо некуда. Разве что в лес за грибами, да порыбачить на речке. Те, кто был холост или не считал свои законные брачные узы к чему-то обязывающими, всюю интересовались местными девушками. Я был в то время молод, не женат и, разумеется, входил в последнюю категорию. Расписанная по минутам и строчкам устава жизнь военного человека очень располагает к тому, чтобы время от времени искать отдушину в острых ощущениях. Душа военного человека не меньше чем у гражданского жаждет романтики и любви. Но в силу известных ограничений эта жажда у многих из нашей военной братии иногда накапливается до такой степени, что и думать ни о чем другом уже невозможно. Гражданским в этом плане, конечно, гораздо легче проявлять настойчивость и знаки внимания к слабому полу. Им не нужно стоять в караулах, нести дежурство или заниматься строевой подготовкой. Хоть каждый вечер можно приглашать свою девушку в кино и сидеть вместе с ней на лавочке, целуясь и лузгая семечки.

Если девушка не обращает внимания на гражданского ухажёра, у того есть множество способов и хитрых уловок и, главное, свободного досуга, чтобы повернуть в конце концов процесс в свою пользу. У военного же человека времени всегда в обрез. И это накладывает существенный отпечаток на стратегию и тактику всей военной компании по привлечению внимания женского пола к своей особе. И всё же у военного человека есть одно огромное преимущество, которое делает его практически вне конкуренции с местным гражданским населением мужского пола любого населённого пункта и любой страны. Это его парадная форма. За свою жизнь я неоднократно убеждался в том, что она производит на молодых девушек просто магическое действие. Однажды я даже продемонстрировал это одной своей близкой приятельнице. Дело было в Томске.

В один прекрасный, тёплый летний день мы гуляли с ней по центру этого удивительно красивого и уютного сибирского города. Я был в парадном кителе и чисто выбрит, за исключением усов, которые обладали дипломатической неприкосновенностью от любых посягательств на их существование. Время от времени мимо нас проходили молодые девушки и бросали на меня восхищённые взгляды. Разумеется, это не могло ускользнуть от моей приятельницы, которая сказала:

— Знаешь, Андрей, я бы очень не хотела быть твоей женой. С ума бы сошла от ревности...

— Не сошла бы, — говорю. — Я бы просто пореже одевал свою парадную форму, чтобы не рушить наше совместное счастье. Дело в том, что вы, девушки, сами даже не отдаёте себе отчёта, в том, что вам больше всего нравится сам офицерский мундир, а не тот, кто находится в нём. Хочешь — на спор? Я сейчас познакомлюсь с любой из девушек, которые есть в ближайшем квартале, и приглашу её на свидание сегодня же вечером.

Моя приятельница засмеялась.

— Ловлю тебя на слове. Давай спорить. Только не знаю, на что...

Я посмотрел на неё оценивающим взглядом. Она была очень хороша собой, и я знал, что ей нравлюсь. Можно было... Но я отогнал от себя лукавые мысли. Это был тот редкий случай, когда нельзя было даже и думать об идущем тебе прямо в руки чудесном романтическом приключении. Она была девушкой одного моего близкого друга, поэтому я предложил поспорить на шоколадку.

— Фу, какой ты скучный, — засмеялась она, впрочем, легко согласившись. — Ну теперь держись! На лёгкую победу даже не рассчитывай.

И она стала тщательно и со вкусом выбирать мою будущую жертву. Мы зашли в местный ботанический сад, где было полно гуляющей молодёжи. Одинокие девушки даже и не рассматривались — она решила действовать наверняка и утереть мне нос. Наконец, выбор был сделан. Это была юная особа, надо сказать совершенно не в моём вкусе, одетая по последней моде, на длинных каблукках и вся увешанная побрякушками. Топ-модель, а не человек. Её сопровождал одетый с иголочки молодой паренёк с таким надменным видом, что — мама, не горюй. Меня от таких, честно говоря, тошнит. Даже не знаю, о чём думала моя приятельница, когда выбрала эту парочку. Наверное, она решила, что дамочка, судя по её прикиду, ведётся исключительно на пижонистых мажоров с тугими кошельками. Ерунда это всё! Советскому офицеру в парадном мундире и с хорошей выправкой никогда не сможет составить конкуренцию ни один клиент, пусть даже одетый от самого раскрученного на свете кутюрье.

— Что же, говорю, начинаю действовать. Сколько ты даёшь мне времени?

— Даже не знаю, — она явно растерялась от такого вопроса. — Хочешь сказать, что если я дам тебе минуту, ты справишься?

— Слушай, — говорю, — мы в училище на утреннем подъёме за это время успевали вскочить, одеть форму одежды номер два, спуститься со второго этажа и выстроиться перед казармой. А тут такое плёвое дело. Правда этого типа потом увезут отдыхать в ближайшее челюстно-лицевое отделение, но гарантирую тебе, что перед тем, как меня поймают и посадят в СИЗО, его баба сегодня же вечером придёт ко мне на свидание возле фонтана.

— Нет, — запротестовала она, — давай без жертв. Даю тебе целых полчаса. И чтобы всё было тихо и мирно.

— Замётано, — говорю. — Теперь держись всё время позади этой парочки и просто наблюдай.

Сказав это, я сразу свернул на боковую аллею. Для начала мне нужно было встретиться с моей жертвой глазами. Скоро уже, быстрым шагом зайдя далеко вперёд, я вновь вернулся на главную аллею и пошёл уже в обратную сторону навстречу своей будущей добыче. Незнакомка оживлённо переговаривалась со своим спутником и, увлечённая беседой, совершенно не смотрела по сторонам. И всё же мой офицерский китель слишком выделялся на общем фоне, чтобы можно было просто пройти мимо и не обратить на него никакого внимания. Так и произошло. Девушка чисто машинально метнула на меня быстрый равнодушный взгляд. Точно таким же взглядом пешеходы и водители обычно окидывают мчащуюся куда-то пожарную машину или карету скорой помощи. Собственно, для начала мне ничего больше было и не нужно. Я встретился глазами со своей приятельницей. Она скорчила мне язвительную рожицу

Я снова свернул на боковую аллею и через пару минут опять вышел навстречу прогуливавшейся парочке. Второй заход превзошёл мои самые смелые ожидания. Девушка заметила меня уже издали и стала внимательно разглядывать. Я резко сбавил шаг. Настал самый ответственный момент, который должен был всё решить. Мы сблизилась и наши взгляды, наконец, встретились. Я не крупный специалист по части женской психологии, но одно я знаю наверняка: ни с чем на свете нельзя спутать взгляд одинокой женщины, ищущей в огромной людской толпе своего единственного и родного человека. И я поймал на себе именно такой взгляд, излучающий и очень серьёзный. Мы шли друг другу навстречу, смотря всё это время в глаза друг в другу, пока не разминулись. В этот момент я сразу остановился, развернулся и не спеша последовал за ними. Думаю, что краем глаза девушка это заметила.

Девушка и её спутник продолжали идти по центральной аллее ботанического сада, но уже гораздо медленнее. Я шёл за ними чуть сзади и сверлил её своим взглядом. Уверен, она чувствовала его затылком. Вскоре пара остановилась возле свободной скамейки и присела на неё. Я тоже остановился, сел на пустующую лавочку на противоположной от них стороне. Спутник моей знакомки о чём-то оживлённо говорил, но она его почти не слушала. Взгляды, которые она бросала на меня, становились всё более и более долгими. В подобных экспериментах, которые я время от времени проводил в разных городах, куда бросала меня служба, я ещё никогда не заходил дальше, чем сейчас, ибо в глубине души я был робкий и стеснительный парень. И уж точно не ловелас. Но этот случай был особый. Я не собирался проигрывать спор своей приятельнице, которая мне, откровенно говоря, сильно тогда запала в душу. И лишь тот факт, что она была почти невестой моего очень близкого друга, удерживал меня от любых посягательств на неё. Другими не раскидываются.

Итак, я сидел на лавочке и обдумывал план дальнейших действий. Мимо нас по аллее шла семейная пара с детьми, которые ели мороженое. Моя незнакомка что-то быстро сказала своему спутнику и показала рукой на детей. Тот нехотя поднялся и подошёл к семейству. Я расслышал, как он справлялся у них, где находится киоск с мороженым. Ему объяснили, и он направился за пломбиром.

«А ты, однако, умница», — подумал я про девушку, намереваясь подняться со своей лавки, чтобы к ней подсесть. Однако мне не пришлось этого делать, потому что топ-модель уже сама шла в мою сторону...

— Простите, можно я ненадолго к Вам присяду, — сказала она, подойдя ко мне.

Я чуть подвинулся, приглашая её сесть. Признаюсь, мне очень импонировала её смелость, в которой по сути не было ни капли распушенности и легкомыслия. Эта девушка хорошо знала, что ей нужно, и не боялась проявить инициативу тогда, когда она считала это необходимым. Я точно знаю, что далеко не все мужчины на такое способны. Мы познакомились и разговорились. Когда моя приятельница под села на край нашей скамейки, мы уже всю договаривались о свидании поздно вечером в парке возле фонтана. Дело было сделано.

— Ну всё, мне пора, — сказал я, резко поднимаясь со скамейки; кивнул своей приятельнице, и мы с ней пошли к выходу.

— Ты выиграл, — сказала она мне, когда мы отошли чуть подальше. — Честно говоря, я уже сильно жалею, что ввязала тебя в это. Видел бы ты её лицо... Ладно, куплю я тебе шоколадку.

Я рассказал эту историю вовсе не для того, чтобы похвастаться успехами у девушек, а чтобы было понятно трепетное отношение к офицерскому мундиру, которое было у меня в молодости. Я буквально сдувал с него пылинки. На этот счёт у меня был заведён строжайший порядок. Раз в неделю, в выходной день утро начиналось с того, что я доставал из шкафа свой парадный костюм, вешал его на крючок и тщательнейшим образом рассматривал. Потом из тумбочки извлекался целый арсенал специальных щёточек, которыми я производил чистку. Для меня этот процесс имел такое же важное значение как медитация для тибетского монаха. Я не просто счищал пылинки с костюма, я приводил себя таким вот незамысловатым образом в гармоничное состояние. Мои мысли успокаивались, появлялась уверенность в себе и в завтрашнем дне. В таком образе действий, если подумать, нет ничего необычного и тем более предосудительного. Подобным же образом ведут себя представители многочисленных военных и гражданских профессий. Когда перед вылетом лётчик обходит свой истребитель и похлопывает его по различным частям, в этом, конечно, есть доля суеверия, но лишь малая доля. Самолёту, возможно, абсолютно всё равно, но для пилота без этого шаманского обряда не будет уверенности в воздухе. Вот и у меня душа была бы не на месте, если бы я не производил еженедельную чистку парадного облачения. Да, я забыл упомянуть ещё и про свои туфли, которые я надевал исключительно со своим парадным костюмом. Многие не считают нужным следить за чистотой своей обуви, полагая, что на неё мало кто обращает внимания. Это заблуждение. Большинство девушек на обувь обращают самое пристальное внимание. Разумеется, и туфли, как неотъемлемая и важная часть моего парадного гардероба, тоже подвергались тщательному обслуживанию.

В части вместе со мной служил мой близкий друг. В одно прекрасное утро он зашёл ко мне в комнату и попросил одолжить на сутки мои парадные ботинки, потому что его собственные были не в порядке, а ему предстояло первое свидание с девушкой. После примерки выяснилось, что они ему на размер малы, но он решил, что как-нибудь вытерпит, и забрал их с собой. На следующий день он мне их вернул

обратно и впридачу подарил бутылку моего любимого красного сухого вина. Лицо у него просто светилось от счастья, и он сказал, что вчера у него был самый лучший день в жизни. Я не придавал его словам значения, списав их на шутку. Но после этого он стал постоянно просить у меня те же самые туфли на важные совещания и встречи, какие у него только были. Каждый раз он возвращал мне обувь чрезвычайно довольный и неизменно приносил в подарок бутылку вина. Надо сказать, что по службе он продвигался довольно стремительно и имел большой вес в глазах начальства. Получилось, что мои ботинки для него — счастливый талисман. Я даже хотел однажды ему их подарить, но, к моему удивлению, он наотрез отказался. Но туфли, тем не менее, продолжал регулярно брать. И вот однажды я имел возможность воочию убедиться как работает этот магический талисман в реальной жизни.

Дело было так. В числе небольшого числа офицеров мы с моим другом должны были стать участниками одного совещания. По легенде это было дежурное отчётное мероприятия. Но в действительности повод был куда более серьёзный. Ожидался скорый приезд проверяющей комиссии из военной прокуратуры. Не хочу сейчас вдаваться в подробности, скажу только, что кто-то из московских паркетных генералов решил наложить руку на бизнес наших местных военных и натравил на нас прокуратуру. Грешков, которые вносились за душой наших командиров, было совсем немало. Руководство в пожарном порядке решало как спасти свои задницы. Неправильное решение привело бы к необратимой отставке высоких чинов и сильному геморрою для всех остальных — вроде проверяющей комиссии из Москвы и бессчётных проверок. Лично для моего друга под угрозой оказалось присвоение ему очередного звания майора. Разумеется, он пришёл за моими парадными ботинками. Совещание затянулось. Ситуация казалась совершенно безвыходной. И тут я краем глаза заметил мелькнувшую на лице моего друга гримасу дикой боли. Находиться долгое время в ботинках, которые малы тебе на размер, сродни пытке средневековой инквизиции, которая называется, кажется, «испанский башмак». Потом его лицо приняло необыкновенно волевое выражение, а взгляд стал просто стальным. Спустя некоторое время он попросил слово и предложил конгениальную по своей изящности многоходовку, которая если и не снимала до конца проблему, то гарантированно отодвигала кризис на далёкое будущее. Начальство было на седьмом небе от счастья. Собрание быстро свернули. После этого случая я понял, в чём крылся секрет его успешного свидания с запавшей ему в душу девушкой, ставшей впоследствии его женой. Человеку с таким волевым выражением лица и скоростью принятия правильных решений без всякой опаски не то, что свою жизнь, целую страну можно доверить.

Думаю, мой друг однажды станет президентом, если, конечно, захочет. Ну а пока он нашёл своё место в генштабе. Сейчас он один из тех, о ком абсолютно ничего не пишут в прессе, но кто принимает ключевые решения, от которых зависит международная обстановка. За моими ботинками он, однако, регулярно продолжает приходить, точнее прилетать. Благо служебное положение позволяет ему это делать с комфортом и бесплатно. В последний раз, правда, он не смог прийти за ними лично, а прислал курьера. В мире был какой-то серьёзный кризис и он должен был неотлучно находиться при министре обороны. В Новосибирск и обратно за моими ботинками его посыльный добирался на сверхзвуковом истребителе с несколькими дозаправками в воздухе. Но уже возвращал обувь он сам, как обычно, с неизменной бутылкой красного сухого вина; в тот раз это было «Телиани». Судя по его уставшим глазам кризис был нешуточный. У меня были некоторые основания подозревать, что дело пахло даже третьей мировой. Поэтому без ложной скромности могу считать, что человечество кое в чём мне весьма обязано.

Пожалуй, я уже достаточно рассказал о своём отношении к парадному мундиру, и теперь можно, наконец, приступить непосредственно к самой истории, о которой я тебе обещал поведать.

Как я уже успел упомянуть, один день в неделю я в обязательном порядке посвящал чистке своего парадного костюма. Так было и в ту памятную субботу, когда я, бережно достав из шкафа свой мундир и повесив его на крючок, заметил вдруг на второй по счёту, если смотреть от воротника, пуговице тёмное пятнышко. Признаться, в первое мгновение я даже обрадовался, поскольку в этот раз чистка костюма перестала быть для меня пустой формальностью. Я не спеша подошёл к тумбочке возле своей кровати, нашёл в верхнем ящичке специальную замшевую тряпочку, которой обычно начищал пряжку от ремня, и начал тереть ей пуговицу. Примерно через минуту я стал оценивать результаты своих усилий. К моему удивлению, пятнышко никуда не исчезло. Более того, на хорошо очищенном блестящем металле она стало выделяться гораздо чётче прежнего. От досады я даже присвистнул. Немного поразмыслив, я выдавил на тряпочку крошечную капельку зубной пасты и продолжил свои усилия.

«Ах, если бы у меня не кончилась паста ГОИ¹» — с горечью думал я. Но, увы, паста ГОИ у меня уже давно закончилась и пополнить ею свои запасы было решительно невозможно. Дело в том, что в Литве, в этой пресловутой «витрине Советского Союза» проще было купить подержанный мерседес, чем обзавестись столь необходимой в нашем военном хозяйстве вещью. И это одна из наиболее веских причин, почему я никогда не жалел о том, что мне очень скоро пришлось покинуть этот во всех других отношениях весьма благополучный край. То, чего в какой-нибудь сибирской тьму-таракани было полно, здесь ценилось на вес золота. Среди сослуживцев у меня было немало друзей и хороших приятелей, но и среди них можно было посчитать на пальцах одной руки тех, кто мог бы со мной поделиться подобной драгоценностью. Причём я отлично знал, что сам-то я ни с кем бы не стал бы делиться этим сокровищем, будь оно у меня в наличии.

Аккуратно смыв с пуговицы остатки зубной пасты, я убедился, что никакого эффекта от неё не было: огромное тёмное пятно по-прежнему красовалось на маленькой медной пуговице, расположенной на самом видном месте парадного кителя. Позарез нужна была паста ГОИ. Я горестно вздохнул и пошёл побираться по своим друзьям и коллегам. Разумеется, никто мне её не дал. Глупо было даже рассчитывать. При этом все как один советовали мне пойти к Хохлу. Мол, у него-то этого добра в избытке. Но это я и сам хорошо знал. И ещё я знал, что Хохол никогда никому ни в чём не откажет, но предложит сыграть с ним сначала в шахматы. Он вообще-то отличный мужик. Если бы не его страсть к шахматам, цены бы ему не было. Играет он, надо сказать, так себе, но над каждым ходом может размышлять часами. Я думаю, он бы даже Фишера легко сделал, если бы тот рискнул сыграть с ним партейку. Взял бы Фишера измором. Играть на время Хохла, разумеется, не заставишь. Страшно упёртый в этом плане человек. Самое смешное, что к хохлам-то он сам не имеет ни малейшего отношения. Он узбек с Намангана. И пока к нему не пристала кличка «Хохол» мы все звали его просто Жора.

Жора-обжора... Мы были ещё курсантами, когда нам однажды пришлось почти неделю ехать в поезде Москва-Владивосток. Наш взвод занимал весь вагон с купе. Отрывались, конечно, по полной. Играли в карты, пили водку, травили анекдоты. Жора тогда был правоверным мусульманином и спиртного в рот не брал. Поиграть с нами в карты религия не позволяла, хотя ему и страшно хотелось — человек он

1 Шлифовальные и полировальные пасты на основе оксида хрома

был азартный. С горя и подсел на шахматы. Первое время мы его активно зазывали в нашу гулящую компанию, но потом бросили это пустое дело, так как на все наши потуги он назидательно приводил суры из Корана. Поэтому всю долгую поездку он просидел большей частью в полном одиночестве, пока мы весело резались в карты в соседних купе. Только по вечерам, когда мы садились петь под гитару, он всё же присоединялся к нам, и тогда мы просили его спеть «Наманганские яблоки». У меня до сих пор сердце сладко замирает, когда я вспоминаю, как проникновенно он пел эту чудесную песню. Путешествие прошло бы совсем отлично, если бы на четвёртый день пути у нас не закончились деньги и продукты. Ехать было ещё двое суток, а в желудках было пусто. Единственное, что немного спасало — это сало, которое мне родители подкинули, когда мы проезжали Новосибирск. А нашему Жоре было совсем худо. Как правоверный мусульманин, сало он на дух не переносил. Говорил, что есть свиное сало — это страшный грех, и что он лично никогда в жизни в рот его не возьмёт. «Ну, грех так грех, нам же больше достанется». На пятый день пути несколько часов кряду мы ехали вдоль казавшегося бесконечным Байкала, как обычно, резались в карты и жевали сало. Когда оно у нас закончилось, я отправился к себе в купе за новой порцией. Открыв дверь, я увидел жующую физиономию Жоры. Он активно двигал челюстями, не обращая на меня никакого внимания. Я же пялился на него, не веря своим глазам.

— Жора, что ты ешь? У нас же кроме сала вроде бы ничего не оставалось, — спросил я.

— Так я и ем твоё сало — ответил Жора, как будто бы в этом не было ничего особенного.

— Но как же так, ведь ты же сам говорил, что есть сало для мусульманина — страшный грех...

— А, ничего. В армии можно. Аллах простит, — отмахнулся он.

Мы долго потом над этим потешались, повторяя по поводу и без повода ставшую крылатой фразу: «Ничего. В армии можно. Аллах простит». С того времени и пристала к нашему Жоре кличка «Хохол». На мой взгляд, совершенно не к месту.

Между тем, в поисках необходимой пасты ГОИ ноги сами вели меня к двери комнаты, где жил Хохол. Когда я вошёл к нему, то морально уже был готов к неизбежному.

— Привет, старик. Не хочешь ли ты перекинуться со мной в партейку?

— Андрей-сан, заходи, дорогой, гостем будешь, — он явно обрадовался свалившейся на него удаче и бросился доставать шахматную доску.

— Только давай играть на интерес, — сказал я.

Он удивлённо на меня уставился.

— Какой такой интерес?

— Мне нужно немного пасты ГОИ, — говорю я без обиняков.

— Не дам, — мрачно сказал Жора. — Прости друг, что хочешь проси, но только не это. Самому надо.

Я на с досадой махнул рукой и молча вышел. Настроение было хуже некуда. Вернувшись к себе, я стал обдумывать сложившуюся ситуацию. В этот день у меня были намерения совершить вылазку в город в парадном облачении, чтобы попробовать завести знакомство с какой-нибудь девушкой. И я решил не отказываться от своих планов. «По дороге найду какую-нибудь автомастерскую», — думал я. — «Не может быть, чтобы у них не было никаких чистящих средств. Не зубным же порошком, в самом деле, они полируют кузовные детали...».

Скоро я уже топал по направлению в город в полном парадном облачении. Погода была по-августовски тёплой; ласково пригревало солнышко; щебетали птички.

Благодарь! На какое-то время я даже забыл о злосчастной пуговице и шёл, наслаждаясь утренней свежестью. До города пешком было километров пять, если идти по дороге. Можно поймать попутку. Но мне хотелось прогуляться. Чтобы срезать путь, я свернул на хорошо знакомую протоптанную тропинку, которая вела через лес. Торопиться было некуда, а в лесу было так хорошо, что впору задуматься, а стоит ли вообще идти в город. Я резко замедлил шаг, отбросил прочь все мысли и погрузился в чистое созерцание. Вдруг сзади меня догнали звуки весёлой девичьей песни. Песня была на литовском. Голосок звонкий и чистый, просто бальзам на душу. Я уже начал мысленно выстраивать свой будущий диалог при новом знакомстве, как внезапная мысль о том, что незнакомая девушка увидит на моём безупречном офицерском мундире изуродованную пуговицу, заставила меня покрыться испариной. Я спрятался с тропинки за кусты и деревья и увидел обладательницу очаровательного голоса, не менее очаровательную девушку лет двадцати в лёгком белом платье и с пустой авоськой в руках. Явно это была дочь одного из местных фермеров, которая, как и я, направлялась в город. Я успел разглядеть приятное белое личико с обильным роем веснушек и плотно сбитую высокую фигуру. Были в ней и тысячи каких-то мимолётных совершенно неуловимых и невыразимых особенностей, которые мгновенно и без остатка покорили моё мужское сердце. Я дал себе слово, что потом разыщу её во что бы то ни стало.

Вернувшись на тропинку, я стал размышлять. Нужно быть психопатом, чтобы из-за какой-то грёбаной пуговицы очумело прятаться от девушки в кустах. Если раньше все мои пляски с бубном вокруг собственного мундира казались мне совершенно естественными и нормальными, то теперь у меня закрались естественные сомнения, в здравом ли я уме. Я наконец осознал, что мне требуется посторонняя помощь, потому что самому правильно разобраться в том, псих ты или нет, совершенно невозможно. Это сейчас полно всяких психотерапевтов, которые, если повезёт, могут помочь тебе в этом вопросе. Но тогда ничего такого не было, и единственный человек, к кому я мог бы обратиться за помощью, был Зомби, наш замполит. Разумеется, у него другие имя и фамилия, но за глаза все звали его исключительно так, в том числе, и начальство. Замполит наш служил иллюстрацией того, что бывает с человеком, слишком много говорящим на одну и ту же тему. В гражданской жизни таких тоже полно. Самый живой пример — это люди, занимающиеся сетевым маркетингом. Этим несчастным, чтобы выстроить хоть сколько-нибудь прибыльную сеть, приходится по полсотни раз на дню произносить одну и ту же пламенную речь. Примерно после года активного образа жизни в мозгу у человека что-то переключается и всё его мышление входит в одно и то же русло, из которого самостоятельно выбраться уже практически невозможно. Чтобы убедиться в этом, попробуйте поговорить с таким человеком на какие-нибудь отвлечённые темы, хотя бы о погоде. Не пройдёт и минуты, как беседа плавно перетечёт на тему о целебных свойствах какого-нибудь «Герболайфа» или другой подобной хрени, и баснословных заработках, которые тебя ждут, если ты захочешь стать адептом секты её распространителей. Та же история произошла и с нашим замполитом. На свою беду он чересчур ответственно относился к своим служебным обязанностям, поэтому считал своим долгом основательно изучить труды всех классиков марксизма-ленинизма, причём на языках оригиналов. Дополнительно он тщательно штудировал материалы всех доступных съездов КПСС, за исключением, конечно, последнего сталинского, по-настоящему триумфального XIX съезда, и то лишь потому, что все упоминания о нём были тщательно вымараны из советской истории в силу известных обстоятельств. Кроме того, он регулярно конспектировал все центральные советские газеты. В нашем офицерском сортире мне

частенько попадались страницы из какой-нибудь «Правды» или «Известий» с многочисленными карандашными пометками и жирно подчёркнутыми строками передовиц. Эти газеты неизменно попадали в наш сортир из Ленинской комнаты, где их от корки и до корки с карандашом в руках штудировал Зомби. Раз в неделю он проводил в нашей части часовую политинформацию, которая больше походила на церковную проповедь. По большому счёту, от приходского батюшки его отличали только форма одежды и набор священных канонических текстов, на которые принято ссылаться, когда требуется открыть глаза пастве на истинное положение дел. Кроме еженедельных собраний и текущей работы в ротах, у него были регулярные приёмные часы, где он принимал всех, кто желал ему исповедоваться. Шутки шутками, но от желающих пробиться к нему на приём не было отбоя. У этого одержимого коммунистической идеологией человека был уникальный дар вправлять на место людям мозги и помогать выпутаться из самых сложных психологических ситуаций. Поскольку он свято верил в основы исторического материализма и в мудрость его гениальных апостолов, то все ответы на любые вопросы, касающиеся психологических проблем, по его мнению, можно было легко найти в соответствующих книгах и статьях. От пришедшего к нему на приём пациента в обязательном порядке требовалось только одно — чётко и без соплей сформулировать источник внутренних страданий. Любую фальшь и лицемерие Зомби пресекал в самом зародыше. Обычно после того как с его помощью удавалось правильно сформулировать основную причину насущной проблемы, необходимое решение в рамках кодекса строителя коммунизма и просто элементарной порядочности и здравомыслия напрашивалось само собой. Но в особо сложных случаях, он прибегал к методу, похожему на гадание по Книге Мёртвых. Со словами, «Давайте-ка, товарищ имярек, попробуем найти ответ на Вашу проблему у тех, кто был поумнее нас с Вами», — он подходил к большому стеллажу, на котором ровными рядами стояли труды Маркса, Ленина, Энгельса, Луначарского, Плеханова и других не столь известных исторических личностей; брал наугад первую попавшуюся под руку книгу и открывал её на случайной странице, которую тут же зачитывал вслух всю целиком. Чудесным образом, зачитываемый текст, содержал в себе как окончательный диагноз так и необходимый рецепт лечения. Кроме Зомби, повторить такой фокус не удавалось ещё никому. Наверное, ему, действительно, помогали какие-то про-коммунистически настроенные загробные духи.

Слухи о нашем Зомби в конце концов достигли высоких кабинетов в Москве. Там пришли в настоящее бешенство. Нельзя было позволить, чтобы в образцовой советской воинской части замполитом работал человек с такой несуслазной кличкой и который к тому же занимается каким-то средневековым гаданием по книгам основоположников марксизма и ленинизма. Потребовали немедленно его уволить. Но наше начальство, хорошо знакомое с ситуацией, встало на дыбы. В качестве неопровержимых аргументов приводился тот факт, что наша часть считалась лучшей во всем Западном округе по воинской и моральной подготовке и непосредственный виновник этого был никто иной как пресловутый Зомби. Завязалась оживлённая дискуссия. В служебных документах и письмах кличка «Зомби» стала мелькать с пугающей частотой и употреблялась гораздо чаще, чем настоящие имя и фамилия этого человека. Чтобы наконец покончить со всем этим сюрсом, его вызвали в Москву на ковёр к главным партийным идеологам того времени. Разгневанные политработники высшего уровня решили устроить ему допрос по полной программе, чтобы выявить в нём хорошо замаскированного врага советского строя. Но не на того напали! Играючи отбившись от первой плохо продуманной лобовой атаки, наш Зомби начал извергать из себя такое обилие цитат классиков и излагать такие бескомпромиссные взгляды

на ситуацию с политической грамотностью в Советских Вооружённых Силах, что его постарались как можно скорее выдворить обратно по месту службы, потому как было совершенно очевидно, что увольнять его совершенно не за что, а слушать как тебе в глаза говорят неприкрытую фиговыми листиками голую правду желающих на свете очень мало.

Итак, я твёрдо решил записаться к нашему Зомби на приём в ближайшее свободное время, а пока продолжил своё путешествие. После того, как в двух шагах от меня, прячущегося позорно в кустах, прошла возможно девушка моей мечты, искать новых приключений в городе мне совершенно расхотелось. Но зайти в автомастерскую за каким-нибудь чистящим средством я всё же решил. В городе я старался держаться подальше от прохожих, которых, к моему счастью, в это утро выходного дня было не так много. Когда попадалась особо оживлённая улица, я сворачивал с неё и пробирался дворами. Мрачные мысли о потемневшей пуговице на моём безупречном кителе стали одолевать меня с новой силой. Но к гамме тревожных чувств теперь неожиданно стали примешиваться совсем другие нотки. Где-то далеко, на заднем тускло освещённом фоне сознания проносились отрезвляющие и полные мудрой правды жизни голоса:

— Андрюха, ты долбаный придурок, — орал из всех сил один голос.

— Андрей, дружище, твой мундир безусловно прекрасен; но это всего лишь шмотки, которые не делают тебя ни лучше, ни хуже, — успокаивал второй голос.

— Тебе не должно быть никакого дела до того, что и кто о тебе подумает, — назидательно учил третий.

— Товарищ лейтенант, — сурово говорил четвёртый голос, смутно мне напоминающий нашего Зомби, — Вы хотите сказать, что Ваша страсть к опрятности, зашла слишком далеко, и у Вас на этой почве уже развился психоз? Как коммунист коммунисту я должен заявить, что такое поведение недостойно советского человека. Советский офицер обязан следить за чистотой своей одежды, но не более того и в разумных пределах. Даже не знаю, как Вам помочь, потому что первый раз сталкиваюсь с таким тяжёлым случаем. А давайте посмотрим, нет ли чего-нибудь по этому поводу в трудах товарища Ленина. Ну да, вот оно самое, чёрным по белому: «Жениться тебе надо, барин!».

Из этого полубредового состояния меня неожиданно вывел звонкий девичий голос, который как гром среди ясного неба прозвучал прямо надо моей головой:

— Мужчина, я Вас боюсь!

Я остановился как вкопанный и поднял голову. На балконе второго этажа дома, вдоль которого я в тот момент шёл, стояли две девушки, в одной из которых я мгновенно узнал свою лесную незнакомку; рядом с ней стояла её подруга, которая со смехом о чём-то громко рассказывала. Грешным делом, я сразу подумал, что она заметила мою злосчастную пуговицу. Машинально я схватился за неё, чтобы не продолжать позориться на весь белый свет. Конечно я понимал, что это глупо и маловероятно, чтобы без бинокля пуговицу можно было бы разглядеть с такой высоты, но никаких других разумных объяснений у меня не было. Ведь, на самом деле, что во мне ещё, кроме этого, может быть такого уж страшного? Или я ослышался?

— Девушка, — громко крикнул я, — пожалуйста, ещё раз повторите. Я Вас плохо понял.

Весёлая девушка перегнулась через балкон, помахала мне рукой и закричала на всю улицу:

— Мужчина, я Вас боюсь!

— Чем же я вас так напугал, уважаемая, — с искренним удивлением спрашиваю я, задирая голову.

— Я боюсь, что Вы меня изнасилуете, — кричит она мне вниз и ещё больше смеётся.

— Как же я смогу? Вы же вон как высоко...

— А я сейчас спущусь! — крикнула она в ответ, ещё пуще засмеялась, и они с подругой скрылись с балкона.

Я остался стоять на тротуаре в полной прострации. Мои мысли смешались. Я ничего уже не понимал. Даже не знаю, сколько я так простоял. Возможно, не меньше часа. В конце концов мои мысли стали приходить в порядок, я даже вспомнил, что есть такой анекдот, и, скорее всего, эта весёлая девица его громко рассказывала, а я как раз проходил под её балконом, по дурацкой привычке принимая всё на свой счёт. Осознав наконец идиотизм положения, я решил было немедленно покинуть место, где я так позорно опростоволосился, но не успел. Дверь подъезда открылась и оттуда выпорхнула моя лесная певунья. Увидев меня, она оторопела от неожиданности:

— Ой, так Вы ещё здесь. Вы что же, правда подумали... — пролепетала она и мгновенно покрылась густым румянцем.

Я, в свою очередь, смутился не меньше, чем она. К огромной радости снова встретить эту чудесную девушку примешивался страх, что она может подумать обо мне хуже, чем я есть на самом деле. От нервного напряжения я стал лихорадочно вертеть пуговицу на кителе и — о, ужас! — она оторвалась... В этот момент в глазах у меня потемнело; волна гнева и ярости накрыла меня с головой, а с губ невольно сорвалось такое изощрённое трехэтажное матерное ругательство, на которое я только тогда был способен. «Ну вот, теперь точно всё — твоя репутация погибла бесповоротно и окончательно», — подумал я про себя и уже собирался ретироваться, когда услышал её приятный с хорошо заметным литовским акцентом голос:

— Простите, я очень плохо понимаю по-русски. У Вас, кажется, какие-то неприятности?

Я молча показал ей на безобразно торчащие из кителя нитки на месте оторванной в хлам пуговицы. Показывать ей ещё и саму пуговицу с красовавшимся на ней тёмным пятном я, разумеется, не решился. Она понимающе цокнула язычком и предложила сходить вместе в военторг, где можно будет купить новую пуговицу и нитку с иглой. Она даже предложила мне помощь в том, чтобы её надёжно пришить. Я с радостью согласился. И мы пошли в военторг, который располагался через пару кварталов от этого места. Пока всё складывалось совсем неплохо. Единственное, что теперь меня сильно терзало, так это то, почему я сам сразу же не догадался выбросить к чертям собачьим свою потемневшую пуговицу и пришить на её место новую.

Тем временем мы уже свернули на улочку, где находился нужный нам магазинчик. И тут я увидел людей в военной форме с красными погонами внутренних войск, которые шли нам навстречу. Мысль о том, что меня, офицера ВДВ, какие-то краснопёрые увидят в парадном кителе, где вместо пуговицы безобразно торчат нитки, едва не повергла в панику. Решение пришло мгновенно. Я схватил в железные объятия свою спутницу, мёртвой хваткой прижал её к своей груди, надёжно скрыв таким образом от посторонних глаз свой позор, и впился в её губы. От неожиданности, она даже не успела вскрикнуть, а уж вырваться из моих объятий ей можно было и не мечтать. Поскольку думать о том, как поправить репутацию в глазах девушки уже не имело смысла, а второго такого случая мне явно никогда не представится, то, каюсь, я решил в тот момент выжать из этого поцелуя по максимуму всё, чего я лишился в будничестве. Всеми фибрами я впивал тепло её нежных губ, трепет её юного тела. Давно уже прошли мимо нас военные, потом прошло ещё куча всякого народу, а я всё не мог насытиться этим бесконечным и сладким, как цветочный нектар, поцелуем. Наконец, я её отпустил.

Она стояла передо мной с опущенными ресницами. На её щеках полыхал румянец. На губах была едва различимая улыбка. Во мне полыхнула искра надежды: «Может быть, всё ещё не так уж и плохо...»

— Как тебя зовут, — спросил я.

— Дайна. Это по-нашему значит песня. А ты всегда сначала целуешь девушку, а потом интересуешься как её звать? — спросила она.

Мы оба рассмеялись. Я ей представился. Потом честно рассказал по порядку все события этого дня, да и вообще про всю свою жизнь и службу. Я ничего не скрывал и не старался показаться ей лучше, чем я есть, потому что впервые в жизни встретил девушку, от которой я ждал того, что она полюбит меня таким, какой я есть, со всеми моими тараканами в голове и даже в мундире с оторванной пуговицей.

Я говорил очень долго. Она слушала меня, ни разу не перебив. Только смеялась, когда ей было смешно и сочувственно вздыхала, когда ей становилось за меня грустно. За это время она успела пришить мне пуговицу, сходить со мной в кафе, а потом на обратной дороге дойти до воинской части, а потом уже я с ней до мостика, который вёл в её село. На этом мостике мы и попрощались, договорившись о времени и месте следующей встречи.

Потом мы почти месяц встречались с ней каждый день. И это был, пожалуй, самый счастливый месяц в моей жизни. А в последний день августа я сделал ей предложение. Дайна была на седьмом небе от счастья, но сказала, что должна спросить разрешение у родителей и что это больше всего её тревожит, потому что в её семье, да и вообще во всём их селе ненавидят русских, которых считают оккупантами. Для меня это стало настоящим откровением. Я конечно не великий знаток истории, но точно помнил, что в школе про оккупацию Литвы мы ничего не проходили и я не думаю, что наши учебники отличались от местных. А если даже и так, то как тогда прикажете понять, что так называемые оккупанты, если смотреть правде в глаза, живут подчас гораздо в более худших условиях, чем те, кто считают себя оккупированными.

Очень скоро её опасение полностью подтвердилось. Узнав о намерении выйти замуж за советского офицера, родители закатили ей страшный скандал и потребовали, чтобы она об этом забыла и не смела больше со мной встречаться. Ни о какой свадьбе не могло быть и речи.

Мы решили продолжать наши встречи тайно. Но это продолжалось недолго. Родители взяли мою Дайну под плотный контроль. Поэтому на очередное свидание вместо Дайны пришла её городская подруга, которую звали Рута, та самая, которая разговаривала со мной с балкона; к тому времени мы с ней уже были хорошо знакомы. Рута передала мне записку от Дайны, в которой та писала, что родители увозят её на время к дальним родственникам. Просила её не забывать и писала, что без меня жить она не хочет.

Я ходил после этого мрачнее тучи и даже снова начал подумывать о визите к Зомби. Но для начала решил всё-таки встретиться с её родителями. Рута хорошо знала эту семью и могла мне дать полезные советы, как лучше найти подход к родителям Дайны. В следующую же субботу я пришёл к ней домой и поделился с ней своим планом. Но Рута, к моему огорчению, считала, что разговаривать с родителями Дайны совершенно бесполезно.

— Пойми, Андрюша, — объясняла она мне, забавно картавя, — у нас в Литве ненавидят Советскую власть и особенно русских военных. В наших самиздатовских газетах и листовках всюю обсуждается акция, которую хотят организовать по всей Республике, чтобы все жители взялись за руки и образовали живую цепь длиной почти в тысячу километров, чтобы выразить таким образом протест против оккупации.

Планируют собрать не меньше двух миллионов человек. И я нисколько не сомневаюсь, что рано или поздно столько народу у нас наберётся. Если бы даже родители Дайны и не испытывали вражды к тебе лично, они бы никогда не пошли против течения, потому что после этого они превратятся в отверженных. Никто не будет покупать молоко их коров и коз. А все друзья и знакомые закроют перед ними двери. Единственное, что вы можете — это бежать. И я готова вам помочь. Дайна может на день два поселиться у меня, но только не больше, потому что её родня обязательно заподозрит меня...

— Спасибо тебе, Рута, — с чувством сказал я. — Но бежать прямо сейчас для меня — не вариант. Нужно для начала договориться о переводе в другую часть, я не думаю, что это произойдёт быстро, поскольку я только два месяца назад сюда прибыл. Хочу всё-таки переговорить с её отцом. Подскажи, как это лучше устроить.

— Нет ничего проще, хотя я не думаю, что он даже говорить с тобой захочет... Он по субботам всегда привозит своё молоко и творог на местный рынок. Пошли, я тебе покажу его.

И мы с Рутой отправились на рынок. Она завела меня в то место, где частники торговали молочными продуктами, и показала на высоченного мужчину.

— Это и есть её отец, — сказала она. — Я пойду, не нужно, чтобы он заметил меня с тобой. Приходи ко мне, когда захочешь. Помни, я очень хочу вам помочь.

После этих слов она ушла, а я стал разглядывать отца Дайны. Роста он был гигантского. Наверное, не меньше своего знаменитого земляка Сабониса. Теперь мне стало понятно, в кого моя Дайна вымахала. Я подошёл поближе и сделал вид, будто прицениваюсь к его творогу.

— Отец, сколько стоит Ваш творог, — спрашиваю его.

— Немоку русишкэй — ответил он мне хмуро, глядя куда-то вдаль поверх моей головы.

Перевод здесь не требовался, но я не сдавался. «Хорошо, — думаю про себя, — фашист недобитый, попробуем поговорить на языке твоих прежних хозяев». Благо, немецкий я знал неплохо.

— Vater, sprechen Sie Deutsch?

Но он в ответ даже не удостоил меня взглядом, демонстрируя всем своим видом, что меня для него просто не существует.

У меня пропало всякое желание продолжать общение с этим явным потомком лесных братьев, поэтому я развернулся и пошёл прочь. Но не сделав и пары шагов я вздрогнул, точно пронзённый электрическим током, от злобного шёпота, который раздался вдруг за моей спиной, на чистейшем русском языке:

— Оккупант!

Резко развернувшись, я успел поймать на себе взгляд Сабониса, полный такой бешеной ненависти, что мне стало немного жутко. «Да, Рута, ты была абсолютно права, нам с Дайной нужно бежать отсюда. С такими родственничками спокойного житья здесь точно не будет. Съедят живьём и не подавятся» — подумал я в тот момент.

Вернувшись в часть, я первым делом пошёл искать Зомби, потому что теперь это был единственный на свете человек, который мог нам помочь. Нашёл я его быстро. Он как обычно в это время торчал в Ленинской комнате и конспектировал газеты, готовясь к очередной политинформации. Я подошёл к нему и попросил принять меня по личному вопросу, когда только у него будет ближайшее свободное время. Видимо, по моим полным отчаянья глазам он понял, что дело срочное, встал и пригласил идти за ним.

— Рассказывайте всё по порядку, — сказал он мне, жестом пригласив сесть на стул, когда мы вошли в его кабинет.

Я сел и начал рассказывать. Он слушал, не перебивая. Лицо у него при этом оставалось непроницаемым. Только один раз я заметил, как желваки заиграли на его скулах, когда я стал пересказывать ему слова Руты насчёт планировавшейся акции всеобщего гражданского неповиновения. То, что произошло дальше, показалось мне каким-то фантастическим сном.

— Вы, товарищ лейтенант, правильно сделали, что обратились сразу ко мне, — сказал он тщательно подбирая слова. — Если Вы не передумаете жениться, то Вас переведут в Москву в одно из подразделений ГРУ. Думаю, за пару месяцев мы это устроим. Девушку можете поселить на это время у себя при условии, что она носа не высунет до вашего отъезда. Надеюсь, в качестве благодарности Вы не откажете мне в одной совсем маленькой услуге? — спросил он, и его колючие серые глаза неподвижно уставились на меня.

— Конечно же, товарищ, майор, о чем тут говорить! Скажите, что я должен для Вас сделать? — я был на седьмом небе от такого неожиданно свалившегося на меня счастья.

— Вы мне ничего не должны, — ответил он. — Просто, если найдёте время, навестите одного очень старого и больного человека в Москве и передайте ему от меня пару слов. Его фамилия Быстролетов, если Вам это хоть о чём-то говорит...

— Нет, я в Москве никого не знаю, — ответил я.

— Это очень хорошо, — удовлетворённо кивнул Зомби. — Можете идти выкрадывать свою невесту.

Я развернулся и пошёл к выходу. Но когда я уже взялся за дверную ручку, меня остановил его голос.

— Товарищ, лейтенант, задержитесь.

Я развернулся и вопрошающе на него посмотрел.

— Думаю, не будет лишним напомнить, что всё сказанное здесь останется между нами, — сказал Зомби. — Про Ваше новое назначение и место службы пока никто не должен знать, в том числе и непосредственное начальство. Про свою невесту, думаю, Вы и сами должны понимать, что к чему. Если здесь за забором соберётся толпа местных с требованием вернуть похищенную девушку, мы, разумеется, обязаны будем её выдать. Так что пусть сидит очень тихо, коли уж Вы решите её здесь укрывать. Вам, вероятно, понадобится машина... По этому поводу не стесняйтесь, обращайтесь сразу ко мне. Теперь можете идти.

Я весело взмахнул под козырёк и вышел за дверь. Душа моя ликовала. Ещё бы, скоро мы с Дайной будем под одной крышей! Да и грядущее новое назначение казалось мне страшно заманчивым. Каким же я тогда был юным и глупым. Мне ведь даже и в голову не могло прийти, что я сам по собственной воле угодил в сети опытного вербовщика... Впрочем, я ни разу об этом потом не пожалел.

Первым делом я побежал звонить Руте.

— Андрюша, что-то случилось? — спросила она крайне встревоженно, потому что её напугал мой взволнованный голос.

— Руточка, — все превосходно, — успокоил её я. — Нужно срочно встретиться.

Мы договорились, что я зайду к ней утром в следующую субботу. Я планировал через Руту передать Дайне письмо с подробной инструкцией, как и где нам встретиться, чтобы я мог её увезти. Но, как часто бывает, судьба расставила всё по-своему, и мои смелые ковбойские планы так и остались витать в воздухе. А случилось вот что. Два младших брата Дайны играли в футбол возле родительского дома. Один из них случайно зарулил мячом по стене, из-за чего от неё откололся здоровенный кусок штукатурки, и оказалось, что под её толстым слоем скрывался неразорвавшийся

артиллерийский снаряд, застрявший здесь со времён Великой Отечественной. Прибывшие на разминирование сапёры, сказали, что снаряд сильно проржавел, и поэтому есть небольшая вероятность, что придётся осуществлять подрыв на месте. Хозяевам предложили до пятницы выехать вместе со всем имуществом и скотом.

Ничуть не покривлю душой, если скажу, что мне искренне было жаль этих людей. Очень скоро они, по-видимому, навсегда лишатся старшей дочери, а теперь вероятно останутся и без крыши над головой. Пару раз я ходил понаблюдать издалека, как родственники Дайны на грузовиках и телегах вывозят куда-то имущество и увозят скот. В среду из дома вынесли последние вещи, и он остался дожидаться своей участи совершенно осиротевшим. Несколько раз я порывался подойти к нему поближе, но так почему-то и не решился. Зато я вдоволь побродил по окрестностям. Дом Дайны располагался на самом краю села, метрах в пятистах от того места, где река делала крутой изгиб, и берег там был довольно обрывист. Очень живописное, надо сказать, было местечко. Провожая Дайну, я не раз невольно завидовал ей, сравнивая условия, в которых она выросла, с тем, как провёл своё детство и юность я сам. И вот теперь это уютное родовое гнёздышко скоро взорвут...

Я совершенно не сомневался именно в таком исходе. Думаю, всё дело было в том, что я слишком близко к сердцу принял известие, что близкие родственники моей возлюбленной ненавидят советскую власть. Я воспринимал такое их отношение, как чудовищную ошибку, имевшую место вследствие хорошо организованной вражеской пропаганды. Но после того, как я, советский офицер, выкраду их дочь, а сапёры взорвут ещё и дом, их фанатичная и слепая ненависть найдёт себе уже неопровержимое фактическое обоснование — и маленькие братья моей Дайны будут уже точно знать, что Советская власть и советские солдаты принесли в их дом горе и разруху.

Все эти мысли не выходили у меня из головы ни днём, ни ночью. Поэтому-то на рассвете в четверг, вооружившись некоторыми подручными средствами, я был возле покинутого всеми дома и принялся за дело. Дом представлял из себя обычную хату с глинобитными стенами толщиной чуть больше полуметра, поэтому процесс извлечения снаряда не представлял особой сложности; главное было — никуда не спешить. Примерно часа через два я уже держал увесистый, внешне не так уж и плохо сохранившийся снаряд в руках и размышлял, что мне с ним теперь делать. С учётом того, что сапёры приедут только завтра, оставлять его без присмотра было нельзя; караулить его я тоже не собирался. Нужно было его хорошенько укрыть от глаз вездесущих местных мальчишек, и я не придумал ничего лучше, как надёжно спрятать его до пятницы где-нибудь на берегу реки. До обрывистого берега, как я уже говорил, было метров пятьсот.

Возможно, сказался ранний подъём, может быть накопилась усталость и нервное напряжение, но в какой-то момент, дойдя до места, где берег резко обрывался, я на секунду отвлёкся и поскользнувшись на не высохшей ещё от утренней росы траве о какую-то кочку, растянулся во весь рост. Падая, я постарался как можно мягче приземлиться свою опасную ношу, но не рассчитал усилие — и снаряд по инерции покатился к краю обрыва. Я бросился за ним, но было уже поздно — он сорвался вниз. Через секунду, раздался глухой стук железа по камню, а потом прогремел взрыв... Те, кто его видел со стороны, говорили потом, что зрелище было весьма эффектное. Но мне тогда было не до этого. Берег, на самом краю которого я находился, треснул и оползнем сошёл в реку вместе со мной. Мгновенно напिताвшаяся водой глина превратилась в вязкую трясику, из которой невозможно было выбраться. Меня спасло только то, что я оказался на самом краю этого болота и сразу начал выбираться в сторону чистой воды, то есть подальше от берега. Мои любимые кирзачи затянуло; впрочем, плыть в них я всё равно бы не смог. В насквозь пропитанной мокрой глиной одежде я переплыл кое-как через реку и едва живой от усталости выполз на противоположный берег. Немного отлежавшись, я поднялся и пошёл к нашему КПП. Дежуривший там знакомый офицер долго не мог узнать в появившемся у ворот босоногом оборванце с исцарапанными лицом и грязными руками своего приятеля, известного щёголя, который никогда не выходил из дома, не убедившись прежде, что на его одежде нет ни единой пылинки.

Медали за отвагу мне, разумеется, никто не дал. Вместо этого я получил хороший нагоняй от начальства. Но меня это даже не задело. Плохо было другое: на неопределённое время можно было забыть об увольнительных. Моя затея с похищением Дайны откладывалась, и это меня по-настоящему тревожило. В субботу рано утром я позвонил Руте, рассказал, что произошло и сообщил, что не смогу какое-то время покидать расположение части.

— Андрюша, — сказала она мне, — главное, что ты жив! Ты настоящий герой! Я горжусь нашей с тобой дружбой. У нас сейчас ни о чем больше не говорят, как о твоём отважном поступке. Я сегодня же отправлю письмо Дайне и расскажу, что ты сделал. Когда будет от неё весточка, я сама к тебе приеду.

Мне стало очень тепло от её слов. Всё-таки зря говорят, что не бывает настоящей дружбы между мужчиной и женщиной. Наши отношения с Рутой красноречивее всяких слов говорят, что это не так. И у неё, и у меня был свой любимый человек, и всё-таки между нами была очень большая близость... Помню, она мне как-то сказала, что дружба между парнем и девушкой — это та же самая любовь, только без секса. По-моему, лучше о наших тогдашних с ней отношениях и не скажешь.

Ещё целую неделю я расплачивался за свой самовольный поступок на внеочередных дежурствах по роте. От Руты не было никаких вестей. Я ходил мрачный, как туча, и ни с кем не хотел общаться. И вот в субботу рано утром ко мне приходит посыльный с КПП и сообщает, что меня спрашивает какой-то человек из местных. Я поплёлся туда. На КПП и в конце прохода за турникетом увидел отца Дайны. Он кивнул мне и протянул авоську, в которой была банка молока и пакет с творогом. Я взял. Он сразу развернулся и вышел, а мне в глаза ударил солнечный свет, и душа запела от радости, потому что оказалось, что за его спиной стояла моя Дайна. Мы тут же бросились друг к другу. Она утонула в моих объятиях, и мы ещё долго так стояли крепко обнявшись и не говоря друг другу ни слова...

СЕРГЕЙ САЛДАЕВ

ПОШЛА ПИСАТЬ ГУБЕРНИЯ...

Пародии

ЗАПИСАЛА, КАК ЗАПЕЧАТАЛА

*Я мечтанья о несбыточном оставила.
Закудыкала сама свои пути.
Заколодела дорожка, замуравела...
Не проехать, а тем паче не пройти!*

Диана Кан

Я писанья о далёком загунявила.
Закулюкала сама, и не найти.
Закукукала писули, захалывила...
запихать бы всё, подальше унести!

Я дерзанья о засунутом зажилила
Зааукала я тропку, не пройти.
Зафетюкала дорожку и зашпилила...
Заблудила всех на заданном пути!

ЭХ – СУДЬБИНУШКА ЖЕНСКАЯ

*Если женщина любит фавна,
Значит, фавну легко и славно,
Значит взгляды не слишком строги,
И окошки в душе открыты!
Ничего, что мохнаты ноги,
И под ними остры копыта.
Вот и бродят развесив губы,
Эти фавны...
Они от века
Если женщины их полюбят-
Превращаются в челоовеков.*

Ян Бруштейн

Если женщина любит Пана,
То считай, что она пропала,

Значит в дом к ней пришли тревоги,
Голова чёрт-те чем забита!
Вы видали у Пана ноги?
Вы видали его копыта?
С виду вроде они, как люди-
Эти Паны...

Любовь же зла –
Если женщина и полюбит,
Превращается он в козла.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

*А с каждым разом строки всё длинней.
Горит на небе розовое зарево,
В безмолвном зарождении огней
Я из поэта превращусь в прозаика.*

Наталья Борисова

А с каждым разом строчки всё смурней,
Теперь недалеко и до позора.
Не рифмовать же до скончания дней?
В модели подаюсь, и это здорово!

А ноги с каждым годом всё длинней,
И взгляды режут по одежде линии.
Красиво, в обрамлении огней,
От макси ухажу – теперь на мини я!

АКРОБАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

*Трудно хлопать в ладоши
одной рукой.
Раствориться во времени,
кажется, проще,
Отражением лунным
вплетаюсь в прибой
В бессловесности ветра
над зеленью рощи...
Наталья Ермашова*

Трудно носом до уха тянуться с утра.
Мух хлопнушкой лупить по квартире легче.
Пусть метафор пустая шуршит мишура,
Но творений моих не становится меньше.

Трудно хлопать в ладоши одной рукой,
Раствориться в чернилах куда попроще.
А ещё попробовать глаз почесать ногой,
Скрывшись от людей в Зауральной роще.

О ПОЛЬЗЕ ПРИРОДНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

*Листвы взволнованная речь
Ошеломляет, нарастая:
На этот ветер можно лечь
И долго мчаться, не взлетая.
Нина Ягодинцева*

Воды возвышенная смесь
Перепополняет, заливая:
На этот дождик можно сесть
И мыться, с мылом, не вставая.

Дубравы сумрачная сень
Зазеленеет, подрастая:
На солнца луч седло надень –
Пора объездить шалопаю.

ТРАУРНЫМИ ОДАМИ НАВЕЯНО

*Так в дни Великого поста,
в бессонный час перед восходом,
гружёной фурую с моста
ныряешь в траурные оды.
Илья Кириллов*

В священный месяц Рамадан,
в сонливый час перед рассветом,

с балкона брошу чемодан –
он весь расписан триолетом.

Весенним месяцем Ниссан,
В плаще с подбоем красноватым.
Почти поэму написал,
Меня же треснули лопатой.

Я вам стихов ещё скрою...
Но как писал поэт великий.
«Есть упоение в бою...».
Вот рифма есть, да смысл дикий.

КРАСОТА ХОРОШО, НО ШТЫК
– МОЛОДЕЦ.

*Осталось ли слов
на предмет разговора,
Когда все орут: от винта?
Но, как говорит полководец Суворов,
спасёт этот мир красота.*

Алексей Остудин

Нас всех удивил командир Достоевский –
мол, штык, он всегда молодец,
но «дура» всегда посчитает нарезки,
и миру приходит триндец.

Осталось ли слов на предмет разговора,
с цитатами всё нелады?
но, как предсказал стихотворец суровый,
тапереча всем до балды.

ПИСАТЬ – НЕ ПИСАТЬ

*Мне стыдно вспомнить почему-то,
Хоть красным выделяй строку,
Как во дворе литинститута
Давал начало ручейку.*

Дмитрий Мурзин

Я горд и весел почему-то –
Жива среди друзей молва,
Что на стене литинститута
Писал я всякие слова.

Что, пообедав с аппетитом,
Ну, скажем, с девою красивой
Писал лимерики петитом,
А эпитафии – курсивом.

Писать — не пйсать, знает каждый,
Хоть жёлтым выделяй строку...
А как закончишь — очень важно
Надёжно застегнуть строфу!

ТОПОРНАЯ РАБОТА

*Я гамбургер в «Макдональдсе» рубая
и тем окно в Европу прорубая,
Пусть в Азии старик Хайям проснётся
и посмеётся, сочинив, рубая.*

Николай Алешков

Я гамбургер в «Макдональдсе» рубая,
Куда окно рублю — не понимаю?
А батюшка Царь Пётр, возмущается,
что топором культуру поднимаю.

Летит, кружит безудержно фантазия,
А рубану-ка я окошко в Азию!
Пётр Алексеич, скоро возвратится,
Ох и задаст за эти безобразия...

КАКОЙ ПОЗОР...

*Я приду приканая под муху
В твой палаццо точнее подвал
Как валуев свалю оплеуху
чувака что с тобой поддавал*

(авторская пунктуация)

Евгений Степанов

Был боксёр, а теперь не балую.
Помню — резко врывался в подвал,

О тяжёлом наследье Валугева
В доме всякий чувак вспоминал.

Много пил, отощал, словно «муха»
Оплеухи, я зря раздавал!
Вот и сам получил — правой в ухо,
Горький стыд и позорный скандал...

ОТКУДА НЕСЧАСТЬЯ?

*Кто разорвал наше знамя на тряпки?
Кто расстрелял белокурую стаю?
Кто из-под ёлки похитил подарки?
Только вороны над нами летают.*

Влада Абаимова

Кто надругался над пафосом гимна?
Кто написал на заборе три буквы?
Что там за кучка под ёлкой? Не видно...
Кто подготовил две банки под клюкву?

Кто раздолбал герб державы на части?
Кто допустил меня к литературе?
Кто? И откуда все эти несчастья?
Вот и не спится на жёрдочке куры...

Наши авторы

стр. 3
стр. 11 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал мон-тёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. Был литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту», редактором набережночелнинской городской газеты «Время», межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время главный редактор литературного журнала «Аргатак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР.

Автор двенадцати книг стихов. Лауреат республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина (Казань, 2005), Всероссийской литературной премии «Ладога» имени А. Прокофьева (Санкт-Петербург, 2009), литературной премии им. Марины Цветаевой (Елабуга, 2016), литературной премии им. Николая Рыленкова (Смоленск, 2017).

Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

стр. 160 БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА Екатерина Николаевна родилась в Казани в 1979 году. Кроме Казани жила в селе Ворша Владимирской области, во Владимире, в Москве, в Питере. Училась в Литинституте. Работала в издательствах (редактура, литобработка, составление сборников), затем художником на мультстудии. Печаталась в журналах «Казань», «Аргатак», «Идель», «День и ночь», в коллективных сборниках. Ныне живёт в Москве с мужем и детьми.

стр. 17 БУЛАТОВА Галина Ивановна. Родилась в Нижнем Новгороде (бывший Горький), окончила институт культуры в г. Самара, с 2008 живёт в Казани. Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня» (Татар. кн. изд-во, 2017). Редактор-составитель более 20-ти изданий, среди них — книга деда Петра Булатова «Письма из Валков», матери Нины Булатовой «Записки сельского доктора», сборника стихов Рамазана Байтимерова «Ради жизни» (билингва, 2016), а также — совместно с Эдуардом Учаровым — книг ушедшего казанского поэта Ивана Данилова «Птица долгой зимы» (2015), Гавриила Каменева «Избранное» (2016) и др. Лауреат международного поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (2015), победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Стихи переведены на сербский язык.

стр. 200 ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х — 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные

стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханием весны». Член Союза российских писателей. В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

стр. 136 ВИЗЕР Олег Анатольевич родился в 1969 году в городе Анива Сахалинской области, отец был военным служащим. Семья жила по разным гарнизонам. Начальную школу Олег закончил в Германии, среднюю — в Краснодарском крае. Служил в Советской армии. В 2002-м году закончил Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского в городе Краснодаре. Некоторое время работал учителем русского языка и литературы в одной из станиц Кубани. С 2004-го года жил и работал в Московской области. С начала 2017-го года обосновался в городе Мензелинске Республики Татарстан.

Его стихи и рассказы можно прочитать на сайтах «Стихи.ру» и «Проза.ру», и в электронном виде через ресурс Lulu.com под псевдонимом Оуэн Риддл Баркер.

Первая книга стихов «Как во сне...» издана в Информационно-редакционном центре «Мензеля» филиала АО «Татмедиа», а несколько рассказов напечатано в электронной газете «Мензеля.ру».

стр. 4 ВОРОНИН Александр Геннадьевич родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне — Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени Горького 1986 года (семинар драматургии В.С. Розова). В 1987 году в Казанском тюзэ поставлена его пьеса-фантазия «Четыре вечера и одно утро». Участник Всесоюзных семинаров драматургов в Рузе, Дубултах, Ленинграде. С исчезновением СССР подался в журналистику. В газете «Молодёжь Татарстана» опубликовал роман с продолжением «Ясновидящая». С 1998 по 2001 год работал в журнале «Казань», опубликовал в нём три повести. В 2005 году в Казанском тюзэ к 60-летию Великой Победы поставили пьесу Александра Воронина «Прикосновение к войне» — по автобиографической прозе Виктора Розова. Там же через год сыграли премьеру комедии «Полёты в параллельных мирах». Более двадцати лет Александр Воронин преподаёт историю театра в Казанском театральном училище. В 2008 году вышли его книги «Драма диасизма» (к 70-летию Диаса Валеева) и «Монарх — монах» (сборник пьес). Под его редакцией издано несколько альманахов «Галерея». Заместитель главного редактора литературного журнала «Аргатак. Татарстан». Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей. Член Бюро Правления Союза театральных деятелей Татарстана.

стр. 120 ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович родился 10 апреля 1960 года, станица Кореновская, Красно-

дарский край. Мать — Лидия Александровна Зиновьева, учительница начальных классов. Отец — Александр Дмитриевич, рабочий. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме. Учился на филологическом факультете Кубанского государственного университета, но после окончания вуза трудился в сфере далёкой от филологии: работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком. В 1993 году был принят в Союз писателей России по первой книге стихов «Я иду по земле» (1987), с 2009 года — член правления Союза писателей России. В 2005 году по приглашению Валентина Распутина Николай Зиновьев принял участие во Всероссийском фестивале «Дни русской духовности и культуры „Сияние России“» (Иркутск). Живёт в Кореновске. Лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия» и Большой литературной премии России. Автор тринадцати поэтических книг, изданных в Москве, Краснодаре, Иркутске, Киеве, Новосибирске.

стр. 181 КИЛЯКОВ Василий Васильевич родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе в г. Электросталь, служил в армии. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия» и других изданиях. Лауреат литературной премии имени Б. Полевого и Всероссийской литературной премии «Традиция». Член Союза писателей России. Живёт в г. Электросталь Московской области.

стр. 110 КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБИШЕВСКАЯ Ольга Владимировна родилась в городе Волжском Волгоградской области. С 8-ми лет живёт в Набережных Челнах, куда переехала вместе с родителями в начале строительства КАМАЗа и нового города. Здесь окончила среднюю школу, училась искусств по классу виолончели и педагогический институт. Работала с детьми в музыкальной и общеобразовательной школах, в городском центре детского творчества, затем руководила коллективом художественной самодеятельности на заводе микролитражных автомобилей, далее как индивидуальный предприниматель издавала корпоративные газеты для некоторых предприятий города.

В 2009 году поступила на Высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького, где впоследствии закончила и редакторские курсы. Активно сотрудничала с Татарстанским отделением Союза российских писателей по организации литературно-музыкальных встреч и вечеров. Член Союза российских писателей. Автор трёх книг поэзии и двух книг художественно-документальной прозы. Автор-исполнитель песен и романсов, активно выступающий с собственными программами на сценических площадках Москвы, Казани, других городов России, а также дома — в Набережных Челнах и в других городах и посёлках Татарстана.

Лауреат республиканского конкурса «Хрустальное перо», московского творческого конкурса им. Потатушкина, дипломант российского литературного конкурса им. Андрея Платонова, победитель в номинации «Философское эссе» Тютчевского литературного конкурса «Мыслящий тростник», призёр международного конкурса Грушинского фестиваля. Имеет ряд других званий и наград.

стр. 22 ЛИМОНОВА Инна Валерьевна родилась в Челябинске. После окончания средней школы по комсомольской путёвке приехала в Набережные Челны на строительство КАМАЗа и нового города, училась в ПТУ, работала плиточницей-мозаичницей, затем корреспондентом много-журной газеты «Камские зори», занималась в городском литературном объединении «Орфей». В 1982 году закончила Литературный институт имени А.М. Горького. Её стихи публиковались в журнале «Новый мир», а также в других журналах и газетах Москвы, Казани, других городов. Автор книги стихотворений «В час предутренний», книги прозы и драматургии «Отнеси меня к реке», нескольких коллектив-

ных сборников. В Елабуге была первым директором музея имени Марины Цветаевой. В 1985 году принята в Союз писателей СССР. В 1995 году Инна Валерьевна переехала в Москву, работала в журналах «Дорожный патруль», «Российская провинция», в издательстве «Лимбус-пресс». В настоящее время преподаёт русский язык и литературу. Живёт в Мытищах.

стр. 165 МАРТЫНОВА (ДАНИЛОВА) Елизавета Сергеевна родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Кандидат филологических наук. С 2008 года по настоящее время — главный редактор журнала «Волга — XXI век». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга — XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор», «Отчий дом», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Многократно участвовала в Форумах молодых писателей России (2006–2012). Стипендиат министерства культуры РФ по результатам Форума молодых писателей России (2006, 2010). Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наш современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013). Автор книги «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

стр. 123 НОСОВ Сергей Николаевич родился в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 1956 году. Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли и, в том числе, нескольких известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях, оставивших свой заметный след в истории русской культуры: Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. (М. «Советский писатель». 1990); В.В. Розанов Эстетика свободы. (СПб. «Логос». 1993); Лики творчества Вл. Соловьева (СПб. Издательство «Дм. Буланин». 2008); Антирационализм в художественно-философском творчестве основателя русского славянофильства И.В. Киреевского. (СПб. 2009).

Публиковал произведения разных жанров во многих ведущих российских литературных журналах: «Звезда», «Новый мир», «Нева», «Север», «Новый журнал», в парижской русскоязычной газете «Русская мысль» и др. Стихи впервые опубликованы в ленинградском самиздатском журнале «Часы» (1980-е годы). В годы горбачёвской «Перестройки» был допущен и в официальную советскую печать. Входил как поэт в «Антологию русского верлибра», «Антологию русского лиризма», печатал стихи в «Дне поэзии России» и «Дне поэзии Ленинграда» журналах «Семь искусств» (Ганновер), в петербургском «Новом журнале», альманахах «Истоки», «Петрополь», в петербургских и эмигрантских газетах.

Живёт в Санкт-Петербурге.

стр. 99 РОМАНОВА-СЕГЕНЬ Наталья Владимировна родилась в Сибири в 1975 году. Детство и юность прошли на Урале. В 1998 году окончила Уральский Государственный педагогический университет. Специалист по социальной работе, по второму образованию — учитель экологии. С 1998 года проживала в Великом Новгороде, работала в психотерапевтическом центре, а также внештатным экскурсоводом Новгородского государственного музея-заповедника. Училась в Литинституте им.А.М. Горького (семинар И.И. Ростовцевой). Ныне живёт в Москве. Член Союза писателей России.

Автор романа «Гефсиманский сад» о великой княгине Елизавете Федоровне и алапаевских мучениках, сборника рассказов «Рецепт хорошего настроения», а также ряда повестей и рассказов. Лауреат нескольких литературных премий. Награждена Золотой медалью Пушкина и Золотой медалью Есенина академии русской словесности им. Г.Р. Державина.

стр. 86 САБИРОВ Рустем Раисович родился в 1951 году. Живёт в Казани. Автор четырёх книг: «Прощание с ангелом», «Странные истории», «Конец Лабиринта», «Беглец». Лауреат литературных премий имени Державина и имени Горького.

стр. 248 САЛДАЕВ Сергей Александрович родился в 1963 году в Оренбурге. Историческое образование получил в Оренбургском педагогическом институте, культурологическое — в Санкт-Петербургском институте культуры. Главный редактор газеты «Вестник труда» Беляевского района Оренбургской области. Стихотворные пародии на оренбургских, московских, казанских, тольяттинских, пермских поэтов, публиковались в литературных альманахах «Башня», «Гостиный двор», «Чаша круговая», «Большая медведица». Выпустил книги пародий «Здорово, братцы тараканы!» (2006), «Разговорники» (2008), «Укуси меня за рифму» (2012). Детскую книжку «Дом, где музы пребывают» (2012).

Заместитель председателя оренбургского регионального отделения Союза российских писателей.

стр. 78 САРЧИН Рамиль Шафкетович родился в 1975 году в Ульяновской области. Поэт, литературный критик, литературовед. Доктор филологических наук. Член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан, Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Автор поэтических сборников «Стихотворения» (1998), «Возвращение» (2009), «Цветоповал» (2011), «Не погашен свет» (2017); монографий «Поэтический мир Н.Н. Благова» (2008), «Николай Благов» (2008), «Традиции русской поэзии в лирике Инны Лиснянской» (2009), «Лирика Роберта Миннулина» (2012), «Жизнь и судьба Фатиха Карима» (2014), «Поэзия Фатиха Карима в историко-литературном контексте 1930-х - 1945 годов» (2015); сборников статей «Лики казанской поэзии» (2013), «Memoria» (2018); более сотни публикаций об отечественной литературе, преимущественно о поэзии. Автор идеи и редактор-составитель книг серии «Народная энциклопедия»: «Мой край — моя Россия» (2017), «Великая Отечественная» (2017), «Это всё — моё, родное...» (2018). Живёт в Казани.

стр. 128 ТИХОНОВ Александр Александрович. Родился в 1990 г. в п. Большееречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром им. А.А. Жирова в Тарской центральной районной библиотеке. Стихотворения и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Подъём», «Север» и др. Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), романа «Охота на зверя» (Москва: АСТ, 2016), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016). Лауреат всероссийских литературных премий: им. М.Ю. Лермонтова (2015), «В поисках правды и справедливости» (2016), региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2015).

стр. 194 ТКАЧЕНКО Пётр Иванович родился в 1950 году на Кубани, в станице Старониктеблинской. Окончил Владикавказское высшее общеобразовательное командное училище и Литературный институт по семинару критики.

Служил в войсках. Работал в журнале «Пограничник», в газете «Красная звезда», в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Полковник в отставке. Член Союза писателей России. Автор многих книг, в том числе «Где спит казачья слава», «Не для меня придёт весна...», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте», «Драма грозного царя» и других. Составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор», а также книг «Кубанские пословицы» и «Кубанские песни. С точки зрения поэтической». Живёт в Москве.

стр. 156 УСТИНОВА Анастасия Валентиновна — член Союза писателей России. Родилась в 1995 году в Оренбурге. Автор поэтического сборника «Я иду по солнечному лугу» (Самара, 2013) и сборника рассказов «Эпоха по имени Люська» (Санкт-Петербург, 2014). Стихи и проза Устиновой печатаются в центральных и региональных изданиях России и Ближнего Зарубежья: журнал «Подъём» (Воронеж), «Арина» (Нижний Новгород), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Простор» (Алматы, Казахстан), «Берега» (Калининград), «Второй Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Русское эхо» (Самара), «Молодёжная волна» (Самара), «Башня» (Оренбург) и так далее.

Учится в Самарской государственной академии культуры. Является руководителем народного литобъединения «Отчий Дом» в городе Новоуибышевск Самарской области. Живёт в Новоуибышевске.

стр. 170 ЧВАНОВ Михаил Андреевич ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился 25 июля 1944 года в Башкирии, на реке Юрюзани в деревне Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподовал математику и чтение в сельской школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодёжной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана. Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже, в Москве. Известен также как исследователь и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С.Т. Аксакова и его сыновей: И.С. Аксакова и К.С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии. Возглавляет Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова в Уфе, в своё время созданный при его активном участии. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов. В июле 2006 года награждён Большой литературной премией первой степени Союза писателей России за книгу «Мы — русские? Всего мира Надежду и Утешение». С 2009 г. — почётный гражданин г. Уфы.

стр. 222 ШАРАПОВ Владимир, родился 15 декабря 1969 года в Новосибирске. Окончил филологический факультет Новосибирского государственного университета. Работает программистом. Раньше не издавался. Живёт в Новосибирске.

СОДЕРЖАНИЕ

В НОМЕР!

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	3
---	---

СОБЫТИЕ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН ТАТЬЯНИН ДЕНЬ	4
---	---

ЖУРНАЛЬНАЯ РОССИЯ

СКАЧКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ. <i>Ответы главного редактора литературного журнала «Аргатак. Татарстан» Николая Алешкова на вопросы информационно-издательского агентства «Саров»</i>	11
---	----

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

ГАЛИНА БУЛАТОВА УСТРЕМЛЯЯ ГЛАЗА В ГОРИЗОНТ	17
--	----

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН

ИННА ЛИМОНОВА МОЙ БЕШЕНЫЙ СКОРОХОД	22
--	----

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

СЛОВОПРИНОШЕНИЕ С ДОНБАССА	65
ИВАН НЕЧИПОРУК , г. Горловка, ДНР.	
ВИКТОРИЯ ПОЛЯКОВА , г. Горловка, ДНР	
КОНСТАНТИН КОВАЛЬ , г. Дзержинск	
НАТАЛИЯ МАВРОДИ , г. Луганск	
ЕЛИЗАВЕТА ХАПЛАНОВА , г. Макеевка	

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

РАМИЛЬ САРЧИН ОТ ОКОЛИЦЫ В ВЕЧНОСТЬ	78
---	----

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ОЛЬГА УЛЕМОВА АЛЕКСАНДР АРТАМОНОВ И ЕГО «ЛОСКУТКИ»	83
--	----

ПРОЗА

РУСТЕМ САБИРОВ ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ	86
НАТАЛЬЯ РОМАНОВА-СЕГЕНЬ БАБУИН	99
ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ ПАШКА	110

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ РЕЧКА, ОБЛАКО, ОСОКА	120
СЕРГЕЙ НОСОВ ИМЕЮ ПРАВО ЖИТЬ	123

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ ТЁПЛЫЕ ЛАДОШКИ	128
ОЛЕГ ВИЗЕР ХОТЕЛОСЬ УВИДЕТЬ ТЕБЯ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ... ..	136

ВЕРА И ПОЭЗИЯ

ВЕТЕР ВОЛИ, ПОСЛАННЫЙ С НЕБЕС.

Интервью с поэтом Дианой Кан145

О ЛИРИКЕ ЖЕНСКОЙ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО**АНАСТАСИЯ УСТИНОВА**

РАСПАХНУТАЯ ДАЛЬ156

ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА

ЧЕРЕЗ КОСТЁР160

ЕЛИЗАВЕТА МАРТЫНОВА

В ПРОШЕДШЕМ СГИНУ, В БУДУЩЕМ ВОСКРЕСНУ165

ПУБЛИЦИСТИКА**МИХАИЛ ЧВАНОВ**

НО У РУЛЯ ОКАЗАЛИСЬ СОВСЕМ ДРУГИЕ ЛЮДИ170

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ**ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ**

КЕНТАВР181

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ**ВИКТОР ГЛАДКОВ**

МИМОЛЁТНОЕ ЧУДО РЕАЛЬНОСТИ192

К СТОЛЕТИЮ ПОЭМЫ БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»**ПЁТР ТКАЧЕНКО**

«В СОГЛАСИИ СО СТИХИЕЙ...»194

ДВОРЯНСКИЕ КОРНИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ**НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ**

ТРИ ИМЕНИ200

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ**ФИЛИПП ПИРАЕВ**

БЛАЖЕННАЯ НЕВОЛЯ207

СЕРГЕЙ НОСОВ

«КТО Я ТАКОЙ? КОНЕЧНО, РУССКИЙ...»210

СВЕТЛАНА ЛЕТЯГА

ЕЛЕНА ДЕРБИЛОВА. «НЕБЕСА БЕЗ КРАЯ»213

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

«КОЛЧЕНОГИЙ» И ЕГО СТИХИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ216

ДИАНА КАН

«...КАК ПЕСНИ ДОЛГИЕ — ВЕКА...»218

У КОНОВЯЗИ**ВЛАДИМИР ШАРАПОВ**

СОВЕТСКИЙ ОККУПАНТ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ222

СЕРГЕЙ САЛДАЕВ

ПОШЛА ПИСАТЬ ГУБЕРНИЯ248

НАШИ АВТОРЫ

.....251

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ:**ИЛЬДАР ЗАРИПОВ. Фаузия апа (фрагмент). Холст, масло. 1998 г.****ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ. ХУДОЖНИК ИЛЬДАР ЗАРИПОВ****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ. ФОТО ВИКТОРА ГЛАДКОВА****ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ:****ИЛЬДАР ЗАРИПОВ. Прекрасный день (фрагмент). Картон, масло. 2000 г.**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 15.02.2018 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.

Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИЯ»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru.

Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Поздравление

Дорогая Наталья Александровна! Правление Союза российских писателей сердечно поздравляет Вас, известного российского поэта, прозаика, критика, автора сборников стихов, в том числе «Провинциальные стихи», «Невеликие города», «Осень с дыханием весны», «Мы — дети тридцать седьмого», автора книги-исследования «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», автора литературоведческих исследований о Добролюбове и Чернышевском, специалиста по русскому фольклору, активного автора многих публицистических статей в области литературной критики, публикующуюся в литературном журнале «Аргатак. Татарстан», члена Союза российских писателей, со знаменательным юбилеем! Желаем крепкого здоровья, счастья, новых творческих свершений на благо отечественной литературы и на радость читателям!

*Сопредседатели Союза российских писателей: Олег Глушкин,
Юрий Кублановский, Михаил Кураев, Арсен Титов.*

*Правление Союза российских писателей: Валентина Кизило, Владимир Мисюк,
Левон Осеян, Владислав Отрошенко, Борис Скотневский, Галина Умывакина.
Первый секретарь Правления Союза российских писателей С. В. Василенко.*

Эту телеграмму по поручению Светланы Владимировны Василенко 29 декабря минувшего года я вручил почётному профессору Елабужского института Казанского Федерального университета, члену редколлегии журнала «Аргатак. Татарстан» Н.А. Вердеревской, присоединяясь ко всем поздравлениям. В этот день Наталье Александровне исполнилось 90 лет.

Николай Алешков, председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного журнала «Аргатак. Татарстан».

Редакция литературного журнала «Аргатак. Татарстан» поздравляет также с 85-летием члена Союза российских писателей Александра Васильевича Матвеевича, нашего постоянного и уважаемого автора, земляка, живущего ныне в городе Красноярске.

